НИКОН

МОИ
ДНЕВНЦИ
6 в. 1915

V 58/297

II 38
2-97

Архіепископъ Никонъ.

МОИ

ДНЕВНИКИ.

Выпускъ VI.

1915.

(Изъ „Троицкаго Слова“ №№ 251—300).

Сергіевъ Посадъ.

Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.
1915.

№ 58
297

Архіепископъ Ніконъ.

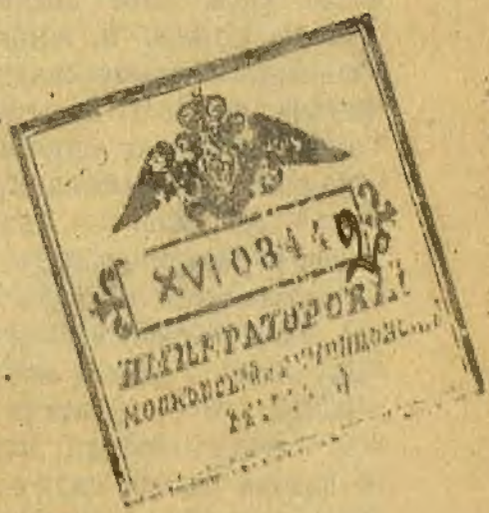
МОИ

ДНЕВНИКИ.

Выпускъ VI.

1915.

(Изъ „Троицкаго Слова“ №№ 251—300).



Сергіевъ Посадъ.

Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.
1915.

Оттискъ изъ №№ „Троицкаго Слова“ за 1915 г.

2007042861

МОИ ДНЕВНИКИ.

1915.

251.

Господь зоветъ насъ къ духовному обновленію.

Благословиши вѣнецъ лѣта благости Твоея, Господи!

Новый годъ... Сколько думъ, надеждъ, опасеній и гаданій пробуждаетъ это слово въ душѣ человѣка! Но будущее всегда было и есть—въ рукахъ Божіихъ. Когда мы встрѣчали минувшій годъ, думали ли, могли ли думать о томъ, что судилъ Господь пережить намъ въ этомъ году? Многіе, конечно, задумывались надъ тѣмъ, какъ Богъ дастъ провести этотъ годъ: доживутъ ли они еще до новаго, сегодня наступающаго года, что ожидаетъ ихъ въ ихъ семейной или общественной жизни? Но кто думалъ, что сотни тысячъ нашихъ молодыхъ людей—сыновей, братьевъ, мужей въ этомъ году лягутъ на полѣ брани, въ битвахъ съ одичавшими нѣмцами и изувѣрами турками, положатъ душу свою за вѣру православную, за Царя и родную землю? Съ другой стороны—кто могъ, кто смѣлъ ожидать, что Господь сотворитъ съ нами недостойными чудо неизреченной милости Своей? А чудо это совершилось воочію предъ нами: случилось то, чего никакъ нельзя было ни предвидѣть, ни ожидать.

Что же это за чудо?

Оглянемся назадъ. Припомнимъ, чѣмъ мы жили въ послѣдніе десять лѣтъ. Смута умовъ, казалось, расшатала всѣ устои нашей семейной, общественной, государственной и отчасти даже религіозной жизни. Вѣра оскудѣла, семейная жизнь ослабѣла, въ жизни общественной начиналось какое-то духовное разложеніе, въ государственной, казалось, колебались историческія основныя начала жизни... Смута проникла въ школу, въ печать, въ самыя сердца многихъ русскихъ людей. Плакало сердце того, кому были дороги преданія и завѣты родной старины, раздавались обличительныя словеса пастырей Церкви, громко взывали и міряне въ защиту дорогихъ имъ духовныхъ сокровищъ народнаго духа; но, казалось, будто никто не слушалъ этихъ жалобъ, не внималъ плачу и скорбнымъ голосамъ тѣхъ, кто стоялъ еще на стражѣ родной земли, родного народа и его святынь. И въ періодической печати, въ большинствѣ захваченной людьми лѣваго лагеря, и въ общественныхъ собраніяхъ, и на лекціяхъ въ высшихъ учебныхъ за-

веденіяхъ, и — даже въ государственныхъ учрежденіяхъ не переставали звучать голоса въ защиту самыхъ либеральныхъ, на дѣлѣ же разрушительныхъ началъ, которыя, при проведеніи ихъ въ жизнь, неизбѣжно вели бы къ разложенію и духовному отравленію народа.

Но—неисповѣдимы судьбы Божіи! Внезапно, какъ громъ небесный среди яснаго неба, въ знаменательный день грознаго пророка Божія Иліи, пронеслась по лицу Русской земли вѣсть о томъ, что гордая Германія объявила намъ войну. Не прошло недѣли, какъ за Германіей послѣдовала и Австрія, эта „первая зачинщица міровой смуты"... Высочайшіе манифесты возвѣстили народу, что „силы непріятеля умножаются, но что навстрѣчу имъ съ удвоенной силой растетъ и справедливый гнѣвъ мирныхъ народовъ. Видитъ Господь, говорилъ Государь въ Своемъ манифестѣ отъ 26 іюля, что не ради воинственныхъ замысловъ или суетной мірской славы подняли Мы оружіе, но ограждая достоинство и безопасность Богомъ хранимой Нашей имперіи, боремся за правое дѣло".

Такъ началась война, это страшное бѣдствіе народное; разразилась буря, какой не знала еще исторія народовъ земныхъ.

И на Руси совершилось чудо...

По мановенію царскаго слова сразу все стихло, всякая смута исчезла, раздоровъ какъ не бывало, предъ нами какъ будто повторилось чудо евангельское: сказалъ Господь морю и волненію водному: молчи, престани, и бысть тишина велія...

Русь встала вся какъ одинъ человѣкъ на защиту невинно гонимыхъ, порабощаемыхъ братьевъ нашихъ, встала за вѣру православную противъ нѣмцевъ, зараженныхъ лютеровою ересью, противъ турокъ невѣрныхъ, исконныхъ утѣснителей Христовой вѣры и славянъ, стала на защиту всего человѣчества отъ новыхъ варваровъ, этихъ звѣрей въ образѣ человѣческомъ, которые не щадили ни пола, ни возраста, оскверняли и разоряли храмы Божіи, грабили мирныхъ жителей, насиловали женщинъ и дѣвицъ, безжалостно убивали младенцевъ, безпощадно уродовали нашихъ раненыхъ воиновъ, отрѣзали имъ носы и уши, закапывали ихъ живыми въ землю...

Встала наша матушка Русь православная во весь свой богатырскій ростъ, и всѣ партіи слились въ одинъ великій народъ, и бастовавшіе рабочіе, и шумѣвшая молодежь, и даже инородцы—всѣ оказались вѣрными и усердными сынами единой великой Руси родной. Всѣ тѣ, на кого расчитывалъ врагъ, какъ на своего союзника, кого онъ подбивалъ на бунты наемными пропагандистами и разными прокламаціями,—даже и тѣ стряхнули съ себя вражье навожденіе и будто прозрѣли духовно и, къ изумленію врага, оказались вѣрными долгу и родной землѣ.

Скажите: развѣ это не чудо? Не очевиденъ ли тутъ перстъ Божій, Божія милость къ намъ грѣшнымъ, милость тѣмъ болѣе великая, что она ничѣмъ нами не заслужена?

А это внезапное отрезвленіе народа по слову Царя, эта всеобщая радость народа при закрытіи винной продажи, эти ходатайства отовсюду, чтобы такъ и осталось навсегда, эти благословенія народа своему Царю-Отцу за такое великое дѣло—развѣ все это не напоминаетъ намъ времена библейскія, когда ниневитяне, по слову пророка Іоны, всѣ какъ одинъ человѣкъ, обратились къ Богу съ покаяніемъ и молитвою о помилованіи?.. Не напрасно же одинъ государственный человѣкъ замѣтилъ, что Россія

вдругъ какъ будто вся обратилась въ монастырь: храмы Божіи наполнились молящимися, пьяные исчезли, полицейскіе участки, коихъ прежде недоставало, опустѣли, и—повсюду начался великій подвигъ милосердія и къ раненымъ воинамъ, и къ ихъ семьямъ, къ вдовамъ и сиротамъ убитыхъ,—даже малыя дѣти несли свои лепты на это святое дѣло, отказываясь добровольно отъ гостинцевъ,—умилительное зрѣлище!..

Нужно ли говорить о великихъ, неслыханныхъ во всемірной исторіи подвигахъ самоотверженія, мужества, великодушія и благородства нашихъ поистинѣ хрістолюбивыхъ воиновъ и ихъ вождей, удивившихъ міръ столько же своими побѣдами, сколько и своими хрістіанскими добродѣтелями? Не очевидно ли для насъ почило на нихъ Божіе благословеніе? Во всей духовной красотѣ явилась міру смиренная русская православная душа и всемірная безпристрастная исторія запишетъ на своихъ скрижаляхъ всѣ эти подвиги, отмѣтитъ въ поученіе народамъ эту духовную ихъ красоту, и померкнутъ предъ нею всѣ герои древняго Рима, древней Эллады, ибо здѣсь проявили себя не просто человѣческія свойства, но, что главное, здѣсь во всемъ величіи, во всей духовной красотѣ и животворящей силѣ явило себя міру наше родное православіе.

Да, все, что мы видѣли и видимъ добраго, трогательнаго, величественнаго въ наши дни, все это плодъ воспитанія русской народной души подъ воздѣйствіемъ, на протяженіи почти тысячи лѣтъ, матери Церкви православной, все это—плоды завѣтовъ великихъ русскихъ подвижниковъ, отъ Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ и Сергія Радонежскаго до Серафима Саровскаго и Амвросія Оптинскаго. Вотъ кто были истинными воспитателями русскаго народнаго духа. Вотъ на кого смотрѣлъ народъ Русскій, молясь Богу въ своихъ убогихъ храмахъ; вотъ кого носилъ въ душѣ, призывая помощь Божію среди бѣдъ и скорбей своей исторической жизни... Вѣдь, онъ, народъ нашъ, какъ ни грѣшенъ предъ Богомъ, живетъ однакоже въ постоянномъ благодатномъ общеніи съ небомъ, съ своими родными угодниками Божіими; къ нимъ онъ прибѣгаетъ во всѣхъ своихъ бѣдахъ и скорбяхъ, и они всегда внимаютъ мольбамъ роднаго народа, и ихъ теплыя молитвы восходятъ къ престолу Божію какъ чистый ѳиміамъ кадильный. Такъ и нынѣ призрѣли они, заступники и молитвенники наши, съ высоты небесной на родную свою Русь, и смиловался надъ нею Господь, и не помянулъ грѣховъ и беззаконій нашихъ, и благословляетъ оружіе наше побѣдами.

Вотъ что, судьбами Божіими, совершенно неожиданно произошло съ нами, съ народомъ нашимъ, въ минувшемъ году, братія мои! Разразилась гроза Божія и мы перекрестились, по старому русскому обычаю, и эта гроза стала для насъ милостью Божіей, и мы освѣжились, духовно обновились,—мы, дай, Боже, чтобы я не ошибся, мы стали уже не тѣ, какими были годъ назадъ... Не стали мы сами лучше,—нѣтъ, но грѣхи наши стали намъ виднѣе, чѣмъ тогда было, а это—первое и главное, съ чего надо начинать свое исправленіе. „Егда, сказано у святыхъ отцевъ, узритъ человѣкъ грѣхи свои яко песокъ морскій—се начало здравія души“. И мы узрѣли свой первый грѣхъ—удаленіе отъ родной Церкви, а слѣдовательно и отъ главы Церкви—Хріста Спасителя. Мы погрузились въ суету суетъ, забыли о небѣ, потеряли смыслъ и цѣль жизни земной, стали служить

только плоти и сами становились плотью, какъ допотопные грѣшники. Гроза Божія вразумила насъ и мы вспомнили Бога. И слава Ему, нашему Отцу Небесному, за таковое вразумленіе, и дай, Господи, чтобы, испытавъ наказующую и милующую насъ десницу Божію, мы не успокоились, не облѣнились, не заснули духовно и снова не погрузились въ прежнюю суету суетъ до забвенія Бога. Дай, Боже, чтобы Церковь Хрістова, наша благодатная мать, только радовалась о насъ и руководила насъ къ вѣчному счастію и здѣсь еще на землѣ, поскольку оно возможно здѣсь, и тамъ, на небѣ, какъ сказано Апостоломъ: *благочестіе на все полезно есть, обѣтованіе имѣющее живота нынѣшняго и грядущаго.*

Узрѣли мы, братіе, и другой свой грѣхъ—забвеніе завѣтовъ предковъ нашихъ благочестивыхъ, недовѣріе къ тѣмъ началамъ, коими жила Русь тысячу лѣтъ. Воочію Богъ показалъ намъ всю жизненность, всю животворность этихъ началъ—безъ-завѣтной любви и преданности Царю Самодержцу и вѣрности исконнымъ преданіямъ и добрымъ вѣковымъ обычаямъ родной старины. Старая Русь завѣщала намъ сокровище самодержавной власти Царской: „Богъ", говоритъ святитель Филаретъ, митрополитъ Московскій, „по образу Своего вседержительства далъ намъ Царя Самодержавнаго". На это сокровище были великія покушенія въ послѣднія десять лѣтъ, но слава Богу: оно уцѣлѣло непорушнымъ и вотъ, въ минувшемъ году мы видѣли всю благотворность его. Подобно тому, какъ Богъ Творецъ и Вседержитель повелѣваетъ и такъ бываетъ: *рече и бысть, повелѣ и создашася*, такъ повелѣлъ нашъ Самодержецъ и слово Его стало дѣломъ, и Русь перестала предаваться позорному пороку пьянства, Русь готова на всѣ жертвы для отечества и сыны ея съ веселіемъ и радостью идутъ на врага и супостата, съ радостью умираютъ на поляхъ битвъ, поражая врага не только оружіемъ, но и своимъ благородствомъ, своимъ истинно-хрістіанскимъ, православно-хрістіанскимъ великодушіемъ, скажу больше—любовью къ побѣжденнымъ врагамъ. Въ то время, когда обезумѣвшій въ гордынѣ и злобѣ своей врагъ добиваетъ нашихъ раненыхъ, или же безчеловѣчно издѣвается надъ ними, выкалывая имъ глаза, отрѣзая носы и уши,—наши санитары подбираютъ раненыхъ враговъ наравнѣ съ своими воинами и лѣчатъ ихъ, какъ и своихъ.

Узрѣли мы и еще грѣхъ свой—это эгоизмъ, безраздѣльное служеніе только своему „я", самому себѣ, съ забвеніемъ нашего долга въ отношеніи къ ближнему. Очерствѣло наше сердце, у всякаго на умѣ былъ только свой личный интересъ, никому дѣла не было до нужды, до скорби его ближняго, будто и есть только на свѣтѣ одинъ самъ онъ и все должно служить только ему. Но грянулъ громъ войны и совѣсть наша заговорила: надо было позаботиться о раненыхъ воинахъ нашихъ, о семьяхъ тѣхъ, кто грудью отстаиваетъ отечество, кто душу свою полагаетъ за други своя—за вѣру, Царя и родную землю. И началось великое дѣло служенія ближнему на святой Руси: и земства, и города, и сословія, и частныя лица—всѣ отдались заботамъ о раненыхъ, о семьяхъ воиновъ, всюду стали открываться лазареты, пріюты, попечительства. Не забыты и сами воины, сидящіе въ окопахъ, мерзнущіе на полѣ брани: и для нихъ собираютъ теплую одежду и обувь, шлютъ имъ всякія нужныя вещи въ

подарокъ. Открылось широкое поприще для проявленія любви христіанской и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ прошолъ безпощадный, безсовѣстный врагъ: тамъ все разорено, разграблено, сожжено, тамъ плачутъ сироты мирныхъ жителей, безпощадно убитыхъ врагомъ за одно только то, что они носили имя русское, были подданными Россіи или проявляли какъ-нибудь свое сочувствіе Россіи. И сколько тамъ горя, сколько слезъ льется—кто это измѣритъ, кто скажетъ?..

Много и еще грѣховъ раскрылось въ нашей растревоженной совѣсти, грѣховъ и личныхъ, и общественныхъ, грѣховъ и противъ семьи, и противъ государства, и особенно противъ родной Церкви: кто ихъ перечислитъ, кто итогъ имъ подведетъ?.. И развѣ это не милость Божія, развѣ не судъ Божій, что вдругъ открылись очи наши, и мы увидѣли эти грѣхи свои, что коснулась сердецъ нашихъ Божья благодать, и сердца эти согрѣлись, ожили, рванулись на дѣла милосердія?

Итакъ, вотъ что произошло на Руси во второй половинѣ минувшаго года. Въ наслѣдство грядущему новому году онъ оставилъ много заботъ, много тревогъ для вѣрныхъ сыновъ родной земли. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и много самыхъ святыхъ побужденій дѣлать какъ можно больше добра, трудиться надъ исполненіемъ святыхъ Христовыхъ заповѣдей, и тѣмъ еще и еще очищать, согрѣвать, освящать свое сердце... Милліоны вдовъ и сиротъ ждутъ нашей помощи, утѣшенія, ободренія; сотни тысячъ раненыхъ—доброй ласки и посильнаго содѣйствія къ ихъ выздоровленію; цѣлыя области взываютъ къ намъ все о томъ же—о помощи обездоленнымъ, ограбленнымъ, обезчещеннымъ мирнымъ жителямъ... Вотъ когда невольно воскликнешь со св. Златоустомъ: различенъ, безконечно различенъ милованія образъ и широка, безпредѣльно широка заповѣдь сія!..

Братія и сестры, православные русскіе люди! Кто Бога помнитъ? Кто хочетъ, чтобы Богъ былъ съ нимъ? Кто стосковался сердцемъ о своемъ Спасителѣ и печалится истинной печалью о Богѣ, тою печалью, которая бываетъ неизмѣнною во спасеніе, по слову Апостола Христова? Чье сердце еще изнываетъ въ суетѣ суетъ, измучено страстями, воюющими на его душу?—Се—нынѣ время благопріятно, се нынѣ—день спасенія! Господь всѣхъ зоветъ къ обновленію духа, къ новой благодатной жизни подъ руководствомъ матери Церкви, къ жизни, полной духовнаго подвига, но и духовнаго утѣшенія, духовной радости. Поспѣшите же сдѣлать надъ собою усиліе, понудить, побѣдить себя, призвавъ Господа на помощь. Отдайте Ему свое сердце. Онъ повелитъ Ангеламъ хранителямъ нашимъ и они, наши небесные друзья, будутъ подсказывать каждому изъ насъ: что и когда надо дѣлать, чтобъ исполнить Христову заповѣдь. Соревнуйте другъ другу въ добродѣланіи. Ободряйте, возбуждайте другъ друга къ дѣламъ милосердія, и вы опытомъ сердца познаете великую истину, возвѣщенную тѣмъ же великимъ милостивцемъ, св. Іоанномъ Златоустомъ: „добродѣтель милосердія дѣлаетъ наше сердце милующимъ“. Чтобы укрѣпить себя въ дѣлахъ милосердія, читайте житія святыхъ милостивцевъ: Филарета милостиваго, Іоанна милостиваго, Петра мытаря, нашего о. Іоанна Кронштадтскаго и др. Читайте писанія о милосердіи св. Златоуста, Тихона Задонскаго, Димитрія Ростовскаго, Иліи Минятія... Воспи-

тывайте въ своемъ сердцѣ святое милосердіе: оно оправдаетъ васъ на судѣ Божіемъ, оно очиститъ, преобразитъ и обновитъ ваше сердце: оно сдѣлаетъ васъ счастливѣйшими людьми на землѣ! Споручникомъ въ томъ—Самъ Хрістосъ. Онъ сказалъ: *блажени милостивіи, яко тіи помиловани будутъ.*

Вотъ къ чему зоветъ насъ новый годъ. Вотъ способы и средства начать для новаго года новую жизнь, обновиться духомъ, стать новыми людьми, возлюбленными чадами Божіими. Много милостей явилъ намъ Господь въ минувшіе дни великихъ испытаній. Но кто много получилъ, съ того много и взыщется, какъ говоритъ Господь въ Евангеліи. Господь открылъ намъ очи и мы увидѣли грѣхи свои. Да не возвратимся же къ нимъ вспять! Да исчезнутъ отнынѣ, да не возникнутъ вновь тѣ распри и раздоры, какими мы жили въ послѣдніе десять лѣтъ! Да исчезнутъ навсегда съ лица родной земли всѣ эти нехрістіанскія мечты о какихъ-то, неблагословенныхъ Богомъ, осуждаемыхъ Церковію „свободахъ", подъ именемъ коихъ плохо скрываются желанія произвола, распущенности, простора для всякаго зла въ жизни религіозной, государственной и общественной! Да водворится миръ не только съ сосѣдними народами, но и у себя дома, въ родной землѣ! Да укрѣпятся въ сознаніи и въ жизни тѣ святые идеалы, которые, милостью Божіей, какъ-то вдругъ, сами собою, выплыли изъ забвенія и блеснули предъ нами во всей своей красотѣ и величіи—идеалы православія, самодержавія и красоты православной народной души! Русскій народъ—въ это мы глубоко вѣримъ—призванъ Богомъ хранить святыню православія для всего міра; эта святыня, въ сіи многоскорбные дни, просіяла въ нашей народной душѣ во всей своей апостольской чистотѣ и небесной красотѣ—не въ теоріи, а въ самой жизни. Помните же, что незримый врагъ Бога и людей зорко слѣдитъ за всѣмъ, чѣмъ живетъ нашъ народъ, и стремится чрезъ своихъ слугъ отравить его лживыми идеями либерализма, соціализма, матеріализма, атеизма и всякихъ измовъ, но жива наша народная душа и православная Церковь бодро стоитъ на ея стражѣ. Берегите же и вы, православные русскіе люди, святыню православія, какъ безцѣнное сокровище, Богомъ вамъ врученное. Мы вѣримъ, что тѣ народы, въ душѣ которыхъ не погасла искра Божія, которыя искренно ищутъ истины, найдутъ эту истину въ православіи и воспримутъ ее отъ народовъ православныхъ, впереди коихъ стоитъ нашъ Русскій народъ. Да будетъ тако! Да благопоспѣшитъ Господь всѣмъ намъ въ обновленіи духа во славу Свою, да не угаснетъ та искра Божія въ народной душѣ, которая вспыхнула во дни скорби и освѣтила потемки его духовной жизни,—да разгорается она яркимъ пламенемъ къ духовному оздоровленію народа, и да расточатся всѣ враги Божіи, враги Церкви православной, кто бы они ни были: еретики ли, раскольники ли, или же магометовы и лютеровы послѣдователи!..

Се здравъ былъ еси, ты положилъ по крайней мѣрѣ начало своему оздоровленію, православный Русскій народъ, смотри же—ктому не согрѣшай, а, положивъ доброе начало, въ предняя простирайся и духомъ обновляйся!

Съ новымъ годомъ, съ началомъ духовнаго обновленія привѣтствую васъ, братія моя! Аминь.

252.

Почему же не навсегда?...

Война многихъ отрезвила, многимъ раскрыла глаза на тѣ опасности, коими грозило нашему народу нѣмецкое засилье. Сорокъ лѣтъ люди церковные твердили, что нѣмецкая пропаганда штундобаптизма въ сущности есть перевоспитаніе нашего народа въ духѣ нѣмецкомъ, что вытравленіе изъ народной души идеаловъ православія есть духовное плѣненіе его нѣмцами, что поэтому — допускать распространеніе ереси лютеровой въ русскомъ народѣ, не говоря уже о духовномъ развращеніи, о погибели душъ, есть грѣхъ противъ русскаго государства съ точки зрѣнія политической. Казалось бы, разъ православная вѣра основными законами нашими признана господствующею, а прочія исповѣданія—только терпимыми, не слѣдовало бы и говорить о какой-то свободѣ распространенія ересей на Руси; если всякая ересь есть несомнѣнное зло, а въ отношеніи лютеровой ереси—не только зло религіозное, гибельное для души русскаго человѣка, но и вредное для государства, то и вопросъ надо считать рѣшеннымъ: всякаго проповѣдника этой злой ереси надо гнать вонъ изъ Россіи, гнать навсегда, какъ врага Россіи, русскаго народа, какъ развратителя его, подкапывающагося подъ самыя основы государства русскаго. Къ сожалѣнію, хорошо понимали это только люди церковнаго направленія, но они-то и не могли ничего сдѣлать, чтобъ пресѣчь зло духовнаго отравленія народа. А тамъ, въ верхахъ, не понимали этого, не хотѣли вдуматься въ страшную опасность отъ духовной заразы, вносимой въ народъ штундобаптизмомъ и другими ересями. Враги Церкви православной вбили въ головы руководящимъ кругамъ, что „свобода исповѣданій“ есть высшее благо, во имя коего нельзя преслѣдовать проповѣдниковъ иныхъ вѣръ; что до того, что эти проповѣдники развратятъ духовно, оторвутъ отъ родной Церкви, а затѣмъ и отъ роднаго народа нѣсколько тысячъ простецовъ? Зато принципъ „свободы„ будетъ сохраненъ, зато - де насъ не будутъ нѣмцы звать варварами, отсталыми, фанатиками и т. под.

Грянулъ громъ войны и даже тѣ, которымъ вѣра православная казалась дѣломъ безразличнымъ, даже и они прозрѣли, и для нихъ стало очевидно, что совращеніе русскаго народа въ нѣмецкую вѣру вовсе ужъ не такое безразличное дѣло, что приходится принимать противъ сего мѣры. И принимаютъ. Въ газетахъ читаемъ: въ Одессѣ закрыто столько-то общинъ, въ Москвѣ—столько-то; въ Петроградѣ высланъ за границу извѣстный совратитель нашего народа въ баптизмъ Фетлеръ (скажу въ скобкахъ: щуку утопили въ морѣ!) и т. п. Но вотъ что никакъ не вмѣщается въ наше сознаніе: тутъ же читаешь оговорки, что эти мѣры принимаются только на время войны... Стало быть?.. И общины откроются, и Фетлеры-развратители снова появятся по окончаніи войны?.. Стало быть — съ окончаніемъ военныхъ дѣйствій, съ заключеніемъ мира всѣ опасности, теперь замѣченныя, сами собою исчезнутъ? Или то, что въ военное время считается зловреднымъ, въ мирное время по меньшей мѣрѣ безвредно? Но вѣдь рѣчь идетъ объ основахъ народной жизни русской,

о самыхъ корняхъ народнаго міросозерцанія, о сокровищахъ души народной! Стало быть, въ мирное время расхищать эти сокровища разнымъ Фетлерамъ разрѣшается? Народъ—младенецъ умомъ въ вопросахъ вѣры; надо оберегать его отъ такихъ хищниковъ, а тутъ, во имя какой-то—простите—безсмысленной свободы вѣры дается полный просторъ этимъ развратителямъ народа, соблазнителямъ малыхъ сихъ,—просторъ подрывать довѣріе къ родной Церкви-матери, подкапываться подъ нее, а вмѣстѣ и подъ устои русскаго государства... и только тогда, когда сіи Фетлеры ужъ слишкомъ усердно поведутъ свою враждебную пропаганду, когда ихъ подкопы подъ государство станутъ до очевидности ясны, когда пожаръ распространится, принимаются противъ нихъ мѣры,—скорѣе полумѣры, какъ будто лишь для того, чтобъ не слишкомъ громко раздавался протестъ вѣрующихъ русскихъ людей, свидѣтелей зловредной дѣятельности этихъ Фетлеровъ... А если не такъ, то—скажите ради Бога: какъ же понимать эту свободу, которая какъ бы уже заранѣе обезпечена Фетлерамъ послѣ окончанія войны? Вы не хотите допускать, чтобъ они играли роль мучениковъ? Да пусть ихъ, сколько ихъ душенькѣ угодно, кичатся своимъ мученичествомъ, которое и все-то будетъ заключаться лишь въ лишеніи права проповѣдывать свою ересь въ средѣ нашего роднаго народа, права, коего они по закону и не имѣютъ пока, но которое предвосхищаютъ себѣ, подъ разными лукавыми предлогами, прикрываясь нашимъ широколиберальнымъ простодушіемъ и равнодушіемъ къ родной вѣрѣ нашихъ отцовъ.

Но Фетлеры—это такъ сказать—только частичное явленіе; покушеніе на православіе, какъ на основу народнаго духа, идетъ въ разныхъ видахъ, проявляется въ разныхъ областяхъ жизни. На душѣ наболѣло отношеніе къ Церкви нашей—нашихъ лжелиберальныхъ газетъ, отношеніе нѣкоторыхъ земскихъ учрежденій; отношеніе нашихъ судебныхъ учрежденій... Особенно непонятна, съ нашей точки зрѣнія, свобода изданій разныхъ сектантскихъ газетъ и журналовъ. Кому они нужны? кому служатъ, какъ не врагамъ Россіи? А если такъ, то ужели мы ужъ такъ связаны либеральными идеями, что себѣ во вредъ принуждены допускать существованіе у себя этихъ червоточинъ русской души?.. Изо дня въ день какая нибудь „Утренняя Заря“, какой-нибудь баптистскій „Христіанинъ“ сѣетъ смуту въ православной русской душѣ, клевеща на духовенство, подрывая уваженіе къ церковнымъ обрядамъ, искусно дѣлая намеки кощунственные на все, что намъ дорого, что для насъ свято... А намъ говорятъ: кто же васъ заставляетъ читать? Эти газеты, эти журналы издаются для сектантовъ, не читайте ихъ и не станете смущаться. Но позвольте: газета есть публичная каѳедра, поставленная среди площади: съ нея слышится рѣчь всякому проходящему; газета, журналъ могутъ попасть въ руки православнаго, а мы знаемъ, что они и издаются-то именно для соблазна православныхъ,—мы и имѣемъ не мало жалобъ отъ православныхъ на этотъ соблазнъ: что же, ужели, хотя бы во имя той же пресловутой „свободы“, ужели нельзя освободить насъ православныхъ отъ этой отравы, отъ оскорбленія нашихъ святыхъ чувствъ, отъ того соблазна, который вносится въ простую душу читателя этихъ изданій, существую-

щихъ на нѣмецкія деньги? Ужели теперь, когда милостью Божіей раскрыты всѣ злоухищренія нашего врага-нѣмца, не ясно, что надобно просто, безъ всякихъ разговоровъ закрыть навсегда подобныя изданія и впредь зорко слѣдить, чтобъ они не возрождались на святой Руси?..

Признаемся, мы, старики, не можемъ никакъ усвоить себѣ эту масонскую теорію свободы. Намъ все кажется: разъ извѣстное явленіе признано зломъ—надо съ нимъ бороться закономъ, запрещеніемъ, наказаніемъ, если средства нравственныя, по упорству злой воли, не достигаютъ цѣли. Между тѣмъ мы постоянно видимъ: противъ воровъ и разбойниковъ, посягающихъ на чужую собственность, принимаются мѣры: ихъ ловятъ, сажаютъ въ тюрьмы, ссылаютъ куда-нибудь; а противъ посягающихъ на сокровища души народной, развращающихъ народъ ложными ученіями, отравляющихъ душу, похищающихъ вѣру изъ простой души русскаго человѣка—почти не принимается никакихъ мѣръ. Вотъ, наконецъ, нужда заставила принять кое-какія мѣры: слишкомъ ужъ рѣзко стали выступать враги Церкви съ своею пропагандой; но и тутъ—оговорка: эта мѣра принята на время, пока существуетъ военное положеніе, а тамъ — милости просимъ опять, г. Фетлеръ съ товарищи, въ Петроградъ, опять выступай смѣло съ клеветами на православіе, опять публично перекрещивай православныхъ невѣждъ, кого удастся загубить своею отравою...

Нѣтъ, рѣшительно мы этого въ толкъ взять не можемъ и во имя здраваго русскаго смысла взываемъ: зло есть зло и никакой ему свободы быть не должно! Въ нѣмецкихъ земляхъ собираются провести законъ совсѣмъ запрещающій наше родное православіе, а мы спокойно смотримъ, какъ нѣмецкіе проходимцы, подъ видомъ благочестія, совращаютъ нашъ простодушный, младенчествующій въ вѣрѣ народъ? Мыслимо ли это? Торговать ядомъ строго запрещается, а издавать духовную отраву въ видѣ газеты или журнала, въ видѣ книгъ и брошюръ—дозволяется? Да, вѣдь, отрава-то духовная, если ужъ вамъ угодно оберегать только цѣлость государства, а не православіе,—вѣдь, это отрава дала себя почувствовать хотя бы и въ государственномъ отношеніи въ эту войну. Уважая якобы свободу религіозныхъ убѣжденій, у насъ не требуютъ, напримѣръ, отъ меннонитовъ строевой службы, якобы противной ихъ религіознымъ убѣжденіямъ, а православнаго не спрашиваютъ объ убѣжденіяхъ и если бы онъ отказался итти въ строй, то подвергся бы строгой карѣ военныхъ законовъ. Слѣдовательно: человѣкъ ложныхъ убѣжденій, убѣжденій вредныхъ для государства, притомъ заразительныхъ для народной массы, получаетъ привиллегію освобожденія отъ опасностей для его жизни; объ этомъ хлопочутъ даже нѣкоторыя земства, требуя для санитарной службы въ своихъ лазаретахъ исключительно меннонитовъ... Продолжите основную мысль такого отношенія къ меннонитамъ и сами увидите: къ какимъ придете выводамъ. Что же: это безразлично для государства?.. Говорите по совѣсти!...

Врагъ каждаго искушаетъ сообразно съ его наклонностями: нѣмца онъ заражаетъ гордынею и презрѣніемъ къ другимъ народамъ, а русскаго—его мягкосердечіемъ, его—идеализмомъ, искажая сей идеализмъ и подмѣнивая его ложными либеральными идеями. Нѣмецъ от-

лично видитъ это и смѣется надъ русскимъ, и пользуется его простодушіемъ, его мягкосердечіемъ для того, чтобы обманывать его и порабощать себѣ его духовно и матеріально... И однимъ изъ могучихъ средствъ такого порабощенія является совращеніе русскаго православнаго человѣка въ нѣмецкую вѣру, расхищеніе его духовныхъ сокровищъ, духовное его обезличеніе. И видятъ это люди умные, люди власть имущіе, и принимаютъ мѣры, но...только на военное время. Почему же не навсегда? Съ болью сердца мы ставимъ этотъ жгучій вопросъ!..

253.

Суевѣрныя письма и молитвы.

Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, когда я еще учился въ духовномъ училищѣ, крестьянскіе мальчики, мои сверстники, принесли мнѣ листочекъ, переписанный полууставомъ, подъ заглавіемъ: „Святое письмо“. Въ немъ говорилось, что въ святомъ градѣ Іерусалимѣ близъ Гроба Господня, былъ слышанъ гласъ съ неба: „Поражу весь міръ бѣдствіемъ!“ А чтобы это бѣдствіе не постигло, предписывалось читать, а главное—переписывать и разсылать приложенную при письмѣ молитву, причемъ обѣщалось счастье тому, кто перепишетъ девять такихъ молитвъ и разошлетъ своимъ знакомымъ, а кто этого не исполнитъ, того поразитъ бѣда. И вотъ, крестьянскія дѣти старались переписывать эту безграмотную молитву и снабжали ею сосѣдей, въ томъ числѣ и меня. Помню, что молитва та показалась мнѣ очень безграмотной и даже еретической и я толковалъ своимъ простецамъ друзьямъ, что вѣрить ей не слѣдуетъ, что надо молиться тѣми молитвами, какія есть въ книгахъ церковныхъ, а не какими-то секретно распространяемыми невѣдомо кѣмъ.

Представьте себѣ, что это суевѣріе съ молитвою и святымъ письмомъ живетъ и доселѣ! И теперь странствуетъ эта молитва по святой Руси, и теперь тщательно переписываютъ ее досужіе простецы и посылаютъ повсюду, воображая, что симъ дѣлаютъ доброе дѣло! Худо то, что, повидимому, такими письмами закидываютъ наше хрістолюбивое воинство, благо пересылка въ дѣйствующую армію безплатная. Пишущій сіи строки получилъ нѣсколько писемъ, коими просятъ разъяснить: что это за молитва, что за „святое письмо“? Можно ли вѣрить имъ? Конечно, воины могли бы обращаться съ такими вопросами ближе—къ своимъ военнымъ священникамъ, но или не догадываются, или нѣтъ близко священниковъ, а бумага и карандашъ подъ руками, да и пересылка даровая.

Недобросовѣстные сочинители подобныхъ писемъ не страшатся быть „лжесвидѣтелями о Богѣ“, какъ говоритъ св. Апостолъ Павелъ, потому что приписываютъ Богу то, чего Онъ не дѣлалъ (1 Кор. 15, 15). Такъ въ одномъ такомъ „письмѣ“ мы читаемъ: „„Сіе письмо найдено за иконой въ Почаевской лаврѣ. Письмо это писано золотыми буквами Самимъ Іисусомъ Хрістомъ. Кто это письмо хочетъ прочитать, то оно само раскрывается, потомъ опять закрывается, въ скоромъ видѣ (?) и возвращается въ соборъ за образъ св. Михаила“. Далѣе идутъ наставленія, послѣ которыхъ слѣдуютъ обычныя въ такихъ апо-

крифическихъ письмахъ угрозы и обѣтованія: „кто не будетъ вѣрить этому письму, тотъ будетъ проклятъ отнынѣ, а кто будетъ давать списывать и прочитывать письмо, то хотя бы имѣлъ столько грѣховъ, какъ на небѣ звѣздъ и въ морѣ песку или на землѣ травы, то все будетъ прощено, а кто это письмо имѣетъ и не даетъ списывать другимъ, тотъ будетъ Богомъ наказанъ и изгнанъ изъ царствія Божія. И кто будетъ имѣть это письмо на войнѣ, то ни одинъ непріятель не повредитъ, а кто это письмо носитъ при себѣ, тотъ вездѣ будетъ счастливъ и получитъ царствіе Божіе".

Подумаешь: какъ все просто: возьми лоскутокъ бумаги съ полуграмотнымъ письмомъ, какое написалъ какой-то сочинитель отъ имени Христа—и будешь цѣлъ на войнѣ, а вотъ если будешь носить на себѣ святое Евангеліе, крестъ Христовъ, то этого тебѣ сочинитель не обѣщаетъ,—его писанье, оказывается, имѣетъ какую-то чудотворную силу, а слово Божіе—нѣтъ... Бѣдные невѣжественные простецы, вѣрящіе подобнымъ вымысламъ! И трудятся, вѣдь, и переписываютъ „письмо", переписываютъ и молитву, въ коей даже ересь есть, ибо трисвятое: Святый Боже—въ этой молитвѣ относится къ одному Лицу Святыя Троицы—Іисусу Христу. И при этой молитвѣ тѣ же обѣтованія, тѣ же угрозы... Если кто получитъ такую молитву или письмо,—сжигайте эту бумажку, какъ писанье какого-то невѣжды, дерзающаго даже на Господа Бога „лжесвидѣтельствовать". А ему отвѣчайте, что письмо его сожжено и вѣрить сему письму грѣшно...

254.

Цѣнимъ ли мы свое сокровище?

Нашествіе тевтоновъ, героическая борьба съ народомъ, вытравившимъ въ своей душѣ духъ истиннаго христіанства, величіе подвига, къ коему призвалъ Господь нашъ народъ,—все это побуждаетъ глубоко задумываться о грядущихъ судьбахъ нашей Руси православной, о томъ великомъ служеніи человѣчеству, къ какому зоветъ насъ Господь въ исторіи... Не гордость, не самовозвеличеніе побуждаетъ насъ думать объ этомъ, а благоговѣйное созерцаніе судебъ Божіихъ въ исторіи нашей, въ исторіи всѣхъ народовъ земныхъ. Мы, христіане, не можемъ не видѣть, что каждый народъ вносилъ въ исторію человѣчества свою долю добра, и это добро какъ бы оправдывало его существованіе, его право бытія на землѣ. И греки, и римляне, и древніе египтяне, и вавилоняне—всѣ въ путяхъ Промысла Божія послужили, сознательно, или безсознательно, приготовленію людей къ воспріятію спасенія вѣчнаго, ко вступленію въ Церковь чадъ Божіихъ, къ устроенію великаго царства Божія среди созданныхъ по образу Божію, но исказившихъ сей образъ, сыновъ Адамовыхъ. Не говорю объ избранномъ народѣ Божіемъ, о народѣ, которому нѣкогда были ввѣрены и словеса Божіи, Божественное откровеніе, но который—увы—самъ призвалъ на себя гнѣвъ Божій и отверженіе, когда отрекся отъ Спасителя міра и въ безуміи своемъ воскликнулъ въ лицѣ своихъ предковъ: кровь Его на насъ и на чадахъ нашихъ! Промыслъ

Божій содѣлалъ свое великое дѣло и въ этомъ народѣ, какъ изрекъ о семъ Самъ Спаситель міра: *спасеніе отъ іудей есть* (Іоан. 4, 22). И мы вѣруемъ, и тяжко согрѣшили бы предъ Богомъ, если бы усумнились, что и нашъ народъ имѣетъ свое великое призваніе, великое, Богомъ ему предназначенное служеніе роду человѣческому въ своей исторіи, и долженъ благоговѣйно внимать путямъ промысла Божія и познавать свое назначеніе, чтобы быть достойнымъ орудіемъ Промысла въ исполненіи сего предназначенія.

Страшная война съ новыми варварами уже достаточно раскрыла духовныя сокровища русской души народной. Только слѣпой, гордынею ложной европейской цивилизаціи ослѣпленный, можетъ не видѣть, что этими сокровищами народъ нашъ всецѣло обязанъ родной Православной Церкви, ея духу, ея ученію, ея богоноснымъ подвижникамъ и пастырямъ—воспитателямъ народнаго духа. И, повторяю, не горделивое самовозвеличеніе русскаго человѣка, а благоговѣйное вниманіе къ тому, что творитъ нынѣ Господь среди насъ, властно повелѣваетъ намъ, пастырямъ Церкви, раскрывать и углублять въ сознаніи истинныхъ сыновъ нашего народа, какъ простецовъ, такъ и стоящихъ выше ихъ—людей образованныхъ все величіе и духовную красоту сокровищъ народнаго духа, необходимость, священный долгъ нашъ—не только беречь эти сокровища для себя, не только пріумножать ихъ, но дѣлиться ими и съ другими народами, съ коими мы входимъ въ соприкосновеніе на путяхъ исторіи: это—завѣтъ Божій Русскому народу, это — то дѣло, какое Богъ ему поручилъ на землѣ, и за которое строго взыщетъ съ него, если онъ дѣло это забудетъ, пренебрежетъ имъ. А для всего этого необходимо, чтобъ не изсякалъ тотъ источникъ, изъ котораго текутъ эти сокровища, чтобъ народъ не прерывалъ своего постояннаго общенія съ нимъ, чтобы постоянно черпалъ благодатныя струи, питаясь коими онъ живетъ уже почти тысячу лѣтъ...

Сознаютъ ли это русскіе люди? Цѣнятъ ли свое сокровище?..

Есть добрые признаки, что такое сознаніе начинаетъ пробуждаться въ нашей интеллигенціи. Въ самой большой, самой распространенной русской газетѣ („*Новое Время*“ № 13934) въ передовой статьѣ рождественскаго номера мы читаемъ: „Прильнемъ полнѣе сердцемъ къ радости сегодняшняго праздника, къ чуду религіи, которое мы празднуемъ всею Русью и съ нами празднуютъ ваши солдаты и офицеры въ окопахъ. Отъ исторіи этого года перенесемся ко дню 1914 лѣтъ назадъ. Слава Богу: мы въ него вѣримъ, мы *его знаемъ*. Слава Богу: не расхолодили Русь ученыя изысканія и цинические смѣхи,— тѣ изысканія, въ которыхъ больше фантазіи и самолюбія, чѣмъ *дѣла*, и тѣ смѣхи, въ которыхъ чувствуется душа гориллы, препрославленной Дарвиномъ въ качествѣ его личнаго дѣдушки и будто бы дѣдушки всего рода человѣческаго. Въ нынѣшнюю годину мы испытываемъ на *дѣлѣ*, какую драгоцѣнность сберегли въ душѣ своей сбереженіемъ вѣры и какая драгоцѣнность потеряна на Западѣ чрезъ всѣ эти пошлости ученія тюбингенской школы объ Іисусѣ Христѣ... Слава Богу: Русь за лѣсами, своими, за болотами, за рѣками, за морями сохранилась отъ этихъ якобы „ученыхъ вѣяній“, а на самомъ дѣлѣ ученаго *фантазированія и праздномудрія*, и *святое слово Евангелія*

сохранила какъ небесное чудо. Скажемъ мудро, просто и ясно, что Русь оказалась умнѣе ихъ Геккелей, а русская деревня съ старымъ погостомъ возвышеннѣе и духовнѣе Тюбингена. Тамъ выводили исторію хрістіанства какъ страницу изъ „исторіи обезьянъ", а у насъ думали иначе, и всѣ реченія Спасителя помѣщали въ книгу съ серебрянымъ многофунтовымъ окладомъ, осыпали этотъ окладъ драгоцѣнными камнями, клали ее на престолъ въ храмъ, подходили, крестились и цѣловали эту книгу. Великіе символы почтенія, благоговѣнія, любви... И хочется сказать: прибавимъ серебра на серебряные оклады нашихъ Евангелій, еще прибавимъ драгоцѣнныхъ камней сюда, чтобы никакъ не смѣшать эту книгу съ другими, чтобы какъ можно больше выразить, что книга эта совсѣмъ другая отъ прочихъ, ничего съ ними общаго неимѣющая, большая, единственная, главная. Ею—мы живы, ею—не умремъ... Народъ въ правѣ имѣть свои неполитическія святыни и требовать, чтобъ каждый предъ ними снялъ шапку. Снимаютъ ее предъ знаменемъ, сними и передъ крестомъ. Сними шапку, человѣче, и помолись на православную Церковь: нынѣ спасла она насъ отъ звѣрства и образа звѣринаго!.. Все Церковь намъ сохраняетъ и сохранила, а вовсе не „мы сохранили Рождество Хрістово". На вѣки вѣчные запомнимъ, что мы живы только хрістіанствомъ и что жизнь наша струится только изъ Церкви. Заговариваютъ, что хорошо бы и у насъ провести „отдѣленіе Церкви отъ государства", по примѣру Запада. Да никто рѣшительно не допуститъ, чтобы „государство Россійское", хотя бы чрезъ тысячи лѣтъ, стало когда-нибудь „не—православнымъ". Оно будетъ всегда „православнымъ" и за это Русскій народъ умретъ, то есть, всею жизнью народною не допуститъ до такого отдѣленія".

Такъ пишетъ газета, неотличающаяся не только клерикализмомъ, но и вообще религіозностью. Стало быть, явленіе, ею отмѣчаемое, невольно бросается въ глаза людямъ, безпристрастно наблюдающимъ русскую жизнь. Вопросъ только въ томъ: многіе ли, и насколько глубоко проникнись такимъ взглядомъ на великое значеніе православія для народной души? Что касается самого народа, въ простотѣ сердца преданнаго родной Церкви, то онъ именно сердцемъ своимъ глубоко понимаетъ и цѣнитъ завѣтное свое сокровище. Есть для него опасность съ другой стороны, и надъ этой опасностью задумываются его добрые пастыри. Вотъ что пишетъ мнѣ одинъ изъ нихъ:

„Скорблю о безцерковности, объ упадкѣ грамоты церковной, а съ нею и вѣры православной. Бывало, не надѣялись на идеальныхъ законоучителей, а просто твердили Часословъ. И этотъ строй пѣснопѣній церковныхъ властно царилъ въ душѣ грамотея. Канонъ девятопѣснецъ, раздѣленный на три части, по три пѣсни, и въ каждой пѣсни четыре тропаря,—среди канона три малыхъ ектеніи, послѣ нихъ—сѣдаленъ, кондакъ и свѣтиленъ,—вся эта математическая стройность, въ которой свѣтится число Святыя Троицы, вводила чтеца въ свѣтлые чертоги богослуженія, воспитывала, укрѣпляла волю, интересовала, радовала. Боже мой, все это прошло, все это утратилось, осталось лишь въ монастыряхъ для малаго числа понимающихъ. За 50—60 лѣтъ новаго ученія нецерковнаго, все это забылось. „И когда весь народъ

оный (воспитанный въ законѣ Господнемъ) отошолъ къ отцамъ своимъ, возсталъ послѣ нихъ другой родъ, который не зналъ Господа" (Суд. 2, 10). И у насъ, какъ древле у Израиля, уже не осталось стариковъ, воспитанныхъ въ этой стройности, въ этой музыкѣ словесъ церковныхъ [1]). Трисвятое, пріидите поклонимся, три псалма, аллилуія, тропари — вѣковѣчная форма молитвы продолжительной, молитвы, завлекающей самымъ строемъ своимъ. Педагогическая мудрость святой Церкви, водимой Духомъ Святымъ, видна въ этой стройности. Иначе не воспитаешь, какъ вотъ частымъ повтореніемъ трисвятаго, псалмовъ, тропарей.—„Учащеніемъ дѣла обычай воспріятый и многимъ временемъ нравъ утверждаяйся естества имать силу". Узоромъ въ три крестика и въ три звѣздочки вышивалось покрывало души народной. Выростало и крѣпло благочестіе съ тою же постепенностію, какъ растетъ высокій дубъ въ могучей красотѣ. Все это прошло и поплакать хочется надъ книгой церковной о забытой наукѣ религіознаго воспитанія.—Въ наступившемъ году сразу послѣ Крещенія раскрывается на клиросѣ Постная Тріодь. Узнаетъ ли объ этомъ моя паства? Дойдетъ до ея слуха канонъ о мытарѣ и фарисеѣ? Замѣтятъ ли прихожане скорбно-покаянную пѣснь: „Покаянія отвэрзи ми двери, Жизнодавче"? Воздохнутъ ли о странѣ безстрастія и духовности при пѣніи „На рѣкахъ Вавилонскихъ"? Увы, ничего уже они теперь не знаютъ... И только церковный законъ о пищѣ въ эти дни наблюдаютъ [2]), и за то—слава Богу. Какимъ духовнымъ опустошеніемъ сказалась школьная реформа! Ни одна освободительная реформа не имѣла такихъ печальныхъ послѣдствій, какъ перемѣна церковнаго обученія на современную программу. А изъ пепла забвенія церковности вырастаютъ секты. Сектантовъ же обращать въ православіе весьма и весьма трудно. Да и послѣ всенароднаго обращенія къ Церкви человѣкъ остается часто съ опустошенной душой и съ великимъ трудомъ пристаетъ къ церковной молитвѣ. Нѣтъ у него ничего за душой, какъ говорится: нѣтъ воспитанія церковнаго въ дѣтскіе годы. Но можно ли направить снова теченіе по старинѣ, по прежнему глубокому руслу? Едва ли... А иначе конца не будетъ скорби православной"...

Такъ кончаетъ свое писаніе почтенный батюшка. И поистинѣ—есть надъ чѣмъ задуматься, о чемъ позаботиться. Мы, старики, учились, именно по старинѣ: букварь, часословъ, псалтирь Царя Давида. Что до того, что дѣтскій умъ мало понималъ смыслъ священныхъ словесъ: ребенку довольно и того, что онъ обогащаетъ запасъ памяти. Съ возрастомъ у него весь этотъ запасъ освѣтится и смысломъ тѣхъ или другихъ выраженій и словъ. А пока важно уже и то, что въ его душѣ закладывается прочный фундаментъ для тѣхъ церковныхъ настроеній, какими онъ будетъ жить потомъ въ сознательной жизни. Помню себя на рукахъ моего родителя, когда онъ, послѣ долгихъ моихъ просьбъ принесъ наконецъ изъ церкви часословъ: какъ же я радъ былъ этой книгѣ, какъ цѣловалъ ея кожанный переплетъ, ея *красныя* строки!.. Тутъ же, сидя на рукахъ отца, я далъ обѣщаніе становиться съ нимъ на клиросъ,

[1]) И есть они, да рѣдки какъ алмазы. *А. Н.*

[2]) Къ великой скорби нашей—и это въ народѣ ослабѣваетъ. *А. Н.*

учиться пѣть, а потомъ и читать въ церкви. Не думайте, что ребенокъ такъ ужъ ничего и не понимаетъ въ молитвахъ, имъ изучаемыхъ: вѣдь прежде, чѣмъ начинать изученіе букваря, по указанію отца или матери, онъ ограждаетъ себя крестнымъ знаменіемъ, цѣлуетъ книжку и повторяетъ за родителями начертанныя на самой оберткѣ слова молитвы: „Боже въ помощь мою вонми и вразуми мя во ученіе сіе". Если не понимаетъ онъ слово: *вонми*, зато остальное все ему понятно, а одно слово ему конечно ужъ объяснятъ, и онъ запомнитъ, что значитъ это слово: „вонми". Зато сколько радости-то, сколько счастья—стать на клиросъ, подпѣвать отцу, а когда усвоишь навыкъ къ чтенію—прочитать *Нынѣ отпущаеши*, а потомъ и шестопсалміе... Знаютъ ли нынѣшнія дѣти это счастье? Имѣютъ ли понятіе о томъ уваженіи къ самой азбучкѣ, съ какимъ мы цѣловали ее при началѣ и концѣ урока, какъ книжку „божественную"?.. Пусть меня осуждаютъ современные педагоги,—я очень жалѣю нынѣшнихъ малютокъ, что они лишены этой радости, этого счастья.

Какъ видите, опасность грозитъ народу удаленіемъ отъ Церкви чрезъ удаленіе отъ языка Церкви въ самомъ началѣ святаго дѣла воспитанія дитяти. И странное дѣло: наши интеллигенты, такъ усердно заботящіеся о томъ, чтобъ ребенокъ понималъ каждое слово въ ихъ азбукѣ, когда коснется дѣло ихъ собственныхъ дѣтей, подвергаютъ ихъ духовной пыткѣ, заставляя изучать иностранные языки съ самой колыбели. Вѣдь славянскій языкъ все же—родной языкъ отцовъ нашихъ, все же въ немъ корни русскаго языка, все же большая часть словъ понятна даже и ребенку, а стало быть, онъ несравненно легче можетъ быть усвоенъ, чѣмъ иностранный. А у насъ былъ министръ, который даже въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ нашелъ нужнымъ, вѣроятно, по тѣмъ же соображеніямъ трудности изученія, упразднить его самостоятельное преподаваніе. Что же касается народа, то онъ любитъ и чтитъ славянскій языкъ, какъ языкъ священный, языкъ, на которомъ можно бесѣдовать только съ Богомъ и святыми Его въ молитвахъ церковныхъ, на которомъ написаны столь любимыя имъ Минеи-Четіи и другія „божественныя" книги. Было время, когда деревенскіе грамотеи о предметахъ „божественныхъ" любили и говорить полуславянскимъ языкомъ. Въ моемъ дѣтствѣ я зналъ даже почтеннаго старика-бурмистра (это еще во время крѣпостнаго права было), который, будучи безграмотнымъ, зналъ нѣкоторыя житія святыхъ по-славянски — буквально наизусть... Припоминается мнѣ картина, какъ онъ, окруженный старостами деревенскими, въ вотчинной конторѣ, взявъ въ руки газетный листъ, устремлялъ въ него свои старыя очи и начиналъ: „Мѣсяца декемрія въ первый день. Житіе святаго праведнаго Филарета милостиваго. Въ странѣ Пафлагонстѣй, въ веси глаголемой Амнія"... Итакъ прочитывалъ все до конца. Онъ читаетъ и умиляется, слушатели внимаютъ и отъ умиленія плачутъ. Вотъ какъ было въ старину, сравнительно даже и не особенно старую, лѣтъ 50 назадъ. Зато, бывало, клиросъ полонъ мужичками, которые помогаютъ дьячку въ чтеніи и пѣніи. И торжественно бывало встрѣчали мы св. Пасху и Рождество Христово въ своей родной сельской церкви, оглашаемой хотя и не особенно стройнымъ, но зато друж-

нымъ, одушевленнымъ пѣніемъ обоихъ клиросовъ...

Въ стремленіи устранить славянскій языкъ изъ народной школы мы не можемъ не видѣть одно изъ средствъ, какія пускаютъ въ ходъ враги Церкви, чтобы вытравить изъ души народной ту церковность, которая составляетъ основу народнаго міросозерцанія, народной нравственности. А потому всѣ, кому дорога православная русская душа, должны отстаивать славянскій языкъ какъ въ народной, да и во всякой школѣ, такъ и въ церковномъ богослуженіи. Только при этомъ условіи мы можемъ сберечь то сокровище народнаго духа, коимъ теперь любуются въ его проявленіи въ жизни всѣ образованные народы земли, кромѣ, конечно, нашихъ враговъ—нѣмцевъ... Наше родное православіе въ народномъ сознаніи воплотилось въ нашемъ церковнославянскомъ богослужебномъ языкѣ и стало душою души народной...

255.

На стражѣ хрістіанскихъ понятій.

Чѣмъ дольше мы живемъ на свѣтѣ, тѣмъ дальше уходимъ отъ той строгости въ области нравственныхъ понятій, какую завѣщали намъ наши благочестивые предки. И ужъ, конечно, назвать это нравственнымъ прогрессомъ никакъ нельзя. Да оно и понятно: сравнить древнихъ подвижниковъ духа, древнихъ отцовъ пустынь Египта и Сиріи съ современными иноками—какая разница! То были воистину исполины духа, носители идеаловъ хрістіанскаго смиренія, кротости, любви, пламенной молитвы, чистоты сердца: и вмѣстѣ—неподражаемаго внѣшняго подвига; они бѣжали отъ міра, отъ людей, хотя и любили людей такъ, какъ намъ и во снѣ не пригрезится; они хотѣли, чтобы міръ забылъ о нихъ, но сами они помнили о мірѣ и молились о мирѣ міра, и ихъ молитвами самый міръ стоялъ, они были тѣмъ святымъ сѣменемъ, которое, по слову Божію, и есть „стояніе міра“. Когда читаешь ихъ житія, то невольно склоняешься предъ ними, какъ истинными носителями образа Божія, какъ подражателями Самому Христу, воистину—Богу подобными и преподобными. И нелѣпая мысль современныхъ безумцевъ о томъ, будто бы человѣкъ произошолъ отъ обезьяны, кажется дикою насмѣшкой надъ самими изобрѣтателями этой мысли, и съ негодованіемъ отвергаетъ ее сердце, какъ незаслуживающую даже критики. Сіи жалкіе безумцы, столь желающіе быть потомками обезьяны, не читаютъ, не хотятъ читать житія святыхъ подвижниковъ: для нихъ это—сказки, коимъ и вѣрить стыдно.... Но тѣмъ хуже для нихъ же: мы въ правѣ усумниться даже въ томъ: хрістіане ли это? Вѣруютъ ли они, что воскресъ Господь Іисусъ Хрістосъ и сами они нѣкогда воскреснутъ? Увы, надо сознаться, что хотя живемъ мы и въ хрістіанской странѣ, хотя насъ окружаютъ какъ будто все хрістіане по имени, но на дѣлѣ, по совѣсти, сколько среди сихъ именуемыхъ хрістіанами—невѣровъ и язычниковъ по духу! Этого мало: незамѣтно для самихъ себя мы поддаемся ихъ вліянію. Нерѣдко бываетъ, что мы какъ будто стыдимся сказать прямо свое православное слово о томъ или иномъ явленіи въ нашей жизни и предпочитаемъ молчать... Почему? Да насъ

останавливаетъ мысль: а что скажутъ вотъ эти, лишь именуемые, но не дѣйствительные хрістіане, которые окружаютъ насъ?.. Нужно ли приводить примѣры? Я заранѣе чувствую, что если укажу на то или иное явленіе такого рода, то услышу: „это—фанатизмъ, крайность, излишній ригоризмъ“ и под. Но я увѣренъ, что наши предки этого бы не сказали: они тотчасъ присоединились бы къ моему мнѣнію. Напримѣръ это будетъ яснѣе. Исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія поэта Лермонтова. Война помѣшала „праздновать“ этотъ юбилей. Но все же о немъ вспомнили. Газеты помѣстили обычные некрологи, портреты, даже нашли портретъ того священника, который „за двѣсти рублей“ согласился похоронить несчастнаго поэта. Православный читатель спроситъ: что это значитъ? Развѣ было препятствіе къ погребенію, что понадобилось заплатить такую сумму, которая по тогдашнему составляла цѣлый капиталъ? Дѣло простое: тогда строго соблюдалось правило: убитыхъ на дуэли лишать погребенія, какъ самоубійцъ. Тогда твердо помнили ученіе Православнаго Катехизиса и не расходились съ нимъ въ жизни, а извѣстно, какъ велитъ Катехизисъ смотрѣть на дуэли: дуэль заключаетъ въ себѣ тройное преступленіе: убійство, самоубійство и мятежъ противъ правительства. Катехизисъ и доселѣ заключаетъ въ себѣ это сужденіе о дуэли. Но на практикѣ оно давно забыто. Убитыхъ на дуэли безъ всякихъ препятствій, кажется, теперь хоронятъ по тому обряду, какой положенъ для всѣхъ въ вѣрѣ и упованіи жизни вѣчныя скончавшихся православныхъ. Я не хотѣлъ бы напоминать, что Лермонтовъ позволялъ себѣ иногда и кощунства: Богъ да проститъ ему эти грѣхи юности. Я не хочу сказать и того, что не слѣдуетъ служить по немъ панихиды, молиться о упокоеніи мятежной души его: Церковь не отлучила его отъ своего общенія, какъ это сдѣлала она съ другимъ именитымъ писателемъ — гр. Толстымъ; но все же слѣдовало бы намъ, церковникамъ, повоздержаться отъ излишнихъ похвалъ несчастному поэту. Его душа нуждается въ молитвенной помощи, но ужъ никакъ не въ похвалахъ. Если онъ и написалъ пять-шесть стихотвореній съ содержаніемъ религіознымъ, то ужъ никакъ нельзя сказать о немъ, что онъ „оказался благимъ и вѣрнымъ рабомъ предъ своимъ небеснымъ Заимодавцемъ“, что „данный ему талантъ онъ усугубилъ“, какъ напечатано въ одной нашей духовной газетѣ, да еще въ передовой статьѣ: въ такихъ льстивыхъ словесахъ душа поэта не нуждается. Кстати скажу: его „Ангелъ“, съ точки зрѣнія богословской, даже проповѣдуетъ ересь, предполагая предсуществованіе душъ. Я спрашиваю: чѣмъ объяснить такое неумѣстное примѣненіе притчи Хрістовой о талантахъ къ памяти несчастно покончившаго жизнь поэта? Ну—помяните его теплымъ словомъ сожалѣнія, пригласите, въ виду его несчастной, какъ говорятъ, безвременной кончины, сугубо помолиться за него, но приписывать ему то, чего онъ и самъ не призналъ бы за собою — это ужъ для православной газеты — простите— непростительно. Вѣдь притча Хрістова „вѣрныхъ рабовъ“ приглашаетъ „войти въ радость Господа своего“...

Я привелъ примѣръ и жду, что какая-нибудь либеральная газетка бросится на меня съ бранью и обвиненіями, что я чуждъ духа любви хрістіанской. А я повторяю, что

подъ моимъ мнѣніемъ навѣрное подписались бы наши предки православные. Духъ то любви хрістіанской заключается не въ томъ, чтобы грѣшному покойнику приписывать добродѣтели, коихъ у него была развѣ одна тѣнь, а въ томъ, чтобы, признавая его грѣхи и недостаточества, молиться о прощеніи души его, если Церковь сіе позволяетъ дѣлать. Хрістіанинъ долженъ помнить, что чѣмъ больше кому дано даровъ Божіихъ, тѣмъ больше и строже взыщется съ него, а потому тѣмъ прилежнѣе надо молиться за душу того, кто не только не принесъ сполна своего дара Богу, но и не сберегъ дара жизни своей, подставивъ изъ-за пустяковъ свою грудь подъ выстрѣлъ столь же легкомысленаго противника. Говорятъ, что этотъ противникъ потомъ всю свою долгую жизнь мучился въ совѣсти и не могъ найти мира душѣ своей вслѣдствіе этого поединка.

Я указалъ только на одно мало замѣтное проявленіе того вліянія, какое оказываютъ на насъ, людей церковныхъ, люди не церковные, сынове вѣка сего. А такихъ проявленій можно указать сколько угодно. Мы какъ будто начинаемъ стыдиться если не Самого Хріста, то пренепорочной невѣсты Его—нашей матери Церкви православной. Мы какъ бы стараемся иногда затушевать слѣды строго церковныхъ православныхъ воззрѣній, чтобъ какъ-нибудь не затронуть самолюбіе инославныхъ. Мы слишкомъ ужъ много беремъ изъ ихъ литературы, переносимъ въ свою, наполняемъ свои духовныя изданія переводами ихъ религіозныхъ произведеній, не дерзая иногда опускать даже тѣ строки, которыя явно противорѣчатъ нашему православному ученію, а только снабжая ихъ краткими примѣчаніями. Питаясь неправославною литературой, наши писатели незамѣтно для самихъ себя заражаются и неправославными взглядами, которые проводятъ потомъ и въ своихъ статьяхъ. Вотъ маленькій примѣръ. Въ духовномъ журналѣ, предназначенномъ для народнаго чтенія, нѣкій сотрудникъ говоритъ: „приверженцы традиціоннаго монашества стараются прежде всего опереться на нашихъ святыхъ угодниковъ Божіихъ, какъ на благихъ и спасительныхъ виновниковъ традиціи, указывая на ихъ жизнеописанія, какъ на подтвержденіе ихъ правоты. Но кто же не знаетъ, что прекрасныя сами по себѣ жизнеописанія, часто бываютъ прикрашены предвзятой мыслью біографа и отъ чудной, свѣтлой жизни святого остается впечатлѣніе какой-то басни, неимѣющей ничего общаго съ правдоподобностью“.

Скажите: можетъ ли такъ говорить православный писатель? Не смотритъ ли онъ на житія святыхъ въ очки нѣмецкихъ критиковъ, которые не оставили въ покоѣ даже святой Библіи, все искромсали, все подвергли сомнѣнію? И нужно ли говорить, какой соблазнъ вноситъ такое сужденіе въ душу читателя—простеца? И вотъ мнѣ пишетъ одинъ добрый пастырь изъ деревенской глуши: „Очень и очень жаль, что авторъ этихъ строкъ не пояснилъ: въ чемъ же именно заключается эта „прикраса предвзятой мысли біографа“ въ жизнеописаніяхъ святыхъ угодниковъ Божіихъ? Безъ такого поясненія слова его могутъ глубоко смутить души и сердца вѣрующихъ и воспитавшихся на житіяхъ святыхъ хрістіанъ — читателей. Вѣдь многіе изъ нихъ въ теченіи своей жизни перечитали или переслышали немало житій святыхъ, но конечно ни одно изъ нихъ никогда не оставляло послѣ себя „впечатлѣнія ка-

кой-то басни" въ душахъ читателей; напротивъ, эти житія отъ начала до конца несомнѣнно были усладой ихъ душъ и отрадою сердецъ. А тутъ вдругъ ученый сотрудникъ популярнаго журнала подаетъ читателю ту зловредную мысль, будто ужъ нѣтъ ни одного человѣка, который не сомнѣвался бы въ правдоподобности жизнеописаній святыхъ и не считалъ бы многое въ нихъ чѣмъ-то въ родѣ басенъ... По нашему мнѣнію, посѣять такое недовѣріе къ описателямъ житій угодниковъ Божіихъ—значитъ поднести чашу отравы душѣ простосердечно и безхитростно вѣрующаго православнаго читателя. Кромѣ того, зловредное подозрѣніе автора въ корнѣ подрываетъ авторитетъ даже такого великаго угодника и чудотворца, каковъ приснопамятный святитель Димитрій Ростовскій. Ужели и этотъ святой отецъ собралъ свои житія изъ неправдоподобныхъ басенъ и легендъ? Ужели и онъ—„біографъ съ предвзятой мыслью"? Ужели и онъ „прикрашивалъ" житія до того, что отъ нихъ остается „впечатлѣніе какихъ-то басенъ"? А онъ говорилъ: „не буди ми злати на святаго". Мало того: автору „ученой статьи не должно бы забывать и того, что всѣ тѣ чудесные случаи, которые описаны въ житіяхъ святыхъ и которые авторъ заподозрѣваетъ въ неправдоподобности, воспѣты и богодухновенными церковными пѣснописцами и вошли въ кругъ церковныхъ молитвословій и пѣснопѣній. Ужели же и эти люди, нерѣдко архипастыри и учители церковные, прославившіеся святостію жизни и высокимъ духовнымъ образованіемъ, тоже воспѣли „неправдоподобныя басни"? Это ужъ слишкомъ тяжкое обвиненіе, бросающее тѣнь на всю Церковь!.. Такого рода обвиненія естественно ожидать отъ какихъ-нибудь баптистовъ, штундистовъ съ молоканами, а ужъ никакъ не отъ сотрудника православнаго духовнаго журнала. Надо помнить, что на Прологахъ и Четіяхъ-Минеяхъ искони воспитывалась вѣра Русскаго народа и никто, никогда изъ людей преданныхъ св. Православной Церкви не говорилъ, будто при чтеніи житій святыхъ „остается впечатлѣніе какой-то басни". Есть на свѣтѣ люди, которые и чудеса, описанныя въ священномъ Писаніи, называютъ легендами да баснями, но — не уста ли лжеца сатаны говорятъ ихъ устами?..."

Я нарочито привелъ здѣсь почти цѣликомъ письмо почтеннаго батюшки, сельскаго священника, который самъ вышелъ изъ крестьянъ и самъ воспитался на житіяхъ святыхъ. Сотрудникъ духовнаго журнала, вѣроятно, изъ прошедшихъ высшую духовную школу, которая—грѣха нечего таить—не можетъ и тутъ обойтись безъ нѣмецкихъ книжекъ, бросилъ свою фразу, не подумавъ о послѣдствіяхъ; можетъ быть, подъ впечатлѣніемъ нѣмецкихъ „источниковъ" онъ и въ самомъ дѣлѣ выноситъ отъ житій святыхъ „впечатлѣніе басенъ", но не всякій же бредъ, какой придетъ въ голову, можно выносить на улицу и отравлять имъ въ простотѣ вѣрующихъ православныхъ читателей. Не дѣлаетъ чести и редакціи, что она даетъ мѣсто такому бреду. Если на автора упоминаемой выдержки житія святыхъ производятъ впечатлѣніе „сказокъ", то пусть онъ не посѣтуетъ, если мы скажемъ въ свою очередь, что его писаніе производитъ на насъ впечатлѣніе разсужденій язычника, неспособнаго мыслить по православному...

И опять приходится повторить: мы живемъ вѣдь среди такихъ, за-

раженныхъ тонкимъ язычествомъ, хрістіанъ. Какъ видите, они проникаютъ у насъ и въ духовную литературу, становятся въ ряды писателей, назидающихъ массы въ простотѣ вѣрующихъ... Какъ тутъ убережься отъ ихъ вліянія? И вотъ что особенно опасно: мы привыкаемъ къ ихъ выступленіямъ, перестаемъ какъ бы замѣчать уродливость, съ точки зрѣнія православія, такихъ выступленій, они, эти выступленія, становятся для насъ обычнымъ явленіемъ... Правда, въ мірской, свѣтской печати, это повелось еще съ 50-хъ, 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія; тамъ давно перестали считаться съ православіемъ, съ церковными традиціями, давно ихъ вычеркнули изъ своего литературнаго лексикона; но въ нашей духовной литературѣ это явленіе пока еще новое, наблюдаемое лишь съ уничтоженіемъ духовной цензуры (на практикѣ), съ развитіемъ періодической печати, когда стало свободно каждому, кому придетъ охота, издавать духовные журналы и всякіе листки. Духовная атмосфера незамѣтно отравляется, наши понятія, въ отношеніи ихъ чистоты и строгости, понижаются, перевоспитываются, и если мы, старики, съ болью сердца еще наблюдаемъ, замѣчаемъ и отмѣчаемъ это явленіе, то наши дѣти, уже считаютъ его явленіемъ естественнымъ, нимало не оскорбительнымъ для роднаго православія, для Церкви. Они растутъ уже въ пониженныхъ понятіяхъ. А что дальше будетъ? До чего можемъ дойти? Лютеръ съ своею реформою началъ съ якобы очищенія Церкви отъ папскихъ заблужденій, а его послѣдователи дошли до отрицанія Божества Христа Спасителя, до отрицанія хрістіанства: мы являемся свидѣтелями полнаго разложенія хрістіанства въ протестантствѣ, въ приложеніи антихрістіанскихъ началъ протестантства къ жизни. Не видимъ ли мы на нихъ очевидное доказательство той истины, что человѣкъ, потерявшій образъ Божій, хуже всякаго лютаго звѣря? Да избавитъ насъ Господь отъ такого прогресса, отъ такого „просвѣщенія“!..

Продолжаю свои стариковскія наблюденія надъ измѣненіемъ и ослабленіемъ нѣкоторыхъ понятій въ области вѣры и жизни хрістіанской.

Святые отцы говорятъ, что похвала человѣческая хуже и опаснѣе бѣсовской. Хвалитъ насъ бѣсъ въ нашемъ же грѣшномъ помыслѣ, возбуждая насъ къ тщеславію, но ему не всякій изъ насъ повѣритъ, ибо извѣстна пословица, что и „калина сама себя хвалила: я больно съ медомъ хороша“. Вотъ, когда бѣсъ будетъ навязчиво влагать въ голову мысль: „нѣсмь я якоже прочіи человѣцы, я-де и уменъ, и добръ, и хорошъ“,—вспомнишь ту пословицу и стыдно станетъ, а Ангелъ хранитель и притчу о мытарѣ и фарисеѣ напомнитъ, и скажетъ тогда бѣсу тщеславія: „иди за мною—иди прочь отъ меня, лукавый искуситель“. И въ добрую минуту оглянешься на многое множество грѣховъ своихъ, и какъ-то невольно смиришься: куда ужъ тебѣ въ хорошіе люди себя зачислять? Слава Богу, что еще терпитъ твоимъ немощамъ, и помогаетъ кое-какое добро дѣлать: чѣмъ ужъ тутъ хвалиться? Живешь—только небо коптишь своими грѣхами и благодари Бога, что терпитъ этимъ грѣхамъ“.—Подумаешь такъ, и смирится гордыня, и отскочитъ бѣсъ-искуситель. Дѣло въ томъ, что пока въ насъ не возросла гордыня, мы не особенно себѣ довѣряемъ въ оцѣнкѣ своихъ поступковъ; да и простое благоразуміе насъ останавливаетъ: а что если мы ошибаемся, если со стороны-то иначе распѣни-

ваютъ наши дѣла: вѣдь со стороны-то часто виднѣе и достоинства и недостатки наши. Въ большинствѣ случаевъ вѣдь мы считаемъ свои помыслы, внушаемые намъ отъ врага, за свои собственные. Такъ стоитъ дѣло, когда насъ хвалитъ бѣсъ въ нашемъ помыслѣ.

Совсѣмъ другое дѣло, когда насъ хвалятъ люди. Тутъ ужъ навязчиво говоритъ намъ грѣшный помыслъ,—лучше сказать: подшептываетъ все тотъ же врагъ: „это вѣдь не самъ себя ты хвалишь: это добрые люди говорятъ о тебѣ, а имъ со стороны виднѣе“... Съ такимъ искушеніемъ бороться гораздо труднѣе. Не напрасно одинъ почтенный старецъ, сельскій дьячекъ, когда его хвалили за дѣйствительно прекрасное чтеніе и пѣніе въ церкви, говаривалъ: „не хвали въ глаза: испорчусь“. И въ самомъ дѣлѣ: долго ли до грѣха? Вѣдь если мы что и сдѣлаемъ хорошаго, то это—не наше дѣло, это дѣло благодати Божіей, безъ помощи которой мы ничего не можемъ сдѣлать добраго: такъ чѣмъ же хвалиться-то? Пожалуй, прими въ сердце похвалу людскую, то есть, припиши себѣ это доброе дѣло, не тобою, а Божіей благодатью чрезъ тебя сдѣланное,—сія благодать и отступитъ отъ тебя, перестанетъ тебѣ помогать, и ты осиротѣешь, станешь безпомощенъ, потеряешь способность дѣлать добро, за то, что похитилъ, себѣ приписалъ чужое, Божіе дѣло. Говорилъ мнѣ одинъ трудолюбивый писатель: „много книгъ я выпустилъ на своемъ вѣку, и каждый разъ, какъ выходила книга, меня не въ мѣру расхваливали духовныя изданія, и что же вы думаете? Каждый разъ меня постигало какое-либо искушеніе: или болѣзнь, или ошибка по службѣ, или непріятность по личнымъ отношеніямъ съ кѣмъ-либо. Покойный мой старецъ предостерегалъ меня: „смотрите, васъ хвалятъ, ждите искушеній“, и искушенія неизмѣнно приходили, такъ что я не всегда бывалъ и радъ, когда читалъ себѣ похвалы, зная, что за нихъ придется расплачиваться такъ или иначе скорбями“. Замѣтьте: рѣчь идетъ о похвалахъ печатныхъ, похвалахъ собственно книгамъ, а не личности автора ихъ, а все же авторъ расплачивался за эти похвалы искушеніями. Въ духовной жизни видно такой законъ: чтобъ очистить прираженіе тщеславія отъ сердца, попускаются скорби и искушенія. Блаженъ, кто знаетъ этотъ законъ. А люди, внимающіе себѣ, не могутъ не знать его. Обычно, въ случаяхъ похвалы человѣческой, они отражаютъ ее разсужденіемъ, что внѣшнее дѣланіе безъ внутренняго въ очахъ Божіихъ цѣны не имѣетъ, что это—листвіе одно, а смоковница, богато одѣтая листвіемъ однимъ, но плодовъ неимѣвшая, была проклята Господомъ...

Несравненно опаснѣе тѣ похвалы, которыя касаются нашей внутренней духовной жизни, нашего внутренняго человѣка, сокровеннаго въ Бозѣ. Отъ такихъ похвалъ святые подвижники бѣгали изъ міра въ пустыни, укрывались въ пещерахъ и ущельяхъ земныхъ, притворялись лишенными ума: такъ онѣ вредны для души, такъ тяжела борьба съ ними. Удивляются міряне и теперь: почему въ монашескомъ мірѣ такъ мало подвизающихся. Да, ихъ мало, очень теперь мало, но все же среди нихъ и теперь есть труженики царствія Божія, есть истинные рабы Божіи, Богу угождающіе, но въ томъ-то и дѣло: чѣмъ кто изъ нихъ выше стоитъ въ духовной жизни, тѣмъ онъ „сопрятаннѣе“, какъ говорятъ иноки, тѣмъ скромнѣе, смиреннѣе, тѣмъ онъ старается быть незамѣтнѣе для посторонняго глаза,

даже для своихъ же собратій. Онъ хочетъ, чтобы только Богъ, да его духовный руководитель знали то, чѣмъ живетъ его духъ. И только при такой сокровенности-сопрятанности, онъ преуспѣваетъ въ духовной жизни и подвигѣ. Такъ оно и должно быть. Если о дѣлахъ милостыни заповѣдалъ Господь: *да не увѣсть шуйца твоя, что творитъ десница твоя,* то тѣмъ паче о внутреннемъ дѣланіи духа должно сказать, что оно должно быть всячески сокрыто отъ людей, даже насколько возможно и отъ себя самого. Пусть единъ Богъ вѣдаетъ сіи тайны. Пусть единъ Онъ и открываетъ міру изъ сихъ тайнъ то, что служитъ во славу Его и во спасеніе нашему ближнему—намъ грѣшнымъ. И слава Богу; это хорошо понимаютъ даже міряне. Хвалить человѣка въ глаза, особенно восхвалять его духовныя качества, считается у насъ крайне неделикатнымъ. Обычно высказываютъ человѣку въ общихъ выраженіяхъ уваженіе къ его личности, а прочія похвалы при этомъ какъ бы подразумѣваются. И только когда умретъ почтенная личность, когда ему уже будетъ не вредно, а для насъ назидательно, тогда, надъ его гробомъ въ некрологахъ о немъ, уже даютъ волю слонесамъ похвальнымъ.

Такой взглядъ установился на похвалу людскую у насъ въ общежитіи, во взаимныхъ отношеніяхъ православныхъ хрістіанъ. Но въ послѣдніе годы, благодаря пресловутой „свободѣ печати“, съ этимъ взглядомъ не считаются. Правда, въ той печати, которою явно или тайно руководятъ іуден и ихъ приспѣшники, на все, что касается духовной жизни, Церкви, ея служителей, добродѣланія во имя Хрістово, наложенъ своего рода „херемъ“: хулить можно, сколько угодно, а хвалить не полагается; но не объ этой печати я хочу сказать свое слово. Есть печать благонамѣренная, къ Церкви благорасположенная. Бывало въ этой печати, въ старое доброе время, если хотѣли говорить о добромъ дѣланіи того или другаго еще здравствующаго подвижника, то говорили прикровенно: ни мѣста жительства, ни имени подвижника не указывалось, иногда даже намѣренно измѣнялось имя, чтобы не возбудить праздпаго любопытства и не нарушить душевнаго мира того раба Божія, о коемъ говорятъ. Нынѣ забыли это мудрое правило. Разные „корреспонденты“, особенно „фельетонисты“, гоняясь за лишнимъ пятачкомъ для газеты, иногда въ хорошихъ газетахъ такъ откровенничаютъ, что вчужѣ становится обидно, вчужѣ краснѣешь за тѣхъ, кого они описываютъ. Года два-три назадъ извѣстный фельетонистъ Носиловъ въ нѣсколькихъ фельетонахъ возвелъ прямо во святые нѣкоего послушника, который, по его словамъ, обличилъ его въ томъ, что въ его дорожномъ мѣшкѣ была колбаса, тогда какъ дѣло было въ постѣ, который самочинно поучалъ мірянъ, благословлялъ женщинъ и т. д. На этотъ разъ описанъ далеко не подвижникъ, а одинъ изъ тѣхъ мнимыхъ подвижниковъ, которые обычно ищутъ извѣстности въ столицахъ у разныхъ важныхъ особъ и идутъ путемъ, противоположнымъ истинному подвижничеству. Такіе сами ищутъ себѣ похвалъ въ печати. Но авторъ фельетоновъ, повидимому, считалъ сего искателя славы человѣческой за раба Божія и говоритъ о немъ съ почтеніемъ. А вотъ что вы скажете о цѣлой книгѣ, которая вся посвящена похваламъ—это цѣлый акаѳистъ современнымъ инокамъ и инокинямъ нѣ-

сколькихъ обителей Калужской епархіи... Книга написана съ искреннимъ чувствомъ, съ подъемомъ духа; авторъ увлекаетъ за собою читателя и заставляетъ переживать то, что пережилъ авторъ, посѣщая эти обители. Есть въ книгѣ недочеты въ общихъ сужденіяхъ, есть уклоненія въ сторону отъ главной темы, встрѣчается немало необычныхъ выраженій, но все это охотно прощаешь автору, имѣя въ виду, что онъ новичекъ въ нашей духовной литературѣ и выросъ въ другой средѣ, въ другихъ понятіяхъ. Многочисленныя иллюстраціи, очевидно фотографіи съ натуры, прекрасно исполненныя цинкографіей, помогаютъ автору вести за собою читателя и знакомить съ тѣми личностями, о коихъ онъ говоритъ. Я прочиталъ книгу съ удовольствіемъ и рекомендую ее особенно тѣмъ изъ нашей интеллигенціи, кто „страдаетъ душою": книга такъ и заглавлена: „Тихіе пріюты для отдыха страдающей души". Ея авторъ—В. П. Быковъ, бывшій спиратъ, искренно раскаявшійся въ своемъ ужасномъ заблужденіи и теперь ревностнѣйшій обличитель этого заблужденія. Въ своей книгѣ онъ не разъ касается и спиритизма, но только кстати, кратко, обѣщая спеціально писать объ этомъ діавольскомъ навожденіи въ другой книгѣ, которая, кажется, уже и вышла. Словомъ: можно отдохнуть душою не только посѣщая тѣ обители, которыя описываетъ авторъ, но и просто—только читая его книгу.

И тѣмъ не менѣе, да проститъ мнѣ почтенный авторъ: я хотѣлъ бы стать въ положеніе тѣхъ иноковъ, и инокинь, которыхъ онъ такъ восхваляетъ, называя по именамъ... Я представляю себѣ, что вотъ тотъ или другой изъ нихъ получилъ эту книгу и сталъ ее читать... Какое великое искушеніе!.. „Великій подвижникъ, Божій прозорливецъ; мудрый, богодухновенный старецъ, святѣйшій изъ святыхъ", и такъ далѣе, и такъ далѣе... Сомнѣваюсь, что восхваляемые иноки разрѣшили бы автору печатать эти похвалы, если бы онъ представилъ свою рукопись предварительно на ихъ усмотрѣніе. Мы знаемъ, какъ относился къ человѣческой похвалѣ, напримѣръ, великій старецъ іеросхимонахъ Левъ - Леонидъ: „славны бубны за горами", говаривалъ онъ, когда кто-нибудь выражалъ ему свое особенное уваженіе какъ подвижнику. Да и всѣ они, старцы Божіи, не терпѣли похвалъ людскихъ. А печатная похвала вѣдь хуже личнс, словесно высказанной. Это—восхваленіе среди площади, въ слухъ тысячной толпы не только людей единомысленныхъ автору, но и вовсе не способныхъ понять его: такіе могутъ принять весь его разсказъ о живыхъ людяхъ за рекламу... Впрочемъ, я отмѣчаю только эти похвалы какъ нѣчто новое въ нашей духовной литературѣ: иное дѣло вѣдь похвала внѣшнему дѣланію, похвала, напримѣръ, книгѣ, хотя и такая похвала, какъ я выше сказалъ, не проходитъ безъ искушеній для похваляемаго, — а другое, совсѣмъ другое дѣло—похвала духовнымъ качествамъ лица, его подвигамъ, его прозорливости, силѣ его молитвъ. Кричать о такихъ предметахъ на площади, то есть въ печати, по нашимъ старымъ понятіямъ, не подобало бы... *Прежде смерти*, говоритъ Писаніе, *не ублажи никогоже.*

Думаю, что тѣ, кому дорого духовное преуспѣяніе, духовный ростъ нашего народа, должны стоять на стражѣ его понятій, воспитанныхъ вѣками подъ вліяніемъ родной православной Церкви. Врагъ Божій

окрадываетъ душу именно яко татъ въ нощи: незамѣтно онъ похищаетъ изъ сознанія самыя существенныя, самыя дорогія въ духовномъ отношеніи признаки понятій, подмѣнивая ихъ мірскими, менѣе цѣнными—чтобы потомъ обезцѣнить и сіи послѣдніе... Примѣровъ такого подмѣна такъ много, что и не перечислить....

257.

Подвигомъ поста и покаянія поможемъ на брани подвизающимся!

Господь милуетъ нашу Русь православную, милуя наказуетъ и наказуя зоветъ къ покаянію и духовному обновленію. Въ послѣдніе полгода мы пережили столько чудесъ милости Божіей, сколько не видѣли въ полсотни лѣтъ. Не видѣли, потому только, что въ нерадѣніи своемъ глаза закрывали, а они, чудеса эти, не прекращались у насъ никогда. Громъ небесный пробудилъ нашу дремлющую совѣсть и очи наши открылись. Богъ положилъ на сердце Своему избраннику, Царю нашему, великое, воистину спасительное дѣло — положить конецъ народному развращенію пьянствомъ и народъ, какъ освобождаемый плѣнникъ, когда съ него снимаютъ оковы, свободно вздохнулъ, благословляя Помазанника Божія за это святое дѣло. А трезвость, видимо, привлекла къ народу нашему и Божіе благословеніе.

Но великое Божіе испытаніе далеко еще не кончилось. Нашъ врагъ собираетъ все новыя и новыя силы; объявляя войну, онъ надѣялся, что поможетъ ему наша внутренняя смута, нашъ историческій порокъ—пьянство; милостью Божіей—этого не случилось. Смута исчезла, пьянства какъ не бывало, Русь встала за свои святыни какъ одинъ человѣкъ. Но и въ духовной жизни бываетъ то же, что въ жизни тѣлесной: болѣзнь иногда возвращается съ удвоенной силой... Есть опасность, послѣ благополучнаго окончанія войны, возвращенія и нашихъ недуговъ духовныхъ; эту опасность надо имѣть въ виду, надо принимать мѣры къ ея предупрежденію. А для этого—не должно успокоиваться на мысли, будто мы стали лучше, будто мы заслуживаемъ милости Божіей, будто мы уже застрахованы отъ тѣхъ искушеній, которыми,—скажемъ откровенно,—позорилась доселѣ Русская земля... И вотъ—новая къ намъ милость Божія: чтобы закрѣпить въ насъ благое произволеніе, Богъ такъ расположилъ въ нынѣшнемъ году событія современной жизни и дни церковныхъ воспоминаній, что Великій постъ, это время духовнаго обновленія по преимуществу, приблизился къ началу года на самое краткое разстояніе: тотчасъ же послѣ праздника Крещенія Господня, въ первое же воскресенье, Церковь уже запѣла: *Покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче...* Раскрылась Тріодь постная и Церковь ввела насъ сначала въ преддверіе, а затѣмъ и въ самое поприще святаго поста. Пусть говорятъ, что это случайное совпаденіе: нѣтъ, это—дѣло Божія о насъ промышленія, Божіей милости къ намъ грѣшнымъ. Для христіанина ничего нѣтъ случайнаго, онъ во всемъ видитъ руку Божію, ибо и по ученію Церкви, и по личному опыту знаетъ, что и волосъ съ головы нашей не падаетъ безъ

воли Отца нашего небеснаго, тѣмъ паче не бываетъ ничего случайнаго въ жизни цѣлаго народа. Между тѣмъ извѣстно, и наукою доказано, какъ милостію Божіей, еще велико значеніе св. поста для русскаго православнаго человѣка: статистика говоритъ, что число преступленій значительно сокращается именно въ тѣ мѣсяцы, когда бываетъ святой Великій постъ. Значитъ, русскіе люди еще помнятъ святые дни, еще стараются, даже самые слабые изъ нихъ, самые склонные къ пьянству и всѣмъ порокамъ, отъ него истекающимъ, елико сила, воздерживаться отъ сихъ пороковъ. Вотъ Господь и зоветъ насъ закрѣпить въ себѣ доброе изволеніе наше подвигомъ поста и покаянія. Вѣдь вся жизнь христіанина есть непрестанный подвигъ въ борьбѣ съ самимъ собою, съ своими страстями, съ врагомъ нашего спасенія и его союзникомъ,— міромъ лукавымъ и прелюбодѣйнымъ. Всю жизнь мы должны стоять на стражѣ собственнаго своего сердца, оберегать его чистоту, а если появилась нѣкая нечистота, то скорѣе очищать ее, дабы не лишиться благодати Божіей, преподаваемой намъ въ таинствахъ святой матери нашей Церкви. Но есть времена въ теченіи года, когда Церковь, какъ заботливая мать, заставляетъ своихъ чадъ внимательнѣе заглянуть въ свое сердце, въ свою совѣсть, очистить себя благодатію таинствъ, подышать чистымъ воздухомъ жизни небесной, церковной, и обновиться духомъ. Если для тѣлеснаго нашего состава отъ времени до времени необходимо отдохнуть на свѣжемъ, чистомъ воздухѣ, выдержать ту или другую предписанную врачемъ діэту, то тѣмъ паче все это необходимо для нашей души. Тѣло мы питаемъ и грѣемъ, заботимся о немъ каждый день; а бѣдная наша душа такъ часто остается въ пренебреженіи, остается безъ сродной ей духовной пищи, дышетъ смрадомъ страстей, болѣетъ и страдаетъ отъ этихъ страстей... Вотъ святая Церковь, водимая Духомъ Божіимъ, и ввела святые посты, чтобы волею-неволею ея чада могли позаботиться о своей безсмертной душѣ. И какъ благодѣтельны эти святые дни! Какъ освѣжаютъ они душу вѣрнаго сына Церкви! Воистину это—весна душамъ! Весна, благоухающая райскими ароматами!

Постомъ и молитвою наши предки готовились къ великимъ подвигамъ борьбы за землю родную. Вспомнимъ Димитрія Іоанновича Донскаго, который нарочито предпринялъ съ своею избранной дружиной путешествіе къ преподобному Сергію, чтобъ испросить его молитвъ и благословенія на великій подвигъ. Покаяніемъ и причащеніемъ Божественныхъ Таинъ Христовыхъ готовили себя на битву его воины. Мы знаемъ, что и нынѣ русскіе воистину христолюбивые воины такъ же готовятся къ битвѣ въ виду смертной опасности. Надо, чтобы и весь православный русскій народъ слился съ своими сынами, на полѣ брани подвизающимися,—слился въ единеніи вѣры, молитвы, а наипаче—въ соединеніи со Христомъ въ величайшемъ таинствѣ причащенія тѣла и крови Его. Дивная сила сего таинства! Оно объединяетъ всѣхъ вѣрующихъ во едино тѣло—Церковь; оно дѣлаетъ насъ членами единаго тѣла Христова, возглавляемаго Самимъ Христомъ Спасителемъ: единъ Хлѣбъ—*едино тѣло есмы мнози, вси бо отъ единаго Хлѣба причащаемся*, говоритъ Апостолъ Павелъ. А если такъ, то—прямой выходъ изъ сего будетъ такой: когда страждетъ одинъ членъ,

то съ нимъ страждетъ и все тѣло; когда ощущаетъ приливъ силъ благодатныхъ одинъ членъ Церкви, то этотъ приливъ силъ благодатныхъ ощущается и другими членами того же таинственнаго тѣла Христова—Церкви, если только они живутъ въ нѣдрахъ Церкви, считаютъ себя сынами ея и повинуются ей, яко матери. Опасность смерти пробуждаетъ вѣру и въ тѣхъ, кто былъ дотолѣ равнодушенъ къ вѣрѣ; не даромъ говорится: кто на морѣ не бывалъ, тотъ Богу не маливался. И мы читаемъ въ сообщеніяхъ изъ арміи, что наши православные воины идутъ въ битву съ крестнымъ знаменіемъ, несутъ на своей груди родительское или іерейское благословеніе, умираютъ, цѣлуя свой нагрудный крестъ... Да, это—истинные сыны Церкви православной, смиренные и послушные ей, предающіе себя ея молитвамъ и ходатайству предъ Богомъ. И вотъ, когда мы, ихъ братья, отцы, матери, сестры, ихъ жены и дѣти,—мы, православные Русскіе люди, не только возносимъ вмѣстѣ съ Церковію за нихъ горячія молитвы, но и входимъ съ ними въ благодатное общеніе чрезъ святѣйшее таинство Божественнаго причащенія Тѣла и Крови Христа Спасителя нашего,—тогда благодать Божія достигаетъ ихъ, и укрѣпляетъ ихъ силы въ борьбѣ съ врагами нашей матери—Церкви. Вѣдь и они—члены того же тѣла Христова, именуемаго Церковію, къ коему принадлежимъ и мы. Они—съ нами едино тѣло, и когда мы вкушаемъ Тѣла Христова въ святѣйшемъ таинствѣ причащенія, когда мы піемъ отъ чаши Крови Господней, и на нихъ въ нѣкоей мѣрѣ простирается дѣйствіе благодати Божіей, обновляющей наши силы...

Очищая себя таинствами покаянія и святаго Причащенія, мы становимся и къ молитвѣ за ближнихъ нашихъ болѣе расположенными, болѣе способными. А въ такой молитвѣ наиболѣе другихъ нуждаются наши подвижники—воины. И если святая Церковь учитъ насъ, что Господь, по неизреченной благости Своей, пріемлетъ молитвы за усопшихъ, даже за „иже во адѣ держимыхъ“, то тѣмъ дерзновеннѣе будетъ молитва души, соединившейся съ Господомъ въ таинствѣ Причащенія, за тѣхъ братій нашихъ, которые подвизаются на брани за вѣру Царя и Отечество. Вѣдь молитва за ближнихъ, молитва за тѣхъ, которые и сами вопіютъ къ Богу отъ сердца, есть въ сущности дыханіе любви. А Богъ есть весь благость, весь—любовь. Онъ ли не услышитъ молитвы любви, возносимой отъ чистаго сердца, отъ лица всей Церкви, которая есть тѣло Его, Христа Спасителя, есть мать наша, молитвы, возносимой милліонами устъ и сердецъ Русскаго народа, приступающаго въ святые дни поста къ святѣйшей Чашѣ Христовой?

Мы не вѣдаемъ путей Божіихъ. Мы не знаемъ, что будетъ завтра. Не знаемъ, что ждетъ наше христолюбивое воинство въ ближайшее время его великаго подвига. Вся наша надежда на молитвы Церкви, на милость Божію. *Сіи на колесницахъ и сіи на конехъ, мы же во имя Господа Бога нашего призовемъ.* Не на пушки наши, не на оружіе наше надѣемся мы. Господь знаетъ, что не мы вызвали великую и страшную, въ исторіи еще небывалую войну. Господь знаетъ, что мы за правое дѣло стали грудью, стали изъ любви къ братьямъ нашимъ, которымъ грозило не только порабощеніе, но, какъ видно на примѣрѣ другихъ, порабощенныхъ

тѣми же нѣмцами славянъ, и похищеніе изъ ихъ сердецъ святой вѣры православной. Но и на сію правду нашу мы не уповаемъ. Мы знаемъ, что много согрѣшили предъ Богомъ и заслужили праведный гнѣвъ Его своими беззаконіями. А потому поспѣшимъ къ Нему въ чувствѣ сердечнаго раскаянія во грѣхахъ нашихъ, поспѣшимъ соединиться съ Хрістомъ Спасителемъ нашимъ въ таинствахъ покаянія и Божественнаго причащенія. И—вѣруемъ, что Онъ не оставитъ Своею милостію насъ грѣшныхъ, Онъ пошлетъ побѣду и одолѣніе хрістолюбивому воинству нашему на враговъ нашихъ, и какъ бы ни велики были силы этихъ враговъ—Онъ, Всесильный Господь воинствъ, покоритъ ихъ подъ ноги нашего Боголюбиваго и Богомъ хранимаго Самодержца. Ей, буди, буди, аминь!..

258.

Слово—серебро, молчаніе—золото.

Хорошо было въ старое доброе время: слова имѣли опредѣленный смыслъ, добро и называлось добромъ, а зло—зломъ; наши старики любили точность въ выраженіи своихъ мыслей и не терпѣли неопредѣленности. Нынѣ не то: нынѣ пущено въ ходъ множество словъ, смыслъ которыхъ предоставляется опредѣлять кому какъ угодно. Таковы столь любимыя нынѣ слова: „свобода“, „равенство“, „братство“, „любовь“; таково же и слово „гласность“. Обыкновенно о смыслѣ этихъ словъ не спорятъ: всѣ признаютъ ихъ словами хорошими, безспорными, и если бы кто усумнился въ этомъ, такого сочли бы отсталымъ, „ретроградомъ“, а то и человѣконенавистникомъ. Между тѣмъ какъ всѣ подобныя слова требуютъ себѣ непремѣнно дополненія: свобода—кому и для чего? разбойнику грабить и убивать? равенство въ чемъ и кому? безталанному лѣнтяю и безсовѣстному обманщику—съ честнымъ человѣкомъ, трудолюбивымъ и талантливымъ? Братство—въ какомъ отношеніи и опять кому? завѣдомому эксплоататору—іудею съ честнѣйшимъ хрістіаниномъ? Тоже и о гласности: говорятъ и хотятъ всѣхъ увѣрить, будто это ужъ такая полезная и хорошая вещь, что и спора быть не можетъ. Однакоже, мы на дѣлѣ видимъ, что она способна входить въ союзъ съ ложью, обманомъ, клеветой и тогда, конечно, ужъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признана полезною.

Въ наши дни именно гласность стала орудіемъ обмана цѣлыхъ народовъ, какъ это ни казалось бы невозможнымъ. На нашихъ глазахъ милліонныя массы простого народа въ Германіи, Австріи и Турціи находятся въ состояніи обманутыхъ, вѣрятъ тому, что находятъ нужнымъ печатать во всеобщее свѣдѣніе правительства этихъ народовъ и нѣтъ средствъ разубѣдить ихъ дотолѣ, пока самое дѣло, а не слова, не печатные листы, покажетъ, какъ ихъ обманывали руководители народной жизни. И горько будетъ тогда народное разочарованіе!

Гласность считается какимъ-то благомъ. На самомъ дѣлѣ она можетъ быть благомъ, но—увы—чаще бываетъ величайшимъ зломъ. И особенно много зла вноситъ въ нашу жизнь гласность въ наше время, когда печатью—надо въ этомъ сознаться—завладѣли въ громадномъ

большинствѣ іудеи, которые еще во времена пророка Исаіи отличались искусствомъ зло называть добромъ, а добро зломъ, черное представлять бѣлымъ и обратно. Они больше всѣхъ кричатъ о свободѣ гласности и больше всѣхъ злоупотребляютъ этою свободой. Но и не одни іудеи,—наши интеллигенты либеральнаго лагеря не уступаютъ іудеямъ въ злоупотребленіи гласностью. Скажу больше: понятіе о гласности, какъ о какомъ-то безспорномъ благѣ, проникаетъ даже туда, гдѣ ему ужъ никакъ не подобало бы быть. Я говорю о духовной печати, о той гласности, которой хотятъ пользоваться нѣкоторые духовные писатели. Если кому, то имъ-то ужъ во всякомъ случаѣ подобало бы помнить слово Спасителя: *всяко слово праздное, еже аще рекутъ человѣцы, воздадятъ о немъ слово въ день судный.* Печатное слово есть то же, даже больше, чѣмъ проповѣдь на площади, среди улицы, въ милліонной толпѣ. Прежде, чѣмъ выйти на такую проповѣдь, ораторъ долженъ заглянуть въ свою совѣсть, провѣрить себя: составляетъ ли задуманная имъ проповѣдь—его *долгъ* предъ совѣстью, предъ Богомъ, или же онъ хочетъ только использовать свободу слова, предоставленную всякому гражданскимъ закономъ? Тѣмъ паче служитель алтаря Христова долженъ провѣрить себя, да не только своею совѣстью, но и совѣстью другаго, кого онъ считаетъ стоящимъ выше себя въ духовномъ отношеніи, *долженъ* ли, обязанъ ли онъ выступить съ словомъ обличенія въ печати? Откуда идетъ къ нему помыслъ, желаніе такого выступленія? Съ какой стороны: справа или слѣва? Я говорю, что ему слѣдуетъ провѣрить себя совѣстью другаго, кто опытнѣе его въ духовной жизни, потому, что наша совѣсть, потемненная страстями, нерѣдко позволяетъ, вѣрнѣе сказать—насилуема бываетъ допускать нашему уму, который почти всегда находится на послугахъ у грѣшнаго сердца, лукавновать въ рѣшеніи такихъ вопросовъ, и слушаться не ея, совѣсти, а пришедшаго отъ страсти помысла *слѣва*... Объясню примѣромъ. Въ церковной жизни замѣчается тотъ или иной недостатокъ, остановившій на себѣ вниманіе мірянъ. Для нихъ правило, о коемъ я только что упомянулъ—провѣрять свою совѣсть совѣтомъ другаго,—къ сожалѣнію, не вѣдомо: развѣ изъ тысячи одинъ вспомнитъ о чемъ. Обычно, подъ видомъ ревности о Церкви, о ея канонахъ, уставахъ и дисциплинѣ, міряне начинаютъ обсуждать въ газетахъ этотъ недостатокъ, обвиняя въ немъ, по обычаю, власть церковную. Съ своей точки зрѣнія, пользуясь въ извѣстныхъ предѣлахъ свободою печатнаго слова, они внѣшне, юридически, правы, по крайней мѣрѣ если бы имъ напомнили вышесказанное правило, они съ изумленіемъ посмотрѣли бы на напоминающаго, или же прямо сказали бы: „вотъ чего вы захотѣли! А гдѣ же свобода слова, свобода совѣсти?“ и под. Но вотъ съ словомъ критики выступаетъ священникъ. Прежде всего онъ долженъ вопросить свою совѣсть: призванъ ли онъ своимъ званіемъ, своимъ пастырскимъ *долгомъ* къ такому выступленію? Затѣмъ, откуда: справа или слѣва явился у него помыслъ, побужденіе къ этому выступленію? Не было ли въ его прошломъ такъ называемаго на языкѣ аскетовъ „прираженія“ къ церковной власти? Не немирствовало ли его сердце по отношенію къ этой власти по какому либо поводу, хотя бы самому ничтожному, а тѣмъ болѣе—ничтожному? Если онъ строгъ къ го-

лосу своей совѣсти, если прислушивается къ нему какъ подобаетъ пастырю Церкви, то онъ не станетъ рѣшать этихъ вопросовъ самъ, не провѣривъ себя совѣстью другаго пастыря. Онъ предпочтетъ отказаться отъ своего мнѣнія по данному вопросу, если оно будетъ расходиться съ образомъ дѣйствій церковной власти, дабы не внести соблазна въ души вѣрующихъ своимъ выступленіемъ. Къ сожалѣнію, нынѣ не тѣ времена. Я опасаюсь, что меня даже не поймутъ такіе любители печатныхъ выступленій: „какъ? скажутъ они: міряне могутъ, а намъ нельзя? Да кто же больше понимаетъ дѣло церковное, мы или міряне?“—Такимъ я сказалъ бы: успокойтесь, отцы, никто не запрещаетъ вамъ, не отнимаетъ у васъ свободы печатно высказывать свои мнѣнія въ извѣстныхъ, закономъ указанныхъ предѣлахъ; я и не говорю о вашемъ *гражданскомъ* правѣ на этотъ счетъ. Я напоминаю вамъ вашъ *долгъ* какъ служителей Церкви. Да, вы нравственно обязаны всенепремѣнно свѣрять свои дѣйствія съ закономъ совѣсти, и не просто только дѣйствовать, какъ вамъ вашъ разумъ подскажетъ, хотя бы онъ и сослался въ этомъ случаѣ на вашу „спокойную“ совѣсть, а непремѣнно—провѣрить ея голосъ мнѣніемъ и совѣтомъ лица, которому вы довѣряетесь какъ духовному отцу. Такъ будетъ несомнѣнно лучше и безопаснѣе. Не подумайте, что я говорю о внѣшней опасности для васъ со стороны той же власти,—нѣтъ, а опасность есть погрѣшить праздным, для вѣрующихъ вреднымъ словомъ, если будете критиковать дѣйствія своей власти. Вѣдь, очень возможно, что помыслъ вашъ идетъ *слѣва*, хотя бы вы и не приражены лично къ своей власти. Врагъ хитеръ и подсказываетъ намъ иногда подъ благовиднымъ предлогомъ ревности о Церкви сѣять недовѣріе къ авторитету церковной власти критикою ея дѣйствій. Извѣстно, что у хлыстовъ, спиритовъ, баптистовъ и всѣхъ еретиковъ и раскольниковъ правило искать недостатки въ духовенствѣ Православной Церкви и критиковать ихъ. То же прикровенно бываетъ и съ мірянами, и съ іереями, критикующими власть церковную. Не говорю: бываетъ сознательно, но врагъ пользуется всякимъ случаемъ, чтобъ подрывать довѣріе къ духовенству, къ власти церковной, чтобъ мало по малу расшатывать вѣру въ самую Церковь и охлаждать любовь къ ней въ лицѣ ея власти и ея служителей. Можно ли допустить, чтобъ этому содѣйствовалъ, хотя косвенно, хотя безсознательно, служитель самой Церкви?

Не все то золото, что блеститъ, говоритъ народная мудрость. Не все то добро, что кажется добромъ. Не всякая „правда“ имѣетъ право на всеобщее оглашеніе. И если іезуитъ говоритъ, что „цѣль оправдываетъ средства“, а потому и всѣ средства хороши, если ведутъ къ доброй цѣли, то православный іерей, какъ служитель своей Церкви, не можетъ такъ думать, такъ говорить, тѣмъ менѣе такъ дѣйствовать. Если онъ видитъ зло, видитъ непорядокъ, требующій исправленія, то его долгъ—сказать объ этомъ тому, кто можетъ исправить этотъ непорядокъ. И довольно съ него. Онъ сложилъ съ своей совѣсти на совѣсть того, кому повѣдалъ о злѣ и непорядкѣ, и можетъ быть спокоенъ. Другое дѣло, если онъ самъ долженъ исправить зло, и непорядокъ, если это—долгъ его служенія Церкви. Тогда пусть онъ—не говоритъ только, но и дѣйствуетъ. А если самъ онъ исправить не можетъ, если это

выше его мѣры, то довольно съ него, если скажетъ власти свою мысль. А выходить на улицу и кричать предъ толпою, жаловаться толпѣ на бездѣйствіе власти это уже само по себѣ составляетъ непорядокъ, предвосхищеніе не принадлежащаго ему права. Ты кто еси, говоритъ Апостолъ, судяй чуждему рабу? И кто такое эта толпа, улица, то есть, масса невѣдомыхъ тебѣ читателей печатныхъ листовъ, на которыхъ ты выступаешь съ своими обличеніями, кто—они, чтобъ быть судіями властей? Въ громадномъ большинствѣ они и дѣла-то не понимаютъ, и пускаются вслѣдъ за тобою судить вкривь и вкось о дѣлѣ, и возбуждаютъ другъ въ другѣ неудовольствіе на власть...

Обычно нетерпѣливые критики дѣйствій власти въ своихъ печатныхъ выступленіяхъ легкомысленно нападаютъ на лицъ, стоящихъ близко къ власти, имѣющихъ возможность воздѣйствовать на власть. Поучительно въ этомъ отношеніи то, что говорилъ великій мудрецъ прошлаго вѣка, святитель Филаретъ Московскій. Въ 1856 году А. А. Пороховщиковъ, сообщая ему впечатлѣнія своей первой встрѣчи съ представителями славянофильскаго ученія, выразилъ изумленіе, что такіе даровитые и просвѣщенные сторонники Самодержавія, какъ славянофилы, не только не пользуются у насъ довѣріемъ правительства, но еще отмѣчены какимъ-то неопредѣленнымъ пятномъ политической неблагонадежности. Было высказано г. Пороховщиковымъ и предположеніе о томъ, что если бы представить этимъ славянофиламъ открыто исповѣдывать свое ученіе, то однимъ изданіемъ доступнаго массѣ изложенія своего міровоззрѣнія они вызвали бы въ народѣ такой откликъ, который разсѣялъ бы всѣ подозрѣнія и взамѣнъ Царя недоумѣвающаго увидѣли бы Царя—единомышленника и заступника.

— „Быть можетъ вы и правы въ своихъ предположеніяхъ, сказалъ святитель, да только время не пришло. Съ годами убѣдитесь, что законы роста не допускаютъ исключеній. Посѣянному зерну для всхода нужно время. Такъ и тутъ“.

— Но развѣ люди въ такомъ исключительномъ положеніи, какъ настоящее положеніе московскаго митрополита, не могутъ своимъ участіемъ приблизить это время, возразилъ Пороховщиковъ.

— „Не могутъ, сказалъ митрополитъ: потому что нынѣ и митрополиту могутъ сказать: не твое дѣло. Я не доживу до того дня, когда разсѣются недоразумѣнія въ этомъ вопросѣ, когда въ защиту его заговорятъ не одни митрополиты, когда сами Славяне потянутся къ намъ сознательно; но вы, Богъ дастъ, доживете... доживете, пожалуй, и до Царя единомышленника“.

Святитель дѣйствительно не дожилъ до того дня: онъ умеръ въ 1867 году, а уже въ 1875 году созрѣла мысль о своевременности приступить къ окончательному рѣшенію такъ называемаго „восточнаго вопроса“.

Такъ разсуждалъ мудрый святитель, и былъ глубокое правъ въ своихъ сужденіяхъ. Онъ зорко слѣдилъ за событіями, бодро стоялъ на стражѣ Церкви и отечества, выступалъ тамъ, гдѣ повелѣвалъ ему долгъ, но когда не видѣлъ пользы отъ своихъ выступленій, то умолкалъ, предоставляя Богу сотворить потребное въ свое время.

Помню, повѣдалъ мнѣ покойный мой авва, о. Леонидъ, намѣстникъ Сергіевы лавры, какъ онъ, будучи еще молодымъ іеромонахомъ, въ бесѣдѣ съ великимъ святителемъ

московскимъ Филаретомъ, говоря о непорядкахъ того времени,—дѣло было въ срединѣ шестидесятыхъ годовъ,—дерзнулъ сказать святителю: „владыко святый, всѣ ждутъ вашего слова высшей власти: кто же дерзнетъ, кромѣ васъ, сказать правду ей, да и кого же ей слушать, какъ не васъ?“ И услышалъ о. Леонидъ отвѣтъ святителя, сказанный со вздохомъ: „говорилъ, да не слушаютъ“. Значитъ, что требовала совѣсть святителя Божія, то онъ говорилъ, не молчалъ, но пока дѣло касалось земныхъ порядковъ, пока не касались догматовъ вѣры, святыни сей неприкосновенной, дотолѣ и его совѣсть была спокойна: „Говорилъ, но не слушаютъ“. А нынѣ, какой-нибудь либералъ—батюшка, усмотрѣвъ какой-нибудь непорядокъ въ церковной жизни, выступаетъ уже съ рѣзкими обличеніями его въ какомъ-нибудь не всегда чистоплотномъ органѣ, не замѣчая того, что тутъ же, рядомъ съ нимъ, стоятъ съ своими статьями открытые враги Церкви, іудеи или іудействующіе кадеки, имже нынѣ нѣсть числа... И вступаетъ такой іерей на наклонную плоскость дешевой популярности, и попадаетъ въ сѣти вражьи, и постепенно катится по этой плоскости, забывая печальные примѣры Григоріевъ Петровыхъ, Михаиловъ Семеновыхъ, Иліодоровъ—Труфановыхъ и имъ подобныхъ. Спириты говорятъ, что лицамъ духовнымъ особенно опасно заниматься вызываніемъ духовъ, и тѣмъ сами обличаютъ того, кто руководитъ ими. Нѣчто подобное можно сказать и въ отношеніи обличительныхъ выступленій: въ духовномъ отношеніи они опаснѣе для лицъ духовныхъ, чѣмъ для мірянъ: кому много дано, съ того много и взыщется, и если своими неразумными, можетъ быть, слишкомъ дерзновенными выступленіями іерей оскорбитъ носимую имъ благодать священства, требующую отъ него особенной чистоты совѣсти и строгаго отношенія къ своимъ поступкамъ, то врагъ скорѣе найдетъ доступъ къ его душѣ и возобладаетъ имъ, какъ это мы и видѣли на примѣрѣ выше упомянутыхъ несчастныхъ разстригъ...

Да, повторю: не всякую и правду можно оглашать, выходя на газетную улицу. Не всякую „правду“ обязана выслушивать и обличаемая власть. Вспомнимъ, какъ относилась къ „правдѣ“, высказываемой сатаною, Самъ Христосъ Спаситель и Его Апостолы. Развѣ не правду говорили нечистые духи, взывая Господу: знаю, Кто Ты—Святый Божій!“ Развѣ лгалъ духъ пытливый въ несчастной отроковицѣ, о которой говорится въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ (16, 17), когда ея устами взывалъ во слѣдъ Апостоловъ: это—рабы Божіи, они возвѣщаютъ намъ путь спасенія? Но принялъ ли во вниманіе Апостолъ Христовъ такое непрошенное свидѣтельство о его Божественномъ посланничествѣ? Напротивъ, онъ съ негодованіемъ отвергъ его и заставилъ молчать злаго духа, не допуская даже мысли о томъ, чтобы использовать такое свидѣтельство, казавшееся даже благопріятнымъ для него.

Само собою разумѣется, я говорю о тѣхъ обличительныхъ выступленіяхъ іереевъ въ печати (слава Богу—немногочисленныхъ), въ которыхъ звучитъ голосъ недовольства, критики, раздраженія противъ власти. Тутъ нѣтъ сомнѣнія, что всѣ таковыя выступленія—слѣва и отъ лукаваго. И слушать ихъ не стоитъ. Должно обращать вниманіе на самихъ авторовъ, на ихъ духовное настроеніе; надо пожалѣть ихъ и позаботиться объ ихъ вразумленіи и отрезвленіи. Ибо что такое ихъ

выступленія, какъ не плодъ нѣкоего опьяненія самомнѣніемъ и немирнымъ чувствомъ къ своей власти?..

Есть другаго рода выступленія, въ коихъ о недостаткахъ церковной и государственной жизни говорится безъ раздраженія, спокойно, даже благожелательно. Но и тутъ я совѣтовалъ бы пастырямъ Церкви держаться построже правила: пользуйся своимъ правомъ только тогда, когда оно станетъ твоимъ долгомъ. Всякое право налагаетъ обязанности, а такою и является исполненіе долга. Хочешь использовать свое право? Спроси свою совѣсть: требуетъ ли отъ тебя этого долгъ? Если—да, то исполни этотъ долгъ. Если—нѣтъ, то вспомни пословицу: слово—серебро, молчаніе—волото, и посовѣтуйся съ тѣми, кто опытнѣе тебя въ духовной жизни. Можетъ быть, опытный человѣкъ скажетъ тебѣ, что использованіе тобою права наложитъ на тебя тяжелую обязанность, которой ты не имѣлъ въ виду принимать на себя.

Нынѣ такъ много охотниковъ „писать“, что не бѣда, если однимъ будетъ меньше. Всякому хочется сказать свое слово „на пользу общую“, а нерѣдко выходитъ одно празднословіе изъ этого. Говорятъ нерѣдко то, что давно уже сказано и сказано умнѣе, дѣльнѣе, а пишущій думаетъ, что никто еще не говорилъ того, что онъ хочетъ сказать... Такъ не лучше ли и въ самомъ дѣлѣ иной разъ помолчать?..

259—260.

О честолюбіи и властолюбіи.

Доброе слово нѣкоторымъ инокамъ и пастырямъ Церкви.

Кто хочетъ поглубже заглянуть въ свое сердце, въ свою душу, кто не хочетъ быть только по имени хрістіаниномъ, для того нѣтъ лучшаго времени въ году, какъ великій постъ. Для леченія тѣлесныхъ недуговъ люди отправляются въ больницы, или, по совѣту врачей—куда-нибудь на лечебныя воды и тамъ, въ извѣстное время года, проходятъ курсъ леченія подъ руководствомъ опытныхъ врачей. Наша духовная лечебница — наша святая Церковь, нашъ лечебный сезонъ—преимущественно великій постъ. И если симъ святымъ временемъ спѣшитъ воспользоваться каждый православный хрістіанинъ, то тѣмъ паче долженъ это сдѣлать служитель Церкви, пастырь Церкви, а равно и тотъ, кто ушолъ отъ міра въ святую обитель, принялъ тамъ званіе инока, обязывающее его и жить иначе, чѣмъ міряннинъ, не только въ посты, но и во всю свою жизнь. Мы живемъ въ тревожное, можно сказать—грозное время: не напрасно нѣкоторые вдумчивые и внимательные къ себѣ люди вопрошаютъ, не настали ли уже послѣднія времена, не близокъ ли послѣдній судъ?.. Но времена и лѣта положилъ Господь въ Своей власти и никто не знаетъ — даже Ангелы Божіи — послѣдняго дня и часа суда Божія, а вотъ готовиться къ сему суду необходимо, если кто не хочетъ пойти въ муку вѣчную съ діаволомъ и аггелами его. Вотъ почему мнѣ хотѣлось бы сказать доброе слово наипаче своимъ собратіямъ по монашеству и сослужителямъ во Христѣ — пастырямъ Христовой Церкви,—сказать то, что наболѣло на душѣ при видѣ нашихъ

духовныхъ немощей, иногда ужъ слишкомъ ярко выступающихъ и показывающихъ, что нѣкоторые изъ насъ забыли обѣты свои и пошли путемъ міра сего лукаваго—пусть сами въ совѣсти своей рѣшатъ: куда ведетъ и заведетъ ихъ этотъ путь!..

Святый Апостолъ и Евангелистъ Іоаннъ Богословъ указываетъ три вѣтви, исходящія изъ основнаго корня грѣха: похоть плоти, похоть очесъ и гордость житейскую. Всѣ наши грѣхи суть развѣтвленія и плоды этихъ главныхъ вѣтвей грѣха; врагъ зорко слѣдитъ: къ чему болѣе склонна душа человѣка, на какой, такъ сказать, вѣтви грѣха чаще останавливается ея мысленный взоръ, и соотвѣтственно сему искушаетъ человѣка. Для того, чтобы птица попала въ руки ловца, довольно, чтобъ она хотя однимъ коготкомъ запуталась въ его сѣтяхъ: такъ и для погибели души довольно одной какой-либо страсти овладѣть душою всецѣло. И мы замѣчаемъ, что у каждаго грѣшника есть свой излюбленный имъ идолъ, которому онъ служитъ, своя страсть, которая господствуетъ въ его сердцѣ. Само собою разумѣется, что это не исключаетъ служенія и другимъ страстямъ, но сіи страсти обычно уступаютъ первенство господственной страсти и нерѣдко прикрываютъ ее отъ духовнаго взора даже самого плѣнника сей страсти. Такъ постыдная страсть плотская иногда прикрывается страстью якобы благородной гордости, страсть скупости—лицемѣрнымъ человѣколюбіемъ и тщеславіемъ.

У святыхъ отцевъ есть пророчество о монахахъ послѣднихъ временъ, что будутъ они спасаться не великими подвигами внѣшняго дѣланія, а великимъ смиреніемъ. И за таковое смиреніе нѣкоторые изъ нихъ превзойдутъ древнихъ чудотворцевъ. А противоположная смиренію страсть, конечно, есть гордыня, питаемая тщеславіемъ и честолюбіемъ. Знаетъ это врагъ и искушаетъ современныхъ намъ иноковъ, а также и служителей алтаря Христова, наипаче всего честолюбіемъ, тщеславіемъ, а затѣмъ, конечно, и гордынею. Это замѣтилъ еще великій святитель Филаретъ митрополитъ Московскій: „опаснѣе всего, говорилъ онъ, для монаха—честолюбіе". Слишкомъ сорокъ лѣтъ живу я въ монастырѣ, благодарю Бога, что моимъ духовнымъ руководителемъ въ продолженіи многихъ лѣтъ былъ незабвенный ученикъ великаго въ своемъ монашескомъ смиреніи старца Оптиной пустыни, о. Макарія, архимандритъ Леонидъ (Кавелинъ), который постоянно твердилъ мнѣ о первомъ завѣтѣ своего старца — послушаніи и смиреніи, объ отсѣченіи своего смышленія и исканіи воли Божіей наипаче во внѣшнихъ обстоятельствахъ жизни. Съ этой точки зрѣнія покойный старецъ опѣнивалъ нравственный обликъ каждаго монаха, ему подчиненнаго; никакія внѣшнія достоинства въ его глазахъ не имѣли большой цѣны, если монахъ имѣлъ склонность цѣнить самого себя: „самоцѣнъ—первый врагъ монаха", говаривалъ онъ. И все вниманіе старца, какъ настоятеля монастыря, было обращено на воспитаніе въ подчиненныхъ духа смиренія, отсѣченія своей воли и смышленія, сознанія той животворящей въ духовномъ отношеніи истины, что не мы дѣлаемъ доброе, если что дѣлаемъ, а Господь Своею всемощною благодатію, и если мы себѣ приписываемъ какое-либо добро, то крадемъ его, это добро, у Бога. Это въ корнѣ подсѣкало въ инокахъ, внимающихъ своему спасенію, всякій самоцѣнъ, а слѣдовательно от-

нимало почву и у честолюбія, стремленія къ наградамъ, къ повышенію въ священномъ санѣ и под. Послушникъ можетъ еще мечтать о монашескомъ званіи, но долженъ помнить, что монахъ-то и есть, по выраженію преподобнаго Іоанна Лѣствичника, „бездна смиренія, въ которую онъ низринулъ и въ которой потопилъ всякаго злаго духа“ (Лѣств. гл. 23, 27). Въ такомъ настроеніи придетъ ли человѣку на мысль расцѣнивать свои достоинства и заслуги и мечтать о какихъ бы то ни было наградахъ? Если данные Господомъ Іисусомъ Христомъ нравственные законы обязательны для всякаго вѣрующаго, то тѣмъ болѣе они обязательны для инока, для служителя Церкви, облеченнаго благодатію священства. И тотъ и другой должны помнить, что Господь не нуждается въ ихъ, говоря человѣчески, услугахъ въ великомъ дѣлѣ спасенія людей въ Церкви Его, а потому за великое счастіе должны почитать, если Господь содѣлаетъ что-либо чрезъ нихъ, такъ что они удостоятся быть живыми органами Его жизнедѣятельности въ Его святой Церкви. Мысль о земныхъ, человѣческихъ наградахъ являлась бы для нихъ кощунствомъ, ибо ихъ награда—то благодатное утѣшеніе, какое переживаютъ они въ своей совѣсти, сознавая свою близость къ Господу Спасителю. Но всѣ мы немощны, ко всякому изъ насъ можетъ приразиться искусительный помыслъ самоцѣна, а потому тѣ, кто стоитъ на стражѣ спасенія души монаха, имѣетъ долгъ постоянно напоминать ему объ этомъ, а когда потребно, то и ставить преграды къ проявленію самоцѣна. Такъ и дѣлалъ покойный о. Леонидъ. Помню, одно высокопоставленное лицо, мірянинъ, вздумалъ ходатайствовать предъ нимъ о рукоположеніи скитскаго іеродіакона въ санъ іеромонаха. —„Я и самъ думалъ объ этомъ, сказалъ старецъ, но теперь вижу, что ему рано быть іеромонахомъ; извините, ваше превосходительство, у меня ужъ такая дурная привычка: за кого ходатайствуютъ міряне, того — подальше поставить отъ повышеній, пока у него простынетъ искушеніе самоцѣна“. И дѣйствительно, онъ отложилъ рукоположеніе іеродіакона почти на три года, дабы не повадно было и монахамъ искать повышеній и наградъ чрезъ мірянъ, и мірянамъ ходатайствовать за нихъ ко вреду ихъ. А когда такихъ преградъ къ исканію повышеній не ставится, когда начальство прислушивается къ тому, что вотъ такой-то инокъ „скорбитъ“, что его „забыли“, долго не повышаютъ, не награждаютъ, то среди монашествующихъ быстро развивается честолюбивое искательство наградъ и повышеній, и тогда начальству приходится постоянно слышать попреки, что оно несправедливо къ тому или другому иноку, и конца не будетъ такимъ упрекамъ. Страсть честолюбія положительно ненасытима, какъ и всякая, впрочемъ, другая страсть. Послушникъ мечтаетъ быть манатейнымъ монахомъ, но не для того, чтобъ усилить подвиги иноческаго житія,—этого ему не запретитъ отецъ духовный и въ состояніи послушничества,—а для того, чтобы пройти по церкви, распустивъ свою мантію: смотрите-де, я теперь уже не послушникъ, а монахъ... Конечно, я говорю не о всѣхъ монахахъ, а только о тѣхъ, которые усиленно добивались постриженія. Но не долго утѣшаетъ такихъ и мантія: скоро является желаніе сана іеродіаконства, а затѣмъ и іеромонашества. А тамъ пойдутъ эти награды: набедренникъ, крестъ, а если есть возможность, то и орденъ... Я встрѣчалъ несча-

стныхъ иноковъ, одержимыхъ страстью честолюбія до того, что они наводили справки: какое братство или общество какой даетъ значекъ своимъ членамъ, чтобъ купить себѣ и привѣсить этотъ значекъ, внеся извѣстную сумму какъ пожертвованіе на братство или общество. И обвѣшиваетъ себя такой „инокъ“ подобными значками, и не замѣчаетъ, что добрые люди благодушно смѣются надъ его страстью къ такимъ значкамъ. Но дѣло и симъ не ограничивается: скоро эти значки ему наскучиваютъ, страсть честолюбія ищетъ себѣ новой пищи и постепенно превращается въ страсть къ властолюбію. Какой-нибудь простецъ, неумѣющій правильно написать своего имени, чуть не по складамъ читающій Евангеліе, мечтаетъ быть уже настоятелемъ въ какомъ-нибудь монастырѣ, а съ настоятельствомъ получить и санъ игумена, а затѣмъ и архимандрита... Гдѣ предѣлъ такому духовному *уродству*?.. Иначе я не умѣю назвать такое печальное явленіе въ средѣ иночества... Къ несчастію, въ наше путаное время чего не бываетъ? И такіе честолюбцы, на горе себѣ и подчиненнымъ, иногда достигаютъ своихъ цѣлей и увѣнчиваютъ свою главу митрами... Я сказалъ: на горе другимъ—это понятно, ибо какой ужъ будетъ настоятель — человѣкъ безъ опыта духовнаго, преданный страсти властолюбія, ослѣпленный мнѣніемъ о себѣ, какъ о нѣкоемъ выдающемся талантѣ, какъ о заслуженномъ человѣкѣ? Но онъ получаетъ искомое и на горе себѣ: всегда должно помнить, что въ области духа, въ жизни Церкви, такое предвосхищеніе власти съ цѣлію обратить ее на служеніе идолу честолюбія, не проходитъ безнаказанно для честолюбца. Богъ помогаетъ только тому, кто Ему служитъ, а безъ Божіей помощи проходить служеніе дѣлу спасенія ближнихъ невозможно. Посему честолюбецъ предоставляется собственнымъ силамъ въ новомъ своемъ положеніи и скоро начинаетъ чувствовать это оставленіе его благодатію вспомоществующею... Его постигаютъ неудачи по службѣ, нестроенія въ средѣ братіи, которая не можетъ питать къ нему должнаго довѣрія и уваженія, начинаются искушенія, отъ которыхъ онъ готовъ былъ бы бѣжать... Кто не своею волею сталъ на мѣсто начальника, кто не искалъ сего мѣста, тотъ въ такихъ случаяхъ имѣетъ дерзновеніе просить у Бога помощи: „Господи, Тебѣ было благоугодно поставить меня на это мѣсто: Ты и помогай мнѣ!“ А кто самъ домогался мѣста начальническаго, кто достигъ его кривыми путями, тотъ не смѣетъ, не можетъ съ такимъ дерзновеніемъ обращаться къ Богу въ трудныя минуты жизни. Его мучаетъ совѣсть, его вѣра слаба, а врагъ не даетъ ему свободы отрезвиться, спокойно взглянуть на свое прошлое, раскаяться въ своемъ честолюбивомъ искательствѣ... Мало того: Божіимъ попущеніемъ бываетъ, что пока онъ жилъ въ обители подначальнымъ, дотолѣ не зналъ нѣкоторыхъ искушеній, оберегаемый отъ нихъ всѣмъ строемъ монастырской жизни, а оказавшись на нѣкоторой свободѣ, мало-по-малу поддается и симъ искушеніямъ, которыя доводятъ иныхъ настоятелей—искателей до гибели...

Я назвалъ служеніе страсти честолюбія „уродствомъ“: оно таково и есть на самомъ дѣлѣ. Человѣкъ отрекся отъ міра, далъ обѣтъ глубокаго смиренія и борьбы съ своими страстями, имѣетъ къ тому и средства въ самой обстановкѣ монашеской жизни, и постоянное о томъ напоминаніе въ самыхъ одеждахъ

своихъ; его цѣль—достигнуть такой глубины смиренія, чтобы считать себя какъ бы лежащимъ подъ всею тварію — хуже всякой твари, а у св. отцевъ есть даже выраженіе, что монахъ долженъ считать себя хуже самого бѣса (ибо, объясняютъ отцы, бѣсъ бѣсу не вредитъ, а человѣкъ человѣку можетъ вредить, слѣдовательно, онъ въ семъ случаѣ поступаетъ хуже бѣса), и вдругъ—свое „я“ онъ ставитъ выше всего, начинаетъ служить своему самоцѣну, какъ идолу, отдаетъ и время и силы на это служеніе, извращаетъ весь порядокъ духовной своей жизни: развѣ онъ не представляетъ изъ себя урода, въ родѣ, напримѣръ, горбача? Не напрасно же преподобный Нилъ Синайскій называетъ гордость „опухолью души“. Всякая страсть, когда она всецѣло овладѣетъ человѣкомъ, представляетъ какъ бы помѣшательство, но страсть гордости, самоцѣна, славолюбія, есть по преимуществу помѣшательство, ибо справедливо говоритъ св. Лѣствичникъ, что если блудныхъ могутъ еще исправить люди, то гордыхъ только Самъ Богъ. Въ самомъ дѣлѣ: что бы вы ни говорили зараженному самоцѣномъ иноку о монашескомъ смиреніи, о волѣ Божіей, о необходимости бороться съ своимъ самоцѣномъ,—онъ упорно будетъ стоять на своемъ: „я-де не хуже другихъ, вотъ такой-то награжденъ, почему же меня обошли?“ и прочіе не умные глаголы. У него будто вытравлено нравственное чувство, лучше сказать—оно извращено у него: все, что, по долгу монашескаго смиренія, онъ долженъ бы сказать въ пользу брата, онъ говоритъ о себѣ, и наоборотъ: что долженъ бы сказать о себѣ, то говоритъ о братѣ... Тяжело да пожалуй и безполезно говорить съ такими людьми: они не понимаютъ васъ, не хотятъ понимать. У нихъ одно на умѣ—ихъ собственныя достоинства ихъ заслуги, большею частію, конечно, мнимыя.

Я назвалъ страсть честолюбія помѣшательствомъ. Изъ всѣхъ страстей, воюющихъ на душу, она чаще всего и дѣйствительно переходитъ въ помѣшательство. Знаю немало такихъ примѣровъ. Дѣло въ томъ, что есть такъ называемыя въ психіатріи „навязчивыя мысли“, а по-нашему, по-монашески неотступные помыслы, которые, Божіимъ попущеніемъ, къ смиренію человѣка, а вражескимъ воздѣйствіемъ такъ овладѣваютъ умомъ его, что онъ перестаетъ отличать свою мечту отъ дѣйствительности, и вотъ, мечталъ, напримѣръ, о набедренникѣ, и мнится ему, наконецъ, что уже получилъ его; мысль идетъ дальше: онъ уже мечтаетъ о дальнѣйшихъ наградахъ и въ своемъ помыслѣ и мечтѣ воображаетъ, что получилъ уже ихъ... Такъ одинъ несчастный іеромонахъ въ Сергіевой лаврѣ дошолъ до того, что вообразилъ себя бѣлгородскимъ (почему-то!) патріархомъ, цѣлыя ночи проводилъ на молитвѣ, готовясь якобы къ служенію, и кончилъ тѣмъ, что началъ буйствовать и умеръ въ домѣ умалишенныхъ... Всѣ, одержимые маніей величія, несомнѣнно въ здравомъ состояніи мечтали о повышеніяхъ, наградахъ, что и дало почву для ихъ помѣшательства. Извѣстно, что кому больше дано, съ того больше и взыщется. Монаху, по самому званію его, больше извѣстны законы духовной жизни, по крайней мѣрѣ — нравственныя требованія, каково смиреніе, напримѣръ; этому учатъ въ монастыряхъ каждаго послушника, хотя бы только на словахъ. Потому монахъ знаетъ и козни вражіи больше, чѣмъ мірянинъ. Онъ долженъ знать и то, какъ врагъ приражается къ

душѣ человѣка на почвѣ его немощей духовныхъ, а потому и долженъ стоять постоянно на стражѣ своего сердца. Пока помыслъ грѣшный есть только прираженіе, мимолетная мысль, чужая еще сердцу, дотолѣ его легко прогнать отъ себя молитвеннымъ вздохомъ ко Господу, пожаловавшись Ему на немощь свою и сознавъ эту немощь, какъ духовную болѣзнь грѣхолюбиваго сердца. О семъ и говорятъ святые отцы: блаженъ, иже имѣетъ и разбіетъ младенца сего о камень крѣпкой вѣры и упованія на промыслъ Божій, самопреданіемъ водительству Божію. Но если человѣкъ допуститъ помыслъ ближе къ сердцу, войдетъ съ нимъ въ собесѣдованіе, то тутъ уже есть опасность согласиться съ нимъ, допустить въ сердце этого змѣеныша, а тамъ уже онъ совьетъ себѣ гнѣздо и станетъ грызть душу грѣшнымъ желаніемъ чести, награды и под. Бываетъ и такъ, что врагъ нападаетъ на душу внезапно, не давая ей опомниться, вдругъ зажигая въ ней грѣшное желаніе подъ какимъ-либо впечатлѣніемъ совнѣ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ борьба съ помысломъ бываетъ нелегкая. Лучшимъ средствомъ для пораженія врага и изгнанія его изъ сердца — это откровеніе помысла старцу или отцу духовному. Это то же, что поймать поджигателя и предать его кому слѣдуетъ. Въ другой разъ онъ уже не осмѣлится войти въ нашу сердечную храмину, какъ обличенный уже въ покушеніи на миръ нашей души. А миръ этотъ глубоко возмущается помыслами тщеславія: обуреваемый ими человѣкъ какъ бы носится превыше всего окружающаго, намѣренно закрываетъ глаза на достоинства другихъ, считая ихъ своими соперниками на пути къ повышенію, мало того — старается увидѣть въ ихъ глазу спицу, чтобы изъ нея сдѣлать цѣлое бревно... И особенно гибельна и для всѣхъ соблазнительна эта страсть въ томъ, кто стоитъ ближе къ благодати священства, кто стоитъ въ передовыхъ рядахъ воинствующей Церкви, разумѣю монашествующихъ и лицъ духовнаго званія.

Что сказалъ я о монахахъ, то приложимо и къ пастырямъ Церкви. Откровенно скажу: тяжело читать въ „Колоколѣ“ и другихъ духовныхъ изданіяхъ статьи о наградахъ духовенству. Не то меня смущаетъ, что рѣчь идетъ о наградахъ: если Апостолъ Павелъ признавалъ добрѣ труждающихся въ словѣ и ученіи достойными сугубой чести, то почему бы и не оказывать такъ или иначе честь таковымъ, ея достойнымъ, въ видѣ ли духовныхъ наградъ: скуфей, камилавокъ, крестовъ, (хотя во времена Апостоловъ и этого не было), или же въ видѣ гражданскихъ наградъ—орденовъ, исключая впрочемъ ордена неправославные, напримѣръ, Станислава, непризнаваемаго нашею Церковію святымъ. Смущаетъ меня то, что говорятъ о наградахъ сами кандидаты на эти награды. Не Христовымъ духомъ вѣетъ отъ такихъ разсужденій... Пусть простятъ меня отцы публицисты! Были случаи, когда духовныя лица сами просили себѣ наградъ, да еще съ жалобой на то, что ихъ забыло ближайшее начальство! Гдѣ же тутъ духъ смиренія, безъ коего немыслимъ служитель алтаря Христова?.. Не вмѣщается какъ-то въ головѣ мысль о такомъ забвеніи духа Христова...

Да, невольно вспоминается святое слово Христово: *аще соль обуяетъ*, потеряетъ силу,—*чимъ осолится*? Если цвѣтъ Христовой Церкви, монашество и пастырство, заражаются мірскими мечтами о суетныхъ въ сущности своей наградахъ, то чего

ждать отъ мірянъ, рядовыхъ хрістіанъ? Правда, когда все кругомъ заражено, то трудно устоять и духовнымъ лицамъ; правда, нечужды стремленію къ повышеніямъ и наградамъ и стоящіе повыше рядовыхъ монаховъ и сельскихъ батюшекъ; зараза какъ будто носится въ воздухѣ, отравляя людей и духовно ихъ ослѣпляя... Но, отцы и братія! Ужели съ этимъ можно мириться? Ужели сознаніе долга, мысль о томъ, что Господь зритъ съ небесе и видитъ всѣ наши помыслы, всѣ движенія нашего грѣшнаго сердца, видитъ и будетъ строго судить насъ за эту измѣну святымъ Его завѣтамъ смиренія, измѣну Его дѣлу, намъ порученному, за служеніе суетной страсти тщеславія — особенно въ то время, когда Его святая Церковь отовсюду обуревается ересями и расколами, когда народъ родной несетъ тяжелый крестъ борьбы за вѣру православную и несчастныхъ братьевъ, гонимыхъ тевтонами,—ужели, говорю, одна мысль о всемъ этомъ не можетъ пробудить нашу совѣсть, отрезвить нашъ умъ, заставить насъ забыть суетныя мечтанія о наградахъ и повышеніяхъ?.. На насъ, ближайшихъ служителей алтаря Господня, отовсюду устремлены взоры чадъ Церкви; отъ насъ ждутъ утѣшенія всѣ скорбящіе, ждутъ молитвенныхъ воплей къ небу отъ имени матери Церкви, ждутъ духовнаго руководства въ жизненной борьбѣ за святые идеалы Евангелія, а мы... ужели мы въ такое-то время будемъ писать статьи о томъ, какъ и кого слѣдуетъ награждать, будемъ спорить и упрекать власть за ея якобы невниманіе къ нашимъ „заслугамъ“?.... Вѣдь страшно подумать о всемъ этомъ! Страшно сказать: до чего оземленились мы! Забыли заповѣдь: *да не увѣсть шуйца, что творитъ десница...* Хотимъ, чтобы всѣ видѣли, всѣ знали, всѣ цѣнили наше доброе служеніе Церкви Божіей и награждали насъ за это! Выходитъ: если и дѣлаемъ что доброе,—забывая, что ничего и не можемъ дѣлать добраго безъ помощи Господа,—хотимъ все дѣлать, такъ сказать—за наличный расчетъ: „я—де вотъ неустанно проповѣдую, учредилъ у себя общество трезвости, попечительство, устроилъ школу и т. под.,—начальство должно меня за это представить къ такой-то наградѣ, этого—де требуетъ простая справедливость“. Что-жъ? Можетъ быть начальство и наградитъ, но отъ Господа какъ бы не услышать тебѣ на ономъ судѣ: „воспріялъ еси благая въ животѣ твоемъ, и довольно съ тебя!“ Не захотѣлъ ты поработать для небеснаго Домовладыки, такъ сказать, въ кредитъ, въ силу Его обѣтованія, что и чаша студеной воды не будетъ забыта у Него,—получай же, но знай, что ты уже не сынъ послушанія, а расчетливый, своекорыстный наемникъ, а можетъ быть и еще хуже того: вѣдь намъ сказано, что если и все повелѣнное намъ исполнимъ—а гдѣ же все-то исполнить?—мы должны считать себя рабами неключимыми, ни на что негодными, потому что сдѣлали только то, что должны, обязаны были сдѣлать, и если бы не сдѣлали, то были бы наказаны какъ рабы лѣнивые.

Отцы и братія! Тяжело говорить, тяжело писать все это... На память приходятъ грозныя рѣчи пророка Божія Иліи къ израильтянамъ: „долго ли вамъ хромать на оба колѣна? Если Господь есть Богъ, то послѣдуйте за Нимъ; а если Ваалъ, то ему послѣдуйте“. Въ совѣсти громко раздаются и слова Господа: „не можете въ одно и

то же время Богу работати и мамонѣ". Нельзя истинному послѣдователю Христа дѣлить свое сердце пополамъ и одну половину отдавать Богу, а другую—врагу Божію. Господь Богъ—Богъ ревнитель есть и не потерпитъ такого двоедушія. Что-нибудь одно: или надо цѣлымъ сердцемъ служить Ему единому и въ Немъ единомъ искать себѣ всякаго утѣшенія и награды, вѣруя неложному Его обѣтованію, — или же... мнѣ страшно произнести это слово,—нѣтъ, да не будетъ сего! Дѣло немощи духовной я не хочу называть сознательной измѣной Христу Спасителю, сознательнымъ уподобленіемъ тѣмъ древнимъ фарисеямъ, противъ которыхъ гремѣли громы обличенія Христова. Пусть каждый изъ насъ, носящій духовную одежду, чаще ставитъ предъ своею совѣстію свѣтлое зерцало Христова смиренія и провѣряетъ себя: отображается ли въ немъ образъ сей божественной добродѣтели? Нѣтъ ли въ немъ пятенъ самоцѣна, столь искажающихъ сей образъ до неузнаваемости? И если что замѣтитъ, то скорѣе да прибѣгнетъ къ вѣрнѣйшему средству очищенія—самоукоренію и покаянію предъ Господомъ, Иже есть кротокъ и смиренъ сердцемъ. И въ подражаніи Ему да обрящетъ покой смятенной душѣ своей!

261.

О толкованіи Библіи.

Слово Божіе, Священное Писаніе всегда было насущною потребностью вѣрующей души. Еще ветхозавѣтный псалмопѣвецъ въ первомъ же своемъ псалмѣ ублажаетъ того, кто въ законѣ Господнемъ поучается день и ночь, а въ псалмѣ 118-мъ воспѣлъ такую вдохновенную пѣснь закону Господню, что нѣтъ ей подобной во всѣхъ литературахъ міра. Тѣмъ паче глаголами Духа Божія живетъ и питается христіанская душа, тѣмъ паче въ Церкви Христовой слово Божіе живо и дѣйственно: оно, по выраженію апостола, острѣе меча обоюдоострaго, „оно проникаетъ до раздѣленія души и духа, составовъ и мозговъ, и судитъ помышленія и намѣренія сердечныя" (Евр. 4, 12). Къ сожалѣнію, какъ замѣтилъ святый апостолъ Петръ относительно писаній апостола Павла, а опытъ Церкви показываетъ, что то же можно сказать и относительно вообще святой Библіи, въ Священномъ Писаніи „есть нѣчто неудобовразумительное, что невѣжды и неутвержденные, къ собственной своей погибели, превращаютъ", извращаютъ, перетолковываютъ по своему убогому смышленію и тѣмъ смущаютъ въ простотѣ вѣрующихъ. Вотъ надъ такими самонадѣянными толковниками Священнаго Писанія и сбывается слово Божіе, что оно есть мечъ обоюдоострый: вмѣсто того, чтобы имъ поражать врага, они поражаютъ, духовно убиваютъ сами себя. И всѣ ереси, отъ самыхъ временъ апостольскихъ, искали опоры своимъ заблужденіямъ въ Священномъ Писаніи, прибѣгая къ самочинному его истолкованію. Въ наше время такъ же самочинно толкуютъ Священное Писаніе современные намъ еретики-сектанты, особенно тѣ, которые уклоняются въ ересь Лютерову,—всѣ эти штундисты, баптисты, глаголемые евангелики, и многое множество сектъ, имѣющихъ свое начало въ нѣмецкихъ земляхъ. Къ великому сожа-

лѣнію, въ послѣднія десятилѣтія у насъ было сильное увлеченіе западной богословской наукой и на русскій языкъ переведено много книгъ, пропитанныхъ духомъ протестантскаго свободомыслія.

Когда-то извѣстный славянофилъ И. С. Аксаковъ, имѣя въ виду родные идеалы, взывалъ: „пора домой!“ Настало, кажется, время и представителямъ родной богословской науки вернуться „домой“, къ завѣтамъ нашей святоотеческой литературы, которой, правда, они не забывали, но разсматривали ее нерѣдко чрезъ нѣмецкія очки. Пора русской православной Церкви сказать свое слово міру хрістіанскому, слово, завѣщанное ей древнею Церковію, хранимое ею какъ завѣтное сокровище! Мудрые въ духовной жизни старцы говорятъ, что бываетъ „смиреніе паче гордости“. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, похвалить это постоянное преклоненіе предъ иностранными авторитетами, особенно предъ еретиками нѣмцами, въ вопросахъ богословскихъ наукъ? Не пора ли стать на свои ноги, взяться за свои сокровища родныя, изучать святоотеческую литературу и, полагая ее въ основу своего міросозерцанія, мало-по-малу вырабатывать свои системы богословскихъ наукъ, независимо отъ нѣмцевъ, англичанъ, французовъ и иныхъ? Вѣдь какъ бы они учены ни были, у нихъ все же свои традиціи, свое міросозерцаніе, свои, вѣками выработанные, пріемы мышленія; духъ латинства, а затѣмъ протестантства во всѣхъ его видахъ, не могли не отразиться на всемъ строѣ ихъ мысли, ихъ умственной работы, и, поскольку мы воспринимаемъ произведенія ума ихъ, постольку заражаемся и ихъ духомъ, незамѣтно для самихъ себя. Этимъ только и объясняется то „нѣмецкое плѣненіе“, въ какомъ оказались въ большей или меньшей степени даже такіе алмазы русской богословской литературы, какъ Иннокентій архіепископъ Херсонскій и ему подобные. Корни нашей православной культуры не на западѣ, а въ старой Византіи: оттуда мы воспріяли Хрістово ученіе въ его апостольской чистотѣ, оттуда мы взяли и святыхъ отцовъ, и, если бы мы оставались вѣрны преданіямъ своей родной старины, то безъ сомнѣнія и богословская наука у насъ расцвѣла бы на тѣхъ корняхъ самостоятельно, безъ нѣмецкихъ плевелъ. Но прорубивъ окно въ Европу, мы не удержались отъ искушенія, и въ области богословскихъ наукъ, гдѣ у насъ было и безъ нѣмцевъ много запаса добрыхъ сѣмянъ въ святоотеческой литературѣ, пошли по слѣдамъ неправославныхъ писателей, надѣясь, что мы не заразимся ихъ духомъ... И вотъ, у насъ психологія и нравственное богословіе, и даже догматика—все разработывается по инославнымъ образцамъ, по ихъ системамъ... Такъ не пора ли вернуться къ роднымъ идеаламъ, завѣщаннымъ намъ святыми отцами?

И прежде всего, нужнѣе всего дать нашему православному народу общедоступное, на святоотеческихъ писаніяхъ основанное толкованіе на всю Библію. Уже появились у насъ частные опыты такихъ толкованій, но къ сожалѣнію они не могутъ быть признаны вполнѣ отвѣчающими требованіямъ современной церковной жизни, духовному складу ума русскаго человѣка, который ищетъ въ толкованіяхъ не только выясненія точнаго смысла священнаго текста, но и духовнаго себѣ назиданія. Его идеалъ—толкованія св. Іоанна Златоуста, хотя, конечно, не въ столь обширномъ видѣ, какъ мы видимъ у великаго златосло-

веснаго учителя Церкви. Огромный томъ толковой псалтири Евѳимія Зигабена читается русскимъ простецомъ съ увлеченіемъ, а толкованія преосвященнаго Михаила, епископа Курскаго ему не по душѣ. Въ чемъ же дѣло? Да въ томъ, что преосвященный писалъ свои объясненія въ видѣ примѣчаній подъ чертою: „почитай справа, почитай слѣва, спустись внизъ и снова поднимайся вверхъ, — нѣтъ, мы такъ не умѣемъ читать: это можетъ быть только для ученыхъ", говорятъ простецы о его толкованіяхъ. Имъ нужно толкованіе „на строкѣ", а не подъ строкою. У древнихъ толковниковъ: Златоуста, Ѳеофилакта, Зигабена и другихъ они и находятъ то, что имъ нужно въ отношеніи внѣшней формы толкованій на Священное Писаніе. Затѣмъ, форма примѣчаній удобна развѣ только для справокъ, а не для непрерывнаго чтенія въ видахъ назиданія. А народъ ищетъ прежде всего въ словѣ Божіемъ пищи своей душѣ. Слово Божіе есть жизнь, оно и должно служить источникомъ животворящимъ, питающимъ не одинъ умъ, а и сердце читателя. Отъ простыхъ людей приходилось часто слышать скорбное слово: „мы выписали такую-то книгу, напримѣръ, Толковое Евангеліе преосвященнаго Михаила; спора нѣтъ, книга хороша, но къ ней не скоро приспособишься, писана она по-ученому, много въ ней для насъ непонятнаго, а главное— *къ душѣ-то* она почти ничего не говоритъ". Сухое, буквальное, безъ обращенія къ душѣ, толкованіе Священнаго Писанія не производитъ особеннаго впечатлѣнія на простого благочестиваго читателя изъ народа. Напротивъ, толкованіе, сопровождаемое бесѣдою и назиданіемъ, дѣйствуетъ неотразимо на его душу.

Лѣтъ 25 тому назадъ, приступая къ своему толкованію на Евангеліе отъ Матѳея, я изложилъ эти мысли богомудрому святителю—затворнику Ѳеофану и онъ отвѣтилъ мнѣ: „вашъ проэктъ толкованія св. Евангелій очень хорошъ. И потребность вами узрѣна настоятельная и настоящая. Благослови, Господи, исполнить вамъ ее... Ангелъ Божій внушилъ вамъ: вамъ и исполнить". Затѣмъ давъ опытныя указанія, какъ вести дѣло, какими книгами пользоваться и какихъ „не стоитъ касаться", святитель Божій писалъ: „итакъ, благослови, Господи! Превосходное дѣло! Благослови, Господи, и всѣ труды ваши. Спасайтесь. Вашъ доброхотъ епископъ Ѳеофанъ".

Итакъ, первымъ условіемъ толкованія Св. Писанія для народа является его назидательность. Именно симъ свойствомъ въ высшей степени обладаютъ святоотеческія толкованія. Святые авторы имѣли въ виду не столько научную сторону толкованій, сколько „единое на потребу" вѣрующихъ душъ. Всю свою жизнь многіе изъ нихъ подвизались добрымъ подвигомъ въ исполненіи заповѣдей Христовыхъ, стоя на стражѣ своего сердца, отражая прираженія вражіи молитвою и тѣмъ же словомъ Божіимъ, а потому имѣли великій опытъ въ духовной жизни, который и прилагали въ изъясненіи Писаній: вотъ почему ихъ толкованія, писанныя за полторы тысячи лѣтъ до нашего времени, „говорятъ душѣ" такъ, какъ будто они написаны именно для насъ. Они идутъ отъ согрѣтаго любовію сердца и потому пріемлются открытымъ вѣрующимъ сердцемъ какъ нѣчто ему родное, близкое, какъ слово, согрѣтое благодатію обитавшаго въ сердцахъ святыхъ авторовъ Духа Божія. Современный толковникъ долженъ постоянно имѣть

въ виду это животворное свойство святоотеческихъ толкованій, тщательно собирать эти златыя крупицы духовнаго опыта, украшая ими свои толкованія и питая душу читателя. А чтобы по достоинству цѣнить эти духовныя сокровища, онъ самъ долженъ проникнуться благоговѣніемъ къ слову Божію и по крайней мѣрѣ смиреннымъ сознаніемъ своего духовнаго недостаточества, своей духовной нищеты. Вспоминаю изъ далекаго прошлаго семинарскіе уроки преподавателя Священнаго Писанія Димитрія Павловича Боголѣпова: когда онъ изъяснялъ Евангеліе, то какъ то невольно чувствовалось, что онъ, нашъ учитель, самъ „учится у Христа“: такимъ благоговѣніемъ было проникнуто его личное отношеніе къ слову Божію. Оттого и настроеніе слушателей было таково, что намъ казалось—мы слушаемъ не сухое толкованіе, а именно—изъясненіе слова Божія вѣрующимъ и благоговѣющимъ предъ симъ словомъ наставникомъ. И это, несмотря на нѣкоторую сухость изложенія, неизбѣжную въ школьномъ преподаваніи, ибо приходилось пускаться въ разныя историческія, филологическія и другія подробности.

Вотъ второе требованіе отъ современнаго толковника: это—благоговѣйное отношеніе къ слову Божію. Помилуй Богъ, если онъ, имѣя въ виду назиданіе, пустится въ сухое резонерство, въ общія фразы: этимъ онъ только ослабитъ впечатлѣніе отъ своихъ толкованій вмѣсто того, чтобы ихъ усилить.

Въ наше время необходимо имѣть въ виду разныя лжетолкованія, искажающія смыслъ Священнаго Писанія, въ родѣ штунды, пашковщины, баптизма, толстовщины и подобныхъ: думаю, что полемизировать съ ними въ толкованіяхъ, изъясняющихъ слово Божіе не въ частяхъ, а въ цѣлыхъ книгахъ, едва ли умѣстно, дабы не наводить читателя на ихъ суемудрыя толкованія, но должно какъ можно сильнѣе оттѣнять православное пониманіе пререкаемыхъ истинъ, въ мѣстахъ, искажаемыхъ сектантами,—такъ, чтобы читатель, знакомый съ лжеученіемъ, самъ понялъ, что рѣчь клонится къ обличенію лжеученія, а незнакомый—только яснѣе усвоилъ умомъ и сердцемъ истину Писанія по духу изъясненія ея Православной Церковію. Можно лишь изрѣдка, въ особенно благопотребныхъ случаяхъ, указывать на ложь того или другого заблужденія. Вотъ третье требованіе, предъявляемое церковною жизнію нашего времени толкователю слова Божія.

Слово Божіе есть книга жизни, книга словесъ животворящихъ, тѣхъ словесъ, которыя приводили Апостоловъ въ благоговѣйный восторгъ, которыя всецѣло овладѣвали сердцами вѣрующихъ и побуждали ихъ восклицать съ Апостоломъ Петромъ: *Господи, камо идемъ? Глаголы живота вѣчнаго имаши!* Въ словѣ Божіемъ не одно знаніе, но и жизнь духа, жизнь сердца, проявляющая себя въ жизни каждаго вѣрующаго христіанина. Житія святыхъ Божіихъ представляютъ какъ бы самую разнообразную иллюстрацію того, какъ понимали и къ жизни прилагали святыя истины слова Божія угодники Божіи. Поэтому не будетъ неумѣстно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, для назиданія читателей, при истолкованіи приводить и событія изъ жизни святыхъ Божіихъ, воплощавшихъ въ своей жизни словеса Божіи. Во всякомъ случаѣ толковнику должно имѣть въ виду и сей способъ изъясненія посредствомъ примѣра: извѣстно вѣдь, что слова учатъ, а примѣры увлекаютъ. Это четвертый

совѣтъ современному толкователю слова Божія.

Нужно ли говорить, что толкованія для народа должны быть изложены общедоступнымъ языкомъ? Безъ этого вѣдь они и цѣли не достигали бы. И однако же такая общедоступность изложенія, по нашему мнѣнію, не должна служить въ ущербъ полнотѣ толкованія: ради нея, напримѣръ, пришлось бы пожертвовать глубокими и прекрасными изъясненіями святителя Филарета, митрополита Московскаго, а лишать болѣе развитыхъ читателей такого сокровища мысли и назиданія было бы просто грѣшно. Впрочемъ, такихъ мѣстъ, по изложенію мало доступныхъ для простыхъ читателей, конечно, будетъ немного: съ расширеніемъ грамотности въ народѣ расширяются и горизонты мысли, а наши духовные писатели, подобные митрополиту Филарету, умѣли удивительно сочетавать глубину мысли съ ясностію выраженія ея чисторусскимъ языкомъ, избѣгая иностранныхъ словъ и научныхъ терминовъ.

Остается вопросъ: какой текстъ долженъ подлежать толкованію: славянскій или русскій?

Думаю, что непремѣнно тотъ, на какомъ книги Священнаго Писанія предлагаются Церковію при богослуженіи, то есть, славянскій. Такъ священная книга Псалтирь читается въ церкви каждый день на славянскомъ языкѣ; народъ любитъ эту книгу, несмотря на ея во многихъ мѣстахъ малопонятность, именно въ ея славянскомъ текстѣ, къ тому же русскій текстъ, переведенный съ еврейскаго, не вездѣ согласенъ съ текстомъ славянскимъ, и когда простецъ читаетъ псалтирь славянскую, а ему будутъ толковать русскій ея текстъ, то онъ можетъ придти въ смущеніе: отчего произошла такая разница? и какой текстъ вѣрнѣе?

Впрочемъ, относительно сей священной книги слѣдуетъ сказать, что при толкованіи славянскаго текста ея встрѣтятся такія затрудненія, какихъ, можетъ быть, еще во всей Библіи не встрѣтитъ толковникъ. Вопросъ объ исправленіи славянскаго перевода псалтири есть насущнѣйшая потребность нашей церковной жизни...

Вотъ кратко мои мысли по вопросу объ изданій толкованій на Библію. Дѣло это въ сущности новое и было бы желательно слышать мнѣніе людей болѣе свѣдущихъ, болѣе знающихъ запросы души народной. Я и обращаюсь къ такимъ людямъ съ просьбою: откликнуться на сіи мои соображенія [1]).

262.

Тайна страданій.

У святой плащаницы.

Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставилъ?...

Такъ возопилъ среди тяжкихъ крестныхъ мукъ Господь нашъ, распятый на крестѣ... На языкѣ человѣческомъ нѣтъ словъ, чтобы изобразить всю тяжесть этихъ мукъ, всю горечь той чаши страданій, какую благоволилъ Онъ испить по волѣ Отца Своего небеснаго ради спасенія нашего. Сегодня, возлю-

[1]) Мой адресъ: Петроградъ, Кабинетская, 17.

бленные, матерь наша святая Церковь возводитъ насъ на священную Голгоѳу, раскрываетъ предъ нами страшную картину этихъ страданій, ведетъ насъ вслѣдъ за Іосифомъ Аримаѳейскимъ въ его уединенный садъ, къ погребальной пещерѣ Христовой, и все сіе совершаетъ для того, чтобы созерцаніемъ какъ бы воочію предъ нами совершающихся евангельскихъ событій дать намъ возможность сердцемъ пережить хотя въ нѣкоей малой мѣрѣ то, что пережили тогда ученики Христовы, а чрезъ сіе живѣе пробудить въ нашемъ сердцѣ, въ нашемъ умѣ сознаніе и ощущеніе, что мы—не чужіе Христу, что мы живые члены Его тѣла—Церкви, что посему мы естественно должны спострадать Ему, если хотимъ и совозстать, совоскреснуть съ Нимъ въ обновленіи жизни духовной, вѣчной. *Христосъ пострада по насъ, намъ оставль образъ, да послѣдуемъ стопамъ Его*, — такъ учитъ св. Апостолъ Петръ. (I Петр. 2, 21). Скорби и страданія необходимы для немощной, грѣхолюбивой природы нашей. *Христу, пострадавшу о насъ плотію*, говоритъ тотъ же ученикъ Христовъ, *и вы въ туже мысль вооружитеся, зане пострадавый плотію преста отъ грѣха* (4, 1), — скорби, страданія нужны, чтобы помочь намъ перестать грѣшить. Господь нашъ Іисусъ Христосъ безгрѣшенъ, Ему не нужны были страданія: онѣ нужны намъ, и Онъ пострадалъ за насъ, пострадалъ какъ глава тѣла Своего—Церкви, нашей матери благодатной. А если страдала Глава, то естественно, что и члены должны спострадать ей. И если Безгрѣшный страдалъ за грѣшныхъ, тѣмъ паче подобаетъ грѣшнымъ спострадать Ему, дабы, воспріявъ въ святѣйшемъ таинствѣ причащенія тѣло и кровь Его, пріискреннѣ соединившись съ Нимъ въ семъ таинствѣ, свободною волею быть причастниками животворящей и спасительной силы и Его крестныхъ страданій. Вотъ почему скорби, страданія, по волѣ Самого Господа, Главы Церкви, являются естественнымъ удѣломъ и тѣла Его—Церкви, воинствующей въ сей юдоли земной. *Яко кринъ въ терніи*, какъ лилія среди терновника, *тако ближняя Моя*, говоритъ таинственный Женихъ въ Пѣсни пѣсней, изображающей, по изъясненію св. Отцевъ, таинственный союзъ Христа съ Церковію. И она, непорочная невѣста Христова, уже омытая, очищенная Его страданіями, непрестанно состраждетъ Ему, Жениху своему, въ чадахъ своихъ, сопричащающихся въ скорбяхъ своихъ страданіямъ Христовымъ. Таковъ законъ природы нашей: *аще страждетъ единъ удъ, съ нимъ страждутъ и вси уди; аще славится единъ удъ, съ нимъ радуются вси уди*, говоритъ св. Апостолъ Павелъ (I Кор. 12, 26). Зато — *аще съ Нимъ страждемъ, съ нимъ и прославимся*, утѣшаетъ онъ же.

Итакъ, сегодня, въ день всемірныхъ крестныхъ скорбей Христовыхъ, предъ нами раскрывается великая тайна не только Христовыхъ, но и нашихъ страданій, нашихъ скорбей, поскольку мы члены тѣла Христова—Его Церкви. Сегодня матерь наша, святая Церковь, укрѣпляетъ насъ въ подвигѣ нашихъ скорбей созерцаніемъ великихъ страданій Христовыхъ. Сегодня у креста и гроба Христова открывается для насъ неисчерпаемый источникъ благодатныхъ утѣшеній наипаче въ переживаемые нами многоскорбные дни. О, какъ велики, какъ тяжки скорби нашихъ дней! Какъ необходимо намъ искать не просто человѣческаго, а именно *Христова* утѣшенія въ этихъ скорбяхъ! Тамъ, у

нашихъ границъ, льются потоки крови нашихъ воиновъ хрістолюбивыхъ, а здѣсь, по всему лицу родной земли, раздаются стоны раненыхъ, слышатся вопли вдовъ и сиротъ, лишившихся своихъ кормильцевъ, на полѣ брани убіенныхъ, всюду слезы,—цѣлое море слезъ!... Кто утѣшитъ плачущихъ? Кто подастъ силы переносить горе всѣмъ этимъ страдальцамъ? Безсильны тутъ человѣческія утѣшенія, если только не согрѣты они теплою вѣрою въ благодатную помощь Того, Кто всѣ скорби наши воспріялъ въ Свое вселюбящее сердце, Кто душу Свою положилъ за всѣхъ вѣрующихъ въ Него, Кто кровь Свою безцѣнную пролилъ и духъ Свой испустилъ на крестѣ! И вотъ, первое утѣшеніе, какое матерь наша Церковь съ дерзновеніемъ вѣры и любви предлагаетъ намъ сегодня у креста и гроба Хрістова, это—мысль, что мы не одиноки въ своихъ страданіяхъ, что съ нами состраждующій намъ Хрістосъ, нашъ Спаситель, что и самыя наши страданія суть въ сущности состраданіе Хрісту, сораспятіе Ему. Въ самомъ дѣлѣ: за что проливаютъ кровь свою наши братья на полѣ брани? За что несетъ свой тяжкій крестъ наша Русь православная? Воистину за вѣру Хрістову, за святое православіе прежде всего! Святое ученіе, принесенное Господомъ на землю, во всей своей чистотѣ сохранилось только въ нашей Церкви православной; только она—неизмѣнный столпъ и утвержденіе истины; только она—истинная и вѣрная преемница Апостольскаго служенія въ мірѣ. Страдать за нее—значитъ страдать за Хріста, и наши хрістолюбивые воины, умирая на поляхъ брани за вѣру православную подобны святымъ мученикамъ и за то Церковь испрашиваетъ имъ у Хріста Бога вѣнцы мученическіе. Но великое ли это утѣшеніе какъ для самихъ воиновъ страдальцевъ, такъ и для насъ, болѣющихъ сердцемъ за нихъ? Но Апостолъ Павелъ даетъ еще большее утѣшеніе, называя страданія за Хріста, за правую вѣру въ Него, страданіями Самого Хріста: *якоже избыточествуютъ страданія Хрістова въ насъ*, говоритъ онъ, *тако Хрістомъ избыточествуетъ и утѣшеніе наше* (2 Кор. I, 5). Наше хрістолюбивое воинство приноситъ жертву любви и къ ближнимъ, такую жертву, выше которой нѣтъ никакихъ жертвъ. *Больше сея любви*, говоритъ Самъ Господь, *никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоан. 15, 13). Да, наши воины полагаютъ свою жизнь за вѣру православную, за Царя — Помазанника Божія и за ближнихъ своихъ — за гонимыхъ врагами нашими братьевъ нашихъ славянъ, за всѣхъ насъ, за всю нашу матушку Русь православную. Они исполняютъ величайшую Хрістову заповѣдь любви, и притомъ въ самомъ высшемъ ея смыслѣ, а мы, сострадая имъ, облегчая ихъ подвигъ, кто чѣмъ можетъ, мы становимся причастниками ихъ подвига: развѣ это не утѣшеніе для нашего сердца, скорбями угнетаемаго? О какъ счастливы мы, православные, что въ своей вѣрѣ можемъ почерпать столько утѣшеній въ скорбяхъ нашихъ! Счастливы мы, что можемъ имѣть благодатное общеніе и съ тѣми, кто отошелъ отъ насъ въ вѣчную жизнь, общеніе въ молитвѣ и въ святѣйшемъ таинствѣ причащенія тѣла и крови Хріста Спасителя нашего! Вѣдь чуждые вѣрѣ православной враги наши не имѣютъ, не могутъ имѣть такихъ утѣшеній; они и понятія о нихъ не имѣютъ!..

И вотъ, сегодня, при воспоминаніи страстей Хрістовыхъ, при видѣ сей

священной плащаницы, святая Церковь говоритъ намъ: чада мои возлюбленныя—всѣ вы, кто сердцемъ страдаетъ, кто великія скорби несетъ въ лишеніи близкихъ своихъ, душу свою на полѣ брани положившихъ, — кто еще подвизается тамъ, на полѣ смерти, — кто израненый лежитъ на одрѣ болѣзни,— всѣ вы вѣдайте, глубже на сердцѣ своемъ запечатлѣйте, что чрезъ сіи скорби вы являетесь причастниками страданій Хрістовыхъ, что Хрістосъ зритъ сіи скорби ваши, Своею Божественною любовію переживаетъ ихъ съ вами, состраждетъ вамъ яко глава своимъ членамъ, и—можно ли сомнѣваться, что Онъ въ свое время и утѣшитъ васъ, да всеконечно и нынѣ утѣшаетъ сокровенно утѣшеніемъ неизреченнымъ, какъ только одинъ Онъ можетъ утѣшать? Смотрите: вотъ Онъ, весь изъязвленный, весь умученный, предлежитъ предъ очами вашими въ семъ священномъ изображеніи, въ сей святой плащаницѣ: вѣруйте, что и вамъ попустилъ Онъ скорби великія, страданія невыразимыя, да будете причастниками Его крестныхъ скорбей. По любви Своей Онъ страдалъ за насъ, по любви къ Нему и мы состраждемъ Ему, и паки по любви Своей безконечной Онъ приметъ ваши страданія яко Свои собственныя и уже въ самыя минуты вашихъ болей сердечныхъ коснется сердца вашего Своимъ благодатнымъ утѣшеніемъ.. Ваши скорби, ваши страданія за вѣру православную, за братій вашихъ суть страданія Его Церкви, Его таинственнаго тѣла, если только вы не отпадаете отъ сего тѣла маловѣріемъ, ропотаніемъ и малодушіемъ,—въ васъ и Онъ страдаетъ, ваша Глава таинственная... Такъ всегда было, со дня основанія Хрістомъ Церкви Его на землѣ: врата адовы не переставали воевать на Церковь Его преогорчевая чадъ ея, но—вѣрно слово Его: врата адовы никогда не одолѣютъ ей! И мы вѣруемъ, что Господь, попустившій намъ великія испытанія, ниспошлетъ намъ и избавленіе, и паки возсіяетъ Его солнце надъ главами нашими, солнце любви Его и общенія съ Нимъ въ мирѣ и радованіи о Немъ!

Вотъ, возлюбленные, утѣшеніе вамъ отъ гроба Хрістова. Припадайте же къ сему живоносному гробу Жизнодавца; съ вѣрою лобызайте язвы Хрістовы и почерпайте въ нихъ укрѣпленіе и утѣшеніе въ скорбяхъ вашихъ. Общеніе съ Господомъ въ святѣйшемъ таинствѣ причащенія да запечатлѣваетъ въ васъ и сіе общеніе съ Нимъ въ страданіяхъ Его. Вѣруйте, что тако подобаетъ быти по Его судьбамъ неизреченнымъ и въ сей вѣрѣ пріемлите дерзновеніе въ молитвахъ вашихъ во дни скорби многія, обышедшія насъ въ сію годину Божія испытанія. Слышите, что вѣщаетъ Онъ Апостоламъ Своимъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ вѣрующимъ въ Него: *въ мірѣ скорбни будете, но дерзайте: Азъ побѣдихъ міръ. Да не смущается сердце ваше: не оставлю васъ сиры, пріиду къ вамъ, и возрадуется сердце ваше, и радости вашея никтоже возметъ отъ васъ.* Ему ли не вѣрить?..

Вѣруемъ, Господи, и исповѣдуемъ, что Ты—наша радость, наша жизнь и избавленіе! Аминь.

263.

Хрістосъ Воскресе!

Днесь всяка тварь веселится и радуется, яко Хрістосъ воскресе!

Какою свѣтлою радостію исполняются сегодня сердца наши, возлюбленные о Господѣ братія! Поистинѣ нынѣ вся исполнишася свѣта, и небо, и земля, и даже преисподняя, куда никогда не проникалъ лучъ радости,—нынѣ вся тварь ликуетъ, ибо воскресе Хрістосъ и смерть умерщвлена, адъ низложенъ, рай отверстъ, и Воскресшій зоветъ туда всѣхъ насъ земнородныхъ, зоветъ и ждетъ въ Свои отеческія объятія!

Тысяча восемьсотъ восемьдесятъ лѣтъ протекло съ того благословеннаго дня, какъ впервые раздалась всерадостная, животворящая вѣсть воскресенія, но и нынѣ сердце вѣрующее радостію трепещетъ, какъ будто это совершилось сегодня, какъ будто Воскресшій только что посѣтилъ насъ, только что мы слышали Его привѣтно-сладостныя слова: *радуйтеся! Миръ вамъ!..* Что же переживали святые Апостолы, святыя жены мироносицы, какою неизреченною, небесною радостію трепетало сердце Матери Воскресшаго Господа при первой вѣсти о Его воскресеніи? Впрочемъ, священное преданіе говоритъ, что Воскресшій Господь тотчасъ по Своемъ возстаніи изъ гроба ускорилъ утѣшить Свою возлюбленную пренепорочную Матерь,—Ей прежде всѣхъ явился, Ее прежде всѣхъ привѣтствовалъ Своимъ всерадостнымъ — *радуйся!* Только по несказанному смиренію Своему Пресвятая Дѣва не благоволила, чтобы это событіе—явленіе Ей Сына Ея по воскресеніи, какъ событіе, касавшееся Ея лично, было занесено въ благовѣствованіе святыхъ Евангелистовъ.

Итакъ, лишь только возсталъ Господь изъ гроба, какъ радость Его воскресенія обильною, неудержимою струею полилась изъ Его живоноснаго гроба, и первыми вѣстниками этой радости являются Ангелы Божіи и Самъ Воскресшій. Онъ является Маріи Магдалинѣ, является мучимому горькимъ чувствомъ раскаянія отрекшемуся было отъ Него Симону-Петру, является Своему брату, сыну Іосифа Обручника Пресвятыя Дѣвы отъ его перваго брака Іакову, который, по церковному преданію, удручаемый великою скорбію послѣ смерти Господа на крестѣ, удалился въ уединенную пещеру въ окрестностяхъ Іерусалима и далъ обѣтъ: не вкушать хлѣба, дондеже узритъ Воскресшаго Господа... И ему является Господь съ радостнымъ словомъ утѣшенія: пріими хлѣбъ, Іакове, Сынъ бо Человѣческій воскресе изъ мертвыхъ!.. Является Господь святымъ женамъ мироносицамъ, спутешествуетъ и открывается Лукѣ и Клеопѣ на пути въ Эммаусъ, а вечеромъ—о радость, о счастіе неизреченное!—Онъ является и единонадесяти Апостоламъ при заключенныхъ дверехъ, является, бесѣдуетъ съ ними, раздѣляетъ съ ними скромную трапезу, вкушая отъ печеной рыбы и отъ пчелъ сотъ...

День воскресенія Хрістова вои-

стину есть день райской радости для земнородныхъ! Какъ солнце въ видимой природѣ является источникомъ жизни для всего живущаго, такъ и воскресеніе Христово своими лучами, на пространствѣ многихъ вѣковъ все согрѣваетъ, все освѣщаетъ, все животворитъ въ мірѣ духовномъ. Отсюда — радость жизни во Христѣ, отсюда наше счастіе, наше блаженство. Апостолъ Павелъ выразилъ эту истину такъ: *аще Христосъ не воста*, пишетъ онъ, *тще убо*, напрасно проповѣданіе наше, *тща же*, тщетна *и вѣра ваша* (1 Кор. 15, 14). И вотъ, чрезъ девятнадцать вѣковъ и до насъ достигаетъ радость воскресенія, и мы радуемся, и послѣ насъ до скончанія вѣка не перестанутъ радоваться грядущіе роды родовъ сею радостію воскресенія Христова, доколѣ не оскудѣетъ вѣра въ Воскресшаго, доколѣ Его Церковь будетъ собирать спасаемыхъ яко кокошъ подъ крилѣ свои, пріосѣняя ихъ благодатію вѣчной Главы своей — Господа Іисуса Христа.

Что же благопотребно, чтобы радость сія не оскудѣвала въ нашихъ сердцахъ? Что дѣлать, чтобы никакая печаль, никакая скорбь не могли затуманить свѣтлой радости о Воскресшемъ Господѣ нашемъ?

Будемъ непрестанно носить въ умѣ и сердцѣ нашемъ Его же святое слово, Его обѣтованіе: *се Азъ съ вами есмь, до скончанія вѣка.* А если Онъ съ нами, то никакія скорби намъ не страшны, никакія опасности не опасны. Съ Господомъ вездѣ хорошо! Съ Нимъ и умирать сладостно! И Онъ-то ужъ всеконечно насъ не покинетъ, не удалится отъ насъ: лишь бы мы сами не удалялись отъ Него! Но если мы будемъ постоянно помнить, что Онъ — съ нами, что Онѣ неразлучно пребываетъ посредѣ вѣрующихъ, что Онъ все видитъ, всѣ наши мысли читаетъ, всѣ намѣренія наши предвидитъ, то и отъ грѣха намъ легко будетъ оберечь себя: память о Его, Господа нашего, пребываніи съ нами, среди насъ, вѣрующихъ въ Него, будетъ сдерживать насъ и въ дѣлѣ, и въ словѣ, и въ помышленіи нашемъ. Она же будетъ привлекать къ намъ и благодатную помощь Его, поддерживать насъ въ минуту борьбы и искушенія, въ часъ скорби и испытанія. Какое бы горе ни обрушилось на тебя, помни, что Господь съ тобою: скорѣе къ Нему прибѣгай, скорѣе скорбь свою Ему повѣдай. Прибѣгай, какъ обиженное дитя прибѣгаетъ къ защитѣ своей матери, Ему жалуйся на свою бѣду, а паче всего и первѣе всего — на немощи свои. И вѣрь: Онъ утѣшитъ, Онъ приласкаетъ тебя, и тебѣ станетъ отрадно, легко, радостно, что Господь съ тобою! Слышишь: Господь съ тобою: береги же себя, изъ любви къ Нему бойся, чтобъ не оскорбить Его грѣхомъ какимъ, не подпускай къ себѣ, по любви къ своему Господу, и мысли грѣшной. А если врагъ будетъ тебѣ наносить такія мысли, опять спѣши обратить свой мысленный взоръ, свое сердце къ Тому же Господу, благодатному Посѣтителю душъ нашихъ, и Онъ отгонитъ искусителя отъ твоего сердца, Онъ оцѣнитъ твою вѣрность, твою любовь къ Нему и не оставитъ тебя, ибо Самъ сказалъ: *се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка!* Только буди вѣренъ, до смерти Ему, Ему единому, и Онъ дастъ тебѣ вѣнецъ живота!

О Божественнаго, о любезнаго, о сладчайшаго Твоего гласа! Съ нами бо неложно обѣщался еси быти до скончанія вѣка, Христе, Егоже вѣрніи утвержденіе надежди имуще—радуемся! Аминь.

264.

День райской радости.

Вчера спогребохся Тебѣ, Христе, совостаю днесь. воскресшу Тебѣ!

Въ Кіево-Печерскомъ Патерикѣ есть такое сказаніе: однажды въ свѣтлый день Пасхи, во время утрени, игуменъ вошелъ въ пещеры, чтобы покадить святыя мощи почивающихъ тамъ угодниковъ Божіихъ. Онъ остановился въ пещерѣ, гдѣ было нѣсколько гробовъ ихъ, покадилъ и въ духовномъ восторгѣ воскликнулъ: „отцы и братіе, Христосъ воскресе!“ И отъ всѣхъ гробовъ, отъ всѣхъ мощей услышалъ онъ громкій всерадостный привѣтъ: „воистину воскресе!..“

Такъ еще почивающіе во гробахъ своихъ, еще только ожидающіе всеобщаго воскресенія угодники Божіи уже какъ бы живые откликнулись на привѣтъ воскресенія, на это животворящее, всерадостное наше *Христосъ воскресе!* Что же будетъ, когда всѣ умершіе услышатъ гласъ Сына Божія, оживутъ, и изыдутъ изъ гробовъ своихъ въ послѣдній день міра, изыдутъ и въ веселіи и радованіи вознесутся на облакахъ небесныхъ навстрѣчу Воскресителю и Спасителю своему, грядущему судить живыхъ и мертвыхъ? Какую пѣснь они воспоютъ?

Можно думать, что и тогда во услышаніе всего міра, раздастся все та же вѣчно-радостная, вѣчно-животворящая пѣснь воскресенія: *Христосъ воскресе!* Вѣдь Онъ воскресъ и Своимъ воскресеніемъ сущимъ во гробѣхъ жизнь даровалъ, Онъ воскресъ и смерть попралъ, воскресъ и съ Нимъ воскреснемъ всѣ мы, съ Нимъ и въ Немъ единомъ найдемъ и уже обрѣтаемъ—нашу жизнь, нашу радость, наше блаженство.

И въ сей свѣтлорадостный день Пасхи Христовой, когда небо сливается съ землею, а земля становится небомъ, наша мысль, наше сердце переносятся туда, гдѣ наши братья, наши дѣти душу свою полагаютъ за вѣру православную, за Царя и отечество, гдѣ много-много ихъ упокоилось въ сырой землѣ, исполнивъ святую заповѣдь о любви къ ближнему... И душа проситъ воскликнуть имъ и живымъ, и усопшимъ: братья-воины, воины Христовы православные! *Христосъ воскресе!* Да расточитъ Онъ враговъ нашихъ, среди коихъ много истинныхъ враговъ креста Его, враговъ вѣры святой! Да обратитъ Онъ въ бѣгство предъ лицемъ вашимъ всѣхъ ненавистниковъ вѣры православной, да обрадуетъ Онъ, Побѣдитель ада и смерти, и васъ, и насъ, ради свѣтлаго Своего воскресенія, славною побѣдою надъ супостатами! И слышитъ наше сердце это всерадостное отвѣтное *воистину воскресе*, слышитъ и изъ окоповъ, и изъ могилъ, и вѣруемъ мы, что и „сущіи во гробѣхъ“, почившіе въ могилахъ, душу свою за исполненіе Христовой заповѣди положившіе воины также отвѣчаютъ намъ уже изъ другого міра: *воистину! воистину Христосъ воскресе!*

О какъ счастливы мы, вѣрующіе, что воскресеніе Христово отнимаетъ жало у самой царицы ужасовъ — смерти, что оно смерть превращаетъ въ тихій покой, какъ бы отдохновеніе для тѣхъ, кто въ сей жизни подвигомъ добрымъ подвизался, долгъ свой исполнилъ, а особенно для

тѣхъ, кто и душу свою положилъ, кровь свою пролилъ при исполненіи своего святаго долга! *Смерть бо мужу—покой*, говоритъ слово Божіе. Оттого она и называется на языкѣ св. Церкви *успеніемъ*, а умершіе именуются *усопшими*. Но и сіи усопшіе,—мы вѣруемъ — сегодня слышатъ нашъ привѣтъ: *Христосъ воскресе*, и таинственнымъ языкомъ отвѣчаютъ нашему сердцу: *воистину воскресе!* Мы и живемъ, и умираемъ во Христѣ и со Христомъ, какъ члены тѣла Его—Церкви святой; оттого и поетъ св. Церковь, какъ бы отъ лица каждаго вѣрующаго: *вчера спогребохся Тебѣ, Христе, совостаю днесь, воскресшу Тебѣ, сраспинахся Тебѣ вчера: Самъ мя спрослави, Спасе, во царствіи Твоемъ!* А тотъ, кто умираетъ во исполненіе Христовой заповѣди, тотъ со Христомъ сораспинается, сострадетъ Христу, со Христомъ умираетъ, а потому и совоскресаетъ со Христомъ, духомъ пробуждаясь въ другомъ мірѣ къ блаженству во Христѣ, а затѣмъ, когда вострубитъ труба Архангела въ послѣдній день, востанетъ онъ изъ могилы своей и тѣломъ своимъ, по обѣтованію Того, Кто все создалъ единымъ словомъ Своимъ, Кто имѣетъ ключи ада и смерти... Тако вѣруемъ, тако исповѣдуемъ, исповѣдуемъ наипаче въ сей преславный день воскресенія Жизнодавца Христа! И въ семъ исповѣданіи нашей вѣры въ воскресеніе Христа Спасителя нашего и въ наше въ Немъ воскресеніе, въ воскресеніе всѣхъ нашихъ собратій, нынѣ душу свою за Христову вѣру положившихъ, обрѣтаемъ новый источникъ свѣтлой радости о Христѣ, и всѣмъ сердцемъ, предъ лицемъ неба и земли, ликуя со Ангелами Божіими и всѣми святыми, взываемъ: *Христосъ воскресе! Христосъ воскресе, Христосъ воскресе!* Аминь [1]).

265.

Два письма гр. Л. Н. Толстого о древне-русскихъ житіяхъ святыхъ.

Нашъ православный народъ переживаетъ войну и ея ужасы съ спокойной преданностью волѣ Божіей. Онъ помнитъ слова Спасителя: *услышати имате брани и слышанія бранемъ: зрите, не ужасайтеся, подобаетъ бо всѣмъ симъ быти.* (Мѳ. 24, 6). Войны, какъ неизбѣжное послѣдствіе зла, грѣха, заразившаго человѣческую природу ядомъ эгоизма, всегда были и будутъ до скончанія вѣка, какъ бы мечтатели-пацифисты ни усиливались проповѣдывать идею всемірнаго мира на всей землѣ. Войнамъ все же *подобаетъ*, по выраженію Самого Господа нашего, *быти*.

И невольно припоминается нашъ русскій мечтатель, самозванный философъ графъ Левъ Толстой съ его проповѣдью: „не воюй“. Что бы сказалъ онъ теперь, когда каждый день печать приноситъ намъ все новыя и новыя вѣсти о тѣхъ звѣрствахъ, какія совершаютъ тевтоны въ занятыхъ ими мѣстностяхъ, о тѣхъ ужасахъ, какіе обрушиваются на мирныхъ жителей, на ихъ младенцевъ, на ихъ женъ и дочерей—ужасахъ, совершенно безсмысленныхъ даже съ военной точки зрѣнія и едва ли возможныхъ даже у дикарей?..

[1]) Эта статья, отпечатанная отдѣльнымъ листкомъ, послана въ дѣйствующія арміи въ количествѣ 100.000 экз.

А вѣдь было время, когда этотъ типичнѣйшій русскій человѣкъ близокъ былъ къ идеаламъ русскаго народа, готовъ былъ, казалось, воспринять ихъ въ свою душу, любовался ими, восхищался и собирался послужить имъ... Увы, гордыня, постепенно овладѣвая его душою, заслонила всѣ эти идеалы, исказила ихъ, вытравила совершенно изъ его души основную черту православнаго народнаго духа—смиреніе и заняла его мѣсто...

Разбирая бумаги покойнаго намѣстника лавры, о. архимандрита Леонида, я нашелъ два письма графа Л. Н. Толстого, очень характерныя въ этомъ отношеніи. Писаны они за 36 лѣтъ до его смерти, въ 1874 году, когда его талантъ блисталъ во всей красотѣ, когда въ его русской душѣ пробуждалось стремленіе къ роднымъ идеаламъ народа, и онъ искалъ вдохновенія въ тѣхъ „сокровищахъ, какихъ не имѣетъ ни одинъ народъ“, по его же собственному выраженію. О. Леонидъ, которому были адресованы эти письма, въ то время былъ еще настоятелемъ Новаго Іерусалима и, имѣя довольно свободнаго времени для литературныхъ трудовъ, много работалъ въ области древней письменности. Упоминаемый въ первомъ письмѣ П. Д. Голохвастовъ лѣтомъ жилъ въ своемъ имѣніи близъ Воскресенскаго монастыря, я часто бывалъ у о. Леонида.

Вотъ эти письма.

I.

1874. Ноября 22. Тула.

Ваше высокопреподобіе!

П. Д. Голохвастовъ сообщилъ мнѣ радостное извѣстіе, что дѣло составленія для народа книги чтенія, составленной изъ избранныхъ житій, не только одобрено вами, но что вы не отказываетесь даже въ своемъ личномъ содѣйствіи этому дѣлу. Постараюсь при первомъ досугѣ воспользоваться вашимъ разрѣшеніемъ побывать у васъ и переговорить подробно обо всемъ, теперь же мнѣ хочется, какъ съумѣю, изложить мой взглядъ на это дѣло и вызвать ваше, такъ высоко цѣнимое мною, мнѣніе о немъ. Въ предполагаемой мною книгѣ (или рядѣ книгъ) я раздѣляю двѣ стороны: форму—языкъ, размѣръ (т. е. краткость или длину) и содержаніе — внутреннее, т. е. нравственно-религіозныя основы и внѣшнее, т. е. описываемыя событія. По всѣмъ четыремъ отдѣламъ я мечтаю о томъ, чтобы найти послѣдовательность, т. е. постепенный переходъ отъ простого къ болѣе сложному.—1) По языку, я думаю надобно начать съ Макарьевскихъ житій въ родѣ (Евлогія)[1]) тѣхъ, которыя напечатаны въ моей Азбукѣ и 2) по размѣру самыя краткія, переходя постепенно къ болѣе труднымъ по языку до языка Димитрія Ростовскаго, и по размѣру до житія хоть Николая Чудотворца. 3) По внутреннему содержанію, отъ ближе доступныхъ простыхъ подвиговъ, какъ мученичество, до болѣе сложныхъ, какъ подвиги архипастырей Церкви, дѣйствующихъ не для одного своего спасенія, но и для блага общаго, и 4) по внѣшнему содержанію, отъ событій болѣе живыхъ и рельефныхъ до общественной и духовной дѣятельности. Вообще по языку я предпочитаю простоту и удобопонятность и сложный языкъ допускалъ бы только тогда, когда онъ живописенъ и красивъ, какимъ онъ бываетъ часто у Димитрія Ростовскаго. По содержанію я пред-

[1]) Слово *Евлогія*, вѣроятно—каменосѣчца, зачеркнуто.

почитаю для народнаго чтенія, безъ сомнѣнія, русскихъ святыхъ и такихъ, жизнь которыхъ содержитъ больше событій. Я очень мало начитанъ въ этой отрасли литературы, но по тому, что знаю, мнѣ кажется, что осуществленіе этого плана возможно. Не могу выразить вамъ, до какой степени ваши указанія мнѣ будутъ драгоцѣнны. Искренно радуюсь еще тому, что это дѣло даетъ мнѣ, можетъ быть, случай исполнить мое давнишнее желаніе представиться вамъ и засвидѣтельствовать вамъ то искреннее высокое уваженіе съ которымъ имѣю честь быть вашъ покорный слуга

графъ Левъ Толстой.

Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ подъ руками отвѣтнаго письма о. Леонида, но изъ слѣдующаго письма графа Толстого видно, что отвѣтъ былъ болѣе, чѣмъ удовлетворительный. Вотъ второе письмо графа, безъ помѣтки мѣсяца и числа.

II.

Ваше высокопреподобіе!

Получивъ ваше письмо, я испыталъ большое духовное наслажденіе. Я читалъ выраженіе сочувствія дорогимъ для меня взглядамъ на дорогое мнѣ дѣло и выраженіе гораздо болѣе высокое и глубокое тѣхъ самыхъ мыслей, которыя смутно представлялись мнѣ. Изданіе для народа избранныхъ мѣстъ изъ нашей древней литературы и именно въ тѣхъ большихъ размѣрахъ, какъ вы предполагаете, представляется мнѣ такимъ важнымъ и хорошимъ дѣломъ, что я непремѣнно намѣреваюсь посвятить на это дѣло тѣ силы, знанія и средства, которыя могу. Я самъ дамъ свой пай денежный на это дѣло, и началъ и буду собирать по вашему указанію людей для общества съ цѣлію такого изданія. Самая большая трудность есть выборъ и изданіе, т. е. сокращенія и объясненія, если они нужны. Вопросъ въ томъ, угодно ли вамъ будетъ взять этотъ трудъ. Если да и Богъ дастъ намъ жизни и силы, то дѣло это будетъ сдѣлано. Само собою разумѣется, что все это дѣло подлежитъ многостороннему обсужденію, для котораго я постараюсь быть у васъ; теперь же я высказываю только тѣ чувства и намѣренія, которыя вызвало во мнѣ ваше письмо.

Очень много благодаренъ вамъ за столь любопытное и прекрасное изслѣдованіе о Сильвестрѣ [1]). Судя по немъ, я догадываюсь, какія сокровища—подобныхъ которымъ не имѣетъ ни одинъ народъ—таятся въ нашей древней литературѣ. И какъ вѣрно чутье народа, тянущее его къ древнему-русскому и отталкивающее его отъ новаго.

Прося принять мою глубокую благодарность за ваше доброе ко мнѣ расположеніе и увѣреніе въ моемъ глубокомъ и искреннемъ уваженіи, имѣю честь быть вашъ покорный слуга

графъ Левъ Толстой.

Изъ этого письма видно, что о. Леонидъ не ограничился только одобреніемъ намѣченнаго графомъ Толстымъ плана изданія житій святыхъ, но и совѣтовалъ ему поставить дѣло шире: издавать и другіе памятники древне-русской литературы, каковы, напримѣръ, поученія, притчи, разные сборники въ родѣ „Золотой Струи“, „Измарагда“ и подобнымъ имъ. И дѣйствительно: не разъ говорилъ мнѣ покойный старецъ, что въ нашей древней письменности—богатѣйшій рудникъ чи-

[1]) Напечатано въ „Чтеніяхъ Общества любителей Исторіи и Древностей Россійскихъ“.

стаго золота народныхъ поученій, и по его указаніямъ я много бралъ изъ этого рудника для своихъ „Троицкихъ Листковъ“. Кто знакомъ съ этого рода литературой, тотъ пойметъ, что такой художникъ-писатель, какъ графъ Толстой, не могъ не увлечься этимъ сокровищемъ. И онъ увлекся, но, къ глубокому сожалѣнію, какъ воспитанный внѣ церковныхъ вѣяній, не воспринялъ самаго духа этихъ сокровищъ, а только, какъ художникъ, использовалъ образы и формы ихъ, давъ рядъ разсказовъ, въ сущности искажающихъ духъ нашей старой литературы. Вліяніе о. Леонида, повидимому, было мимолетнымъ. Въ 1881 году Толстой посѣтилъ Троицкую Сергіеву лавру и былъ у о. Леонида съ своею семьей. Оставшись потомъ наединѣ съ старцемъ, онъ бесѣдовалъ съ нимъ о духовной жизни, но когда онъ вышелъ отъ старца, то послѣдній сказалъ мнѣ со вздохомъ: „зараженъ такою гордыней, какую я рѣдко встрѣчалъ. Боюсь—кончитъ нехорошо“...

266.

Посланіе хрістолюбивымъ земледѣльцамъ.

Божіе благословеніе всѣмъ вамъ, въ потѣ лица своего труждающимся на нивахъ родной Русской земли!

Да благословитъ Господь сторицею плоды трудовъ вашихъ, да укрѣпитъ силы ваши, да ниспошлетъ воздухи благорастворенные и дожди благовременные на нивы, сады и огороды ваши!

Возлюбленные о Господѣ братія, вы знаете, совѣсть ваша говоритъ каждому изъ васъ, что благословеніе Божіе подается только тому, кто заслуживаетъ его, кто Бога боится, Бога любитъ, помнитъ заповѣди Его и по силѣ—возможности старается исполнять ихъ. *Аще любите Мя*, глаголетъ Господь, *заповѣди Моя соблюдите*. А заповѣди Его не тяжелы: всѣ онѣ заключаются въ одномъ словѣ: „люби“. Любовь есть тотъ воздухъ, которымъ дышетъ душа хрістіанская. Безъ любви нѣтъ хрістіанства, безъ нея человѣкъ—мертвецъ. Но и вѣровать, и любить надобно не на словахъ, а на дѣлѣ. *Не любимъ словомъ, ниже языкомъ*, учитъ святой Апостолъ Іоаннъ Богословъ, *но дѣломъ и истиною*. Всего лучше любовь показываетъ себя въ дѣлахъ милосердія и помощи ближнему. И многоразличенъ милованія образъ, какъ говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, и широка заповѣдь сія. Но бываютъ времена, когда предъ нами открывается особенно широкое поле для дѣлъ любви и помощи ближнему: это — времена общественныхъ бѣдствій. Таково наше время, время великихъ скорбей и тяжкаго испытанія, испытанія нашей вѣры и любви ко Господу. Жестокій, безпощадный врагъ напалъ на наше отечество, и милліоны нашихъ хрістолюбивыхъ воиновъ грудью отстаиваютъ нашу матушку Русь православную на поляхъ битвъ. А ихъ семьи, ихъ матери, жены и дѣти остаются безпомощными въ работахъ и заботахъ о хлѣбѣ насущномъ. Многіе защитники наши—воины уже и душу свою положили за насъ на полѣ брани, а ихъ вдовы и сироты плачутъ въ своихъ убогихъ хижинахъ и рѣки слезъ льются повсюду на лицѣ родной земли. Настала весна, надобно воздѣлывать поля, сѣять хлѣбъ,

овесъ, картошку, — надо спѣшить, чтобъ на будущую осень и зиму не остаться безъ куска хлѣба. И вотъ, выйдетъ на свою полоску бѣдная солдатка, посмотритъ, зальется горючими слезами: нѣтъ у нея кормильца — работника мужа, некому воздѣлать эту землицу, чтобъ пропитать милыхъ дѣтушекъ... Или пойдетъ въ храмъ Божій съ своими дѣтками, станетъ тамъ у святой иконы Заступницы усердной и будетъ выплакивать свое горе безутѣшное... Призри, Владычица, Матерь милосердая, на слезы этой бѣдной женщины! Отри ихъ Своею ласкою, пошли ей добрыхъ людей, чтобы помогли ей перенести тяготу жизненную, чтобъ утѣшили ея малютокъ по-родному, по-божьему. Сказано вѣдь въ словѣ Божіемъ: *другъ друга тяготы носите и тако исполните законъ Хрістовъ*.

А кто же поможетъ имъ, этимъ осиротѣлымъ труженицамъ, этимъ вдовамъ и сиротамъ? Кто замѣнитъ имъ отцовъ, кто пойдетъ на ихъ полоску, чтобъ вспахать ее, заборонить, засѣять? Кто—какъ не вы, православные? Вотъ гдѣ Самъ Богъ зоветъ васъ на доброе дѣло: помогите семьямъ тѣхъ, кто отстаиваетъ за всѣхъ насъ нашу матушку Русь, нашу святую вѣру православную, нашего Царя батюшку—Божія Помазанника. Наши братья — воины своей жизни не щадятъ, чтобъ исполнить свой святой долгъ, чтобъ защитить насъ отъ нашествія нѣмцевъ и турокъ—супостатовъ: какъ же намъ не исполнить нашего святаго долга—позаботиться о семьяхъ ихъ, нашихъ защитниковъ, помочь имъ—не деньгами, а трудомъ праведнымъ? Ужели кто откажетъ имъ въ такой помощи? И то надо помнить: вѣдь вдовы и сироты воиновъ, а если—помилуй Богъ — война не кончится до осени, то и жены, и дѣти воюющихъ, останутся все же на вашемъ попеченіи; при нынѣшней на все дороговизнѣ казеннаго пайка имъ не достанетъ: такъ не лучше ли теперь же, весною, озаботиться, чтобъ у этихъ женъ, у этихъ матерей, у этихъ сиротокъ былъ тогда свой кусокъ хлѣба? А это и будетъ, если только вы не откажете имъ цѣлымъ міромъ обработать ихъ поля и огороды, засѣять ихъ, а къ осени, когда Богъ благословитъ урожаемъ, и убрать плоды земные. Ужели кто откажется сдѣлать такое доброе дѣло?

Нѣтъ! Этого не будетъ! Этого не допуститъ ваше доброе русское сердце! Это было бы тяжкимъ грѣхомъ и предъ Богомъ, и предъ Царемъ, и предъ родиной—Русской землей. Стыдъ и позоръ тому, кто сказалъ бы: „это—не мое дѣло, мнѣ недосужно!“ Богъ накажетъ такого самолюбца! Богъ лишитъ его благословенія въ его трудахъ. Да думаю я, хочется вѣрить, что такого жестокосердаго и не найдется у насъ, въ нашемъ добромъ Русскомъ народѣ. Не такая душа у русскаго человѣка, чтобъ не помочь, отказать въ помощи бѣдной вдовѣ, бѣдной семьѣ, сироткамъ, оставшимся послѣ убіеннаго хрістолюбца. Русскій православный человѣкъ ночи не поспитъ, а добраго дѣла не оставитъ недодѣланнымъ. И Богъ не оставитъ его Своею милостью, Своею помощью. И самъ онъ не замѣтитъ, какъ все у него будетъ спориться, какъ на всемъ явно будетъ почивать Божіе благословеніе. У Бога ужъ такой законъ: ты дѣлай добро, а Богъ въ долгу у тебя не останется. Сторицею воздастъ тебѣ за твое доброе дѣло. Вѣдь всякое доброе дѣло — Божье дѣло; не ты его дѣлаешь, а Богъ чрезъ тебя, это — Онъ тебѣ помогаетъ, вразумляетъ тебя, силы и средства

тебѣ посылаетъ. Видишь: какой ты счастливецъ, когда ближнему помогаешь: ты — Божій работникъ, Божій сотрудникъ! Это ли не счастье для тебя? А сколько грѣховъ-то тебѣ Богъ проститъ за любовь твою къ сирымъ и вдовицамъ, къ безпомощнымъ женамъ и матерямъ нашихъ воиновъ хрістолюбцевъ! Потрудись же, родной, постарайся ради Господа Бога! Каждый день, весною, дороже золота. Подсчитайте, православные: сколько у васъ въ деревнѣ взято воиновъ, сколько семей осталось безъ работниковъ. Сообразите: какъ помочь имъ. Раздѣлите свой трудъ, или сообща, цѣлымъ міромъ отработайте ихъ поля. Снесите по рѣшетцу, по ковшечку сѣмянъ, чтобъ засѣять ихъ. А воинамъ напишите, чтобъ о своихъ поляхъ, о своихъ семьяхъ не безпокоились: все-де будетъ исправно, родные наши, только свое дѣло дѣлайте, отстаивайте Русь православную, гоните супостатовъ прочь отъ ея границъ, а мы тутъ за васъ поля ваши вспашемъ и засѣемъ, и дѣтокъ вашихъ накормимъ, и всѣ дѣла ваши управимъ общими силами.

Подумайте: какою отрадою въ сердцахъ воиновъ нашихъ отзовется такая вѣсточка изъ родныхъ деревень — вѣсточка о томъ, что ихъ односельцы позаботились о семьяхъ ихъ, позаботились о поляхъ ихъ, потрудились за нихъ такъ, что семьи ихъ и на будущій годъ не останутся безъ хлѣба насущнаго. Да вѣдь это—удвоитъ ихъ силы, одушевитъ ихъ, да и Господь за такую любовь вашу къ нимъ пошлетъ имъ побѣду и одолѣніе на враговъ, и они вернутся домой побѣдителями, радостные, что есть къ чему имъ руки приложить, что хозяйство ихъ не запущено безъ нихъ и есть за что сказать сердечное спасибо вамъ, своимъ землякамъ.

Слово Божіе говоритъ: *братъ отъ брата помогаемь, яко градъ твердъ.* Еще въ Ветхомъ Завѣтѣ было заповѣдано: *аще узриши осля врага твоего, падшее подъ бременемъ его,* подъ тяжелою ношею, *да не мимогидеши е,* не моги проходить равнодушно мимо его, *но да воздвигнеши е съ нимъ* — помоги врагу твоему поднять на ноги бѣдное животное. Видите: слово Божіе велитъ помогать даже врагу, даже скоту твоего врага въ его непосильной работѣ: какъ же намъ не помочь бѣднымъ семьямъ нашихъ братьевъ, душу свою за насъ полагающихъ на полѣ брани со врагомъ? Да не будетъ сего! Аминь.

267.

О духовной прелести и самоубійствѣ.

Въ Петроградской духовной академіи произошло страшное событіе: сатана похитилъ юную душу студента, покончившаго самоубійствомъ. Событіе вызвало много толковъ, вкривь и вкось объясняющихъ это событіе, но ни одно изъ объясненій нельзя считать вполнѣ удовлетворительнымъ съ нашей, монашеской, точки зрѣнія. А съ другой точки зрѣнія, думается, нельзя и судить о немъ.

Изъ совокупности тѣхъ данныхъ, какія стали извѣстны по этому случаю, видно, что несчастный юноша, увлекшись ложнымъ мистицизмомъ, впалъ въ „прелесть“. А въ состояніи прелести человѣкъ усиленно

ищетъ якобы духовныхъ утѣшеній, коихъ въ сущности еще не достоинъ по нечистотѣ своего сердца. Святые отцы пишутъ: „Божія о себѣ пріидутъ, тебѣ неощущающу, но — аще мѣсто будетъ чисто, а не скверно“. Иначе есть опасность услышать страшный оный приговоръ: *како вшелъ еси сѣмо, не имый одѣянія брачна?* Святитель Ѳеофанъ-затворникъ пишетъ: „Углубленная молитва ко Господу возбуждаетъ теплоту. У опытныхъ отцевъ строго различаются—теплота тѣлесная, простая, бывающая вслѣдствіе сосредоточенія силъ къ сердцу вниманіемъ и напряженіемъ,—теплота тѣлесная, похотная, тутъ же иногда прививающаяся и поддерживаемая врагомъ, и — теплота духовная, трезвенная, чистая. Она двухъ родовъ: естественная, вслѣдствіе соединенія ума съ сердцемъ, и благодатная. Различать каждую изъ нихъ научаетъ опытъ. Теплота эта сладостна и поддерживать ее желательно, какъ ради самой этой сладости, такъ и ради того, что она сообщаетъ благонастроеніе всему внутреннему. Но кто усиливается поддерживать эту теплоту за одну сладость, тотъ разовьетъ въ себѣ сластолюбіе духовное“.

Вотъ тутъ-то и бываетъ опасность для юныхъ молитвенниковъ: никѣмъ неруководимые, непровѣряющіе своихъ внутреннихъ переживаній такъ называемымъ „откровеніемъ помысловъ“ старцу, испытавъ первый видъ теплоты тѣлесной, простой, бывающей вслѣдствіе соединенія ума съ сердцемъ, теплоты естественной, они принимаютъ ее за теплоту благодатную, а врагъ всѣваетъ въ нихъ мысль, что они уже удостоились Божіей благодати, и подстрекаетъ ихъ всячески усиливать эту теплоту. Бываетъ, по свидѣтельству опытныхъ въ духовной жизни старцевъ, что врагъ незамѣтно подмѣниваетъ эту, такъ сказать, безгрѣшную саму въ себѣ теплоту, теплоту естественную, уже—прямо — грѣшною, похотною, что такъ часто наблюдается въ хлыстовщинѣ и лжемистическихъ сектахъ искаженнаго монашества. Но если и не бываетъ такой подмѣны, то увлеченіе „духовнымъ сластолюбіемъ“ ведетъ къ прелести: человѣкъ начинаетъ воображать, будто онъ уже угодилъ Богу, сподобился Его благодати, — въ немъ растетъ, совершенно для него незамѣтно, внутренній фарисей; онъ усиленно ищетъ мнимо-духовныхъ наслажденій, а послѣдствіемъ сего бываетъ то, что сіи наслажденія смѣняются страшнымъ духовнымъ угнетеніемъ, невыносимою тоскою, унынiемъ... Надо сказать еще, что въ исканіяхъ сладости прельщенный даетъ волю своему воображенію: рисуетъ себѣ отверстое небо, представляетъ образъ Господа, сѣдящаго на престолѣ, окруженнаго тьмами Ангеловъ и святыхъ. Если наступаетъ періодъ унынія, то при такихъ мечтаніяхъ ему чудится, что онъ уже осужденъ судомъ Божіимъ, недостоинъ и жизни на землѣ, что онъ долженъ себя *казнить*... И вотъ—почва для самоубійства уже готова! Врагъ перепутываетъ всѣ его понятія, влечетъ, насилуетъ душу несчастнаго отчаяніемъ, которое представляется ему какъ бы исполненіемъ суда Божія надъ нимъ. А благодать Божія удаляется отъ такого человѣка за его самомнѣніе, за его вторженіе въ тотъ „чертогъ брачный“, въ который не входятъ неимущіе одѣянія брачнаго, то есть чистоты сердечной, по крайней мѣрѣ очищенія души отъ страстей, на нее особенно воюющихъ. Онъ самъ не допускаетъ къ себѣ своею гордостію, грѣхомъ іудина самоосужденія или отчаянія, сей спасительной

благодати. Если онъ падаетъ въ какой-либо грѣхъ, то не кается такъ, какъ каются смиренные грѣшники, а начинаетъ оказывать себя, какъ мірской „честный“ человѣкъ: да какъ это я могъ позволить себѣ? какъ я смѣлъ это сдѣлать?“... Какъ будто бы онъ въ другое-то время и непричастенъ грѣху!

Таково бываетъ настроеніе прельщеннаго; такова опасность, которая ему постоянно угрожаетъ, если онъ не смирится, не признаетъ избранный имъ путь заблужденіемъ.

Слѣдуетъ еще сказать, что въ состояніи прелести врагъ обычно вторгается въ область воображенія и рисуетъ человѣку разныя видѣнія, кажущіяся ему реальными: врачи называютъ ихъ галлюцинаціями. И этого мало: чтобы глубже втянуть душу въ прелесть и внушить человѣку, будто онъ совсѣмъ уже сталъ святымъ, врагъ, Божіимъ попущеніемъ, дѣлаетъ его въ своемъ родѣ прозорливцемъ: онъ видитъ на разстояніяхъ, обличаетъ пороки другихъ, нѣчто какъ бы предсказываетъ, видитъ воочію бѣсовъ и якобы ангеловъ... И все это кончается сумасшествіемъ и самоубійствомъ!

Состояніе прелести отпечатлѣвается на самой наружности прельщеннаго: глаза его горятъ какимъ-то неестественнымъ блескомъ, когда онъ говоритъ о духовныхъ предметахъ, то онъ дышетъ какъ бы страдающій одышкой, на лицѣ—печать какого-то воодушевленія...

Всѣ эти признаки отмѣчены въ отношеніи къ несчастному студенту Сумарокову въ статьѣ о немъ г. профессора А. А. Бронзова. Правда, г. профессоръ характеризуетъ его какъ сумасшедшаго; но вѣдь надо же сказать и причину сумасшествія, а эта причина, по нашему мнѣнію, есть прелесть, въ которую онъ впалъ вслѣдствіе отсутствія надлежащаго духовнаго руководства въ самовольно начатомъ имъ духовномъ дѣланіи. „У всѣхъ отцевъ, писавшихъ руководства къ духовной жизни, говоритъ нашъ аскетъ—святитель Ѳеофанъ, первымъ пунктомъ въ правилахъ для вступающаго во внутреннюю жизнь ставится: имѣть духовнаго отца-руководителя и его слушаться. Вотъ что говоритъ св. Григорій Синаитъ: „Безъ учителя самому успѣть въ умномъ дѣланіи невозможно. Что дѣлаешь самъ по себѣ, а не по совѣту предуспѣвшихъ, то раждаетъ опасное самомнѣніе. Если Сынъ Божій ничего не творилъ Самъ о Себѣ, но какъ научилъ Его Отецъ, такъ творилъ, и Духъ Святый не о Себѣ глаголалъ, то кто это такой между нами до толикой достигъ высоты совершенства, что уже не требуетъ никого иного, кто бы руководилъ его? Гордость это, а не добродѣтель! Такой уже въ прелести состоитъ, то есть вступилъ на ложный путь уклоненія къ заблужденіямъ“. А вотъ слова Каллиста Патріарха: „Прежде всего поищись найти себѣ наставника и учителя непрелестнаго и, нашедши его, вполнѣ отдайся ему, какъ отцу родному сынъ отцелюбивый, ходя по повелѣніямъ его неуклонно и на него взирая, какъ на Самого Христа. Кто хочетъ жить самоугодно, безъ наставника, тотъ, по слову Лѣствичника, легко уклоняется въ заблужденіе и погибаетъ, хотя бы онъ всю премудрость міра сего исчерпалъ. Безъ совѣта ходящіе ходятъ будто въ сонномъ мечтаніи; они много сѣютъ, но пожинаютъ очень мало и, вмѣсто пшеницы, увы! собираютъ плевелы“.

Духовное дѣланіе, духовная жизнь есть наука изъ наукъ, искусство изъ искусствъ. Научиться сему искусству безъ опытнаго руководителя, по однимъ книгамъ нельзя. Вотъ,

можетъ быть, почему въ нашихъ духовныхъ школахъ доселѣ нѣтъ систематическаго изученія этой великой науки, какъ особаго предмета, книжнымъ образомъ. Есть нравственное богословіе, есть другія сродныя съ нимъ науки, но аскетики въ собственномъ смыслѣ мы не имѣемъ какъ науки. Ее надо проходить непремѣнно личнымъ опытомъ, а не по книгамъ, непремѣнно подъ руководствомъ опытнаго старца-наставника, а не просто ученаго профессора. Книжное изученіе—одно, а опытъ—дѣло другое.

Если нельзя изучать физику или химію безъ „опытовъ“, то тѣмъ менѣе возможно изучать душу человѣческую въ ея соприкосновеніи съ духовнымъ міромъ безъ опытнаго руководителя въ духовной жизни. Самые термины духовныхъ переживаній безъ опытнаго истолкованія ихъ не будутъ достаточно понятны для изучающаго или же могутъ быть поняты въ превратномъ смыслѣ. Это конечно, не значитъ, что вовсе не слѣдуетъ касаться въ учебныхъ заведеніяхъ аскетики: это противорѣчило бы самому назначенію духовно-учебныхъ заведеній, цѣль коихъ—приготовленіе пастырей, а въ академіяхъ—и архипастырей для служенія Церкви Божіей. А пастыри должны знать законы духовной жизни, чтобы и пасомыхъ не слѣпо вести по пути крестноношенія къ вѣчной жизни. Но постановка этого святаго дѣла должна быть совершенно иная, чѣмъ преподаваніе всѣхъ прочихъ предметовъ. Въ основу всего должно быть положено воспитаніе духа смиренія и отсѣченія своего смышленія и опытъ духовной жизни подъ руководствомъ старца. Къ сожалѣнію, въ наше время „оскудѣ преподобный“. Но и нынѣ—ищай обрѣтаетъ и толкущему отверзается.

Въ послѣдніе годы въ нашихъ духовныхъ академіяхъ умножилось число постригаемыхъ въ иночество. Съ одной стороны это — явленіе отрадное, свидѣтельствующее, что въ юныхъ душахъ питомцевъ духовныхъ школъ еще теплится искра Божія, жажда духовной жизни. Съ другой стороны, съ заботою смотримъ мы, старики, на быстрое прохожденіе такихъ юныхъ, духовно незрѣлыхъ монаховъ по степенямъ священства: едва постригутъ, какъ монахъ становится еще на школьной скамьѣ священнослужителемъ. Гдѣ же опытъ послушничества? гдѣ опытъ отсѣченія своей воли, борьбы съ своею самостью, не говорю уже о борьбѣ съ другими страстями, воюющими на душу? Едва кончилъ курсъ такой монахъ, какъ его назначаютъ преподавателемъ въ семинарію или училище: онъ еще не видалъ настоящаго монашества, какъ становится въ положеніе наставника не только по данному ему предмету, но и въ качествѣ „воспитателя“ и руководителя юношества. Правда, нѣкоторыя академіи поставлены въ болѣе счастливыя условія для юныхъ монаховъ-студентовъ: такъ московская академія пользуется близостью Зосимовой пустыни съ ея духовно-опытными старцами, но да будетъ позволено сказать откровенно: студенты-монахи являются въ этой пустыни вѣдь не въ качествѣ настоящихъ послушниковъ, а лишь въ качествѣ, такъ сказать, „диллетантовъ“ монашества: хотятъ они пользоваться совѣтами и руководствомъ старцевъ—идутъ къ нимъ, не хотятъ—никто ихъ къ тому не можетъ принудить, и они живутъ въ сущности по своей волѣ, руководятся своимъ смышленіемъ. Не знаю, какъ стоитъ дѣло въ другихъ академіяхъ: о духовномъ руководительствѣ юныхъ монаховъ тамъ что-то не слышно.

Позволяю себѣ высказать пожеланіе, чтобы студентовъ, желающихъ „иноческаго житія“ вовсе не постригать въ бытность ихъ студентами, а по окончаніи курса посылать въ благоустроенныя обители, гдѣ еще не угасло старчество, въ родѣ Оптиной, Глинской, Саровской или Зосимовой пустыни, подчинять ихъ тамъ строгому укладу настоящей монашеской жизни примѣрно года три и только тогда, когда старцы признаютъ ихъ способными къ монашеству, постригать и посылать на послушаніе туда, куда найдетъ благопотребнымъ церковная власть. При такихъ условіяхъ меньше будетъ тѣхъ печальныхъ, въ духовномъ отношеніи уродливыхъ явленій, какія—надо сознаться—бываютъ въ средѣ незрѣлыхъ, искусственно выведенныхъ въ ряды монашества питомцевъ духовной школы...

Не въ Сумароковѣ дѣло.

„Довольно о студентѣ Сумароковѣ!“ восклицаетъ почтеннѣйшій г. профессоръ А. А. Бронзовъ. Съ полнымъ убѣжденіемъ онъ рѣшительно „удостовѣряетъ, что въ этой исторіи не играли никакой роли ни академическій уставъ, ни монахи, ни пономарка, ни прелесть“... Все дѣло, по его словамъ, въ томъ, что у него былъ какой-то близкій „родственникъ“, сошедшій съ ума и умершій въ 25-лѣтнемъ возрастѣ, въ теченіи послѣднихъ пяти лѣтъ своей жизни не разъ покушавшійся на самоубійство въ припадкахъ умопомѣшательства. Вотъ и „юный Сумароковъ, съ его печальнымъ, рѣзко выраженнымъ наслѣдствомъ, все равно кончилъ бы столь же печально, еслибъ даже и не переступалъ академическаго порога“.

Итакъ, наслѣдственность — вотъ причина гибели юноши! Этимъ все и объясняется. „Несомнѣнно, говоритъ г. профессоръ, что въ исторіи Сумарокова и діаволъ не при чемъ, и напрасно его привлекаютъ къ отвѣту, какъ напрасно клеветалъ на него монахъ, пекшій на свѣчкѣ яйца и утверждавшій, что его соблазнилъ діаволъ, который въ дѣйствительности самъ у него учился“.

Признаюсь, съ тяжелымъ чувствомъ я прочиталъ эти строки...

„Наслѣдственность“... модное нынѣ слово. Имъ въ судахъ нашихъ готовы оправдывать всякаго рода преступниковъ. Слово растяжимое и—соблазнительное. Да у кого же изъ насъ не найдется кого-нибудь роднаго, страдавшаго тѣмъ или другимъ порокомъ? А можетъ быть и склонностью къ самоубійству? Стало быть, на всякій случай, если бы пришлось отвѣчать предъ судомъ за какое-либо преступленіе, стоитъ только сослаться на „наслѣдственность“ и будешь оправданъ... И когда такъ разсуждаютъ врачи, то ужъ мы привыкли къ такимъ сужденіямъ и молчимъ. Но когда заговорилъ о наслѣдственности почетнѣйшій г. профессоръ духовной академіи, то наше религіозное чувство какъ-то не мирится съ такимъ рѣшеніемъ вопроса. Мы въ правѣ поставить ему нѣсколько вопросовъ, которыхъ не приняли бы гг. врачи, но на которые долженъ отвѣтить православный богословъ. Итакъ, спрашиваемъ: какъ же смотрѣть на самоубійство съ точки зрѣнія нравственнаго богословія? Разумѣется: самоубійство въ безуміи и Церковь

считаетъ грѣхомъ простительнымъ, ибо разрѣшаетъ молиться за такого самоубійцу, повергая судьбу его въ бездну милосердія Божія. Но какъ смотрѣть съ точки зрѣнія Промысла Божія, не хотящаго смерти грѣшника, но присно зовущаго его на путь покаянія? Ужели можно сказать, что „такъ было угодно Богу"? Ужели можно думать, будто самоубійство было угодно Богу? А если это богохульно, то ужели это—безразличное вѣяніе, ужели такъ и не было никакой возможности избѣжать его? Вѣдь вотъ, родственникъ Сумарокова пять разъ покушался на самоубійство, а умеръ все же, повидимому, естественною смертью. Стало быть, Богъ непопускалъ ему такой смерти, а Сумарокову—попустилъ. Я не обвиняю, не сужу несчастнаго юношу; я даже допускаю возможность и „остраго помѣшательства", хотя и это только вѣдь одна изъ гипотезъ, а не доказанный съ несомнѣнностью фактъ. Но пусть и такъ. Я желалъ бы, въ видахъ предостереженія другимъ юношамъ, выяснить ближайшія духовныя причины такого помѣшательства, которыя вѣдь были же! Я хотѣлъ бы, если можно, отвѣтить на вопросъ: почему покушавшемуся пять разъ на самоубійство не допущено исполнить свое намѣреніе, а вотъ сему юношѣ попущено?... Дѣло тутъ не въ Сумароковѣ: онъ только наглядный примѣръ помѣшательства на почвѣ прелести. А опытъ сорокалѣтняго пребыванія въ монастырѣ указалъ мнѣ нѣсколько примѣровъ, вполнѣ аналогичныхъ самоубійству Сумарокова, примѣровъ, которые старцы согласно называли состояніемъ прелести. А гдѣ прелесть, тамъ несомнѣнно и врагъ—сатана. Ученому психіатру я не сталъ бы говорить этого: Богъ его знаетъ, вѣруетъ ли еще онъ въ бытіе злыхъ духовъ, а богослову говорю и вопрошаю, увѣренный, что мы поймемъ другъ друга: ужели въ попущенномъ отъ Бога самоубійствѣ вся вина цѣликомъ лежитъ на несчастномъ самоубійцѣ и сатана тутъ — „не при чемъ"? Богъ попустилъ, сатана воздѣйствовалъ, а человѣкъ, удаливъ отъ себя Божію благодать своимъ самочиніемъ въ дѣлѣ спасенія, не въ силахъ былъ противиться сему воздѣйствію. Можно ли говорить послѣ сего, что я „напрасно привлекаю сатану къ отвѣту"? Анекдотъ о монахѣ, пекшемъ яйцо, — простите — по меньшей мѣрѣ не у мѣста... Правда, духовная прелесть кончается сумасшествіемъ, но вѣдь самая почва, на которой развивается эта душевная болѣзнь, самыя условія въ душѣ человѣка, благопріятствующія развитію ея, все это—коренится не въ тѣлесномъ организмѣ, а въ ненормальной жизни духа. А за это уже отвѣтственъ самъ человѣкъ. И опять таки опытъ показываетъ, что когда есть зоркое наблюденіе за первыми проявленіями такой духовной болѣзни, то зараженный ею еще можетъ быть вразумленъ, уврачеванъ смиреніемъ и поставленъ на правильный путь духовной жизни. Примѣровъ много и въ житіяхъ святыхъ, наприм. Исаакія Печерскаго. При помощи благодати Божіей такимъ образомъ можетъ быть устранено вліяніе злого духа на больную душу. А когда нѣтъ никакого воздѣйствія смиряющей любви, прельщенные, по слову Писанія, имже нѣсть управленія—падаютъ яко листвіе. Мы никакъ не можемъ, не имѣемъ права забывать, что жизнь духа нашего проходитъ подъ вліяніями изъ духовнаго міра—сверху и снизу. Вліянія снизу обезсиливаются воздѣйствіемъ благодати Божіей сверху, привлекаемой смиреніемъ человѣка.

Гдѣ нѣтъ смиренія, тамъ удаляется благодать и приходитъ діаволъ, обуревая душу унынiемъ, тоскою, отчаяніемъ. Отсюда—одинъ шагъ и до самоубійства не только въ состоянiи безумія, но и въ полномъ сознаніи... Выяснять все это юношеству, только что вступающему въ жизнь, а отчасти и интеллигентному обществу нашему—есть нашъ долгъ, чтобы предупредить укорененіе такъ называемаго детерминизма въ незрѣлыхъ умахъ...

268.

Православіе — могучій устой нашей государственности.

Гремитъ гроза Божія надъ грѣшнымъ міромъ. Сверкаютъ молніи гнѣва небеснаго надъ народами земли. Пламя войны разгорается съ неудержимою силою и съ наступленіемъ весны неизбѣжны великія, небывалыя въ исторіи битвы милліонныхъ армій, лучше сказать — цѣлыхъ народовъ... Польются снова рѣки крови, содрогнется земля отъ ужаса этихъ битвъ...

Мужайся, хрістолюбивый Русскій народъ! Стойте крѣпко, наши дорогіе братья православные воины! Богъ видитъ, что мы стоимъ за святую правду Его, что не мы начали эту ужасную войну, что мы не хотимъ дать въ обиду родныхъ братьевъ нашихъ, коимъ грозитъ нѣмецкое духовное и матеріальное рабство, что мы сознаемъ свое недостоинство быть орудіями Его всеблагаго Промысла, но и не дерзаемъ отрекаться отъ нашего священнаго долга въ надеждѣ на Его милосердіе,—все это Богъ видитъ и—вѣруемъ крѣпко—насъ не обидитъ!

Чѣмъ дальше развѣртывается свитокъ исторіи, чѣмъ быстрѣе раскрывается предъ нами величественная картина совершающихся событій, тѣмъ яснѣе, тѣмъ неоспоримѣе становится та истина, что—съ нами Богъ! Да, мы недостойны этой великой милости Божіей, мы не имѣли права ожидать ея, но за смиреніе души народной, за любовь народа нашего къ святому православію, за его вѣрность родной Церкви, Господь, наказуя насъ за грѣхи наши, въ то же время великою скорбію очищаетъ насъ и содѣлываетъ насъ служителями Своего Промысла въ жизни родныхъ намъ по плоти и по вѣрѣ народовъ славянскихъ, и особенно нашихъ братьевъ, русскихъ людей, много вѣковъ страдавшихъ подъ игомъ нѣмецкаго насилія, въ родной Галичинѣ и Червонной Руси. Пусть нѣмцы на каждомъ предметѣ своего вооруженія, на ружьяхъ, каскахъ, штыкахъ и даже снарядахъ ставятъ святыя слова: „съ нами Богъ!“—мы вѣруемъ, что Богъ съ нами, а не съ ними, ибо наши штыки не имѣютъ губительныхъ пилообразныхъ зазубринъ, рвущихъ раны, чтобъ нельзя было ихъ зашить, мы не стрѣляемъ разрывными или отравленными пулями, мы не кидаемъ ужасныхъ, на смерть бьющихъ стрѣлъ съ аэроплановъ въ толпы женщинъ и дѣтей, выходящихъ изъ церкви; мы не вырѣзываемъ языковъ, не отрѣзаемъ ушей у плѣнныхъ, наши воистину хрістолюбивые воины не только щадятъ раненаго врага, но и отдаютъ ему послѣдній кусокъ хлѣба, подъ пулями вражьими перевязываютъ ему раны, уступаютъ ему мѣсто въ перевязочныхъ пунк-

тахъ, словомъ—обращаются съ врагомъ какъ съ братомъ, какъ скоро онъ обезоруженъ... Не хвалимся мы такими дѣяніями нашихъ воиновъ-хрістолюбцевъ, нѣтъ, мы только съ умиленіемъ читаемъ правдивые разсказы о такихъ подвигахъ любви ко врагамъ, мы благодаримъ Бога, что мы — православные, мы дѣти той Церкви, которая умѣетъ воспитывать душу народную въ такой любви, въ такомъ поистинѣ хрістіанскомъ устроеніи. И вотъ, за сію-то благодатную матерь нашу, Церковь православную, за сіе-то безцѣнное сокровище наше — вѣру православную и стоитъ наша Русь, наше воинство, нашъ возлюбленный, Богомъ вѣнчанный и за Свое смиреніе превознесенный Царь нашъ—Батюшка со всѣми вождями нашего воинства хрістолюбиваго. Вѣдь въ сущности настоящая война есть война сатаны противъ Хріста Господа, война адовыхъ вратъ противъ Церкви Хрістовой, война предтечъ антихрістовыхъ противъ служителей Хрістовыхъ. Нашъ народъ всѣмъ своимъ существомъ чувствуетъ, что измѣна православію есть измѣна народу, есть духовная гибель, начало рабства духовнаго, а затѣмъ и матеріальнаго. Въ самомъ дѣлѣ: загляните въ исторію: упѣлѣлъ ли въ самостоятельной государственной жизни хоть одинъ славянскій народъ, измѣнившій православной вѣрѣ? Всѣ эти—Чехи, Хорваты, Словаки, даже сосѣди наши Поляки, съ отступленіемъ отъ православія, которое имъ было всѣмъ завѣщано первоучителями нашими Кирилломъ и Меѳодіемъ, потеряли свою независимость, подпали власти нѣмцевъ, и если имъ есть еще надежда на освобожденіе, то—только отъ родной имъ по крови — православной Россіи. Не то же ли грозитъ и братьямъ нашимъ, нами освобожденнымъ Болгарамъ, порвавшимъ свою связь съ матерью—Церковію Греческою и пребывающимъ въ схизмѣ, внѣ общенія съ нами въ молитвѣ и таинствахъ? Понимаютъ это и враги наши и вотъ уже полсотни лѣтъ стараются всячески отравить нашъ православный народъ своею вѣрою, лучше сказать — ересью нѣмецкой, баптизмомъ, штундою, адвентизмомъ и прочими погибельными мудрованіями. Берегись ихъ, родной православный народъ! Гони отъ себя прочь всякаго проповѣдника ихъ нечестія! Такіе совратители обычно являются въ видѣ кроткихъ агнцевъ, коимъ-де дорого спасеніе души и своей собственной и души брата, православнаго хрістіанина; они приносятъ и книжки, въ коихъ таится ядъ ихъ нечестія, ихъ противленія Церкви святой и хулы на истины нашей вѣры православной. И вотъ горе: такія книжки попадаютъ даже въ лазареты, даже въ окопы къ нашимъ героямъ воинамъ, и отравляютъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Пишутъ священники, что нѣкоторые воины, заранѣе совращенные въ баптизмъ и штунду нѣмецкую, или же зараженные уже въ войскахъ, присылаютъ своимъ женамъ такія нечестивыя книжки, совѣтуя бросить родную Церковь и итти къ баптистамъ. Это ужъ настоящая погибель душевная: измѣнить своей родной матери православной Церкви и пойти въ вѣру враговъ нашихъ нѣмцевъ, въ которой нѣтъ ни спасительныхъ таинствъ (кромѣ крещенія), ни святынь никакихъ!.. Жгите, православные, такія книжки или несите своимъ пастырямъ, отъ Бога поставленнымъ: они растолкуютъ вамъ, въ чемъ ядъ ложныхъ баптистскихъ и штундистскихъ ученій. Вѣрить хулителямъ Церкви родной значитъ лишать себя Божія благословенія, значитъ добровольно итти въ духовный плѣнъ къ

ненавистникамъ нашей святой вѣры православной, значитъ губить свою душу навѣки и навѣки лишить себя молитвы церковной по смерти. Вѣдь за еретиковъ, за отступниковъ отъ православной вѣры, святая Церковь и по смерти ихъ *не можетъ* молиться. Вотъ гдѣ опасность для нашего святого дѣла: это отлично знаютъ наши враги и вотъ уже полсотни лѣтъ сѣютъ свои ереси въ народѣ нашемъ, особенно на югѣ, гдѣ много поселилось нѣмцевъ-колонистовъ, которые за сто слишкомъ лѣтъ не породнились съ русскимъ народомъ, живутъ какъ пришельцы въ землѣ чуждой и отравляютъ нашъ простой добрый народъ своими ересями, чтобы оторвать его отъ корня русскаго, чтобы подмѣнить у него душу русскую — душою нѣмецкою. Говорятъ, у нѣмцевъ и у совращенныхъ ими въ штундобаптизмъ русскихъ людей, на мѣсто портретовъ Царя нашего Православнаго, красуются портреты еретика - кайзера нѣмецкаго. О, если бы прозрѣли очи нашихъ простецовъ, въ штунду совратившихся! Если бы проснулась въ нихъ русская, по природѣ православная душа! Если бы они съ негодованіемъ отвернулись отъ нѣмецкой еретической вѣры—штунды и баптизма и обратились съ покаяніемъ къ родной, святымъ княземъ Владиміромъ намъ завѣщанной, вѣрѣ! Какая радость была бы не только здѣсь на землѣ, въ Церкви Божіей, но и на небѣ—у Ангеловъ Божіихъ! Объ этомъ вѣдь говоритъ Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ: *радость бываетъ предъ Ангелы Божіими о единомъ грѣшницѣ кающемся* (Лук. 15, 10). И ужели какой-нибудь нѣмецъ колонистъ, да хотя бы и самый ученый изъ ученыхъ нѣмцевъ, лучше знаетъ слово Божіе, чѣмъ наши пастыри и архипастыри, чѣмъ знали и понимали его святые отцы, Богомъ прославленные? У нихъ, нѣмцевъ, немало даже среди такъ называемыхъ пасторовъ людей, невѣрующихъ въ Божество Господа нашего Іисуса Христа; много такъ называемыхъ ученыхъ, которые и самое слово Божіе считаютъ писаніемъ человѣческимъ. У нихъ столько сектъ, что и не перечтешь, и каждая секта толкуетъ слово Божіе по своему убогому смышленію, кому какъ на умъ придетъ, кому какъ нравится. А у насъ единъ Господь, едина и вѣра православная, едина и Церковь, Христомъ созданная на твердомъ камени исповѣданія Божества Христова, какъ Самъ Онъ сказалъ: *на камени созижду Церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей*, — никакія ереси, никакіе расколы не въ силахъ разрушить святую вѣру Православную и ея хранительницу—Церковь Христову православную.

И слава Богу: народъ нашъ крѣпко держится сей святой своей матери—Церкви, носитъ въ сердцѣ своемъ ея завѣты, любитъ и благоговѣйно чтитъ ея святыни, пребываетъ въ послушаніи ея пастырямъ, и сею вѣрою—тако вѣруемъ—побѣдитъ всякаго врага и супостата! Да уже и побѣждаетъ. Не говорю уже о побѣдахъ и одолѣніи враговъ на полѣ брани, побѣдахъ, какими Богъ доселѣ благословляетъ наше воинство, но—побѣждаетъ врага своею любовью, своимъ великодушіемъ: развѣ это не побѣда, когда нашъ солдатъ отдаетъ врагу послѣдній кусокъ своего хлѣба, когда на полѣ брани перевязываетъ ему раны, когда уступаетъ ему свое мѣсто въ лазаретѣ? Развѣ не побѣда, когда весь міръ, даже міръ инославный, удивляется доблестямъ русской души и воздаетъ должную дань уваженія не только къ воинскимъ подвигамъ, но и къ

проявленіямъ добродѣтелей русскаго солдата? А кто воспиталъ въ немъ эти добрыя качества? Кто вдохнулъ въ него духъ хрістіанской любви? Всѣмъ этимъ народъ нашъ всецѣло обязанъ своей родной Церкви православной! Это—она и только она одна, въ крѣпкомъ союзѣ съ родными Царями и князьями, начиная съ святаго князя Владиміра, выпѣстовала, на протяженіи почти тысячи лѣтъ, православный народъ въ его преданности вѣрѣ, Богомъ поставленой власти и завѣтамъ Хрістова Евангелія.

Слава Богу: это сознаютъ и наши вожди побѣдоносные. „Мы побѣдимъ, говорилъ мнѣ герой Перемышля, почтеннѣйшій генералъ А. Н. Селивановъ: побѣдимъ, потому что такъ хочетъ народъ, а гласъ народа—гласъ Божій. Нѣтъ въ арміи солдата, который бы сомнѣвался въ побѣдѣ, потому что русскій солдатъ знаетъ, что война идетъ — за вѣру православную!“.

Въ православіи—непобѣдимая сила нашей Руси. Оттого и ненавидятъ нашу Церковь православную совершенною ненавистію враги наши, оттого и стараются всѣми силами подкопаться подъ этотъ могучій устой нашей государственности, нашего счастія и самобытности. Вотъ почему русскій человѣкъ всегда стоялъ до смерти за православіе: онъ зналъ и, слава Богу, теперь знаетъ и твердо помнитъ, что пока онъ остается вѣрнымъ сыномъ Церкви православной, дотолѣ цѣла и непорушна будетъ его родная Россія, а какъ только онъ измѣнитъ вѣрѣ православной—ее ждетъ погибель подобно тому, какъ погибли нѣкогда великія монархіи, измѣнившія своему призванію въ исторіи народовъ земныхъ...

Еще о наслѣдственности и прелести.

На мою статью: „Дѣло не въ Сумароковѣ“ почтеннѣйшій профессоръ г. А. А. Бронзовъ на другой же день отвѣтилъ статьею „Дѣло въ Сумароковѣ“, и только въ Сумароковѣ. Очевидно, мы все еще не понимаемъ другъ друга. Я вѣдь уже сказалъ, что не сужу несчастнаго юношу; теперь прибавлю: разъ церковная власть нашла возможнымъ совершить надъ нимъ хрістіанское погребеніе, значитъ, Церковь приняла его въ свои молитвы, значитъ, признала его грѣхъ простительнымъ,—тогда какъ сознательныхъ самоубійцъ она не разрѣшаетъ предавать хрістіанскому погребенію,—значитъ, вопросъ о Сумароковѣ „ликвидированъ“, какъ выражается г. профессоръ.

Но мы разошлись въ объясненіи причинъ самоубійства Сумарокова. По мнѣнію профессора Бронзова, эта причина — „наслѣдственность“, и только наслѣдственность, по моему мнѣнію — состояніе прелести. „Откуда видно, возражаетъ мнѣ мой почтенный оппонентъ, что здѣсь дѣло не обошлось безъ прелести?“ Отвѣчаю: изъ вашей статьи, Александръ Александровичъ, подъ заглавіемъ: „Бѣдный“... (Колок. № 2668). Вы пишете, что религіозность Сумарокова доходила до галлюцинацій, что создаваемыя его взвинченнымъ воображеніемъ картины не давали ему покоя, что ему казалось, что сатана преслѣдуетъ его на каждомъ шагу... Да, можетъ быть, онъ и совсѣмъ лишился разсудка.

но это совершилось на почвѣ духовной прелести. Спросите любого опытнаго старца-монаха, и каждый вамъ скажетъ, что мое предположеніе ближе къ истинѣ, чѣмъ ваше—„наслѣдственность". Вѣдь кромѣ одного какого-то родственника ни на комъ въ его роду еще эта наслѣдственность не отразилась: почему же—только на немъ одномъ?

Но, если угодно, оставайтесь при своемъ убѣжденіи, какъ я пока остаюсь при своемъ предположеніи. А вотъ и въ другихъ сужденіяхъ вашихъ по тому же поводу я позволяю себѣ не согласиться съ вами. Вы утверждаете, что наклонность къ самоубійству у Сумарокова была „неотвратимая, непреодолимая, неизлѣчимая"... Страшно читать! Вѣдь отсюда выводъ, что эта ужасная „болѣзнь" грозитъ и другимъ членамъ семьи его родныхъ? Почему же полагать, что только на немъ она отразилась такъ трагично, неотвратимо, неизлѣчимо, непреодолимо? Это—первое. Второе: сравнивать съ другими наслѣдственными болѣзнями, вродѣ чахотки, склонность къ самоубійству едва ли можно. Всякая болѣзнь есть „оброкъ грѣха", какъ предтеча смерти. Страхъ смерти свойственъ каждому живому существу. Сама по себѣ никакая болѣзнь не есть „грѣхъ", осуждаемый закономъ Божіимъ. Больной, сознающій неизлѣчимость болѣзни своей, невольно готовится мысленно къ смерти, ждетъ ее и, при руководствѣ благодати Божіей, имѣетъ возможность готовиться къ переходу въ другую жизнь. Самоубійство, какъ по самому существу своему дѣло противное волѣ Божіей, не можетъ быть признано абсолютно безразличнымъ въ нравственномъ смыслѣ. Это есть грѣхъ, по ученію Церкви, смертный, а если совершается онъ въ состояніи безумія, то простительный, очищаемый молитвами Церкви за несчастнаго, но все же грѣхъ, все же нарушеніе Божіей воли. Полнаго „безразличія", полной нравственной невмѣняемости тутъ быть не можетъ. Хотя отдаленно, но человѣкъ далъ поводъ проявиться ему и не имѣлъ, самъ лишилъ себя возможности очистить себя покаяніемъ въ немъ. Юридически—безумецъ-самоубійца, конечно, неповиненъ, но нравственно все же не можетъ быть абсолютно неповиненъ... Есть же какія-нибудь причины, можетъ быть и дѣйствительно только одному Богу вѣдомыя, но все же онѣ есть—почему одному человѣку, не разъ покушающемуся на самоубійство, Богъ посылаетъ людей, его спасающихъ отъ такого поступка, а другому нѣтъ... Вѣдь „не случай" же ихъ спасаетъ, а Богъ—чрезъ добрыхъ людей. И думаю, что колебать понятіе о самомъ актѣ самоубійства, какъ о „грѣхѣ" противъ Бога, нельзя. Для того, кто грѣхами привлекъ къ себѣ неизлѣчимую болѣзнь, въ теченіе болѣзни дается время на покаяніе, для самоубійцы такого времени уже нѣтъ. Послѣ смерти нѣтъ покаянія, остается одна надежда на молитвенную помощь Церкви, если только она приметъ самоубійцу въ свои молитвы.

Удивило меня замѣчаніе А. А. Бронзова о томъ, что въ храмъ Божій діаволъ не смѣетъ войти. Конечно, храмъ Божій — святыня, въ храмѣ Божіемъ обитаетъ благодать Божія. И діаволъ не можетъ, не смѣетъ войти въ него, если человѣкъ не введетъ его, такъ сказать, съ собою. Что такое была горница Сіонская, какъ не храмъ Божій, гдѣ Самъ Господь совершалъ тайную вечерю съ учениками Своими? Но что читаемъ въ Евангеліи? *И по хлѣбѣ томъ внидѣ въ онь*, т. е.

въ Іуду, *сатана*. А Іуда въ ту минуту былъ еще на вечери Господней. Не привожу уже многихъ сказаній изъ житій святыхъ, о томъ, какъ святые прозорливцы видѣли духовными очами бѣсовъ, смущающихъ иноковъ въ храмѣ Божіемъ. Дѣло-то въ томъ, что когда человѣкъ только тѣломъ бываетъ въ храмѣ, а душою, умомъ, сердцемъ бродитъ внѣ храма, по распутіямъ міра, то тамъ, на распутіяхъ міра, и встрѣчаетъ его его бродящій умъ, духъ отверженный, хотя, повторяю, тѣломъ человѣкъ и въхрамѣ Божіемъ стоитъ. Кто не испыталъ на себѣ этого грѣховнаго приращенія діавола въ минуты пребыванія въ храмѣ, когда душа наша уходила изъ храма? Вотъ почему оказался сатана и въ горницѣ Сіонской...

Мухи слетаются тамъ, гдѣ ощущается смрадъ: бѣсы витаютъ около души, зараженной смрадомъ грѣха, наипаче же духовной гордыни, такъ же, какъ Ангелы Божіи пріосѣняютъ душу, благоухающую смиреніемъ.

269.

Четвертая заповѣдь и сектантская пропаганда.

Три съ половиной тысячи лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ на Богошественномъ Синаѣ были даны великому пророку Божію Моисею Богописанныя скрижали съ десятью заповѣдями закона Божія; всѣ пророки Божіи, всѣ богоугодные люди на протяженіи многихъ вѣковъ повторяли ихъ, разъясняли, учили прилагать къ жизни; наконецъ Самъ Господь пророковъ, Сама Воплощенная Мудрость Божія, Спаситель нашъ Іисусъ Хрістосъ раскрылъ во всей полнотѣ весь смыслъ сихъ заповѣдей; казалось бы, какъ послѣ всего этого еще не понимать, не усвоять всѣмъ сердцемъ животворящій смыслъ ихъ, тѣмъ болѣе, что и благодать Божія, даруемая намъ отъ Духа Божія по заслугамъ Господа Іисуса Христа, всегда готова помочь намъ не только умомъ усвоять, но и дѣломъ исполнять сіи заповѣди?..

Но видно, такъ извлукавилось сердце грѣхолюбивое, что и понынѣ отъ многихъ остается прикрытъ истинный и спасительный смыслъ ихъ, а можетъ быть люди, сами того не замѣчая, руководимые своими грѣхолюбивыми стремленіями, притворяются и обманываютъ сами себя, будто надо понимать заповѣди Божіи не по изъясненію ихъ Самимъ Господомъ, не по разуму Церкви—нашей матери - наставницы, а по своему убогому разумѣнію. Глубоко сердце человѣческое и какъ часто человѣкъ, руководимый тайными влеченіями страстей, думаетъ, что служитъ онъ Богу, тогда какъ служитъ своимъ же страстямъ!

И вотъ, мы, недостойные служители Церкви, вынуждаемся въ сотый, въ тысячный разъ повторять и разъяснять одно и то же, но снова и снова слышимъ тѣ же вопросы и недоумѣнія: какъ слѣдуетъ исполнять ту или другую заповѣдь Божію?

Чаще всего простые люди спрашиваютъ: грѣхъ ли въ праздники работать? Четвертая заповѣдь Божія о почитаніи святыхъ дней нерѣдко служитъ не только камнемъ преткновенія для простецовъ, понимающихъ заповѣдь по-іудейски, принимающихъ только половину ея, запрещающую

житейскія дѣла въ святые дни, но и средствомъ совращенія православныхъ въ жидовствующія секты, средствомъ политическаго развращенія ихъ, особенно въ такіе смутные тревожные дни, какъ наше время. Въ цѣломъ своемъ видѣ заповѣдь Божія ясна, какъ ясный Божій день: шесть дней дается тебѣ на житейскія попеченія, на работу, занятія — для поддержанія твоей земной жизни, а седьмой день всецѣло отдай Господу Богу твоему. Не дѣлай въ сей день никакого дѣла, но святи, посвящай его Богу. Не ясно ли, что заповѣдь заключаетъ въ себѣ двѣ мысли, непосредственно связанныя между собою: первая запрещаетъ въ праздникъ житейскія занятія, вторая повелѣваетъ отдать сей день Богу. Первая какъ бы даетъ просторъ человѣку для исполненія второй половины сей заповѣди: брось свои житейскія дѣла и заботы, чтобъ было можно безъ всякихъ препятствій, безъ всякихъ отговорокъ послужить Богу въ сей день. Тутъ сокрыто и обѣтованіе: если исполнишь вторую половину заповѣди, то Богъ благословитъ двойнымъ успѣхомъ твои житейскія дѣла въ будніе дни, ибо Богъ въ долгу у человѣка не остается никогда. Манна, собираемая Евреями въ пустыни каждый день, къ утру слѣдующаго дня портилась, а собранная наканунѣ субботы оставалась неповрежденною на оба дня—на канунъ субботы и на самую субботу. Кто исполнитъ заповѣдь Божію сполна, тотъ не потерпитъ никакого ущерба въ своихъ житейскихъ дѣлахъ. А кто помнитъ только одно, что въ праздники работать запрещено, а для чего запрещено—того не хочетъ знать и предается праздности въ святые дни, тотъ тяжко грѣшитъ предъ Богомъ,—сугубо грѣшитъ: во-первыхъ, праздность есть сама по себѣ порокъ; во-вторыхъ, онъ отдаетъ этому пороку, матери другихъ пороковъ, то время, которое заповѣдь Божія освободила отъ дѣлъ и заботъ житейскихъ для того, чтобы посвятить его Богу. Что же сказать о томъ, кто святые дни не работаетъ, а проводитъ въ пьянствѣ, разгулѣ, предаваясь служенію грѣшной плоти и своимъ страстямъ? Давно возгремѣлъ таковымъ грозный приговоръ Божій устами великаго пророка Исаіи: „праздничныхъ собраній вашихъ не могу терпѣть: беззаконіе и—празднованіе! Праздники ваши ненавидитъ душа Моя, они—бремя для Меня, не могу нести ихъ!“ (Ис. I, 13. 14). И если такъ грозно говорилъ Господь вѣрующимъ грѣшникамъ въ ветхомъ завѣтѣ, то тѣмъ грознѣе будетъ изреченъ судъ Божій христіанамъ: въ ветхомъ завѣтѣ многое было простительно людямъ, какъ дѣтямъ, что нынѣ, въ завѣтѣ благодатномъ, уже непростительно. И такъ: заповѣдь Божія ясна: кто исполняетъ только первую ея половину, то есть, перестаетъ работать въ праздникъ, а не исполняетъ вторую, то есть, не ходитъ въ храмъ Божій, не читаетъ слова Божія и другихъ душеполезныхъ книгъ, не посѣщаетъ болящихъ, не творитъ добрыхъ дѣлъ для ближняго, тотъ только оскорбляетъ Бога такимъ лукавымъ исполненіемъ Его заповѣди. Самъ Господь сказалъ: *въ субботы подобаетъ добро творити* (Мѳ. 12. 12). Творить добро и значитъ служить Господу. Праздники — дни Божьи, а не наши. Богу и отдавай ихъ. И если ты работаешь въ праздникъ на себя, для своей выгоды, то ты тяжко грѣшишь, ты крадешь у Господа то время, которое Онъ Себѣ отъ тебя требуетъ. За такую работу Богъ лишитъ тебя Своего благословенія и въ будни, и не будетъ

спораться работа твоя. А вотъ, если ты въ праздникъ, помолившись Богу въ церкви Божіей, поработаешь для бѣдныхъ, нищихъ, убогихъ, для сиротокъ несчастныхъ, которыхъ такъ много теперь послѣ убіенныхъ на полѣ брани хрістолюбивыхъ воиновъ нашихъ, если поможешь вдовицамъ ихъ въ сельскихъ трудахъ, позаботишься о семьяхъ тѣхъ воиновъ, которые грудью отстаиваютъ нашу матушку Русь православную и крови своей не жалѣютъ тамъ, въ битвахъ кровавыхъ,—вотъ ты и сдѣлаешь доброе, святое дѣло, то дѣло, которое въ очахъ Божіихъ будетъ дороже твоей пудовой свѣчи, на которую у тебя и средствъ-то не имѣется.

Особенно смущаетъ работа въ праздники простецовъ - тружениковъ на казенныхъ судостроительныхъ, орудійныхъ и другихъ заводахъ. Необходимость имѣть всѣ средства къ защитѣ государства отъ безчеловѣчныхъ враговъ заставляетъ поневолѣ работать дни и ночи на этихъ заводахъ. И вотъ, слышатся скорбные голоса: „что же это?.. Не есть ли это нашъ всеобщій грѣхъ россійскій? Не за это ли и наказуетъ насъ Господь войною?“

Успокойтесь, православные русскіе люди! Во-первыхъ, ваша работа не—простое житейское дѣло, это есть такое же служеніе отечеству, какъ и служба воиновъ на позиціяхъ. Оттого и законъ освобождаетъ васъ отъ строевой службы въ войскахъ: значитъ, если вы и въ праздникъ дѣлаете свое дѣло съ сознаніемъ, что работаете не ради своей личной корысти, а ради пользы отечеству, то въ вашей работѣ нѣтъ никакого грѣха,—напротивъ, вы дѣлаете доброе дѣло, а дѣлать доброе дѣло,въ праздники Самъ Господь заповѣдуетъ. Во-вторыхъ, кто же мѣшаетъ вамъ эту работу всю безъ остатка обратить на служеніе Господу? Стоитъ только всю цѣну этой работы, весь праздничный заработокъ „посвятить Богу“, пожертвовать хотя бы въ пользу вдовъ и сиротъ убитыхъ на полѣ брани братій нашихъ воиновъ, употребить на то доброе дѣло, какое кому подскажетъ его Ангелъ хранитель. Вѣдь не безъ платы же заставляютъ васъ работать въ праздники. Вѣдь если бы вы не работали въ праздники, то этого заработка и не было бы, и все же семьи ваши были бы сыты и довольны. Значитъ, праздничный заработокъ—уже излишекъ въ вашихъ средствахъ: вотъ и „посвятите его Богу“, скажите въ своей совѣсти: „Господи, я доволенъ тѣмъ, что въ будни зарабатываю для моей семьи, для моихъ потребностей земныхъ, а вотъ, въ дни Твои, которые Ты повелѣваешь отдавать на служеніе Тебѣ, въ праздники, я вынужденъ, ради служенія отечеству, изъ послушанія власти, Тобою же поставленной, трудиться и за этотъ трудъ даютъ мнѣ плату: возьми ее Себѣ, пусть она пойдетъ вдовамъ и сироткамъ нашихъ братій, душу свою на войнѣ положившихъ, а меня грѣшнаго благослови за ихъ молитвы“. Сдѣлай такъ, и совѣсть твоя будетъ спокойна. Если не можешь почему - либо отдать весь заработокъ въ праздники сполна, то отдай хотя половину, хотя нѣкую часть, спросивъ свою совѣсть: не лукавишь ли ты изъ корысти какой?...

Вотъ что пастырская совѣсть повелѣваетъ мнѣ сказать въ отвѣтъ на сѣтованія православныхъ тружениковъ, которымъ невольно приходится работать въ праздники на судостроительныхъ, орудійныхъ и другихъ казенныхъ заводахъ. Прискорбно, что государственная нужда вынуждаетъ къ этому. Но надо

помнить, что главная мысль, самая сущность заповѣди Божіей вовсе не въ томъ, чтобы въ праздникъ ничего не дѣлать: прочтите въ православномъ катехизисѣ отвѣтъ на вопросъ: какіе пороки запрещаются сею заповѣдію?—Лѣность и праздность. Главная мысль заповѣди въ томъ, чтобы праздничный день „посвятить", отдать Господу на добрыя, Богу угодныя дѣла: молитву въ храмѣ Божіемъ, поученіе въ словѣ Божіемъ, дѣла милости духовной и тѣлесной, которыя перечислены въ „Пространномъ Православномъ Катихизисѣ". Господь сказалъ: *суббота человѣка ради бысть, а не человѣкъ субботы ради* (Мр. 2, 27). Праздникъ данъ не для праздности, а для добрыхъ дѣлъ, для нашего же спасенія. Чтобы свободнѣе было дѣлать добро, тебѣ и дается праздникъ, свободный отъ житейскихъ занятій. И если тебя начальство, по неотложной нуждѣ государственной, заставляетъ работать въ праздникъ, а ты заработанную въ этотъ день плату отдаешь Богу чрезъ руки бѣдныхъ вдовъ и сиротъ, или жертвуешь на бѣдный храмъ Божій, то знай, что никто не отниметъ у тебя благодатной радости праздника. А что тебѣ не пришлось быть въ храмѣ Божіемъ, то не смущайся и этимъ: вѣдь не по своей волѣ ты не пошелъ, а изъ послушанія начальству, ибо сказано въ Св. Писаніи: *противляяйся власти, Божію велѣнію противляется.* И не твое дѣло, не дѣло твоего разумѣнія рѣшать: когда должно повиноваться Богу паче, нежели человѣкамъ. Это дѣло Церкви, твоей матери, дѣло пастырей Церкви, которые и будутъ отвѣчать за твою душу Богу. Послушный сынъ Церкви никогда не будетъ подражать сектантамъ въ самочинномъ толкованіи слова Божія.

Въ наши дни надо всячески оберегать себя отъ тайной духовной отравы разныхъ сектантовъ, зараженныхъ нѣмецкою вѣрою. Вотъ примѣръ: одинъ трудолюбецъ съ Балтійскаго завода, говоря о праздникахъ, пишетъ мнѣ, что „мы бываемъ въ духѣ только въ день Воскресный", и ссылается на Апокалипсисъ, гл. I, ст. 10. Это толкованіе вовсе не православное, а сектантское. По разумѣнію Православной Церкви слова: „былъ въ духѣ" означаютъ: былъ восхищенъ Духомъ, находился въ восторженномъ состояніи, въ пророческомъ созерцаніи. Предъ очами Тайновидца раскрывались таинственныя судьбы Божіи въ исторіи народовъ, наипаче же Церкви Божіей на землѣ. Потому и самая книга Іоанна Богослова, въ которой написаны всѣ его видѣнія пророческія, названа Апокалипсисомъ, а по-русски—*Откровеніемъ*. Кто же изъ насъ грѣшныхъ смѣетъ сказать о себѣ, что бываетъ въ духѣ? Только самообольщенный сектантъ дерзаетъ на это. Правда, что въ праздникъ, бывая въ храмѣ Божіемъ при Богослуженіи, чувствуемъ въ своей душѣ миръ и благодатное утѣшеніе, если Богъ дастъ намъ помолиться неразсѣянно, со смиреніемъ сердца. Но это вовсе не то, о чемъ пишетъ св. Іоаннъ Богословъ въ „Откровеніи". Толковать слово Божіе надо осторожно, не иначе, какъ по руководству Церкви и ея учителей, а не по своему смышленію. Богъ на то и поставилъ въ Церкви пастырей и учителей, чтобы не всякій дерзалъ самочинно толковать святое Писаніе, *не многи учители бывайте*, говорить слово Божіе А сектанты не только толкуютъ самочинно, но и книжки печатаютъ съ такимъ самочиннымъ толкованіемъ. Берегитесь ихъ, люди православные! Это—вол-

ки въ овечьихъ шкурахъ, которые хотятъ похитить ваши души у матери вашей Церкви Православной. Гоните ихъ прочь отъ себя!

—

Сіи строки были написаны въ отвѣтъ на скорбное письмо съ Балтійскаго завода, въ которомъ одинъ изъ тружениковъ - рабочихъ, сообщая о безпрерывныхъ работахъ на заводѣ въ дни праздничные и, повидимому, смущаемый какимъ-то непрошеннымъ проповѣдникомъ якобы евангельской истины въ духѣ баптистовъ, вопрошаетъ меня словами евангельскаго юноши: что сотворивъ, животъ вѣчный наслѣдуемъ? Что всякій труженикъ нуждается въ „нормальномъ“ отдыхѣ, что такого отдыха онъ и ждетъ въ праздникъ, что православному русскому человѣку хотѣлось бы въ праздникъ и въ храмъ Божій сходить, и въ семьѣ отдохнуть—противъ этого что можно сказать? Но вотъ что подозрительно: простой человѣкъ подбираетъ не только тексты изъ Свящ. Писанія, но и приводитъ правила св. Апостоловъ, святыхъ соборовъ, даже статьи XIV тома Свода Законовъ Россійской Имперіи, запрещающія работы въ праздничные дни. Чувствуется, что есть кто-то подбивающій его односторонними толкованіями къ ропоту на власть имущихъ... У него уже возникаетъ обоюдуострый вопросъ: кого должно больше слушать: Бога или людей? Было время, еще такъ недавно, когда рабочіе ревниво оберегали свое право на праздничный досугъ, чтобы использовать его на грѣшный прогулъ, пьянство, картежную игру. Теперь они понимаютъ, что нынѣ время не то, что надо послужить отечеству всѣмъ, кто чѣмъ можетъ, что и въ праздники надо поработать. И все же кому-то надо смущать ихъ совѣсть, склоняя ихъ мысль къ узко-буквальному, почти іудейскому пониманію заповѣди Божіей о праздникахъ. А толкованіе словъ Апостола Павла: духа не угашайте, въ связи ихъ съ словами Апокалипсиса: „былъ въ духѣ“, уже ясно обличаетъ мысль сектантовъ-баптистовъ, которые, какъ показываютъ и другіе нѣкоторые факты, да не скрываютъ и сами они въ своихъ журналахъ („Утренняя Заря“, „Гость“ и др.), всюду сѣютъ свои лжемудрованія въ средѣ простого православнаго люда, а это на фабрикахъ и заводахъ, при постоянномъ общеніи съ рабочими, имъ удобнѣе проводить, чѣмъ въ деревнѣ, ибо рабочій все же стоитъ по умственному развитію нѣсколько выше деревенскаго жителя, да и пропаганда баптизма не такъ замѣтна на фабрикѣ или заводѣ, какъ въ деревнѣ. Не молчатъ же рабочіе, стоя у станковъ, у машинъ, перекидываются же между собою тѣмъ или другимъ словомъ: вотъ хитрый сектантъ и вставитъ иногда такое словечко, якобы въ духѣ благочестія, что заронитъ въ простую душу сомнѣніе въ истинности церковнаго пониманія заповѣдей Божіихъ, а тамъ, послѣ, когда этотъ простецъ самъ заговоритъ по поводу смущающей его мысли, онъ постарается развить эту сектантскую мысль и углубить ее въ душѣ собесѣдника. Нашъ простой народъ любитъ поговорить о вѣрѣ и спасеніи души. А вкрадчивые сектанты и ведутъ себя очень осторожно, стараясь показать свое благочестіе, чтобъ заманить простеца въ свои собранія и уловить въ свои сѣти. Недаромъ же извѣстный пропагандистъ Фетлеръ устроилъ свое сектантское гнѣздо близъ такого рабочаго центра, какъ Балтійскій судостроительный заводъ. До запрещенія

продажи опьяняющихъ напитковъ сильнымъ средствомъ пропаганды въ распоряженіи сектантовъ была проповѣдь трезвости: народъ сознавалъ гибельность порока, но не чувствовалъ въ себѣ достаточно мужества, чтобы стать противъ искушенія и искалъ себѣ опоры въ борьбѣ съ пьянствомъ — въ проповѣди трезвости. Этимъ и пользовались враги Церкви, выставляя себя поборниками трезвости, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не было правильно организованнаго общества трезвости на церковныхъ началахъ. Теперь у нихъ это оружіе само собою выпало изъ рукъ: по мановенію Царя (да будетъ благословенно Его имя и Его царствованіе!) пьянству положенъ предѣлъ... Но за то въ народной душѣ сильнѣе пробудилось желаніе жить по-божьи, по-хрістіански; это подмѣчено сектантами, и они не замедлили использовать это стремленіе. Справедливо разсчитывая, что при отсутствіи продажи питій въ праздники народъ будетъ искать возможности использовать свой досугъ для утоленія своей духовной жажды, провести время такъ, чтобы отдохнуло не только тѣло, но и утомленная суетою житейской душа, они имѣютъ въ виду увлечь его въ свои самочинныя собранія, въ „евангельскіе дома“, а ихъ руководители — нѣмцы или тайные агенты нѣмцевъ имѣютъ и свой тайный интересъ: возбуждать недовольство среди рабочихъ по поводу работы въ праздники. Надо, чтобы нашъ простецъ-труженикъ зналъ эти планы нашихъ враговъ, былъ бы увѣренъ, что пройдетъ, Богъ дастъ, тяжелое время, когда по нуждѣ и закону премѣненіе бываетъ, и тогда его не будутъ принуждать работать въ праздники. А пока— пусть онъ служитъ Богу, отдавая, по мѣрѣ своего усердія, плоды своего праздничнаго труда на бѣдныхъ и сиротъ, памятуя слово Господне: *понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ — Мнѣ сотвористе!* И сего довольно будетъ къ умиротворенію его совѣсти, смущаемой праздничнымъ невольнымъ—за послушаніе власти—трудомъ.

Не пора ли прекратить умноженіе словесъ неудобь пріемлемыхъ?

Очень сожалѣю, что мои замѣтки огорчили почтеннаго г. профессора А. А. Бронзова: я не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія его обидѣть.

А что онъ огорчился, видно изъ нижеслѣдующаго:

1) Мою послѣднюю замѣтку онъ называетъ „репликой“, „преудивительнымъ окрикомъ“, „палочнымъ доказательствомъ“.

2) Обвиняетъ меня въ томъ, будто я ухватился за принципъ: „тащить и не пущать“, что я пользуюсь „научнымъ“ (въ ироническомъ смыслѣ конечно) методомъ, обычнымъ въ департаментахъ, гдѣ подчиненные въ отвѣтъ на свои „сужденія“, неугодныя директорамъ, слышатъ отъ послѣднихъ внушительное: „молчать“, — „не разсуждать!“ Вотъ въ какомъ смыслѣ понялъ онъ мои замѣтки: очень извиняюсь предъ нимъ.

3) Говоритъ о своихъ оппонентахъ, а слѣдовательно и обо мнѣ, будто мы, „повидимому, панибратски знакомы съ діаволомъ и его жизнью лицомъ къ лицу“.—Если бы это было похоже на правду, то мы не обвинять бы стали сего господина, а оправдывать.

4) Говоритъ, что я считаю себя

въ правѣ поучать его, г. профессора, лишь бы только защитить свою „безнадежную позицію“. — О правѣ поучать профессора не было у меня и помысла.

5) Становясь на мое мѣсто, онъ говоритъ, что не сталъ бы защищать причину, „которую высосалъ изъ своего пальца“, не считаясь съ дѣйствительностью. „Ужели, говоритъ онъ, мнѣ не сказали бы: молчи о томъ, чего не знаешь?— Сказано осторожно, но деликатно-ли?...

Горячо защищая свою мысль о наслѣдственности даже послѣ моего заявленія: „оставайтесь при своемъ убѣжденіи, какъ я остаюсь пока при своемъ предположеніи“—прошу имѣть въ виду: только „предположеніи“,—г. профессоръ пишетъ: „тѣ, кто свысока отзываются о наслѣдственности, обнаруживаютъ свое (какъ бы поделикатнѣе сказать?)... невѣдѣніе, (говорите прямѣе: невѣжество!) не считающееся ни съ общепризнанными выводами точной науки, ни провѣренными указаніями опыта,—невѣдѣніе (читай: невѣжество), недопускаемое нынѣ и для гимназиста, а тѣмъ болѣе семинариста“. Я, дѣйствительно, только семинаристъ, въ академіи не учился и психіатріи не изучалъ, а потому охотно сознаюсь, что „общепризнанныхъ выводовъ“ этой „точной науки“ не знаю. Прошу извиненія въ этомъ невѣжествѣ. А въ свое извиненіе скажу, что я высказывалъ только свои предположенія, не навязывая ихъ въ качествѣ „общепризнанныхъ выводовъ точной науки“, какъ это дѣлаетъ г. профессоръ, рѣшительно и безпрекословно утверждая, что самоубійство произошло „на почвѣ наслѣдственности—роковой и непреодолимой, какъ не предотвратимо слѣдованіе ночи за днемъ“. Я предлагалъ только спросить своего рода экспертовъ по вопросу о признакахъ прелести—старцевъ монаховъ. Думаю, что они въ этомъ вопросѣ посильнѣе насъ съ вами, достоуважаемый Александръ Александровичъ. Во всякомъ случаѣ они едва-ли будутъ такъ авторитетно заявлять, что „діаволу тутъ рѣшительно нечего и дѣлать: наслѣдственность безъ него сдѣлала все. Какъ въ извѣстный моментъ жизнь человѣческая прекращается, когда догоритъ вся, ...такъ въ извѣстный моментъ и непреодолимая наслѣдственность непремѣнно скажетъ свое послѣднее слово“.

Достоуважаемый г. профессоръ признаетъ свою бесѣду со мною „право же, безполезной, безнадежной“. Признаюсь, и мнѣ тяжело вести бесѣду съ человѣкомъ, который представляетъ меня какимъ-то полицейскимъ чиномъ, подозрѣвая меня какъ будто даже въ „панибратскомъ знакомствѣ“ съ самимъ діаволомъ... Въ дальнѣйшей своей рѣчи онъ обращается уже только къ читателямъ: что же?... Пусть читатели и судятъ: кто изъ насъ нарушилъ правило: „когда кипитъ сердце, сомкни уста“, кто перевелъ бесѣду о возможныхъ причинахъ самоубійства студента на личную почву? Я не ставлю вопроса, который самъ собою вытекаетъ изъ сужденій моего оппонента о степени близости знакомства съ духомъ тьмы: тотъ ли, кто его обвиняетъ, или кто защищаетъ?... Простите мнѣ это слово, достопочтеннѣйшій Александръ Александровичъ! Въ сущности оно вѣдь ваше, сказано по нашему—моему и моихъ единомышленниковъ—адресу... Къ чему эта нетерпимость, эта горячность?...

А вотъ вы ничего не могли сказать противъ того, что на Тайной

вечери сатана присидѣлъ Іудѣ въ Сіонской горницѣ, слѣдовательно...

Вы указали на примѣръ мученицъ, прославляемыхъ св. Златоустомъ, называя поступокъ матери убійствомъ и самоубійствомъ, тогда какъ по смыслу разсужденій св. отца объ Авраамѣ въ той же бесѣдѣ, выходитъ, что мать избрала вмѣсто неизбѣжныхъ двухъ золъ—одно: вѣдь несомнѣнно, ея дочерямъ и ей самой угрожало безчестіе, что было такъ обычно въ тѣ времена, а смерть сама собою была неизбѣжна послѣ безчестія: такъ ужъ лучше было умереть въ чистотѣ дѣвства, чѣмъ согрѣшить. Три отрока ветхозавѣтные, да и многое множество мучениковъ тоже предпочитали смерть измѣнѣ вѣрѣ и чистотѣ совѣсти и охотно сами шли на смерть. Тутъ нѣтъ ни убійства, ни самоубійства.

Но довольно. Умножать словеса, немирно пріемлемыя, значило бы огорчать уважаемаго мною человѣка, а я сего не желаю...

И послѣ этой, казалось бы мирной, замѣтки моей г. профессоръ счелъ нужнымъ помѣстить въ „Колоколѣ“ свой отвѣтъ подъ заглавіемъ: „Еще сказанье“. Онъ говоритъ, что „старцевъ“ глубоко уважаетъ, но не считаетъ непогрѣшимыми судьями въ вопросѣ о прелести и самоубійствѣ, что научные прочные выводы, имъ часто неизвѣстные, все же сохранятъ силу, хотя бы „старцы“ (вносные знаки г. Бронзова) говорили и противъ.—„Научные, прочные“, даже „точные“ выводы психіатріи, едва ли признающей бытіе духовнаго міра, не авторитетъ въ вопросахъ духовной жизни, къ которой относится прелесть, а потому и не могутъ быть для насъ убѣдительны.—„Съ своей позиціи, говоритъ г. профессоръ, я не сойду“. Читатели видятъ, что и я не могъ согласиться съ его положеніемъ, что „самоубійство сумасшедшаго само по себѣ не грѣхъ“.—„Въ заключеніе г. профессоръ патетически обращается къ несчастному покойнику: „спи, дорогой Владиміръ Васильевичъ..... Я считаю своимъ долгомъ защищать тебя, и, повѣрь, защищу. Да, защищу. Спи же спокойно!“—Если бы почившій могъ отвѣчать ему изъ могилы, то, думается, отвѣтилъ бы ему только глубокимъ вздохомъ осужденія своего поступка: не защита мнѣ нужна, а молитва. Въ молитвѣ же церковная власть не отказала ему.....

270.

Смертный грѣхъ европейской исторіи.

Два раза въ годъ, въ святую Пасху и Рождество Христово, наши свѣтскія газеты пишутъ на темы религіозныя и помѣщаютъ стихи и фантастическіе разсказы какъ будто тоже въ религіозномъ духѣ, но, говоря откровенно, лучше бы такихъ разсказовъ вовсе не было. Отъ фантазіи ихъ авторовъ вѣетъ нерѣдко духомъ если не прямо язычества, то жалкаго религіознаго невѣжества. Но въ статьяхъ самихъ редакцій иногда попадаются такія дорогія въ наше время крупицы, коихъ нельзя не отмѣтить какъ отрадные проблески религіозной мысли нашихъ скорбныхъ дней.

Въ пасхальномъ номерѣ „Новаго Времени“ редакція говоритъ о „грѣхѣ европейской исторіи“. „Развѣ

не грѣхъ было, говоритъ она, забыть ради какихъ-то новѣйшихъ книжонокъ, съ ихъ недомысліемъ или дѣтскою мыслью, самый фундаментъ, на которомъ возрасла вся европейская исторія: вотъ эту трагедію жизни и грѣха, страданія и искупленія, трагедію побѣды вѣчной жизни надъ временною гибелью? Воистину европейцы промѣняли религіозное „первородство“ на позитивную „чечевичную похлебку“ и платятся теперь кровью, голодомъ, разрушеніями городовъ и странъ“.

Немножко кудревато выражено, автору хочется быть оригинальнымъ, иному читателю можетъ показаться, что онъ какъ будто стыдится „исповѣдывать Христа“, но изъ дальнѣйшаго видно, что эта кудреватость въ свѣтской газетѣ какъ будто и нужна: иначе, пожалуй, и читать не станутъ: что подѣлаешь? И Апостолъ Павелъ похвалою мнимому благочестію Аѳинянъ началъ къ нимъ свою знаменитую рѣчь въ ихъ ареопагѣ.

Зато авторъ указываетъ на самое больное мѣсто современной европейской исторіи, на страшную гордыню, совершенно непростительную среди христіанъ. „Вмѣсто мирнаго сожительства, говоритъ онъ, и гармоническаго развитія своихъ силъ, одинъ народъ захотѣлъ стать „сверхъ — первымъ“, нагло объявилъ: „Германія да будетъ *надъ всѣми*“, и сейчасъ же облился весь кровью, заливая кровью и своихъ сосѣдей. Вмѣсто разума—безсмыслица, вмѣсто силы—угроза завтрашнею слабостью, буквально—вмѣсто просвѣщенія тьма. Но почему? Гдѣ источникъ? Забвеніе Бога и религіи, забвеніе спасительныхъ „неисповѣдимостей“ религіи. Человѣкъ измельчалъ. Человѣку стала „не по плечу“ религія... Едва подточился фундаментъ, какъ зашаталось все зданіе“... Все это—„мистеріи“, о которыхъ помнитъ мужикъ въ деревнѣ, помнитъ и *боится*, но о которыхъ забыли въ берлинскихъ дворцахъ, и чего же *тамъ* пугаться „этихъ суевѣрій“? Ну,—не испугались и ринулись... И все залилось кровью, кровью и пожарами, огнемъ и смертью“.

„Христосъ указалъ *смиреніе* человѣку, говоритъ далѣе авторъ. *Скромность* и *смиреніе*—это не личныя добродѣтели отдѣльнаго человѣка, не „хорошія качества“ тѣхъ или иныхъ людей, а это есть нравственный и религіозный фундаментъ самой цивилизаціи. Безъ этого въ *этой* цивилизаціи, въ нашей христіанской цивилизаціи,—все будетъ безуспѣшно, незнадежно, опрометчиво; хотя „безъ этого“ могли расти отлично Грецiя и Римъ, безъ „этого“ могутъ процвѣтать Японія и Китай. Да, *имъ* возможно; но *намъ* запрещено Тѣмъ, Кто есть нашъ Богъ и Искупитель. Изъ этой „закваски“ все у насъ выросло и *можетъ* расти далѣе только изъ *этой* же закваски. Живи—живи, а подумывай и *о смерти*; „безъ Бога *ни до порога*“, вотъ опасливыя русскія поговорки, на которыхъ народъ нашъ перевелъ этотъ канонъ Христовой и христіанской жизни. Самоупоенность, самоувѣренность, гордость, тщеславіе—смертные грѣхи въ нашей цивилизаціи, именно въ нашей. Христосъ именно умертвилъ эти грѣхи, какъ бы показавъ міру: „вотъ Я—Богъ и умираю“. Человѣчество вздрогнуло, зарыдало и испугалось. И съ тѣхъ поръ мы всѣ боимся „быть гордыми“. Какъ бы *не наказалъ Богъ*. И вотъ, поскольку мы боимся этого, боимся „своей *выпуклости* надъ другими“ — мы мирно живемъ, или вѣрнѣе, Господь насъ сохраняетъ въ мирѣ и невидности.

Мы боремся противъ „Германія *надъ всѣми*“ и никогда на мѣсто его не поставимъ „Россія *надъ всѣми*“. Такъ Богъ устроилъ наше сердце, что намъ это просто *противно*. Противно, не нужно и враждебно. Мы и всегда хотимъ жить среди народовъ, какъ *одинъ изъ нихъ*, не помышляя ни о какомъ водительствѣ, гегемоніи и первенствѣ. Одинъ Христосъ есть „первый“, но и Онъ—пострадалъ, а человѣку указалъ границы его смиренной доли. „Первенство“, „гегемонія“ и „выше всѣхъ“ есть языческій принципъ, на почвѣ коего всегда будетъ „не удаваться“ у европейцевъ: и что составляетъ драгоцѣннѣйшую черту Руси, воистину „святую“ въ ней особенность—это то, что рѣшительно никакому русскому это „первенство“ не снится, не мерещится и окончательно не нужно. „Всѣ умремъ“ и „праведную смерть“ надо себѣ *заработать*—вотъ коротенькая мысль, съ почвы которой если не сойдетъ Русь—она поистинѣ не пріобщится смерти. А она съ почвы этой мысли не сойдетъ, ибо мысль эта въ каждой крестьянской хижинѣ, она живетъ у насъ и въ избахъ и въ дворцахъ“.

Прекрасными словами заканчиваетъ авторъ свою статью.

„Будемъ, православные, хранить свою религію; будемъ горячѣе вдумываться въ глубины ея. Ибо глубины эти бездонны, и глубины эти окончательны. И онѣ—спасительны, животворны. Пусть другіе народы ищутъ „живой воды“ въ естествознаніи; мы „живую воду“ найдемъ у своего приходскаго священника. У того простого священника, у котораго находили „живую воду“ и Ярославъ Мудрый, и Александръ Невскій, находилъ каждый вѣкъ *нашъ* и каждое поколѣніе *наше*. Будемъ скромны, несамонадѣянны, просты. И Господь насъ убережетъ и спасетъ. Онъ — Спаситель!“...

Такъ говоритъ самая распространенная свѣтская газета. Таже газета, какъ это было мною въ свое время отмѣчено, и въ Рождественскомъ номерѣ своемъ говорила о православной Церкви, какъ дорогомъ сокровищѣ нашего народа. Теперь она указываетъ на отличительное свойство нашего православія и говоритъ, что это свойство есть въ то же время нравственный и религіозный фундаментъ истинной цивилизаціи: это—смиреніе и скромность. Смиреніе—завѣтъ Господа нашего Іисуса Христа; это воздухъ, которымъ дышетъ Церковь Христова, это—ароматъ всѣхъ добродѣтелей, безъ котораго онѣ—тоже, что поддѣльные цвѣты—безъ жизни, безъ силы, одинъ видъ добра, безъ внутренняго духа. Смиреніе есть стихія жизни Церкви православной, имъ проникнуты самые догматы, безъ него и все ученіе Церкви, какъ нравственное, такъ и догматическое, не можетъ быть усвоено въ должной и спасительной степени духомъ вѣрующаго. Только смиреннымъ подается благодать, просвѣщающая и умъ и сердце и укрѣпляющая волю вѣрующаго въ познаніи истинъ вѣры и въ благомъ слѣдованіи за кроткимъ и смиреннымъ сердцемъ Господомъ Іисусомъ Христомъ. Кто былъ Антоній Великій, отецъ пустынножителей? Безграмотный простецъ. Но богомудрое смиреніе, руководившее его въ подвигѣ очищенія сердца, открыло ему такія тайны духовной жизни, о коихъ мудрецы вѣка сего и понятія не имѣютъ. Кто былъ нашъ Серафимъ Саровскій? Тоже простецъ, хотя и грамотный, но не проходившій почти никакой, кромѣ начальной,

школы; а его духовной мудрости удивляются мудрѣйшіе богословы, когда, напримѣръ, читаютъ записанныя съ его словъ другомъ его Мотовиловымъ разсужденія о духовной жизни и о главной цѣли хрістіанина на землѣ. Въ то время, когда отколовшійся отъ единства вселенской Церкви папистъ пытается все религіозное знаніе уложить въ рамки какихъ-то юридическихъ умозаключеній, а отрѣшившійся отъ папизма протестантъ идетъ еще дальше въ самочинномъ мышленіи по вопросамъ вѣры и даетъ полную свободу гордому своему разуму, — православный простецъ смиренно склоняетъ главу предъ ученіемъ Церкви, помышляя главнѣе всего о неуклонномъ исполненіи заповѣдей Господнихъ и церковныхъ, отсѣкая свое смышленіе предъ отцомъ духовнымъ и „стяжавая себѣ“, по выраженію преподобнаго Серафима Саровскаго „Святаго Духа Божія“. А плодомъ такого смиренія является то духовное воспитаніе, то смиренное настроеніе, не какимъ любуются даже люди, непонимающіе духа нашей церковности и воспитанные внѣ нашей Церкви. Правда, и въ латинской церкви послушаніе ставится выше всѣхъ добродѣтелей, но вѣдь формальное послушаніе еще не свидѣтельствуетъ о смиреніи духа. Можно и послушаніемъ „гордиться“, любоваться въ самомъ себѣ, питая внутренняго фарисея. Въ такомъ „послушаніи“ будетъ расти только настроеніе старшаго брата, о коемъ говоритъ Господь въ притчѣ о блудномъ сынѣ. Нѣтъ простоты мысли въ такомъ формальномъ послушаніи, а между тѣмъ нѣкоторые психологи самое смиреніе-то опредѣлятъ какъ *простоту мысли*. Сынъ православной Церкви всегда помнитъ, что сколько бы онъ добра ни дѣлалъ, его добро не есть какая-то заслуга предъ Богомъ: *еже должни бѣхомъ сотворити—сотворихомъ*; сынъ латинской церкви, при ученіи этой церкви о какихъ-то сверхдолжныхъ заслугахъ святыхъ, невольно придаетъ нѣкую цѣну своимъ добрымъ дѣламъ, какъ „заслугамъ“. Таковъ принципъ самаго ученія его церкви. Церковь православная учитъ, что добродѣланіе есть во-первыхъ—проявленіе нашей любви ко Христу Спасителю: *аще любите Мя*, глаголетъ Онъ, *заповѣди Моя соблюдите;* во-вторыхъ—проявленіе жизнедѣятельности Самого Христа Спасителя въ насъ, какъ членахъ Его таинственнаго тѣла — Церкви, проявленіе благодати Духа Божія, ниспосылаемаго намъ любовію Бога Отца по заслугамъ Его единороднаго Сына. *Безъ Мене не можете творити ничесоже*, говоритъ Господь. А если такъ—какія же тутъ могутъ быть наши заслуги? Да; мы отдаемъ Господу свою волю, свое сердце, дѣлая добро, но вѣдь Онъ-то въ томъ не нуждается: этого требуетъ наша же польза, наше спасеніе: можно ли говорить тутъ о „заслугахъ“? И святымъ Божіимъ наносится оскорбленіе, когда имъ приписываются какія-то „сверхдолжныя“ заслуги, коихъ они не знали за собою и почли бы за святотатство приписывать ихъ себѣ, какъ бы присвоя дѣла благодати Божіей самимъ себѣ. Если они творили добро, то лишь свободно отдавая свою волю въ послушаніе волѣ Божіей, которая благодатію и восполняла ихъ немощь, укрѣпляя сію волю въ исполненіи заповѣдей Божіихъ. Каждый изъ нихъ глубоко сознавалъ и переживалъ въ своемъ сердцѣ извѣстное слово Апостола Павла: *не еже хощу доброе, творю, но еже не хощу злое, сіе содѣваю*. Да, они вели неустанную борьбу съ этимъ злымъ началомъ въ себѣ

самихъ, но ни на минуту не приписывали себѣ, своимъ усиліямъ, даже малѣйшій успѣхъ въ этой борьбѣ. Предавъ свою волю въ волю Божію, они въ благоговѣніи какъ бы стояли предъ лицемъ Божіимъ и созерцали дѣйствіе благодати Божіей въ нихъ и чрезъ нихъ самихъ. Это не значитъ, что они какъ бы подневольно, пассивно исполняли волю Божію, были невольными орудіями благодати во своемъ добродѣланіи: но они не допускали и мысли о томъ, чтобы давать цѣну своему добродѣланію, всецѣло предоставляя сіе единому Богу Сердцевѣдцу, Который подастъ намъ и силы и средства, и желанія, и самую жизнь для добродѣланія, и самое соприкосновеніе съ добродѣющею въ нихъ благодатію почитая для себя высшемъ благомъ, предначатіемъ вѣчнаго съ Господомъ пребыванія въ будущей жизни. Латинская церковь, говоря простымъ языкомъ, своимъ ученіемъ о сверхдолжныхъ заслугахъ святыхъ, какъ бы подаетъ счетъ Господу Богу на эти „заслуги“ и тѣмъ подаетъ поводъ своимъ чадамъ на добрыхъ дѣлахъ больше, чѣмъ слѣдуетъ, основывать свою надежду спасенія. Православное ученіе, не отрицая значенія добрыхъ дѣлъ, какъ проявленія нравственной свободы спасаемаго, такъ сказать, переноситъ центръ тяжести этой надежды съ добрыхъ дѣлъ на *близость* къ добродѣлающему человѣку самой *благодати* Божіей, творящей сіи дѣла чрезъ спасаемаго человѣка. Вотъ почему величайшіе праведники, всю жизнь свою творившіе добро, умирая говорили: „боюсь суда Божія!“ А когда имъ напоминали ихъ добрую жизнь, отвѣчали: „инъ есть судъ Божій и инъ—человѣческій“. Думать о своихъ добрыхъ дѣлахъ можетъ только еще неопытный въ подвигѣ спасенія, а чѣмъ ближе человѣкъ къ Богу, тѣмъ больше сознаетъ себя безотвѣтнымъ грѣшникомъ. Грѣшникомъ я засыпаю, грѣшникомъ и пробуждаюсь“; говорилъ преподобный Сисой Великій.—„Когда я былъ юнъ, говорилъ преподобный Матой, я думалъ самъ съ собою: можетъ быть я дѣлаю что-нибудь доброе; а теперь, когда состарѣлся, вижу, что я не имѣю въ себѣ ни одного добраго дѣла.“—Преподобный Памва въ часъ смерти своей говорилъ: „отхожу къ Богу такъ, какъ бы никогда не начиналъ служить Ему“. Другой подвижникъ, преподобный Сисой, въ минуту смерти, когда уже открылись его духовныя очи и онъ увидѣлъ Ангеловъ Божіихъ, пришедшихъ взять его святую душу, говорилъ: „я еще и не начиналъ покаянія“. И это смиреніе, конечно, было не на словахъ только,—оно проникало все существо угодниковъ Божіихъ: они самымъ искреннимъ образомъ считали себя хуже всѣхъ на свѣтѣ, ставили себя ниже безсловесныхъ.

Вотъ въ какихъ понятіяхъ, на какихъ примѣрахъ смиренія и въ какой школѣ духовнаго воспитанія держитъ своихъ сыновъ святая Церковь православная. Отрадно отмѣтить, что высокую, неоцѣнимую цѣнность этого святаго свойства православія начинаютъ цѣнить люди, хотя и не порвавшіе (и слава Богу, что не порвавшіе!) съ родною Церковію, но воспитанные подъ сильнымъ вліяніемъ инославныхъ началъ. Слава Богу, что и у инославныхъ, союзныхъ съ нами народовъ, по крайней мѣрѣ у лучшихъ и безпристрастныхъ ихъ представителей, открываются очи, и они начинаютъ съ удивленіемъ наблюдать проявленія въ жизни нашей православной „культуры“. Говорятъ: одна ласточка еще не приноситъ весны. Но мы

радуемся и появленію хотя одной ласточки: все-же это говоритъ о близости весны, о приближеніи времени, когда, Богъ дастъ, и наши родные, и инославные интеллигенты будутъ ближе къ идеаламъ нашей родной Церкви, а слѣдовательно и къ идеаламъ роднаго нашего народа. Дай-то Богъ!...

271.

О музыкѣ и духовныхъ ораторіяхъ.

Жизнь народа, жизнь государства, общество неудержимо движутся по пути исторіи. Сближеніе одного народа съ другимъ, взаимное ихъ вліяніе, въ наше время идетъ такъ быстро, какъ и не могли мечтать наши предки. Лишь только въ одной странѣ появится то или другое изобрѣтеніе, усовершенствованіе, какъ оно становится достояніемъ всего міра. То же въ области идей. Отъ нихъ не огородишься никакими стѣнами. Это сознано уже и въ области законодательства. Вмѣсто безусловныхъ запрещеній, коими оно довольствовалось еще такъ недавно, дается свобода, ограждаемая, но въ то же время и ограничиваемая разумными мѣрами въ своихъ предѣлахъ, дабы ея проявленіе не было на самомъ дѣлѣ злоупотребленіемъ.

Въ такое время Церковь должна особенно внимательно наблюдать за всѣми явленіями въ области нравственной и идейной жизни общества, которое, обычно, рвется впередъ, перенимая у другихъ народовъ новыя, а иногда и—тамъ, у сихъ народовъ, — уже устарѣвшія идеи и перенося ихъ на нашу родную почву. И если бы наше общество не отрывалось отъ родныхъ завѣтовъ доброй старины, если бы наше развитіе крѣпко держалось родныхъ корней въ народномъ міросозерцаніи, то само оно, это общество, и заботилось бы, такъ сказать, объ обрусѣніи чужихъ идей, о томъ, чтобы, воспринимая чужое, прилагать къ нему свою русскую мѣрку, одухотворять его русскимъ духомъ, оставляя въ немъ только то, что можно назвать общечеловѣческимъ. До извѣстнаго открытія Петромъ Великимъ „окна въ Европу“, это такъ и было: русскій человѣкъ, воспринимая чужое, умѣлъ его усвоять такъ, что оно становилось его роднымъ, становилось достояніемъ его духа народнаго и обогащало его духовную сокровищницу. Всего виднѣе это на родномъ нашемъ православіи, на тѣхъ его внѣшнихъ формахъ, обрядахъ, въ какихъ оно проявляется въ нашей церковно-народной жизни. Мы приняли его отъ грековъ, но оно стало нашей родной стихіей, слилось съ нашимъ народнымъ духомъ до такой степени, что не-православный уже на половину и не-русскій. Но значитъ ли это, что мы—„огречились“? Напротивъ, греческая вѣра стала нашей родной вѣрой, слилась съ нашей душой, да такъ крѣпко, что мы какъ будто и родились искони православными. Нашъ Добрыня, нашъ Микула и другіе герои нашего эпоса, по исторіи какъ-будто язычники, въ народномъ же представленіи являются истыми православными хрістіанами.

Теперь не то. Наши передовые слои народа, прельстившись внѣшнимъ блескомъ западной цивилизаціи, какъ будто духомъ взлѣнились:

берутъ цѣликомъ все съ Запада и глотаютъ, не заботясь о томъ: какъ отзовется такая пища на ихъ духовномъ организмѣ, на ихъ русскомъ міросозерцаніи. Вотъ тутъ-то и приходится Церкви стоять на стражѣ народнаго духа, оцѣнивать воспринимаемое съ Запада чужое и, насколько голосъ ея еще слышится въ обществѣ, давать свои руководящія указанія. Она—не врагъ и чужого, если только это чужое не вредно для ея дѣтей, а полезное она и сама не отказывается вводить въ жизнь русскихъ людей. Но во всемъ она должна руководиться мудростію, источникъ которой для нея—въ завѣтахъ древней Церкви вѣковъ минувшихъ, въ неисчерпаемомъ источникѣ святоотеческой литературы, въ церковномъ преданіи, которое живетъ въ Церкви, продолжаетъ, такъ сказать, наростать въ ея сокровищницахъ, раскрываясь въ писаніяхъ современныхъ уже намъ учителей Церкви, ея пастырей и ея таинственномъ тѣлѣ или „исполненіи“. Мы вѣруемъ, что Духъ Божій, живущій въ полнотѣ Церкви, не попуститъ ей заблуждаться и всегда найдетъ Себѣ органъ для огражденія Церкви отъ такихъ заблужденій. Такъ было отъ вѣка въ ея исторіи, такъ, вѣруемъ, будетъ и всегда. Лишь бы мы во смиреніи сердца искренно, не лицемѣря, искали истины въ Церкви, которая есть столпъ и утвержденіе истины.

Есть область искусства, особенно близко соприкасающаяся съ духовною жизнью человѣка. Это искусство—выражать свои настроенія въ звукахъ, возбуждать такія же настроенія въ другихъ людяхъ, воплощать въ сихъ звукахъ жизнь своего духа. Искусство это имѣетъ двѣ отрасли: музыку и пѣніе. Музыка выражаетъ духовныя переживанія посредствомъ звуковъ, извлекаемыхъ изъ инструментовъ, пѣніе—непосредственно голосомъ человѣческимъ. Западная латинская церковь, а за нею и весь протестантскій міръ приняли инструментальную музыку въ богослужебный обрядъ, сочетавая его иногда и съ вокальной музыкой—пѣніемъ; наша Православная Церковь, слѣдуя преданіямъ греческой Церкви, инструментальной музыки не допустила въ богослужебное употребленіе, но за то широко развила искусство пѣнія. Если исключить мірское пѣніе, то въ этомъ отношеніи мы едва ли не превзошли западную Европу: всѣ еще помнятъ, какое сильное впечатлѣніе производило наше пѣніе церковное въ исполненіи Синодальнаго хора въ Римѣ, Вѣнѣ и др. городахъ Европы нѣсколько лѣтъ назадъ. И надобно сказать: если бы мы и тутъ не увлекались западными образцами, то успѣхъ нашъ былъ бы еще полнѣе, еще совершеннѣе. Но музыкальное исполненіе, какъ слишкомъ искусственное, нерѣдко—механическое, Церковь не приняла въ свое употребленіе, а потому оно и не имѣло такого развитія у насъ, какъ на Западѣ. Наша Церковь хочетъ славить Бога не въ тимпанѣ и ликахъ, не во струнахъ и органахъ, какъ это было въ ветхозавѣтной Церкви, но „гласы преподобными“, живыми голосами благоговѣйно поющихъ хвалу Богу людей. Тѣмъ болѣе, что ея идеалъ—вся поющая церковь, всѣ вѣрующіе [1]), предстоящіе въ хра-

---

[1]) Правда, правило 15 Лаодикійскаго собора говоритъ, что „кромѣ пѣвцовъ, состоящихъ въ клирѣ, на амвонъ входящихъ и по книгѣ поющихъ, не должно инымъ нѣкоторымъ пѣти въ церкви“; но по изъясненію Вальсамона правило сіе запрещаетъ мірянамъ только восходить на амвонъ и предначинать пѣніе. Въ самыхъ богослужебныхъ

мѣ: на что тутъ многошумный органъ, машина, поддѣлка подъ голосъ человѣка? И достойно ли это величія нашего богослуженія? Единымъ сердцемъ и едиными устами мы должны пѣть Богу и пѣть разумно—такъ, чтобы каждое слово церковнаго пѣснопѣнія было всякому понятно, ложилось бы на душу.

Такъ, порогъ храма Божія,—вотъ для православнаго хрістіанина грань, дальше которой инструментальная музыка проникать не можетъ. Внѣ храма, конечно, смотря по содержанію исполняемаго, ей уже дается мѣсто: мы привыкли слышать военные оркестры вблизи храмовъ Божіихъ, исполняющіе и народный гимнъ, и *Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ*, — столь любимые народные псалмы. Но замѣчательно, что исполненіе церковныхъ пѣснопѣній въ собственномъ смыслѣ, по тексту богослужебныхъ книгъ, посредствомъ музыки почти не допускается даже внѣ храма, исключая развѣ фисгармоніи или скрипки на спѣвкахъ въ качествѣ вспомогательнаго инструмента.

Въ западной Европѣ музыкальное искусство, въ соединеніи съ пѣніемъ, выработало особый видъ произведеній подъ названіемъ „ораторій“, въ коихъ пѣніе соединяется съ инструментальнымъ оркестромъ, причемъ, для руководства исполнителямъ указываются и роли, и обстановка якобы дѣйствій, на самомъ же дѣлѣ ни декорацій, ни переодѣваній пѣвцовъ по подобію актеровъ, ни дѣйствій не бываетъ. Это—сложный концертъ, въ коемъ участвуютъ и пѣвцы и музыканты, исключительно музыкой и пѣніемъ передавая содержаніе литературнаго произведенія, которое, въ видахъ пѣнія, обычно излагается стихами. Оставляя въ сторонѣ сужденіе, относительно исполненія такихъ произведеній свѣтскаго содержанія, современная церковная жизнь требуетъ отвѣта на вопросъ: допустимо ли, съ точки зрѣнія православно-хрістіанской, исполненіе такихъ литературныхъ произведеній посредствомъ пѣнія и музыки, если они ближайшимъ образомъ касаются лицъ святыхъ Божіихъ? Извѣстна, напримѣръ, оратоpія „Іоаннъ Дамаскинъ“ на поэму гр. Алексѣя Толстого; теперь появилась подобная же оратоpія М. М. Иванова подъ названіемъ „Печальникъ родной земли“, изъ жизни преподобнаго Сергія. Какъ смотрѣть на такія произведенія музыкальнаго искусства съ точки зрѣнія церковной?

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что такія произведенія бываютъ далеко не всѣ одинаковаго качества въ отношеніи ихъ внутреннихъ достоинствъ, а потому и нельзя примѣнять къ нимъ одну и ту же мѣру. Поэтому слѣдуетъ обратить прежде всего вниманіе на эту сторону такъ называемыхъ оратоpій, имѣющихъ то или иное отношеніе къ Церкви, къ вѣрѣ и исторіи церковной. А затѣмъ уже можно принять въ соображеніе слѣдующія мысли.

1) Церковь не воспрещаетъ прославлять святыхъ Божіихъ въ стихотворной формѣ, лишь бы таковая соотвѣтствовала достоинству прославляемаго лица. Такихъ произведеній существуетъ множество, да богослужебныя книги имѣютъ много стихиръ и каноновъ, писанныхъ въ греческомъ подлинникѣ тоже стихами. Правда, стихи на русскомъ языкѣ у насъ въ церковномъ богослуженіи не употребляются, какъ и вообще наша Русская Церковь не считаетъ нужнымъ вводить бо-

---

книгахъ есть указаніе: когда поетъ *лик*ъ, когда—*людіе*.

гослуженіе на русскомъ языкѣ, какъ языкѣ житейскомъ, будничномъ, тѣмъ болѣе, что для богослуженія она имѣетъ свой прекрасный, всякому русскому понятный славянскій языкъ. Но вѣдь духовныя стихотворенія и пишутся не для церковнаго употребленія, а для домашняго назиданія, чтенія, утѣшенія. Духовныя ораторіи въ сущности и представляютъ собою духовныя стихотворенія, положенныя на музыку.

2) Стихи по самой формѣ своей какъ бы предназначаются для пѣнія: и риѳма, и размѣръ сами собою напрашиваются на пѣніе. Слѣдовательно, и пѣть ихъ такъ естественно, что и говорить объ этомъ не стоитъ.

3) Въ ораторіяхъ пѣніе сопровождается музыкой. Мы видѣли, что въ храмѣ Божіемъ вообще никакая музыка не допускается. Но почему же не допустить музыку въ домашнемъ обиходѣ, да не только въ домашнемъ въ собственномъ смыслѣ, но и вообще—внѣ храма? Почему и святыхъ Божіихъ не прославлять музыкальнымъ воспроизведеніемъ стиховъ, написанныхъ въ честь ихъ? Лишь бы звуки музыки соотвѣтствовали содержанію такихъ стиховъ.

4) Въ народѣ слѣпцы и калики перехожіе поютъ духовные стихи объ Алексіи Человѣкѣ Божіемъ, о бѣдномъ Лазарѣ и др., причемъ въ южной Россіи стихи эти сопровождаются игрою на бандурѣ и др. инструментахъ, и это не вноситъ соблазна въ народъ: почему же не допустить музыкальнаго исполненія стиховъ въ обработкѣ художественной?

5) Въ такъ называемыхъ „либретто“ ораторій обычно авторы отмѣчаютъ: мѣсто, время, имена лицъ, обстановку и другія подробности, по примѣру приготовляемыхъ для театра литературныхъ произведеній и это можетъ смущать строгихъ хрістіанъ, отрицающихъ самую идею театра. Но, во-первыхъ, въ ораторіяхъ нѣтъ ни декорацій, ни грима исполнителей, ни переодѣваній, какъ на сценѣ; отмѣтки дѣлаются главнымъ образомъ для того, чтобы дать исполнителямъ болѣе наглядно указанія, какъ вести дѣло, какъ пѣть и исполнять музыку. Во-вторыхъ, если бы устроители вздумали ораторію превратить въ театральную пьесу, воспроизводить на сценѣ дѣйствіемъ то, что послужило темой для ораторіи, то этого, конечно, не слѣдуетъ допускать; такое воспрещеніе слѣдуетъ ставить условіемъ самаго разрѣшенія къ исполненію ораторіи.

6) Духовныя ораторіи допускать слѣдуетъ къ исполненію только въ такихъ помѣщеніяхъ, которыя приличествуютъ достоинству излагаемаго предмета, а потому какъ текстъ ораторіи, такъ и всѣ условія ея выполненія прежде разрѣшенія должны быть представляемы на разрѣшеніе духовной власти.

При такихъ условіяхъ духовныя ораторіи, думаю я, могутъ быть допускаемы къ исполненію и доставлять нѣкое духовное и эстетическое утѣшеніе мірянамъ, не доходя до профанаціи священныхъ предметовъ и лицъ. Искусство пѣнія и музыки есть такой же даръ Божій, какъ и разумъ человѣка, какъ и прочія его способности, а потому не слѣдуетъ ставить ему препятствій къ выполненію его задачи: славить Бога и святыхъ Его пѣніемъ и музыкой, при условіи непремѣннаго исполненія тѣхъ указаній, какія сочтетъ благопотребнымъ дѣлать Церковь. При этомъ должно остерегаться, чтобы пѣніе и музыка не обращались и въ этомъ случаѣ къ удовлетворенію чувственности...

272.

Доброе слово русскимъ штундо-баптистамъ.

Сказано въ Божественномъ Писаніи: *„не обличай злыхъ, да не возненавидятъ тебе, обличай премудра и возлюбитъ тя“* (Притч. Сол. гл. 9, ст. 8). Почему такъ? Почему злые люди не терпятъ обличеній? Премудрый Соломонъ отвѣчаетъ: *„обличеніе бо нечестивому—раны ему“*. Человѣкъ, потерявшій совѣсть, влюбленный въ самого себя, не хочетъ знать истины, не дорожитъ ею: онъ считаетъ себя непогрѣшимымъ во всемъ, что ему нравится, и если правда колетъ его въ глаза, то онъ ненавидитъ правдолюбца, который вздумалъ бы ему говорить эту правду. Вотъ почему и обличать такого безполезное и безнадежное дѣло; вотъ почему Премудрый и говоритъ: не обличай злыхъ, или, какъ въ русскомъ переводѣ съ еврейскаго: „не обличай кощунника“.

Но есть люди добросовѣстно заблуждающіеся, искренно искавшіе правды, но въ своемъ исканіи по невѣдѣнію уклонившіеся отъ прямого, Богомъ указаннаго пути и впадшіе въ заблужденіе. Такіе люди рады бываютъ провѣрить себя, выслушать и обличеніе, лишь бы только познать спасительную истину. Пусть это—простецы, неученые люди, а все же можно ихъ назвать мудрецами, какъ и премудрый о нихъ говоритъ: *„обличай премудра и возлюбитъ тя. Даждь премудрому вину*, продолжаетъ онъ, *и премудрѣйшій будетъ“*,—дай наставленіе мудрому и онъ будетъ еще мудрѣе; научи правдиваго и онъ пріумножитъ знаніе“. Кто любитъ истину, тотъ не станетъ щадить своего самолюбія, никогда не откажется отъ слова вразумленія, хотя бы это слово и не по сердцу ему было, и жестко показалось; онъ знаетъ, что „правда груба да Богу люба“. Вѣдь больной, желающій выздоровленія, хотя и морщится, а все же пьетъ горькое лѣкарство. А знать спасительную истину Божію несравненно важнѣе, чѣмъ обладать тѣлеснымъ здравіемъ. Вотъ почему и долгъ повелѣваетъ, и душа проситъ обратиться къ такимъ людямъ съ добрымъ словомъ вразумленія, совѣта, увѣщанія, съ словомъ братской любви. Вѣрится, что они спокойно выслушаютъ такое слово, задумаются надъ нимъ, а совѣсть хрістіанская, за молитвы святой матери нашей Церкви, подскажетъ имъ, что истина Божія въ Церкви хранимая, есть единый истинный путь ко спасенію, ибо слово Божіе говоритъ, что Церковь и есть *столпъ и утвержденіе истины* (1 Тим. 3, 15).

Къ кому же я на сей разъ обращаю мое скорбное слово?

Конечно, не къ тѣмъ, которые не могутъ мирно принять его, которые, по слову премудраго, способны только ненавистью отвѣчать на него, которые не повѣрятъ искренности обращенія къ нимъ православнаго пастыря. Нѣтъ: такіе пусть лучше не читаютъ сихъ строкъ, чтобъ не грѣшить лишній разъ грѣхомъ ненависти къ намъ, православнымъ пастырямъ.—Я обращаю мое слово къ вамъ, братья русскіе люди, когда-то бывшіе вѣрными сынами Церкви православной, а нынѣ покинувшіе домъ отчій, увлеченные нѣмецкими проповѣдниками въ штунду, въ баптизмъ, въ такъ называемыя евангельскія общины, въ ад-

вентизмъ, методизмъ и разныя другія секты, нѣмцами распространяемыя! 900 лѣтъ тому назадъ нашъ просвѣтитель, наше Красное Солнышко, князь Владиміръ принялъ отъ грековъ святую вѣру православную, во всей апостольской чистотѣ сохраненную, святыми вселенскими и помѣстными соборами раскрытую и утвержденную,—принялъ и заповѣдалъ родному своему народу Русскому крѣпко держаться этой вѣры, хранить ее какъ завѣтное небесное сокровище. И свято соблюдали завѣтъ равноапостольнаго просвѣтителя нашего наши предки благочестивые: за вѣру православную они кровь свою проливали на поляхъ битвъ и съ татарами, и съ турками, и съ нѣмцами, которые сначала были вѣрными слугами папы римскаго, держали вѣру латинскую, а потомъ явился у нихъ разстригамонахъ, Лютеръ, поставилъ себя выше всѣхъ святыхъ отцевъ, выше вселенскихъ соборовъ, даже выше святыхъ Апостоловъ; онъ отвергъ всѣ таинства церковныя, отрекся отъ почитанія Матери Божіей и святыхъ угодниковъ Божіихъ, отвергъ посты, церковные обряды, почитаніе иконъ, святыхъ мощей, сталъ самое слово Божіе, Священное Писаніе, толковать по своему горделивому смышленію, выкидывать изъ него все, что ему не нравилось, и такимъ образомъ сочинилъ свою вѣру, не Христову, не Апостольскую, а лютеранскую, еретическую. И раскололись сами лютеране на многое множество сектъ, которыя спорятъ между собою, и каждая секта увѣряетъ, будто только у нея одной правда Божія, спасительная, будто всѣ прочія стоятъ на пути погибельномъ. И что ни голова у нихъ, то вѣра своя, и дошло до того, что сами пасторы ихъ, то-есть ихъ наставники и учители вѣры, перестаютъ вѣровать въ Божество Господа нашего Іисуса Христа, уже считаютъ Его простымъ человѣкомъ такимъ же, какимъ былъ Моисей, даже Будда, Конфуцій, Магометъ, и теперь въ самой столицѣ нѣмецкаго царства, въ Берлинѣ, больше половины нѣмцевъ некрещеныхъ, потому что совсѣмъ извѣрились, вѣру потеряли, безбожниками стали...

И вотъ, такую-то вѣру, вѣру безъ таинствъ, безъ Церкви, безъ всякаго общенія со святыми Божіими, безъ надежды на молитвы за умершихъ,—такую-то вотъ вѣру нѣмцы принесли къ намъ на Святую Русь православную, сначала въ свои колоніи, а затѣмъ стали ее распространять и среди русскихъ православныхъ людей, подобно тому, какъ въ притчѣ Христовой сѣялъ врагъ плевелы на нивѣ среди доброй пшеницы... Подумайте же: какое сокровище они похищаютъ изъ русской души? Они отторгаютъ русскаго человѣка отъ его любящей матери Церкви, уводятъ изъ храма Божія въ свои самочинныя сборища, заставляютъ его забыть родныя молитвы, священныя пѣснопѣнія церковныя и изучать вмѣсто нихъ нескладные стихи, переведенные съ нѣмецкаго языка, въ коихъ не услышите вы ни превожделѣннаго имени Матери Божіей, нашей Заступницы, ни покаянныхъ стоновъ души, плачущей у подножія креста Христова; ненавидятъ они и крестъ Господень, кощунственно называютъ его висѣлицею, а святыя иконы идолами... Господи! Какое ослѣпленіе! какая гордыня! И такимъ-то проповѣдникамъ вѣрятъ русскіе люди! Какъ будто нѣтъ у нихъ пастырей Церкви и учителей вѣры православной, которые съ любовію объяснятъ всякое недоразумѣніе, покажутъ, почему и какъ подобаетъ вѣровать почему то или другое лжеученіе

нѣмцевъ — ложно, богопротивно, душепагубно... Въ гордынѣ своей нѣмецкіе лжеучители знать не хотятъ, что отъ временъ Апостольскихъ въ Церкви Божіей были мужи благодатные, Духомъ Божіимъ просвѣщаемые, были ученики Апостольскіе, которые отъ самихъ Духоносныхъ Апостоловъ слышали, какъ надо вѣровать, какъ понимать слово Божіе, которые сами оставили намъ свои писанія; что за 19 вѣковъ были милліоны вѣрующихъ и среди нихъ были люди, Богу угодные, Богомъ прославленные, которые свято соблюдали вѣру непорочную, отъ Апостоловъ преданную. И ужели же разстрига Лютеръ и его послѣдователи, ужели нынѣшніе нѣмецкіе мудрователи умнѣе всѣхъ сихъ богоугодныхъ людей? Ужели сіи богоугодные люди были—прости мнѣ Господи слово сіе—глупѣе какихъ-нибудь нѣмцевъ, проповѣдниковъ ересей, да и нашихъ отступниковъ отъ вѣры православной? Что за гордыня! что за самомнѣніе! Господь сказалъ еще въ ветхомъ завѣтѣ: прославляющихъ Меня прославлю, и прославилъ Онъ многихъ святыхъ Своихъ, Ему благоугодившихъ, многими чудесами и знаменіями, свидѣтельствуя, что они право вѣровали, истиннымъ спасительнымъ путемъ въ царствіе Божіе шли. Нѣмецкіе учители скажутъ, что все это выдумки, все—ложь... Но чѣмъ они докажутъ это? Ужели милліоны вѣрующихъ православныхъ, на себѣ испытывающіе силу благодати Божіей, въ Церкви православной обитающую и у святынь церковныхъ, у чудотворныхъ иконъ и св. мощей воочію являемую,—ужели всѣ сіи вѣрующіе, и по вѣрѣ своей благодатію утѣшаемые, заблуждаются, лгутъ, а вотъ эти гордые, непризванные учители, отъ враговъ нашей вѣры, нашего народа пришедшіе, они-то и проповѣдуютъ истину?

Теперь не тайна, ради чего нѣмцы такъ стараются совращать простыхъ русскихъ людей въ баптизмъ и другія нѣмецкія ереси. Не о спасеніи русскихъ душъ у нихъ забота. Нѣтъ; они видѣли и знаютъ, что наша матушка Русь только дотолѣ и крѣпка и сильна, и непобѣдима, пока она хранитъ святую вѣру православную. Эта вѣра и есть ея сила, ея могучая опора, только эта вѣра и привлекаетъ къ Руси милость Божію и покровъ Матери Божіей и святыхъ Божіихъ. Чтобы побѣдить Русь, погубить Россійскую Державу, надо подорвать въ ней вѣру православную, надо совратить русскихъ людей въ секты и расколы, даже всякую вѣру уничтожить въ народѣ, развратить его, а если удастся, то и душу русскую онѣмечить. Тогда нѣмцамъ будетъ просторъ на Руси: что хотятъ, то и дѣлаютъ. Вотъ и теперь: что говорятъ тѣ баптисты и штундисты, у которыхъ душа русская вытравлена, онѣмечена? Они говорятъ, что воевать будто бы грѣшно, потому что сказано: не убій; а того знать не хотятъ, что въ той же самой книгѣ Закона Моисеева, въ коей написана заповѣдь Божія: не убій, тамъ же читаемъ во многихъ мѣстахъ, за многія преступленія наказаніе Божіе: „смертію да умретъ, каменіемъ да побіется!“ Да и Самъ Господь Богъ въ Писаніи именуется Господомъ воинствъ, *Господомъ силъ*, говорится, что Онъ, Господь нашъ, Самъ *научаетъ* руки вѣрныхъ Своихъ *на ополченіе и персты ихъ на брань* (Пс. 14, 31). Притомъ же, не убивать идетъ воинъ хрістолюбивый, а отъ убійцъ защищать и родину-мать, и близкихъ своихъ. Мы знаемъ изъ исторіи, какъ безпощадны были дикари-народы, монголы, гун-

ны, татары, а теперь на нашихъ глазахъ тѣ же нѣмцы безпощадно истребляютъ не только раненыхъ и плѣнныхъ воиновъ, но и женъ, и дѣтей, тысячами топятъ мирныхъ путешественниковъ, на моряхъ, не разбирая даже, какому народу они принадлежатъ: англичане ли, французы ли, американцы или, можетъ быть, даже свои же—нѣмцы. Рѣжутъ уши, языки, отрубаютъ руки, ноги: такъ что же—и съ такими звѣрями не воюй? Они будутъ обращать въ рабство другіе народы, а мы всѣ иди къ нимъ въ рабство? Вотъ вѣдь о чемъ хлопочутъ всѣ эти проповѣдники баптизма, всѣ эти Фетлеры, Боннекампферы, да и наши, ослѣпленные ими, онѣмеченные душой, Прохановы, Павловы, Степановы и имъ подобные! Извѣстно вѣдь теперь, что и жалованье всѣ они получали и, можетъ быть, и теперь получаютъ изъ Германіи, извѣстно, что еще при знаменитомъ врагѣ Россіи Бисмаркѣ Германія рѣшила не жалѣть милліоновъ на духовное отравленіе нашего русскаго православнаго народа, на совращеніе его въ штунду, въ баптизмъ, въ якобы „евангельскую“ вѣру, чтобы убить въ немъ душу православную, чтобы онѣмечить его. Сами нѣмцы не скрываютъ этого: они, напримѣръ, сообщаютъ, что на это недоброе дѣло, въ теченіи только одного 1908 года, израсходовано 18 милліоновъ въ Россіи!.. Какіе, подумаешь, благодѣтели! А почему бы имъ не расходовать эти милліоны на обращеніе въ вѣру Хрістову какихъ-нибудь китайцевъ, японцевъ, дикарей Африки, Америки: тѣ вѣдь совсѣмъ не вѣдаютъ истиннаго Бога, а мы, русскіе люди, слава Богу, вѣруемъ въ Бога такъ, какъ научила насъ святая Апостольская православная Церковь. Но въ томъ-то и дѣло, что нѣмцамъ то и нужно, чтобъ истребить вѣру православную въ русской душѣ, а тамъ уже они сумѣютъ русскаго человѣка передѣлать по своему образу и подобію.

Вотъ — цѣль нашихъ враговъ, братья русскіе люди! Вы, конечно, искали истины, спасенія души, когда шли къ нимъ на бесѣды, слушали ихъ проповѣди, а они къ душамъ вашимъ подкрадывались, чтобы похитить изъ нихъ ваше сокровище многоцѣнное—святую вѣру, завѣщанную княземъ Владиміромъ... чтобы изъ русскихъ сдѣлать васъ нѣмцами. Скажите: что смущаетъ васъ? Святая Церковь разрѣшитъ всѣ ваши недоумѣнія, только будьте искренни, только не заражайтесь духомъ гордыни, какимъ дышатъ всѣ эти хулители Церкви, всѣ слѣпые вожди, промѣнявшіе вѣру православную на ересь лютерову.

Мы переживаемъ тяжелые для русскаго сердца дни. Кто любитъ свою Русь, тотъ не можетъ двоиться въ душѣ. Если наши инородцы, по крови не русскіе люди, воодушевляются любовью и преданностью Россіи, любовью къ ея православному Царю, если даже татары, кавказскіе горцы и другія народности, живущія въ предѣлахъ Россіи, стоятъ грудью противъ общаго врага-нѣмца, то можно ли допустить самую мысль о томъ, чтобы вы, наши братья, русскіе по крови люди, хотя и переставшіе быть православными, не страдали душой за родную вамъ Русь? И вотъ благопріятное для васъ время подумать: да и въ самомъ дѣлѣ не обманываютъ ли васъ все тѣ же нѣмцы, совращая въ свою пустую вѣру? И хорошо ли, право ли вы поступили, самонадѣянно бросивъ вѣру православную и чрезъ то отдѣлившись отъ родной семьи православныхъ русскихъ людей—духовныхъ вѣрныхъ чадъ равноапостольнаго князя Владиміра?

Помолись, благовѣрный княже Владиміре, ко Господу, да вразумитъ Онъ и просвѣтитъ заблудшихъ свѣтомъ истинной вѣры, тобою завѣщанной, но по невѣдѣнію ими покинутой! Да возвратятся они въ нѣдра своей любящей матери Церкви православной и, согрѣтые ея любовью, ея благодатью, сольются сердцемъ со всѣмъ стомилліоннымъ роднымъ своимъ народомъ Русскимъ! Ей, буди, буди!..

Знаю, что на это мое „доброе слово“ посыпятся ругательныя анонимныя письма отъ сектантовъ-вождей измѣны Церкви православной. На анонимы я не отвѣчаю: пусть ихъ авторы тѣшатъ себя, сколько угодно, если они полагаютъ, что ругательство есть доказательство ихъ правоты, а не безсилія. На честное, спокойное слово недоумѣнія, по мѣрѣ силъ и свободнаго времени, готовъ отвѣтить, если будетъ данъ точный адресъ вопрошающаго.

273.

Митрополитъ Филаретъ о войнѣ и воинскомъ званіи.

Въ переживаемые нами великіе дни особенно поучительно напомнить себѣ великіе завѣты незабвеннаго святителя Московскаго Филарета, который такъ мудро-отзывчивъ былъ ко всѣмъ современнымъ ему явленіямъ какъ въ церковной, такъ и въ государственной жизни.

Ободряя и благословляя воиновъ, идущихъ на брань, святитель говорилъ имъ: „Если бы на какой домъ напали разбойники: кто изъ семейства, имѣя силу и возможность, не возсталъ бы на защиту себя и своихъ и общаго достоянія? Не съ большимъ ли самопожертвованіемъ должно возстать противъ враговъ, которые на великій домъ Царя нашего, на Россію, напали безъ правды, и, нарушивъ законъ честной войны, позволяютъ себѣ разбойническія хищенія и опустошенія?“ [1]).

Какъ эти слова мудраго святителя Божія идутъ къ тѣмъ событіямъ, какія совершаются въ наши дни! Нѣмцы и ихъ союзники — турки, нарушая всѣ обычаи и законы честной войны, обратили свою войну въ настоящій разбой: они не щадятъ ни пола, ни возраста, грабятъ и опустошаютъ всѣ населенныя мѣстности, безчеловѣчно издѣваются надъ беззащитнымъ населеніемъ, безчестятъ и терзаютъ женъ, дѣвицъ, отрубаютъ имъ руки, пронзаютъ своими зазубренными на подобіе пилъ штыками дѣтей, отрѣзаютъ уши и языки у плѣнныхъ воиновъ, вырѣзаютъ у нихъ на ногахъ „лампасы“, то есть, полосы кожи, обливаютъ раненыхъ керосиномъ и поджигаютъ... распинаютъ даже на крестахъ! Да скажите: дѣлаютъ ли такъ даже и разбойники? Не хуже ли всякихъ злодѣевъ эти изверги рода человѣческаго, эти выродки?.. Кровь стынетъ въ жилахъ, когда читаешь объ этихъ звѣрствахъ нашихъ враговъ; они превзошли древнихъ дикарей въ жестокости всякаго рода. И вотъ горе: еще смѣютъ называть себя хрістіанами! Давно отреклись отъ Христа, давно потеряли не только образъ Божій, но и образъ человѣческій, мало того: стали хуже звѣрей, какъ истые слуги сатаны, а все еще лицемѣрятъ,

[1]) Слова и рѣчи М. Филарета, Т. V, стр. 543.

все еще подбодряютъ себя и хвалятся мнимымъ своимъ хрістіанствомъ... Какъ не возстать со всею ревностію противъ такихъ враговъ, уже не нашихъ только враговъ, а и Божіихъ?

Вотъ что дальше говоритъ нашъ святитель: „Нѣкогда, во время нападенія иноплеменниковъ на землю народа Божія, Іессей трехъ старшихъ сыновъ своихъ послалъ на брань за отечество; а младшаго Давида посылалъ потомъ доставить имъ пищу въ походѣ: и сей носитель пищи внезапно сдѣлался воиномъ и побѣдителемъ враговъ. Такъ праведные жертвуютъ отечеству тѣмъ, что имѣютъ любезнѣйшаго: такъ и праведный Богъ даетъ благородному самопожертвованію дивную помощь и силу“ [1]).

И нынѣ, какъ во времена оны древнія, есть отцы, и ихъ такъ много по милости Божіей, которые отдали всѣхъ своихъ сыновей на защиту отечества, но этого мало: и дочерей своихъ послали служить раненымъ воинамъ, и вся Россія обратилась какъ бы въ великій лазаретъ, а весь цвѣтъ ея бьется на поляхъ брани съ лютымъ врагомъ... Помоги имъ, Господи! Укрѣпи ихъ мужествомъ, пошли имъ Ангеловъ хранителей и споборниковъ на вражью силу! Поистинѣ можно повторить вмѣстѣ съ святителемъ Филаретомъ уже не къ однимъ воинамъ, но и ко всѣмъ русскимъ людямъ: „Братія! По вѣрѣ и вы народъ Божій: продолжайте и подвигами являть въ себѣ народъ Божій! Для такого народа не оскудѣетъ дивная помощь Божія!“ [2]).

Нынѣшняя война — позоръ для человѣчества, позоръ именно для тѣхъ, кто началъ ее, кто какъ разбойникъ и грабитель, напалъ на своихъ добрыхъ сосѣдей, позоръ — для нѣмцевъ,—не говоримъ уже объ ихъ послушномъ орудіи—туркахъ: эти—не хрістіане, не называютъ себя симъ священнымъ именемъ, а потому имъ простительнѣе, чѣмъ нѣмцамъ, такой позоръ. Но чѣмъ позорнѣе война для ея зачинщиковъ, тѣмъ славнѣе отраженіе ея для нашего хрістолюбиваго воинства, для нашихъ благородныхъ союзниковъ, тѣмъ выше подвигъ защиты родной земли, родного Царя, а паче всего—вѣры православной. Нѣмцы вѣдь давно мечтали не только завоевать хотя часть земли нашей, но и похитить изъ русской души завѣтное ея сокровище—вѣру православную: было бы тяжкимъ грѣхомъ предъ Богомъ, преступленіемъ предъ роднымъ народомъ, измѣною предъ отечествомъ и Царемъ нашимъ, Божіимъ Помазанникомъ, спокойно смотрѣть на такое ужасное злодѣяніе враговъ нашихъ. Нашъ священный долгъ—отразить нечестивцевъ, стать грудью за наши святыни, за нашу Святую Русь! И наше воинство свято исполняетъ свой долгъ. И Господь благословляетъ его святой подвигъ. „Господь, говоритъ святитель Филаретъ, Господь, нарицаемый Богомъ мира, нарицаетъ Себя также *Господомъ воинствъ*. Богъ *научаетъ руки* вѣрныхъ Своихъ *на ополченіе, персты ихъ на брань* (Пс. 143, 1). Авраамъ, образецъ кроткой вѣры, не воевалъ ли за своихъ родныхъ и за союзныхъ царей? Не войной ли, по повелѣнію Божію, народъ Божій пріобрѣлъ землю Обѣтованную? Не Ангелъ ли Божій сдѣлалъ гумно Гедеона воен ноучебнымъ поприщемъ и сильнымъ небеснымъ словомъ образовалъ его для побѣды надъ мадіанитянами? Духъ Божій, Который носился надъ Давидомъ отъ дня помазанія его,

[1]) Тамъ же.
[2]) Тамъ же.

не управлялъ ли рукою его, не только тогда, когда онъ извлекалъ изъ десятиструнной псалтири пророчественные звуки, но и тогда, когда онъ побѣдоносно стрѣлялъ въ Голіаѳа, хотя и не изъ лука стрѣлою, а камнемъ изъ пращи?—Равноапостольный Царь Константинъ для чего первѣе всего употребилъ крестъ Хрістовъ, только что имъ познанный?—Для брани и побѣды. Итакъ: Богъ любитъ добродушный миръ, и Богъ же благословляетъ праведную брань. Ибо съ тѣхъ поръ, какъ на землѣ есть немирные люди, мира нельзя имѣть безъ помощи военной. Честный и благонадежный миръ большею частію надобно завоевать. И для сохраненія пріобрѣтеннаго мира надобно, чтобы самый побѣдитель не позволялъ заржавѣть своему оружію“ [1]).

Обращаясь къ воинамъ, святитель Филаретъ говоритъ: „Посвятить себя подвигамъ за Царя и Отечество на жизнь и на смерть—какое прекрасное, возвышенное призваніе! Если пріятенъ подвигъ по волѣ отца, и тѣмъ болѣе пріятенъ, чѣмъ болѣе даетъ упражненія сыновней преданности въ преодолѣніи трудностей: какъ долженъ быть радостенъ подвигъ по волѣ Отца милліоновъ народа! И не тѣмъ ли болѣе радостенъ, чѣмъ болѣе соединенъ съ самопожертвованіемъ? Если пріятно бодрствовать и трудиться для блага и спокойствія семейства: какъ должно быть вожделѣнно стоять на стражѣ и въ подвигѣ для спокойствія и безопасности Отечества! Земная жизнь дается человѣкамъ на время; и у многихъ время беретъ ее обратно даромъ. Какое же преимущество—обратить жизнь свою въ талантъ для пріобрѣтенія Царю и Царству спокойствія, побѣды, славы, — сдѣлать жизнь свою священною жертвою вѣрности и любви къ Царю и Отечеству,—приближаться чрезъ самопожертвованіе къ высшей степени святой любви, по суду Самого небеснаго Судіи: *больши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоан. 15, 13)“ [1]).

„Благословеніе и слава побѣждающимъ, благословеніе и блаженство приносящимъ въ жертву жизнь свою съ вѣрою въ Бога, съ любовію къ Царю и Отечеству! Сказано въ Писаніи о древнихъ подвижникахъ за Отечество: *вѣрою побѣдиша царствія* (Евр. 11, 33). Вѣрою побѣдоносны будете и вы“ [2]).

Святитель даетъ воинамъ такія драгоцѣнныя наставленія, что руководимый ими православный воинъ становится идеаломъ воинской чести и доблести. „Честь воина, говоритъ онъ, не въ одной пылкой храбрости, но также и въ строгомъ повиновеніи Начальству, въ единодушіи съ соратниками, въ непоколебимой стойкости, въ недремлющей осторожности отъ нападающаго съ оружіемъ и отъ подкрадывающагося съ смертоноснымъ словомъ, въ кротости къ безоружнымъ, въ уваженіи къ собственности, даже непріятельской, въ умѣренности, *довольной*, какъ училъ Іоаннъ Креститель, *своими оброки* (Лук. 3, 14). Высшая же сила воина — въ вѣрѣ и упованіи на Господа силъ, Бога воинствъ небесныхъ и земныхъ, праведно подвизающихся для царствія земного и небеснаго“ [3]).

„Не забывайте, говоритъ святитель въ другомъ своемъ словѣ воинамъ, не забывайте, что добрый воинъ, левъ противъ враговъ, дол-

---

Тамъ же т. V, стр. 271.

[1]) Томъ V, стр. 13.
[2]) Томъ V, 534.
[3]) Тамъ же, V, стр. 14.

женъ быть агнцемъ между своими. Живите кротко и любовно, а гнѣвъ и грозу берегите для враговъ отечества. Наипаче не забывайте, что добрый воинъ Царя Благочестивѣйшаго долженъ быть равномѣрно *добръ воинъ Іисусъ Христовъ* (2 Тим. 2, 3). Надобно ли въ подтвержденіе сего вновь напоминать вамъ о древнихъ побѣдоносцахъ и увѣрять васъ апостольскимъ словомъ, что они *вѣрою побѣдиша царствія* (Евр. 11, 33)? Вы это ближе и простѣе знаете изъ дѣяній нашихъ предковъ, нашихъ Царей, нашихъ избранныхъ вождей. Тотъ воинъ истинно непобѣдимъ, которому вѣнецъ мученичества за вѣру, Царя и Отечество также любезенъ, какъ и вѣнецъ побѣды. Тотъ лучшій слуга Царевъ и надежнѣйшій защитникъ Отечества, кто въ вѣрномъ Богу сердцѣ, въ чистой совѣсти носитъ вѣрную надежду Отечества небеснаго“ [1]).

Не видимъ ли мы въ семъ идеальномъ изображеніи воина-хрістіанина доблестный обликъ всего нашего хрістолюбиваго воинства? И непоколебимая стойкость, и кротость къ безоружнымъ или обезоруженнымъ плѣннымъ врагамъ, и уваженіе къ собственности даже непріятельской, и львиное мужество противъ вооруженныхъ враговъ, и недремлющая осторожность не только отъ вооруженнаго врага, но и отъ тайнаго союзника вражія—какого-нибудь баптиста или штундиста, подкрадывающагося къ православной душѣ воина, и наконецъ крѣпкая, побѣждающая міръ вѣра, питающая столь же крѣпкую надежду на помощь Божію—вотъ тѣ доблести нашего хрістолюбиваго воинства, коихъ свидѣтелями мы являемся наипаче въ наши дни, во дни сей почти всемірной, небывалой еще въ исторіи человѣчества, брани... [1])

Но святитель Филаретъ напоминаетъ и намъ, мирнымъ гражданамъ, нашъ великій долгъ предъ нашимъ воинствомъ: „и мы, говоритъ онъ, не призванные въ воинскій станъ и безоружные, не совсѣмъ чужды участія въ войнѣ,—участія не только мысленнаго, но и дѣйствительнаго. Мы не участвуемъ въ дѣлѣ войны: однако болѣе или менѣе участвуемъ въ достиженіи болѣе или менѣе совершеннаго въ ней успѣха“.

„Молитва вѣры должна пріобрѣсти Царю союзника и поборника въ Царѣ небесномъ. Если наша молитва о подвизающихся на полѣ брани братіяхъ нашихъ единодушна, усердна, крѣпка, чиста, достойна: то она способна болѣе или менѣе способствовать имъ въ пріобрѣтеніи вѣрнѣйшаго залога побѣдъ—Божія благословенія и помощи. Такъ, подвизаясь въ молитвѣ, мы становимся дѣйствительными духовными сподвижниками подвижниковъ брани. Но если наша о нихъ молитва не единодушна, не усердна, не крѣпка, не чиста, не достойна: то по мѣрѣ сихъ недостатковъ, она будетъ лишена дѣйствія, и мы лишимъ подвизающихся за насъ братій нашихъ нѣкоторой доли споспѣшествованія, которую могли и должны были доставить имъ. Если же и совсѣмъ уклоняемся отъ молитвы за нихъ: то уподобляемся малодушнымъ воинамъ, бѣгущимъ съ поля битвы, которые и мужественныхъ смущаютъ и затрудняютъ. Говоря сіе, нимало не уменьшаемъ ни значенія и само-

[1]) Тамъ же, т. IV, 272.

[1]) Для воспитанниковъ военныхъ училищъ святитель Филаретъ собралъ „Изреченія Священнаго Писанія“ о воинскомъ званіи и присоединилъ къ нимъ „Размышленія“. См. Прибавленіе къ „Пространному катихизису“ по изданію 1828 года.

стоятельности естественныхъ силъ и способностей, ни важности воинскихъ дарованій, искусства, ревности. Отдадимъ справедливость вѣрности, благородству, искусству, мужеству нашихъ вождей и воиновъ; но если молитва, Божіе благословеніе и Божія помощь также не суть слова безъ значенія: то Церковь и народъ, молящіеся за воинство, суть немаловажный для воинства подкрѣпительный, а можетъ быть, предъ очами духа, и предваряющій къ побѣдѣ отрядъ, по силѣ и достоинству молитвы". Свои „умозаключенія" святитель далѣе обосновываетъ на словѣ Божіемъ и примѣрахъ изъ исторіи избраннаго народа. „Помощь Божія даруется не просто, не въ произвольное отличіе избранному народу, но подъ опредѣленнымъ условіемъ нравственнымъ и духовнымъ: *аще быша людіе Мои послушали Мене, Израиль аще бы въ пути Моя ходилъ: ни о чесомъ бы убо враги его смирилъ быхъ* (Пс. 80, 14, 15). Вѣруй, Израиль въ Бога, молись Ему, слушай слова Его, поступай по заповѣдямъ Его справедливо, благонравно, человѣколюбиво; если согрѣшилъ, не медли покаяться и исправиться; надѣйся не на себя, а на Бога; и Онъ готовъ *ни о чесомъ же* смирить враги твоя, даровать тебѣ легкую и вѣрную побѣду надъ ними".

Святитель приводитъ примѣръ побѣды Израилитянъ при помощи молитвы Моисея, воздѣвшаго руки къ Богу; побѣды Іисуса Навина, когда „союзное съ нимъ небо стрѣляло въ его враговъ каменнымъ градомъ, а онъ по необычайной надеждѣ на Бога, не произнося даже словъ молитвы, собственнымъ повелѣніемъ останавливаетъ солнце, чтобы имѣть время засвѣтло довершить свою побѣду". Была и такая война, когда несправедливо нападающій врагъ смиренъ былъ точно *ни о чесомъ же*, безъ оружія и ратоборства со стороны потерпѣвшаго нападеніе: Сеннахиримъ, домогаясь совершеннаго порабощенія іудеевъ, дерзнулъ на богохульство, и тогда іудейскій царь Езекія понялъ, что война переносится съ земли на небо, и, во храмѣ предъ Богомъ развернувъ богохульное рукописаніе, сказалъ: *отверзи, Господи, очи Твои и виждь.* И Богъ отвѣтствовалъ чрезъ пророка Исаію, что на Себя пріемлетъ защиту Іерусалима: *и бысть въ нощь ону, и сниде Ангелъ Господень, и уби отъ полка ассирійскаго сто осмьдесятъ и пять тысящъ* (4 Цар. 19, 35)" [1].

Поучая и воиновъ, и всѣхъ православныхъ русскихъ людей молитвѣ, святитель Филаретъ и самъ молился вдохновенною молитвою о побѣдѣ на супостаты, причемъ выражалъ свою молитву не своими словами, а избралъ для сего слова изъ псалмовъ Давидовыхъ: *Заступниче нашъ, виждь, Боже, и призри на лице Помазанника Твоего* (Пс. 83, 10). *Се врази Твои возшумѣша, и ненавидящіи Тя воздвигоша главу. На люди Твоя лукавноваша волею, и совѣщаша на святыя Твоя* (Пс. 82, 3. 4). *Да обрящется рука Твоя всѣмъ врагомъ Твоимъ, десница Твоя да обрящетъ вся ненавидящія Тебе* (Пс. 20, 9). *Помози намъ, Боже, Спасе нашъ, славы ради имене Твоего* (Пс. 78, 9).

„Вы слышите, говорилъ святитель, что я говорю о настоящемъ положеніи дѣлъ словами древняго народа Божія. (Слово сказано въ 1853 году, во время Крымской войны). Счастливо это для насъ, что самыя обстоятельства поставляютъ насъ въ положеніе народа Божія противъ враговъ Божіихъ. Враги наши суть

[1]) Тамъ же, V, 16—18.

враги креста Хрістова. Слѣдственно, мы можемъ просить отъ Бога защиты и побѣды не только для себя, но и для славы имени Хрістова. *Помози намъ, Боже, Спасителю нашъ, славы ради имени Твоего!*".

Что говорилъ мудрый учитель Церкви слишкомъ 60 лѣтъ назадъ, то вполнѣ примѣнимо и къ событіямъ нашего времени. Правда, нѣмцы, именно германцы, называютъ себя еще хрістіанами, но вѣдь они не почитаютъ креста Хрістова, они называютъ его — прости мнѣ, Господи, слово сіе — орудіемъ позорной казни, а не древомъ спасенія, не тѣмъ подножіемъ ногъ Хрістовыхъ, покланяться коему заповѣдалъ еще Царь Давидъ: *поклоняйтесь подножію ногу Его, яко свято есть* (Пс. 98, 5). Посему справедливо называть и ихъ, наравнѣ съ союзниками ихъ турками, врагами креста Господня, врагами нашей православной вѣры и Церкви.

274—276.

Равноапостольный нашъ просвѣтитель и его святыя дѣти-мученики.

I.

Ровно 900 лѣтъ прошло съ того дня, какъ въ уединеніи своихъ княжескихъ хоромъ, близъ Кіева, на Берестовѣ, тихо почилъ славнодержавный просвѣтитель земли Русской, ея красное солнышко—князь Владиміръ. Горько оплакивала его кончину родная ему Русь, которую онъ сдѣлалъ православною, для которой онъ былъ отцомъ, заступникомъ, наставникомъ и кормильцемъ. Это былъ ея первый князь—носитель русскаго идеала государственной власти, человѣкъ съ истинно-русской душой; широкая, какъ говорится, русская натура, въ высшей степени добрый, великодушный, не способный входить въ сдѣлки съ своей совѣстью, кривить душою: онъ горячо любилъ свою Русь и умѣлою рукою поставилъ ее на назначенный Богомъ историческій путь. Весьма благовременно и поучительно вспомнить его жизнь и дѣянія, особенно въ наши дни, когда наша Святая Русь всею мощію своего духа отстаиваетъ свои вѣковые устои, заложенные святымъ ея просвѣтителемъ,—напомнить его святые завѣты родному народу на всѣ роды родовъ...

Какъ восходу солнца предшествуетъ сіяніе зари, такъ въ нашей исторіи князю Владиміру предшествовала его прославная бабка, благовѣрная княгиня Ольга. Окрыленная, по выраженію церковной пѣсни, крилами Богопознанія, она возлетѣла духомъ превыше видимой твари, и, познавъ истиннаго Бога, всѣмъ сердцемъ желала просвѣтить истинною вѣрою не только своего воинственнаго сына Святослава, но и весь Русскій народъ. День и ночь молилась она, чтобы далъ имъ Богъ познать вѣру истинную. И услышалъ Господь молитву ея; правда, не слушалъ ея постоянно занятый походами сынъ, но добрымъ сѣменемъ пали на дѣтское сердце внука ея, юнаго князя Владиміра, ея разсказы о Хрістѣ Спасителѣ, и въ свое время вспомнились и принесли добрый плодъ.

Князь Владиміръ былъ младшій сынъ Святослава. По кончинѣ матери, св. Ольги, Святославъ, по своему обычаю, отправился въ походъ, а сыновей оставилъ княжить въ особыхъ для каждаго удѣлахъ. Владиміру далъ онъ Новгородъ, куда онъ и отправился съ дядею по матери, Добрынею. И дядя, и новгородцы были суевѣрные и грубые язычники. Въ язычествѣ и возрасталъ Владиміръ; казалось, что святое сѣмя вѣры, посѣянное бабушкой, готово было совсѣмъ заглохнуть въ немъ, но Богъ не допустилъ этому случиться. Его братья, по смерти отца, скоро поссорились, старшій Ярополкъ убилъ второго—Олега; Владиміръ бѣжалъ за море къ варягамъ, а Ярополкъ овладѣлъ Новгородомъ. Но Владиміръ собралъ большую дружину изъ варяговъ и вмѣстѣ съ Добрынею пошелъ на Ярополка. На пути овладѣлъ Полоцкомъ, здѣсь убилъ князя Рогвольда съ двумя сыновьями, а его дочь Рогнѣду взялъ себѣ въ жены. Оттуда двинулся онъ къ Кіеву на Ярополка, который и погибъ въ этой войнѣ, а Владиміръ овладѣлъ Кіевомъ и сталъ единодержавнымъ властителемъ всей Руси. Это было въ 980 г.

Еще будучи язычникомъ, онъ показалъ свою мудрость и доброту къ народу. Онъ не позволилъ пришлымъ варягамъ-гордецамъ брать денежную подать съ жителей Кіева, будто бы ими завоеваннаго, немногихъ, лучшихъ изъ нихъ, онъ привлекъ къ себѣ на службу и разсѣялъ по разнымъ городамъ, а остальныхъ просто выслалъ изъ Россіи. Кіевляне видѣли, что князь не даетъ своихъ чужимъ въ обиду, и полюбили его. Мужественно защищалъ онъ землю Русскую отъ недобрыхъ сосѣдей и оберегалъ ея единство. Отъ ляховъ онъ отнялъ занятыя было ими города Червонной Руси, которая теперь зовется Галичиной. Онъ усмирилъ разбойничье племя дикихъ ятвяговъ, ходилъ противъ болгаръ, жившихъ на рѣкѣ Камѣ за Волгой, побѣдилъ ихъ и обязалъ жить въ мирѣ съ Русью. Въ Кіевѣ собирались къ нему въ думу о важныхъ дѣлахъ и бояре, и ратные дружинники, и земскіе старшины, и всѣмъ онъ являлъ свою мудрость, свою твердость и вмѣстѣ ласку; народъ прозвалъ его „ласковымъ“ княземъ. По-своему, по-языčески, онъ былъ и набоженъ: всюду ставилъ идоловъ, а на холмѣ, противъ своего княжескаго терема, поставилъ идола Перуна, бога грома и молніи. Идолъ былъ деревянный, съ серебряной головой и золотыми усами. Много было идоловъ у нашихъ язычниковъ-предковъ; кромѣ Перуна были еще: Велесъ—скотій богъ, Позвиздъ или Вихрь — богъ вѣтровъ и воздуха, Ладо—богъ счастья, Купало—богъ плодовъ земныхъ, Коляда — богъ праздниковъ, и другіе. Блуждая во тьмѣ идолопоклонства, наши предки не задумывались закалывать въ жертву идоламъ даже собственныхъ дѣтей. Въ 983 году Владиміръ ходилъ на ятвяговъ и взялъ землю ихъ. Возвратясь въ Кіевъ, онъ приносилъ жертву идоламъ. Обрадовались такому усердію своего князя язычники бояре и старшины и сказали: „бросимъ жребій на отрока и дѣвицу: на кого падетъ, того и принесемъ богамъ“. Жилъ тогда въ Кіевѣ варягъ, по имени Ѳеодоръ, тайный хрістіанинъ. У него былъ единственный сынъ Іоаннъ, юноша прекрасный душою и тѣломъ. Жребій, — такъ Богу было угодно,— палъ на сего юношу. Послали сказать отцу: „отдай сына богамъ: они выбрали его себѣ въ жертву“. Ѳеодоръ отвѣчалъ: „у васъ не боги, а дере-

во: сегодня оно цѣло, а завтра истлѣло; они не ѣдятъ, ни пьютъ, ни говорятъ. Есть одинъ истинный Богъ, Которому покланяются греки: Онъ сотворилъ небо и землю, луну и звѣзды, солнце и человѣка. А ваши боги что сотворили? Они сами—дѣло рукъ человѣческихъ. Не дамъ сына моего бѣсамъ!" Такой отвѣтъ крайне раздражилъ язычниковъ. Они схватили оружіе и бросились на домъ варяга. Разломавъ ворота, они ворвались во дворъ. Ѳеодоръ, обнявши сына, стоялъ на высокихъ сѣняхъ. Ему кричали: „подай сына твоего!" Онъ отвѣчалъ: „если ваши истуканы—боги, то пусть сами придутъ и возьмутъ его; а вы изъ-за чего хлопочите для нихъ?" Народъ зашумѣлъ, заволновался, послышались проклятія, застучали топоры; сѣни были подрублены, а мужественные исповѣдники тутъ же преданы смерти. Святая Церковь чтитъ ихъ память 12 іюля.

Изъ сказанія лѣтописца не видно, чтобы самъ князь Владиміръ соизволилъ убіенію Ѳеодора и Іоанна. Напротивъ, можно думать, что ихъ мученическая кончина заставила добросердечнаго князя задуматься: что же это за боги, которымъ онъ поклоняется, когда имъ нужно приносить такія кровавыя жертвы? И Владиміръ не взлюбилъ съ той поры своихъ идоловъ, и по Кіеву стали ходить слухи, что князь хочетъ перемѣнить вѣру.

II.

Человѣкъ сотворенъ по образу Божію; его совѣсть ищетъ правды Божіей, а эту правду можно найти только въ ученіи Христа Спасителя, въ вѣрѣ Христовой. У князя Владиміра было сердце доброе и честное, а таковыхъ благодать Божія влечетъ къ себѣ голосомъ ихъ же совѣсти. Много было грѣховъ на совѣсти у нашего добраго князя; бездушные боги не могли умиротворить его мятущуюся совѣсть, какія бы жертвы онъ ни приносилъ имъ. И стали ему припоминаться наставленія, какія онъ слышалъ въ дѣтствѣ отъ своей мудрой бабушки княгини Ольги; тревожной душѣ хотѣлось бы еще послушать ихъ.

Кіевъ былъ стольный городъ русской земли; сюда пріѣзжало немало и изъ чужихъ странъ разныхъ торговыхъ людей. Бывали тутъ и магометане, и іудеи, и римскіе католики и греки. Прослышали они о намѣреніи князя перемѣнить вѣру и дали знать въ свои земли о томъ: понятно, каждому хотѣлось, чтобы русскій князь перешелъ въ его родную вѣру. И вотъ, ко Владиміру стали являться проповѣдники разныхъ вѣръ. Первыми пришли послы съ рѣки Волги, вѣры магометовой. „Ты, князь, мудръ и смысленъ, говорили они, а не знаешь закона. Вѣруй въ нашъ законъ: мы вѣруемъ въ единаго Бога, на небесахъ живущаго, и въ его пророка Магомета, который позволяетъ намъ имѣть женъ, кто сколько хочетъ, только велитъ обрѣзываться, не ѣсть свинаго мяса и не пить вина". Разумный князь не долго слушалъ ихъ, сразу замѣтилъ, что ихъ вѣра не дастъ его душѣ того, чего ищетъ она, и отослалъ ихъ прочь. Пришли учители изъ нѣмцевъ и сказали: „насъ послалъ къ тебѣ римскій папа, онъ говоритъ: наша вѣра—свѣтъ, мы покланяемся Богу, сотворившему небо и землю, и звѣзды и мѣсяцъ, и всякую живую тварь".— „А какія у васъ заповѣди?" спросилъ Владиміръ. Нѣмцы отвѣчали: „постъ у насъ не строгъ, постимся по силѣ, а кто ѣстъ или пьетъ, то все во славу Божію". Видимо, они хотѣли такою льготностію въ постѣ

обольстить князя. Но онъ уже слышалъ о властолюбіи римскихъ папъ, вспомнилъ, что св. Ольга и другіе, бывшіе уже на Руси хрістіане, принимали вѣру отъ грековъ и отвѣтилъ коротко: „идите назадъ, отцы наши не принимали вѣры отъ папы“.—Явились къ нему и хазарскіе жиды съ предложеніемъ своей вѣры.—„А гдѣ ваша родная земля?“ спросилъ Владиміръ. Тѣ отвѣтили: „въ Іерусалимѣ, но Богъ прогнѣвался на отцовъ нашихъ и разсѣялъ ихъ по разнымъ странамъ“.—„Какъ же вы смѣете предлагать вѣру другимъ?“ сказалъ имъ мудрый князь: „сами вы отвержены Богомъ, или вы хотите, чтобы и мы лишились своего отечества?“ И со стыдомъ ушли отъ него жидовскіе учители. Пришелъ, наконецъ, и греческій проповѣдникъ, мудрый, ученый инокъ. Онъ объяснилъ Владиміру лживость и мерзость вѣры басурманской, неправоту ученія нѣмцевъ, хотя и хрістіанскаго, но не во всемъ согласнаго съ чистымъ ученіемъ Хрістовымъ. Князь сказалъ: „приходили ко мнѣ и жиды и говорили, что хрістіане вѣруютъ въ Того, Кого ихъ предки распяли“.—„Это правда, сказалъ грекъ-проповѣдникъ: но это и было предсказано іудейскими же пророками, которыхъ іудеи избивали. Вотъ, когда сбылось все предсказанное пророками, и іудеи остались невѣрующими, тогда Богъ и разсѣялъ ихъ по чужимъ странамъ“.—„Но для чего же Богъ приходилъ на землю и принялъ страданія?“ спросилъ князь.—„Если хочешь послушать, то я скажу тебѣ о всемъ, съ самаго начала“, отвѣчалъ проповѣдникъ. Князь радъ былъ услышать проповѣдь той вѣры, къ которой уже склонялось его сердце, и греческій инокъ разсказалъ ему о сотвореніи міра, о грѣхопаденіи первыхъ людей, о древнихъ патріархахъ и пророкахъ; потомъ перешелъ къ рождеству Хріста Спасителя, говорилъ подробно о Его жизни, чудесахъ, ученіи, страданіи, смерти и воскресеніи. Когда же дошелъ до ученія о будущемъ второмъ Его пришествіи, и страшномъ судѣ, то развернулъ предъ взоромъ князя большую завѣсу, на которой былъ художественно изображенъ страшный судъ Божій: „вотъ, говорилъ инокъ, на правой сторонѣ стоятъ праведники, вотъ и уготованный имъ прекрасный рай Божій; а вотъ это—налѣво—грѣшники и ожидающія ихъ мученія во адѣ“. Долго и съ великимъ вниманіемъ разсматривалъ князь Владиміръ эту картину; видно было, что она глубоко поразила его правдолюбивое сердце. Онъ подробно распрашивалъ инока о всемъ, что тутъ было изображено; наконецъ тяжело вздохнулъ и сказалъ: „хорошо тѣмъ, которые направо, и горе тѣмъ, которые налѣво!“ — „Крестись, сказалъ ему проповѣдникъ: и ты будешь въ раю съ праведниками, а если не примешь крещенія, то твое мѣсто вотъ здѣсь, на лѣвой сторонѣ—съ грѣшниками“. Владиміръ задумался. „Подожду еще немного, сказалъ онъ: „получше разузнаю о разныхъ вѣрахъ и тогда рѣшу“. Онъ одѣлилъ грека-инока богатыми дарами и съ почетомъ отпустилъ въ Царьградъ. А въ душѣ своей онъ уже порѣшилъ—принять вѣру православную и только думалъ объ одномъ теперь: какъ бы лучше сдѣлать, чтобы и бояръ своихъ, и любимую дружину, и весь народъ русскій привести въ вѣру крещеную. Это было въ 986 году.

А въ слѣдующемъ 987 году князь созвалъ къ себѣ на совѣтъ бояръ и старѣйшинъ. Онъ разсказалъ имъ все, что слышалъ отъ разныхъ пословъ и особенно отъ греческаго

нока и спрашивалъ ихъ мнѣнія и сужденія. Умные бояре сказали ему: „никто своей вѣры хулить не станетъ—понятно, что каждый свою хвалитъ. Если хочешь, княже, истину узнать, то вѣдь есть у тебя немало разумныхъ людей: пошли изъ нихъ въ разныя страны, къ разнымъ народамъ; пусть посмотрятъ и разузнаютъ каждую вѣру на мѣстѣ, а потомъ и намъ съ тобою скажутъ: кто какъ молится и служитъ своему богу въ своей землѣ?“—Этотъ совѣтъ очень понравился Владиміру и онъ рѣшилъ послать десять мудрыхъ мужей въ чужія земли. Побывали эти посланцы въ разныхъ земляхъ, были и у нѣмцевъ, и у приволжскихъ магометанъ, и у другихъ народовъ; пришли, наконецъ, и къ православнымъ грекамъ въ Царьградъ. Здѣсь тогда царствовали два брата: Василій и Константинъ. Они съ радостью приняли пословъ Владиміра и дали знать патріарху, зачѣмъ пришли русскіе люди. Патріархъ все приготовилъ къ торжественному служенію, и вотъ, нашихъ предковъ повели въ прекрасный и величественный храмъ Софіи Премудрости Божіей и поставили ихъ въ такомъ мѣстѣ, откуда они все хорошо могли видѣть и слышать. Служилъ литургію самъ патріархъ съ соборомъ епископовъ и священниковъ; на нихъ были златотканныя облаченія; кадильный ѳиміамъ наполнялъ храмъ благоуханіемъ, стройное пѣніе услаждало слухъ; тысячи молящихся съ благоговѣніемъ преклонялись предъ Господомъ, возсылая Ему свои теплыя, сердечныя молитвы... Можно ли выразить тѣ чувства, которыя наполняли сердца пословъ Владиміровыхъ въ эти минуты? Возвратясь въ Кіевъ, они съ восторгомъ говорили князю Владиміру и боярамъ: „мы не помнили себя: гдѣ мы стоимъ, на небѣ или на землѣ? Нигдѣ мы ничего подобнаго не видѣли, не можемъ мы забыть этой красоты, ибо кто отвѣдалъ сладкаго, тотъ не захочетъ горькаго, а мы вѣримъ, что Самъ истинный Богъ живетъ съ этими людьми“.—Бояре и старцы тогда сказали Владиміру: „если бы греческая вѣра не была лучше всѣхъ вѣръ, то ее не приняла бы бабка твоя Ольга: а она, вѣдь, была мудрѣйшая изъ людей“. Такъ, подобно мудрому купцу притчи Евангельской, князь Владиміръ искалъ и нашелъ, наконецъ, безцѣнный бисеръ небесный, вѣру православную; онъ сдѣлалъ такъ, что и лучшіе его подданные на дѣлѣ убѣдились, что эта вѣра—есть единая истинная и готовы были съ полнымъ усердіемъ слѣдовать за своимъ княземъ въ святомъ дѣлѣ перемѣны вѣры.

III.

Въ 988 году князь Владиміръ, совсѣмъ неожиданно для грековъ, двинулся со своимъ войскомъ на греческій городъ Корсунь, находившійся верстахъ въ двухъ отъ нынѣшняго Севастополя, тамъ, гдѣ теперь красуется Херсонесскій монастырь. Славный своими завоеваніями, онъ не хотѣлъ унижаться предъ греками, которые заставили его святую бабку, княгиню Ольгу, цѣлый мѣсяцъ стоять въ пристани прежде, чѣмъ позволили ей выйти на берегъ: онъ рѣшилъ завоевать себѣ вѣру и осадилъ Корсунь. Предъ отправленіемъ въ походъ Владиміръ молился: „Господи Боже Владыко всѣхъ! Сего у Тебя прошу: дай мнѣ взять тотъ городъ, да приведу я оттуда хрістіанъ и священниковъ, и да научатъ они людей моихъ закону хрістіанскому!“ Была у него и другая цѣль похода: въ язычествѣ имѣлъ онъ

много женъ; теперь, принимая хрістіанство, онъ хотѣлъ имѣть только одну, хрістіанку, которая помогла бы ему твердо стать на путь истинно-хрістіанской жизни. Такую онъ и хотѣлъ имѣть въ лицѣ сестры греческихъ царей; но ему было извѣстно, что цари нелегко согласятся отдать ему въ замужество свою сестру. И задумалъ онъ грозою заставить ихъ согласиться на это. Долго длилась осада Корсуня, греки храбро его защищали. Наконецъ, онъ былъ взятъ, и Владиміръ послалъ сказать греческимъ императорамъ Василію и Константину: „я взялъ вашъ славный городъ Корсунь; то же сдѣлаю и съ Царьградомъ, если не отдадите за меня свою сестру царевну Анну". Ему отвѣчали: „непристойно намъ, хрістіанамъ, выдавать сестру за язычника; крестись, тогда и сестру нашу получишь, и царство небесное наслѣдуешь".— Владиміру только это и было нужно; онъ отвѣчалъ чрезъ посланцевъ: „я давно слышалъ о вашемъ законѣ; полюбилась мнѣ ваша вѣра, пришлите ко мнѣ епископа, чтобы крестилъ меня, и сами съ сестрою приходите или пришлите ее ко мнѣ, а я возвращу вамъ за это Корсунь и всю Тавриду". Тяжело было молодой царевнѣ покидать родной городъ и идти къ народу некрещеному, къ князю, который недавно воевалъ противъ братьевъ ея: „точно въ плѣнъ я иду" говорила она, обливаясь горькими слезами: „лучше бы мнѣ здѣсь умереть". Но братья императоры утѣшали ее: „можетъ быть, Господь обратитъ чрезъ тебя всю землю Русскую, тогда ты и свою родину избавишь отъ сильнаго врага,—сама знаешь, сколько зла надѣлала Русь грекамъ: то же можетъ повториться и теперь, если не пойдешь туда; а если пойдешь, то получишь за это царство небесное и вѣчную память у людей".—Съ плачемъ разсталась добрая царевна съ братьями и, предавая себя волѣ Божіей, отправилась на кораблѣ въ Корсунь, гдѣ ждалъ ее женихъ. Съ нею поѣхалъ святитель Михаилъ съ священниками для крещенія Русскаго народа. Между тѣмъ, Владиміра постигло Божіе испытаніе: онъ разболѣлся глазами и совсѣмъ ослѣпъ. И сталъ онъ сомнѣваться въ святой вѣрѣ и говорилъ: „боги русскіе разгнѣвались на меня за то, что я хочу оставить ихъ, и наказываютъ меня". И онъ откладывалъ святое крещеніе. Но царевна послала ему сказать, „если хочешь выздоровѣть, то поскорѣе крестись: иначе не получишь исцѣленія". Князь послушалъ ея совѣта, и вотъ лишь только онъ вошелъ въ святую купель, и епископъ возложилъ на него руки,—онъ тотчасъ же прозрѣлъ.—„Теперь-то позналъ я Бога истиннаго!" воскликнулъ тогда великій Самодержецъ Россійскій, нареченный во святомъ крещеніи Василіемъ, и небесною радостію исполнилось его сердце. А чудо исцѣленія поразило его дружину и бояръ, и многіе изъ нихъ тогда же приняли святое крещеніе. Вскорѣ затѣмъ весело отпраздновали и свадьбу князя съ греческою царевной Анной.

Въ память своего крещенія Владиміръ построилъ въ Корсуни церковь; онъ возвратилъ городъ греческимъ императорамъ, взялъ оттуда мощи святаго Климента, папы Римскаго, и ученика его Фивы и съ торжествомъ возвратился съ молодою супругою въ свой стольный городъ Кіевъ. Съ нимъ прибыли сюда: митрополитъ Михаилъ, епископы и священники, которые привезли съ собою богослужебные сосуды и книги. Корсунскій епископъ, благословляя князя на путь, преподалъ

ему Символъ святой вѣры, съ пространнымъ изложеніемъ всего православнаго хрістіанскаго ученія, которое и принялъ Владиміръ, какъ завѣтъ отъ Церкви греческой для Церкви Русской. Первою заботою равноапостольнаго князя было окрестить всѣхъ своихъ двѣнадцать сыновей. Потомъ онъ приказалъ рубить и жечь идоловъ. Перуна, главнаго идола языческаго, онъ велѣлъ привязать къ лошадиному хвосту, стащить съ горы и бросить въ Днѣпръ. Двѣнадцать человѣкъ сопровождали идола и били желѣзными прутьями, а когда онъ поплылъ по рѣкѣ, то отталкивали его отъ берега. Это онъ сдѣлалъ, какъ объясняетъ лѣтописецъ, не потому, чтобы идолъ чуялъ удары, а на поруганіе бѣсу, который обольщалъ народъ идольскимъ служеніемъ, ибо и слово Божіе говоритъ, что *идолы языкъ бѣсове* (Псал. 95, 5). Суевѣрный народъ со слезами провожалъ по берегу истукана и кричалъ ему вслѣдъ: „выдыбай, боже!“ Но воины, по приказу Владиміра, отталкивали его и народъ видѣлъ, что его боги ничтожны и терялъ вѣру въ нихъ. Между тѣмъ, бояре и старѣйшины, единомышленные съ княземъ и уже принявшіе святое крещеніе, а также священники, прибывшіе съ княземъ, наставляли народъ въ новой вѣрѣ. Самъ Владиміръ появлялся среди народа и наставлялъ его своимъ княжескимъ словомъ. Наконецъ, онъ назначилъ день крещенія и наканунѣ разослалъ вѣстниковъ по всему городу: „кто назавтра не явится на рѣку, будь онъ богатый или бѣдный, старый или малый, тотъ будетъ считаться ослушникомъ воли княжеской.“ Кіевляне любили своего князя; давно знали о его намѣреніи перемѣнить вѣру, видимо ожидали такого распоряженія и разсуждали: „если бы новая вѣра не была лучше старой, то князь и бояре не приняли бы ея“.

И вотъ, на другой день открылось дивное, небывалое зрѣлище. Съ ранняго утра несчетныя толпы народа спѣшили на берега Днѣпра и его притока—Почайны; сюда же прибыли: митрополитъ Михаилъ съ духовенствомъ и самъ князь съ молодою супругою, съ дѣтьми и боярами. По берегу, въ разныхъ мѣстахъ, были устроены подмостки для духовенства, тысячи народа вошли въ воду: мужчины и женщины стояли особо въ рѣкѣ, гдѣ поглубже, дѣти—ближе къ берегу, а младенцевъ большіе держали на рукахъ. Священнослужители читали молитвы. Князь съ своимъ семействомъ и благородною дружиной въ тихомъ умиленіи молился за новыхъ хрістіанъ. Но вотъ, по данному знаку, всѣ, стоявшіе въ водѣ, трижды погрузились въ священныхъ волнахъ, и широкій, свѣтлый Днѣпръ сталъ русскимъ Іорданомъ—завѣтною купелью Руси святой... Что чувствовалъ въ эти святыя минуты равноапостольный нашъ князь Владиміръ? Можно ли описать тотъ восторгъ, ту несказанную радость, какая тогда наполняла его доброе, горячо любящее свой народъ сердце? Слезы умиленія блестѣли на его очахъ; онъ поднялъ руки къ небу и воскликнулъ: „Творецъ неба и земли! Благослови сихъ новыхъ дѣтей Твоихъ! Дай имъ познать Тебя, Бога истиннаго, и утверди вѣру ихъ!“

Такъ совершилось великое событіе—крещеніе Руси! Событіе, небывалое въ исторіи другихъ народовъ! Въ волнахъ Днѣпра погребена была навсегда Русь языческая и родилась новая Русь—хрістіанская, православная! Сбылось пророчество апостола Андрея первозваннаго: на горахъ Кіевскихъ возсіяетъ благодать Божія! Справедливо говоритъ

лѣтописецъ; въ сей день земля и небо ликовали. Это было въ 988 году, 1 августа.

IV.

Святое крещеніе называется въ словѣ Божіемъ „возрожденіемъ", тоесть, рожденіемъ въ новую благодатную жизнь. Новымъ человѣкомъ сталъ нашъ благовѣрный князь Владиміръ послѣ святаго крещенія. —„Господи" такъ говорилъ онъ въ чувствѣ благодарности къ Богу: „Господи! Былъ я какъ звѣрь, много худаго дѣлалъ, когда идоламъ кланялся; жилъ совсѣмъ по-скотски, но ты укротилъ меня,—слава Тебѣ, Господи!"

И въ самомъ дѣлѣ: пока онъ былъ язычникомъ, у него было много женъ и наложницъ, а когда сталъ хрістіаниномъ, то всѣхъ ихъ отпустилъ отъ себя, вступивъ въ бракъ съ греческою царевною. Въ язычествѣ онъ былъ жестокъ и мстителенъ къ своимъ врагамъ, а когда принялъ вѣру Хрістову, сталъ примѣромъ кротости и любви ко всѣмъ. И раньше онъ былъ добръ и ласковъ, но только къ своей дружинѣ и боярамъ, а теперь сталъ отцомъ роднымъ для всѣхъ бѣдняковъ: на его княжескомъ дворѣ они могли во всякое время получать пищу, одежду, деньги. Онъ покоилъ странниковъ, выкупалъ должниковъ, отпускалъ на свободу рабовъ. Мало и того ему было: „больные, думалъ онъ, не въ силахъ добраться до моего двора", и онъ приказывалъ развозить по улицамъ мясо, рыбу, хлѣбъ, квасъ и медъ для раздачи несчастнымъ бѣднякамъ. При церквахъ, по его приказанію, заводились пріюты для бѣдныхъ и больныхъ и странноприимительницы для паломниковъ (такъ въ старину называли странниковъ, ходившихъ въ святую землю ко святому граду Іерусалиму). Даже самыхъ отчаянныхъ злодѣевъ онъ боялся наказывать смертью и позволялъ имъ откупаться отъ наказанія *вирою*, тоесть, деньгами. Деньги тогда были очень дороги, и вира была тяжкимъ наказаніемъ; однакоже, съ отмѣною смертной казни, злодѣйства и разбои стали умножаться; въ народѣ послышались жалобы на то, что житья отъ злодѣевъ не стало; тогда пастыри Церкви вынуждены были указать князю Владиміру, что Богъ на то его и поставилъ, чтобы защищать добрыхъ людей отъ злодѣевъ и наказывать виноватыхъ. И онъ сталъ опять наказывать преступниковъ смертію, но съ большою осторожностію. Духовный чинъ онъ уважалъ и любилъ; въ праздничные дни у него всегда было три трапезы: первая для митрополита съ епископами, иноками и священниками; вторая для нищихъ, а за третьей садился самъ съ своей дружиной и боярами. До святаго крещенія онъ распространялъ свои владѣнія воинскимъ мечомъ, а теперь мирно жилъ съ сосѣдями, и только дикіе печенѣги вынуждали его по временамъ воевать съ ними. Съ великимъ смиреніемъ онъ совѣтовался съ святителями,—пишетъ объ этомъ митрополитъ Кіевскій Иларіонъ, — совѣтовался о томъ, какъ установить законъ хрістіанскій среди людей, недавно познавшихъ Господа. Забота о распространеніи святой вѣры православной между своими подданными была первымъ и главнымъ дѣломъ всей его жизни послѣ крещенія. Во многихъ странахъ на Западѣ, у латинскихъ и нѣмецкихъ народовъ, при насажденіи хрістіанства бывали долгія войны и кровопролитія, а насъ Господь избавилъ отъ сего властію нашего князя Владиміра, родною русскою

властію, которая была могуча не одною силою, но и доброю славою и любовью народною. Вездѣ, гдѣ стояли идолы, онъ повелѣлъ строить храмы Божіи. То было мудрое повелѣніе: народъ, привыкшій собираться на эти мѣста для моленій, теперь, послѣ крещенія, находилъ здѣсь хрістіанскіе храмы, въ коихъ слышалъ и службу Божію, и наставленіе къ новой вѣрѣ. На томъ холмѣ, гдѣ стоялъ Перунъ, онъ построилъ церковь Спаса Всемилостиваго, затѣмъ — въ честь своего Ангела святителя Василія Великаго, а на мѣстѣ мученической кончины св. Ѳеодора и Іоанна — каменную церковь въ честь Матери Божіей. Эта церковь была особенно благолѣпно украшена, и Владиміръ назначилъ въ ея пользу *десятую часть* своихъ княжескихъ доходовъ, отчего и названа она *десятинною*. Много заботился святой князь о томъ, чтобы въ храмахъ были книги богослужебныя на родномъ славянскомъ языкѣ. Къ счастію нашему, за сто лѣтъ до князя Владиміра. Священное Писаніе и богослужебныя книги были переведены съ греческаго на славянскій языкъ святыми братьями Кирилломъ и Меѳодіемъ для болгаръ, отъ которыхъ и привозили ихъ на Русь. Самъ князь подавалъ добрый примѣръ народу, усердно посѣщая въ воскресные и праздничные дни храмы Божіи и приглашая къ тому же своихъ бояръ и старѣйшинъ народныхъ. И радовался онъ душою, видя, что его родной народъ привыкаетъ чтить святые дни, и русскіе люди становятся добрыми хрістіанами. По волѣ, по примѣру и при помощи святаго князя по всей землѣ Русской строились храмы Божіи, распространялась вѣра православная, такъ что можно было съ радостью повторять восторженное слово святителя Иларіона: „крестъ освятилъ города!“

Но разумный князь видѣлъ, что для полнаго просвѣщенія новыхъ хрістіанъ недостаточно того наученія вѣрѣ, какое они слышали въ храмахъ Божіихъ въ воскресные и праздничные дни. Онъ хотѣлъ, чтобы русскіе люди могли сами читать и разумѣть священныя, церковныя и другія учительныя книги, чтобы въ Русской землѣ были свои, русскіе и епископы, и священники, и другіе служители Церкви; онъ хотѣлъ, чтобы русскіе люди учились всему доброму изъ хорошихъ книгъ и были разумными слугами своей родной земли. И онъ завелъ книжное ученіе прежде всего для своихъ дѣтей. И мы знаемъ, что сыновья князя Владиміра были хорошо обучены. Ярославъ, одинъ изъ старшихъ сыновей, зналъ не только славянскія, но и греческія книги. Святой Борисъ зналъ и могъ пѣть церковныя службы и псалмы на память и читывалъ житія святыхъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Глѣбомъ, который слушалъ такое чтеніе.

Мудрый князь приказалъ заводить школы и въ нихъ обучать боярскихъ дѣтей славянской и греческой грамотѣ, чтобы потомъ они могли быть священниками. Въ Кіевѣ было открыто училище, куда собирали мальчиковъ и изъ простого народа. Лѣтописецъ разсказываетъ, что неразумныя матери плакали, отдавая дѣтей въ школу, какъ будто разлучались съ ними на вѣки, „еще бо не бяху утвердилися вѣрою“, замѣчаетъ онъ. Плакали, но не могли противиться волѣ князя, которая и въ этомъ случаѣ послужила на добро русскимъ людямъ. Святители были первыми и ближайшими помощниками князя въ распространеніи книжнаго ученія, которое такимъ образомъ разрослось на всю Русь.

и скоро явились въ ней свои русскіе чтецы, пѣвцы, діаконы, священники и самые епископы, а также книжные люди изъ всѣхъ сословій мірянъ.

Заботясь о благоустроеніи православной Церкви, князь Владиміръ принялъ отъ грековъ „Кормчую", то-есть, книгу церковныхъ каноновъ и правилъ, которыя составлены св. апостолами и св. отцами на соборахъ вселенскихъ и помѣстныхъ. По примѣру греческихъ царей, онъ издалъ свой церковный законъ, по коему предоставилъ святителямъ вѣдать судомъ всѣхъ церковныхъ людей.

Привѣтливо и гостепріимно обходился князь Владиміръ съ чужими людьми и болѣе пригодныхъ изъ нихъ принималъ къ себѣ на службу; посылалъ и своихъ людей въ разныя хрістіанскія страны, чтобы повидали тамошніе обычаи и порядки и что́ найдутъ добраго и полезнаго, то перенимали бы и для Руси родной. Но одного не дозволялось приносить на Русь, ни своимъ, ни чужимъ: лжеученій, противныхъ вѣрѣ православной. Крѣпко держалъ онъ святую вѣру православную, и его державная воля была, чтобъ и весь народъ Русскій стоялъ въ ней непоколебимо во вѣки вѣковъ.

Въ 1015 году Владиміръ тяжко разболѣлся. Изъ 12-ти сыновей, княжившихъ въ разныхъ городахъ, при немъ никого не было. Его любимецъ Борисъ былъ посланъ съ дружиною отгонять дикихъ печенѣговъ. Глубоко скорбѣлъ святой князь въ разлукѣ съ дѣтьми, но всецѣло предавалъ и себя и сыновей своихъ, и всю дорогую ему Русь въ волю Божію. 15 іюля онъ мирно предалъ святую душу въ руки Божіи, въ любимомъ своемъ загородномъ дворцѣ, въ селѣ Берестовѣ. Съ горькимъ плачемъ проводилъ народъ его святое тѣло въ могилу, приготовленную въ построенной имъ Десятинной церкви рядомъ съ могилой его супруги княгини Анны.

Со времени князя Владиміра стала наша Русь „святою", православною: въ вѣрѣ православной наши предки обрѣли то святое благодатное сокровище, за которое беззавѣтно полагали они свою жизнь, за которую и нынѣ съ радостью идутъ на смерть наши воины хрістолюбивые.

Заключимъ свое повѣствованіе словами почти его современника митрополита Иларіона: „Помолися Господу, княже Владиміре, о землѣ твоей и о людяхъ, надъ которыми ты благовѣрно владычествовалъ!"...

V.

Празднуя 900-лѣтіе блаженной кончины великаго просвѣтителя земли Русской князя Владиміра, вмѣстѣ съ нимъ должно почтить святую память и его святыхъ сыновей-мучениковъ Бориса и Глѣба. Они воспріяли вѣнецъ мученическій вскорѣ послѣ кончины своего святого родителя. Это были его любимыя дѣти, рожденныя незадолго до его крещенія, и воспитались въ благочестіи, нетронутыя, заразою язычества, Борисъ, въ святомъ крещеніи Романъ, зналъ грамоту и прилежно читалъ книги, особенно житія святыхъ; а Глѣбъ, въ святомъ крещеніи Давидъ, любилъ слушать старшаго брата съ наслажденіемъ. Читая о страданіяхъ святыхъ мучениковъ, Борисъ обливался слезами и молился: „Господи Іисусе Хрісте, удостой меня участвовать въ святомъ произволеніи святыхъ Твоихъ, научи меня итти по ихъ слѣдамъ. Молю Тебя, Господи, да не увлечется душа моя суетою міра сего: просвѣти сердце мое, чтобы оно знало только Тебя и Твои заповѣди;

даруй мнѣ даръ, какой даровалъ Ты угодникамъ Твоимъ!"

Борисъ и Глѣбъ горячо любили отца своего, любили другъ друга и всегда были неразлучны въ дѣтствѣ. И отецъ далъ имъ удѣлы по сосѣдству: Борису—Ростовъ, а Глѣбу—Муромъ. Въ своихъ удѣлахъ они старались подражать добродѣтелямъ родителя: усердно распространяли святую вѣру, отличались правосудіемъ, кротостію, смиреніемъ, милосердіемъ къ бѣднымъ. Въ 1015 г. заболѣлъ князь Владиміръ, а на Русскую землю напали печенѣги. Отецъ вызвалъ изъ Ростова и послалъ противъ нихъ Бориса. Борисъ уже возвращался изъ этого похода, когда на берегу рѣчки Альты узналъ о смерти родителя. Это извѣстіе поразило его тяжкою скорбію: онъ горько плакалъ, говоря: „свѣтъ очей моихъ, батюшка! Не буду уже я теперь наслаждаться добрымъ ученіемъ и мудростью твоею!" Окружавшіе его предлагали ему выгнать старшаго брата Святополка изъ Кіева и занять престолъ отеческій, но святой Борисъ отвѣчалъ: „нѣтъ, не подниму я руки на брата старшаго; умеръ отецъ мой: пусть братъ будетъ вмѣсто отца". Но не такъ разсуждалъ старшій братъ: онъ рѣшилъ убить любимыхъ сыновей Владиміра, чтобы одному владѣть Русской землей, и вотъ, чтобы легче выполнить свой злой умыселъ, онъ звалъ Бориса въ Кіевъ, обѣщая ему лучшій удѣлъ. Былъ вечеръ субботы 24 іюля 1015 года. Добрые люди дали знать Борису, что къ нему подосланы убійцы. Со слезами молился онъ Богу до утомленія. Потомъ велѣлъ священнику пѣть утреню въ своемъ шатрѣ, самъ читалъ шестопсалміе и канонъ. Окончилась утреня, а онъ еще стоялъ предъ иконою и молился: „Господи! Ты пострадалъ за грѣхи наши; удостой и меня пострадать для Тебя. Умираю не отъ враговъ, а отъ родного брата: не поставь ему того въ грѣхъ!" Затѣмъ, причастившись Святыхъ Таинъ и простясь со всѣми, покойно легъ въ постель. Убійцы, какъ звѣри, ворвались въ шатеръ, пронзили Бориса копьемъ и, думая, что онъ мертвъ, вышли вонъ. Но рана не была смертельна: страдалецъ опомнился и вышелъ изъ шатра. Тогда одинъ изъ убійцъ ударилъ его копьемъ въ грудь. Вѣрный слуга его Георгій хотѣлъ прикрыть господина своего и былъ убитъ. Злодѣи отрѣзали ему голову, чтобы снять съ шеи золотую гривну, которою пожаловалъ его добрый князь. Святой Борисъ еще дышалъ, его завернули въ палатку и повезли къ Святополку. По приказанію брата-звѣря два варяга докончили убійство. Тайно привезли тѣло князя-мученика въ Вышгородъ и похоронили при церкви святого Василія.

Святополку мало было смерти одного брата. Онъ рѣшилъ убить и Глѣба. Дѣйствуя коварно, онъ послалъ къ Глѣбу гонца сказать: „иди скорѣе, отецъ тяжко боленъ и зоветъ тебя". Глѣбъ спѣшилъ въ Кіевъ. Онъ былъ близъ Смоленска, плывя на лодкахъ по рѣкѣ Смядынѣ, когда получилъ отъ старшаго брата Ярослава, княжившаго въ Новгородѣ, печальныя вѣсти, что отецъ умеръ, а братъ убитъ. Глѣбъ оплакалъ смерть отца, но еще больше горевалъ о братѣ, котораго нѣжно любилъ. „Не услышу я болѣе кроткихъ наставленій твоихъ, братъ мой любимый! Если получишь ты милость у Господа, моли Его, чтобы и я пострадалъ, какъ ты: лучше быть мнѣ съ тобою, чѣмъ въ этомъ зломъ мірѣ". Такъ говорилъ горюющій князь, познавшій суету временной жизни. Скоро встрѣтили его убійцы, посланные

Святополкомъ. Спутники Глѣба увидѣли ихъ и схватились за оружіе, чтобы защитить любимаго князя. Но Глѣбъ сказалъ имъ: „братцы! если мы не будемъ драться съ ними, то они возьмутъ только меня и поведутъ къ брату; если же вступимъ въ бой, то они всѣхъ насъ перебьютъ. Плывите къ берегу, а я останусь на срединѣ рѣки". Жаль было имъ оставить князя беззащитнымъ, но не смѣли ослушаться его приказанія: поплыли къ берегу съ слезами на глазахъ, озирались и ждали, что будетъ. Святый князь берегъ жизнь слугъ своихъ, а себя предалъ въ волю Божію. Убійцы остановили его лодку и взялись за оружіе. Напрасно Глѣбъ говорилъ имъ, что ни въ чемъ не виноватъ предъ братомъ: свирѣпый Горясѣръ закричалъ повару князя: „бери ножъ и зарѣжь господина, иначе погибнешь самъ!" Поваръ, родомъ изъ торковъ, — не такъ, какъ вѣрный слуга Борисовъ Георгій, — вынулъ ножъ, взялъ князя за шею, чтобы отнять жизнь. Глѣбъ молчалъ, всею душою предавая себя Господу. И торчанинъ закололъ своего господина, какъ кроткаго агнца, перерѣзавъ ему горло... Это было 5 сентября 1015 г. Тѣло святаго убійцы вынесли изъ лодки и бросили между колодами въ глухомъ лѣсу. Послѣ смерти святыхъ страдальцевъ послѣдовало кровавое волненіе по всей Россіи. Святополкъ убилъ еще брата Святослава и вступилъ въ отчаянную борьбу съ Ярославомъ. Четыре года обливалъ онъ родную землю кровью. Наконецъ, въ 1019 г. встрѣтился онъ съ братомъ Ярославомъ на берегахъ Альты, на мѣстѣ страшнаго братоубійства. Ярославъ молился и сказалъ: „кровь невиннаго брата моего вопіетъ ко Всевышнему!" Долго длилась упорная битва, наконецъ братоубійца обратился въ бѣгство. Терзаемый тоскою, гонимый гнѣвомъ небеснымъ, подобно древнему братоубійцѣ Каину, онъ безпрестанно слышалъ за собою мнимую погоню, бѣжалъ чрезъ Польшу въ пустыни Богемскія и тамъ кончилъ свою гнусную жизнь, заслуживъ проклятіе современниковъ и прозваніе „окаяннаго".

А Ярославъ занялъ престолъ Кіевскій. Прежде всего онъ захотѣлъ отдать послѣдній долгъ страдальцамъ братьямъ. О мѣстѣ погребенія св. Бориса онъ узналъ скоро, но цѣлый годъ искали останки св. Глѣба. Только въ 1020 г. тѣло его случайно найдено въ лѣсу звѣроловами, перевезено въ Вышгородъ и погребено подлѣ св. Бориса. Пять лѣтъ лежало оно на открытомъ воздухѣ и нимало не повредилось отъ перемѣнъ воздушныхъ; ни птицы, ни звѣри плотоядные не коснулись его; ово было бѣло и цвѣло нетлѣніемъ, какъ живое. Скоро Господь прославилъ мучениковъ многими чудесными исцѣленіями и знаменіями, и святая Церковь причислила ихъ къ лику страстотерпцевъ.

277.

Слово правды нашимъ патріотамъ-антисемитамъ.

Давно совѣсть требовала сказать слово правды по адресу нашихъ почтенныхъ патріотовъ въ защиту святой Библіи... Да, приходится не просто сказать, а крикнуть нѣкоторымъ изъ нихъ: „не касайтесь Библіи, не трогайте нашего Священнаго Писанія, въ которомъ мы, вѣ-

рующіе, видимъ и знаемъ только слово Божіе!"

Въ самомъ дѣлѣ: возьмешь въ руки патріотическую газету и едва ли не въ каждомъ номерѣ читаешь о возмутительныхъ, измѣнническихъ продѣлкахъ іудеевъ, объ ихъ продажности, жестокости и другихъ качествахъ, и тутъ же, какъ бы на справку, приводятся факты изъ ветхозавѣтной исторіи, въ подтвержденіе того, что и всегда они таковы были, начиная съ праотца Авраама... Не щадятъ наши патріоты ни Авраама, котораго Апостолъ называетъ „другомъ Божіимъ", ни Давида, котораго Церковь называетъ „Богоотцемъ", то-есть праотцемъ Самого Господа Іисуса Христа, ни другихъ великихъ патріарховъ и святыхъ мужей Ветхаго Завѣта, которыхъ наши ревностные антисемиты не стѣсняются ставить въ одинъ рядъ съ современными „жидами" и приписывать имъ тѣ же качества, какія наблюдаются въ современныхъ, Богомъ отверженныхъ іудеяхъ. Сказать правду: страшно становится за этихъ почтенныхъ людей, пускающихся въ море толкованія Писаній безъ кормчаго и позволяющихъ себѣ дерзновенно обращаться съ священнымъ Писаніемъ какъ съ самою обыкновенною книгою. Нельзя, рѣшительно нельзя древнихъ евреевъ мѣрить мѣркою современныхъ жидовъ. Нельзя, грѣшно такихъ мужей священной древности, какъ пророкъ Давидъ, патріархъ Авраамъ и другіе, судить по Талмуду, о коемъ еще тогда и помысла ни у кого не было. Что современный, самъ себя отдавшій подъ клятву жидъ творитъ по Талмуду, во имя ненависти ко Христу и христіанамъ, того нельзя брать мѣркою дѣйствій упомянутыхъ мужей. Это было бы по меньшей мѣрѣ грѣхомъ средняго Ноева сына, если бы даже примѣнять къ нимъ мѣру новозавѣтнаго духа Писаній; но вѣдь надо помнить, что Ветхій Завѣтъ есть только тѣнь Новаго, что великіе мужи того завѣта суть младенцы въ духовномъ отношеніи въ сравненіи съ новозавѣтными, коимъ Богъ не въ мѣру даетъ Духа. Вѣдущій естества нашего немощи Господь въ Ветхомъ Завѣтѣ снисходилъ многому, чего не разрѣшаетъ въ Новомъ. Тогда было и многоженство, и наложничество; тогда и строгій, по нашимъ понятіямъ, законъ мести: „зубъ за зубъ, око за око", былъ въ сущности лишь ограниченіемъ жестокости нравовъ человѣческихъ: позволяется тебѣ отомстить око за око, зубъ за зубъ, но отнюдь не смѣй, не позволяй себѣ больше сего, не вырывай оба глаза за одинъ, не выбивай два зуба за одинъ...

А наши публицисты забываютъ все это и произносятъ свой строгій судъ на мужей древности по мѣрѣ нашей современности. Вотъ тому самый послѣдній примѣръ (а такихъ примѣровъ и не сочтешь). Въ Петроградѣ былъ устроенъ Союзомъ Русскаго Народа патріотическій вечеръ. Говорились рѣчи, очень дѣльныя и очень одушевленныя. Одинъ почтенный ораторъ, членъ Государственной Думы, извѣстный патріотъ и одинъ изъ вождей Союза, характеризуя германцевъ, указалъ на ихъ безбожнаго лжефилософа Ницше, какъ на предтечу антихриста, и сказалъ, что, объявивъ войну, они пошли со своимъ „старымъ богомъ" впереди. „Этотъ богъ, продолжалъ ораторъ, очень похожъ на стараго іудейскаго бога, бога талмуда, диктовавшаго іудеямъ тѣ пути, по которымъ слѣдуютъ теперь германцы. Въ книгѣ Царствъ, въ Библіи, описанъ поступокъ древнихъ іудеевъ съ аммони-

тянами: „а народъ, бывшій въ Раввѣ, онъ (кто—онъ? Ораторъ намѣренно умолчалъ по понятнымъ причинамъ, — это былъ самъ царь Давидъ) вывелъ и положилъ ихъ подъ пилы, подъ желѣзныя молотилки, топоры и бросилъ ихъ въ обжигательныя печи". Такъ воюютъ съ нами теперь германцы, взявшіе себѣ въ союзники іудейскій народъ, а въ покровители стараго іудейскаго бога.

Конечно, съ точки зрѣнія нашихъ современныхъ хрістіанскихъ понятій о гуманности, царь Давидъ поступилъ очень жестоко. Но пророкъ-бытописатель, разсказывая о такой жестокости, говоритъ о ней спокойно, потому что въ тѣ времена такія жестокости были обычнымъ явленіемъ у всѣхъ тогдашнихъ народовъ; притомъ евреи смотрѣли на всѣхъ идолопоклонниковъ какъ на враговъ Божіихъ, имъ было заповѣдано Богомъ совсѣмъ истреблять нѣкоторые народы, населявшіе землю имъ обѣтованную. Полторы тысячи лѣтъ назадъ блаженному Ѳеодориту, епископу Киррскому, предлагали вопросъ: за что Давидъ подвергъ столь тяжкимъ казнямъ аммонитянъ? И святитель отвѣчалъ: „должно помнить, какъ поступали они (аммонитяне) съ израильтянами, выкалывая имъ правый глазъ. Пророки извѣщаютъ и о другихъ жестокостяхъ ихъ. Посему понесли они наказаніе, равное своимъ злодѣяніямъ" [1]). Въ другомъ мѣстѣ тотъ же святитель объясняетъ, что выколоть правый глазъ значитъ сдѣлать человѣка совершенно неспособнымъ къ битвѣ, потому что во время битвы лѣвый глазъ обычно закрывался щитомъ, держимымъ лѣвою рукою. Какъ видите, блаженный Ѳеодоритъ не такъ строго относится къ царю Давиду, какъ нашъ ораторъ-патріотъ. Но суть не въ томъ еще. Талмуда при Давидѣ еще не было. И Богъ временъ Давида есть не богъ талмуда, а тотъ же истинный Богъ, въ Котораго и мы вѣруемъ. Не видно изъ повѣствованія, чтобы Давидъ поступилъ въ данномъ случаѣ по какому-либо особому повелѣнію Божію; можетъ быть, онъ просто слѣдовалъ обычаямъ своего времени, которые не считалъ противными и волѣ Божіей, ибо не могъ онъ забыть повелѣній Божіихъ, данныхъ Моисею и Іисусу Навину—истреблять идолопоклонническіе народы съ лица земли Обѣтованной.

Православные богословы, такіе, какъ митрополитъ Филаретъ, въ своихъ толкованіяхъ на Ветхій Завѣтъ никогда не позволяютъ себѣ такихъ дерзновенныхъ сужденій въ отношеніи событій, записанныхъ въ Библейскихъ каноническихъ книгахъ, какіе позволяютъ себѣ современные публицисты; богословы помнили, что имѣютъ дѣло съ священными книгами, что дѣло касается временъ давно минувшихъ, когда были другія отношенія, другія мѣрки, другое міровоззрѣніе, обусловливаемое тогдашнимъ состояніемъ умственнаго и нравственнаго развитія человѣчества. У нихъ, этихъ богослововъ, надо бы поучиться и нашимъ публицистамъ, особенно патріотамъ, а не итти за нѣмцами тюбингенской школы, которые не только отвергаютъ всякую богодухновенность Библіи, но и отрицаютъ историческую подлинность священныхъ книгъ, и достовѣрность самыхъ событій, въ нихъ записанныхъ. Вѣдь не хочется думать, что наши патріоты совсѣмъ расходятся въ своихъ взглядахъ на Библію съ нашими пастырями Цер-

[1]) Творенія бл. Ѳеодорита, ч. I, стр. 332, по 2-му изданію.

кви православной, которые смотрятъ на сіи книги очами вѣры и Церкви и не позволяютъ себѣ считать сіи книги простымъ человѣческимъ писаніемъ. Патріоты наши должны помнить, что вѣдь они стоятъ за вѣру православную, а стало быть за Церковь православную, и ихъ долгъ—прислушиваться къ голосу родной Церкви, если только они не считаютъ себя умнѣе Церкви, если хотятъ оставаться ея вѣрными чадами. Иначе—она не нуждается въ ихъ защитѣ и не можетъ дать имъ своего благословенія на ихъ дѣятельность...

Я привелъ только одинъ примѣръ такъ сказать нецерковнаго отношенія нашихъ публицистовъ-патріотовъ къ Библіи. Говорю о патріотахъ потому, что отъ нихъ-то надо бы ожидать совсѣмъ иного отношенія: о не-патріотахъ, о вольномыслящихъ, не стоитъ и говорить. Къ сожалѣнію, и патріоты наши пишутъ не случайныя только статьи въ газетахъ, не въ рѣчахъ только проявляютъ такое легкомысленное отношеніе къ Библіи, но и пишутъ цѣлыя книги, полагая въ основаніе тѣ же начала нѣмецкаго вольнодумнаго отношенія, какія проявляются въ ихъ рѣчахъ. Есть очень серьезное сочиненіе одного почтеннаго знатока еврейскаго вопроса, большая и дорогая книга, вся проникнутая тѣмъ же духомъ отрицанія къ историческимъ даннымъ ветхозавѣтныхъ книгъ, не говорю уже объ ихъ богодухновенности... Происходитъ все это оттого, что не хотятъ положить рѣзкой, самимъ Богомъ положенной грани между ветхозавѣтнымъ іудеемъ и современнымъ намъ жидомъ, потомкомъ распинателей и заклятымъ врагомъ нашего Господа Іисуса Христа. Предки современныхъ жидовъ сами призвали на себя грозную клятву, когда кричали Пилату: „кровь Его на насъ и на чадахъ нашихъ!“ Отверженные Богомъ, они измыслили свою богохульнѣйшую книгу талмудъ и наполнили ее клеветами на Самого Господа Бога. Иначе, какъ клеветами на Господа нельзя назвать тѣ вымыслы, какіе читаются въ этой книгѣ. Вотъ примѣръ: Господь три часа въ сутки плачетъ объ Іерусалимѣ, три часа играетъ съ левіаѳаномъ, три часа обдумываетъ судьбы своего народа и т. д... Что это какъ не хула на Величіе Божіе? И могъ ли такъ думать ветхозавѣтный іудей, пока онъ не былъ отверженъ Богомъ? Сказалъ нѣкогда Господь Свое грозное слово, Свой приговоръ надъ богоотступнымъ народомъ: *се оставляется вамъ домъ вашъ пустъ!* И свершилось слово сіе, благодать Божія отступила отъ народа богоубійцъ, и мѣсто ея занялъ человѣкоубійца искони, діаволъ, и подмѣнилъ имъ Библію талмудомъ, подмѣнилъ истинное понятіе о Богѣ крайне уродливымъ представленіемъ, съ которымъ не мирится простой человѣческій разумъ. И даже доселѣ лежитъ покрывало на ихъ сердцахъ, какъ пишетъ апостолъ Павелъ, и закрываетъ предъ ними истинный смыслъ Ветхаго Завѣта, когда они читаютъ сіи книги. Здравый разумъ человѣческій какъ-то не мирится, чтобы умный, развитый іудей могъ вѣрить всѣмъ тѣмъ баснямъ, коими наполненъ талмудъ. Къ несчастью для іудеевъ, ихъ болѣе интеллигентные, болѣе развитые люди вмѣсто того, чтобы спокойно провѣрить свои вѣрованія съ ученіемъ Христовымъ, бросаются въ ученія безбожныя, построенныя на началахъ грубаго матеріализма и полнаго отрицанія духовнаго міра, теряютъ вѣру во всякія нравственные принципы, всецѣло отдаваясь мечтамъ

о всемірномъ владычествѣ и заражая тѣмъ же своихъ соплеменниковъ, менѣе развитыхъ, но фанатически вѣрующихъ въ идею всемірной власти своего мессіи. Іудеямъ-интеллигентамъ выгодно держать своихъ сородичей въ ихъ заблужденіи, такъ какъ они являются вѣрнѣйшими слугами ихъ въ достиженіи поставленной ими цѣли. Кто хочетъ подробнѣе ознакомиться съ этимъ всемірнымъ заговоромъ противъ хрістіанства, тотъ пусть прочтетъ хотя бы знаменитые „Протоколы“ масонскихъ мудрецовъ [1])— этотъ геніальный планъ завоеванія всего міра іудеями. Весь міръ опутанъ ихъ сѣтями. И въ числѣ средствъ къ разрушенію хрістіанства они не пренебрегаютъ и подрывомъ авторитета самой Библіи: вѣдь что такое эта книга для ихъ „ученыхъ“, потерявшихъ вѣру во все духовное, отдающихъ всѣ силы своего ума, всѣ матеріальныя средства, всю душу служенію одной цѣли—покоренію міра жидовскому племени и его ожидаемому царю-мессіи—антихрісту?..

Вотъ что хотѣлось мнѣ сказать нашимъ патріотамъ, нежелающимъ руководствоваться взглядами Церкви на священныя книги Ветхаго Завѣта и тѣмъ—надо правду сказать—отталкивающимъ насъ, служителей Церкви отъ близкаго сотрудничества въ борьбѣ съ врагами Церкви и родной нашей православной Россіи...

278.

Одинъ изъ способовъ отравленія ядомъ сектантства.

Враги святой православной Церкви не дремлютъ. Слѣдуя примѣру и завѣтамъ своего семитысячелѣтняго, нестарѣющаго, впрочемъ, злобнаго и коварнаго „старца“ - наставника, они воюютъ противъ Церкви и десными и шуими. Какъ тотъ, еще въ раю, успѣлъ обольстить нашихъ праотцевъ легкимъ средствомъ— быть *яко бози*, такъ и они соблазняютъ сыновъ Церкви, обѣщаніемъ легкихъ способовъ спасенія. Ихъ главная цѣль — подорвать довѣріе къ Церкви, увлечь неопытную душу въ дебри самочиннаго мудрованія въ многотрудномъ дѣлѣ разумѣнія Священнаго Писанія, а тамъ они уже изловятъ ее въ свои сѣти и будутъ постепенно отравлять ее пагубными лжеученіями, по каплямъ вливая ядъ вражды къ матери— Церкви. Это обычный пріемъ всѣхъ сектантовъ.

Еще древніе язычники подмѣтили, что „капля долбитъ камень не силою, а частымъ паденіемъ“. А въ наше время придаютъ большое значеніе гемеопатіи. Думаютъ, что чѣмъ микроскопичнѣе доза, тѣмъ глубже проникаетъ въ клѣточки организма, тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ лѣкарство. Враги Церкви не пренебрегаютъ и старыми, и новыми теоріями, лишь бы достигнуть своей цѣли. Приходится считаться со всѣмъ этимъ и вѣрнымъ сынамъ родной Церкви, особенно ея пастырямъ. Такъ недавно появился „ежемѣсячникъ“, цѣною всего 20 к. въ годъ, а въ розницу 2 к. Редакція обѣщаетъ и совсѣмъ даромъ высылать всѣмъ

[1]) Протоколы между прочимъ напечатаны въ книгѣ Нилуса: „Великое въ маломъ“, ч. II, „Близъ грядущій антихрістъ“.

желающимъ какія-то брошюры или отдѣльно изданныя статьи духовнаго содержанія. Какіе, подумаешь, благодѣтели! Да и цѣль-то изданія поставлена, повидимому, самая высокая: легко сказать — толкованіе Священнаго Писанія! Дѣло, кажется, ведется опытнымъ сектантомъ. Онъ еще не нападаетъ прямо на Церковь: онъ только совершенно замалчиваетъ ее. На 16 столбцахъ текста—ни единаго упоминанія о Церкви: какъ будто ея вовсе нѣтъ и ей никакого дѣла нѣтъ до „изслѣдованія Священнаго Писанія". На первой страницѣ статья какъ будто самаго невиннаго содержанія: „Бытіе Всевышняго премудраго Творца доказано". Въ подзаголовкѣ говорится о „внѣ библейскихъ доказательствахъ въ свѣтѣ знанія и разумѣнія, о разумномъ воззрѣніи, о сущности Бога (?!)"... Въ содержаніи самой статьи—общія мѣста, которыя можно читать въ любомъ курсѣ такъ называемаго „Основного Богословія", хотя въ курсахъ и дѣло излагается обстоятельнѣе, и языкъ грамотнѣе. Но начиная со второй страницы ядъ уже начинаетъ вливаться въ душу читателя и „благодѣтели"—издатели выдаютъ свой обликъ. Въ статьѣ: „Катастрофы и почему Богъ ихъ попускаетъ" говорится, что „отъ нѣкоторыхъ обмановъ, унаслѣдованныхъ отъ темныхъ вѣковъ суевѣрія и ослѣпленія, человѣчество освободилось и *со времени реформаціи* значительно прояснились нѣкоторыя стороны промысла или плана Божія, но въ общемъ осталось еще много глубокой тьмы". Дальше уже открыто выступаетъ ученіе адвентистовъ о тысячелѣтнемъ царствѣ Христовомъ на землѣ, о томъ, будто „темное средневѣковье изобрѣло будущую жизнь въ вѣчныхъ мученіяхъ", что „это ученіе цѣликомъ-де противорѣчитъ слову Божьему и есть явная клевета на Бога", есть „плодъ воображенія, неимѣющій подъ собой почвы Писанія" и прочіе неумные глаголы... Почему-то разъ пять-шесть повторяется, что міръ существуетъ шесть тысячъ лѣтъ, тогда какъ по принятому лѣтосчисленію Библіи теперь уже близко къ половинѣ восьмой тысячи. Редакція говоритъ, что всѣ статьи „являются отрывками изъ громаднаго сочиненія „Лекціи по Священному Писанію", пріобрѣтшему въ настоящее время всеобщую извѣстность въ христіанскомъ мірѣ, доказательствомъ чего служатъ многочисленные переводы на разные языки", слѣдуетъ перечень этихъ языковъ (до 13-ти), но странно: умалчивается главное, да чье же это сочиненіе? А судя по содержанію и изложенію, если и есть какой-то таинственный авторъ сего сочиненія, то сидитъ онъ въ редакціи листка, о коемъ у насъ сейчасъ идетъ рѣчь, и никому не было нужды его переводить: такъ бездарно его произведеніе... Впрочемъ, писалъ или переводилъ во всякомъ случаѣ не русскій человѣкъ: это доказываютъ такія выраженія, какъ напримѣръ: „зло допущено для того, чтобы при его посредствѣ достигнуть болѣе великаго спасенія"; „выполненіе собственныхъ замысловъ Бога"; познаніе добра и зла *какъ элементъ подобія человѣка къ Творцу*" и т. п. Русскому человѣку просто не додуматься до такихъ выраженій. Чье же это дѣло? Кому нужно блазнить простыхъ людей всякими ересями и лжетолкованіями слова Божія? Нѣтъ нужды долго искать этихъ непрошенныхъ радѣтелей духовнаго развращенія православной души: это все тѣ-же сектанты - союзники нѣмцевъ, отъ нихъ получающіе и средства на это, ибо смѣшно говорить о какой-то

подпискѣ въ 20 коп. за 12 №№, которыхъ одна пересылка бандеролью стоитъ 24 коп...

Я не сталъ бы говорить о такомъ ничтожномъ листкѣ, какъ тотъ, о коемъ говорю. Но въ томъ-то и опасность, что онъ можетъ проникнуть именно благодаря своей дешевизнѣ (2 коп. за №) въ каждую деревенскую хату, а извѣстно, какъ нашъ народъ довѣрчиво относится къ печатному слову, особенно когда на строкахъ видитъ святыя для него слова: „Священное Писаніе“, „Богъ“, „спасеніе души“ и проч. Къ великому сожалѣнію, нашъ простой народъ мало знакомъ съ ученіемъ своей родной Церкви, не привыкъ обращаться съ книгами Священнаго Писанія, не всегда найдется сообразить, напримѣръ, что какъ же можно опровергать ученіе о вѣчныхъ мученіяхъ грѣшниковъ, когда Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ ясно и непреложно говоритъ въ Своемъ пророчествѣ о страшномъ Судѣ Своемъ: „и идутъ сіи въ муку вѣчную, праведницы же въ животъ вѣчный“? Если нельзя перетолковать слово „животъ вѣчный“ въ смыслѣ „жизнь временная“, то вѣдь слово это стоитъ рядомъ съ словомъ „мука вѣчная“ и ужъ никакъ нельзя истолковать въ смыслѣ какой-то муки срочной, временной. А безсовѣстный—иначе не умѣю назвать—авторъ листка утверждаетъ, будто ученіе о вѣчныхъ мученіяхъ есть „плодъ воображенія, возникшій исключительно благодаря ложнымъ воззрѣніямъ темныхъ среднихъ вѣковъ“!

Въ наше печальное въ духовномъ отношеніи время дѣльныхъ, хорошихъ книгъ почти не читаютъ. Я не говорю о беллетристикѣ: романы и повѣсти писателей извѣстнаго типа, потворствующаго страстямъ человѣческимъ, молодежь поглощаетъ большими томами. Но отъ такого чтенія молодые люди не становятся вдумчивѣе, не зрѣютъ ни въ умственномъ, ни въ нравственномъ отношеніи. Даже такъ называемые толстые журналы разрѣзаются главнымъ образомъ только на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть повѣсть или разсказъ. Читаютъ и отдѣлъ политики, но это ужъ—не книга, а скорѣе та же газета, та же злоба дня, которая нынѣ положительно убиваетъ и книгу, и дѣльный журналъ. Быстрое сообщеніе по желѣзнымъ путямъ, почта, телеграфъ, телефонъ — совсѣмъ отучили насъ отъ столь потребной въ жизни добродѣтели терпѣнія, отъ усидчивости въ трудѣ, въ мысли, въ работѣ ума. Въ столицахъ не довольствуются уже утренней газетой: ждутъ вечерней, которая иногда выходитъ даже два раза вечеромъ... До книгъ ли тутъ? До вдумчиваго ли размышленія? Ловятъ новости на лету, не провѣряя ихъ, хватаютъ все, что ни поднесетъ имъ „редакція“. А редакціи, какъ извѣстно, захвачены въ плѣнъ въ огромномъ большинствѣ невѣрами, чаще—врагами Церкви, явными и тайными... Это страшно понижаетъ умственный уровень массы средняго класса читателей: они просто становятся не способными прочитать болѣе или менѣе дѣльную статью, написанную научнымъ, хотя бы общедоступнымъ языкомъ. Какъ ни прискорбно это явленіе, но съ нимъ нельзя не считаться. Вотъ враги Церкви и считаются. Они не задумываются распространять свой ядъ и въ формѣ той же газеты, къ какой такъ привыкъ современный читатель. Копѣечный листокъ скорѣе попадетъ въ руки простеца, скорѣе имъ прочтется, а прочтется—что нибудь да въ душѣ и останется, посѣется нѣкая мысль, которая остановитъ на себѣ вниманіе человѣка, а если это будетъ

повторяться часто, то мысль эта пуститъ и ростокъ, укрѣпится въ умѣ, спустится въ сердце, гдѣ легко найдетъ себѣ благопріятную почву въ страстяхъ, насъ обуревающихъ, и вотъ—искушеніе готово... А враги Церкви умѣютъ всегда придать авторитетный тонъ своимъ ложнымъ положеніямъ: смотрите, напримѣръ, съ какою увѣренною авторитетностью говоритъ хотя бы этотъ адвентистъ въ своемъ летучемъ листкѣ о томъ, будто ученіе о вѣчныхъ мученіяхъ „цѣликомъ противорѣчитъ слову Божію“ и „обезчещиваетъ“ Бога! Онъ даже „не желаетъ распространяться“ съ цѣлію опроверженія ученія Церкви о семъ предметѣ: все де и безъ опроверженія такъ ясно, что только развѣ глупецъ не пойметъ нелѣпости такого ученія! И вотъ простецъ, самъ того не замѣчая, глотаетъ ядъ и отравляетъ себя еретическимъ мнѣніемъ...

Но всякій ядъ имѣетъ свое противоядіе. Апостолъ Павелъ говоритъ о себѣ: *всѣмъ быхъ вся, да всяко нѣкія спасу.* Онъ примѣнялся ко всякому возрасту, положенію, воспитанію своихъ слушателей. Его примѣръ для насъ — священный завѣтъ. Мы, пастыри Церкви, должны принимать во вниманіе все, что творится вокругъ насъ, и когда наша совѣсть не только не препятствуетъ, но и соизволяетъ, такъ сказать — благословляетъ насъ,— должны бороться съ врагами Церкви ихъ же оружіемъ. Я разумѣю тѣ средства, которыя въ нравственномъ отношеніи совершенно безупречны. Пусть ложь, обманъ, недобросовѣстное отношеніе къ слову Божію будетъ ихъ, враговъ Церкви, какъ бы привилегіей, если они того хотятъ: мы должны съ ними бороться оружіями чистыми, хотя, по слову Апостола, сіи оружія могутъ быть и десными и шуими.

Позволю себѣ сослаться на свой личный опытъ. 36 лѣтъ я издаю „Троицкіе Листки“ и видѣлъ много опытовъ воздѣйствія благодати Божіей чрезъ это малое, такъ сказать микроскопическое средство въ дѣлѣ спасенія людей, еще непотерявшихъ совѣсть. Нѣкоторые случаи описаны мною въ моей книжкѣ: „Чѣмъ жива наша русская православная душа“. Да и каждый добрый пастырь найдетъ въ своей памяти подобные случаи.

Отсюда выводъ: въ противовѣсъ сектантскимъ листкамъ въ видѣ газеты, потребно издавать противосектантскіе листки, какъ опровергающіе заблужденія сектантовъ, такъ и обосновывающіе ученіе православной Церкви. И эту святую задачу должны взять на себя Совѣты при Святѣйшемъ Сунодѣ—Миссіонерскій и Издательскій.

279.

Новый Сеннахиримъ и новые ассиріяне.

Великій святитель Московскій митрополитъ Филаретъ говорилъ: „изобрѣтатъ орудія, усиливающія убійства и гибель, конечно, не ангелы помогаютъ“.

А вотъ Вильгельмъ и его сотрудники думаютъ иначе. Въ приказѣ германскаго штаба по войскамъ говорится: „Самъ Богъ съ нами и за насъ. Борясь съ цѣлымъ міромъ, мы волею Его получили въ руки новое могучее оружіе—газы, кото-

рыми мы побѣдили враговъ. Могущество и господство великой Германіи надъ Европой является единственною цѣлію нашей германской борьбы, а потому мы ни передъ чѣмъ не должны останавливаться и должны бороться до окончательной, уже обезпеченной, побѣды. Не пройдетъ и двухъ мѣсяцевъ, какъ враги наши будутъ разбиты".

Приказъ оканчивается обращеніемъ къ солдатамъ не жалѣть русскихъ, ибо они—будто бы—издѣваются и убиваютъ нѣмецкихъ плѣнныхъ.

Какъ видитъ читатель, нѣмцы уже клевещутъ на Самого Бога, будто Онъ далъ имъ новое оружіе—удушливые газы. И клевещутъ—богохульно. Это „новое оружіе" есть предательскій, осужденный и воспрещенный международными соглашеніями пріемъ войны, какъ массовое отравленіе противника. Утверждать, будто „Самъ Богъ" открылъ нѣмцамъ это средство—не значитъ ли богохульствовать? Нѣтъ, не Богъ, а нѣкто другой—врагъ Божій, этотъ союзникъ нѣмцевъ, открылъ имъ новое оружіе для безпощаднаго истребленія людей.

Хулилъ нѣкогда Господа Бога ассирійскій завоеватель Сеннахиримъ, угрожая царю Езекіи уничтоженіемъ Іерусалима. — „Пусть не обманываетъ тебя Богъ твой, на котораго ты уповаешь, писалъ онъ Езекіи, — не уцѣлѣть тебѣ". — „И взялъ Езекія письмо изъ руки пословъ, повѣствуетъ священный писатель, и пошелъ въ домъ Господень, и развернулъ его Езекія предъ лицемъ Господнимъ, и молился, и говорилъ: Господи Боже Израилевъ, сѣдящій на Херувимахъ! Ты одинъ—Богъ всѣхъ царствъ земли, Ты сотворилъ небо и землю. Открой, Господи, очи Твои и воззри, и услышь слова Сеннахирима, который поноситъ Тебя, Бога Живаго! Спаси насъ отъ руки его, и узнаютъ всѣ царства земли, что Ты, Господи, Богъ одинъ"... И услышалъ Господь жалобу благочестиваго царя и послалъ къ нему слово Свое чрезъ пророка Исаію: „то, о чемъ молился ты противъ Сеннахирима, Я услышалъ. Вотъ слово, которое Господь изрекъ о немъ: за твою дерзость противъ Меня Я вложу кольцо Мое въ ноздри твои, удила Мои въ ротъ твой, и возвращу тебя назадъ тою же дорогою, которою пришелъ ты!".. „И случилось въ ту ночь, говоритъ священная книга Царствъ: пошелъ Ангелъ Господень и поразилъ въ станѣ ассирійскомъ сто восемьдесятъ пять тысячъ. И встали поутру, и вотъ все тѣла мертвыя" (4 Цар. гл. 19).

Гордыня сатанинская вскружила головы нѣмцамъ. Они воображаютъ уже, что „побѣда надъ всею Европою имъ обезпечена" этими газами, что Господь Богъ съ ними и за нихъ. Но мы вправѣ, подобно Езекіи, пожаловаться на нихъ Господу Богу, „показать предъ лицемъ Божіимъ" ихъ богохульство и смиренно просить Божіей помощи. И дерзаемъ вѣровать, что Господь не оставитъ насъ. Мы не знаемъ, когда кончится это великое испытаніе нашей вѣры. Но молитва вдовъ и сиротъ нашихъ воиновъ, молитва всей Церкви Православной сильнѣе газовъ и 54-дюймовыхъ мортиръ нѣмецкихъ, и Господь силенъ послать вѣтры Свои и обратить газы на враговъ нашихъ и уничтожить всѣ ихъ злоухищренія [1]). Сіи на колесницахъ, и сіи на конехъ,—они на

[1]) Газеты сообщаютъ, что уже были случаи, когда вѣтеръ направлялъ страшное облако на самихъ отравителей и уничтожалъ ихъ поголовно, а наши воины видѣли въ томъ великую правду Божія возмездія.

цеппелинахъ, они съ удушающими газами, съ своею звѣрскою неукротимою жестокостью, а мы съ упованіемъ на милость Божію и заступленіе Матери Божіей и святыхъ угодниковъ, нашихъ молитвенниковъ предъ Престоломъ Божіимъ.

Дерзайте убо, дерзайте, людіе Божіи; ибо Той побѣдитъ враги, яко всесиленъ!...

280.

Русь подъ крестомъ.

Святая Русь—подъ тяжкимъ крестомъ... Стомилліонный православный Русскій народъ смиренно склоняетъ свои рамена подъ этотъ крестъ съ молитвою: „да будетъ воля Твоя, Господи“. Не впервые нести ему такой крестъ, его исторія есть исторія постояннаго крестоношенія. И онъ знаетъ, гдѣ источникъ благодатныхъ силъ этого великаго подвига крестнаго: онъ спѣшитъ къ своей благодатной матери Церкви. И сія матерь широко раскрываетъ свои объятія для чадъ своихъ, и подъ ея благодатнымъ кровомъ совершается великая тайна общенія православныхъ людей съ небомъ и небесными гражданами родной земли.

Поучительно, отрадно, въ высшей степени животворно это общеніе съ небомъ вѣрующихъ душъ. Кто хочетъ освѣжиться душой, обновиться, укрѣпиться духомъ, содѣлаться причастникомъ этого общенія, тотъ пусть уйдетъ хотя не надолго изъ омута житейскаго въ тихую пристань какой-либо, особенно чтимой народомъ святой обители и не мудрствуя лукаво сольется съ народной волной простецовъ-богомольцевъ. Богъ привелъ мнѣ провести три недѣли въ родной мнѣ лаврѣ Преподобнаго Сергія. Съ ранняго утра до поздней ночи, а иногда и всю ночь эти чада Божіи тянутся непрерывной вереницей отъ святыхъ воротъ обители до самой раки угодника Божія, терпѣливо выжидая по нѣсколько часовъ своей очереди, чтобъ прикоснуться своими устами къ священному покровцу на главѣ его. И не только взрослые, но и малыя дѣти тутъ же, жмутся около своихъ матерей, несмотря на усталость, на полночную тьму, а иногда и на дождь и непогоду... И чувствуетъ сердце, что угодникъ Божій ходитъ среди нихъ, съ любовью всѣхъ ихъ принимаетъ, безмолвно, но сердцу ихъ внятно утѣшаетъ ихъ, укрѣпляетъ на великій подвигъ послушанія волѣ Божіей, и по вѣрѣ ихъ, творитъ среди нихъ чудеса.

Иноки славной лавры преподобнаго печальника Русской земли свидѣтельствуютъ, что давно не было такого стеченія богомольцевъ, какое замѣчается въ нынѣшнемъ году. Подъ праздникъ св. Апостоловъ Петра и Павла святыя ворота не запирались всю ночь. Усталые путники, достигнувъ своей святой цѣли, приложившись къ св. мощамъ преподобнаго Сергія, уже не покидали обители до первой ранней литургіи и располагались на короткій отдыхъ на кладбищахъ лавры между могилъ. Монастырская трапеза также была полна народа. Въ этотъ день обѣдало до 5,000 человѣкъ. То же было и 5 іюля въ праздникъ преподобнаго Сергія.

Разсказываютъ, что ночью на Петровъ день совершилось тутъ чудо: мужъ привелъ больную жену, у кото-

рой одна рука висѣла какъ плеть. Бѣдная женщина крѣпко вѣровала, что угодникъ Божій поможетъ ея горю, исцѣлитъ ея парализованную руку. И совершилось чудо: усталая богомолка въ укромномъ уголкѣ подъ открытымъ небомъ, у соборной стѣны, крѣпко заснула предъ утромъ. Ударили къ первой ранней литургіи и мужъ разбудилъ ее. Она стала приводить въ порядокъ платокъ на головѣ и мужъ видитъ, къ своему великому изумленію, что она дѣйствуетъ обѣими руками... А та даже и не замѣчаетъ, что чудо уже совершилось: ея рука исцѣлѣла. Мужъ называетъ ее по имени и говоритъ ей: „смотри, да ты владѣешь больной рукой“. И бывшія тутъ старушки—случайныя свидѣтельницы чуда, прославили Бога, дивнаго во святыхъ Своихъ...

Я записалъ это со словъ старушекъ. Кто была исцѣленная, откуда—онѣ не догадались спросить. А сама она и мужъ ея, поблагодаривъ угодника Божія, уже ушли въ путь свой радуясь. Немало такихъ чудесъ совершаютъ святые Божіи. Такія чудеса въ глазахъ простого нашего вѣрующаго народа — какъ бы совершенно естественныя явленія: простые люди не считаютъ нужнымъ объявлять о нихъ начальству монастырскому, по своей скромности опасаясь, чтобъ не подумали, будто хвалятся они своею вѣрою: „смиловался угодникъ Божій, утѣшилъ, исцѣлилъ, и слава Богу, благодареніе чудотворцу милостивому“. Уже послѣ, иногда спустя довольно времени, узнаешь, что совершилось такое чудо, и вмѣстѣ съ простецами вѣрующими умилишься сердцемъ и поблагодаришь Бога, что еще жива вѣра народная, творящая чудеса чрезъ святыхъ Божіихъ.

Идешь по монастырю—со всѣхъ сторонъ стремятся людіе Божіи, чтобъ принять благословеніе. Нерѣдко слышишь: „помолись, батюшка, о воинѣ Петрѣ или Иванѣ, помолись объ упокоеніи убіеннаго воина такого-то“... И чувствуя свое недостоинство, невольно въ умиленіи сердца возносишь къ Богу сердечный вздохъ, чтобъ слиться въ молитвѣ съ сими чадами Божіими, чтобы на крыльяхъ ихъ крѣпкой вѣры вознеслась къ небу и твоя немощная молитва. О Русь святая, наша Русь православная! Велика вѣра твоя! Вѣруемъ, что призритъ Господь на смиреніе твое и услышитъ сердечныя мольбы твои за молитвы какъ тѣхъ сыновъ твоихъ, которые уже отошли къ Богу, такъ и нынѣ еще страждущихъ и обремененныхъ въ сей юдоли земной...

Вотъ еще проявленіе той же вѣры тѣхъ же простыхъ сердцемъ людей. Въ 4 часа дня противъ святыхъ воротъ обители Сергіевой на площадь вышелъ крестный ходъ во главѣ съ намѣстникомъ лавры архимандритомъ Кронидомъ. Совершался молебенъ о побѣдѣ на супостаты. Это — молитва простыхъ русскихъ женщинъ, мужья и сыновья которыхъ подвизаются тамъ, на поляхъ брани, въ окопахъ, въ кровавыхъ битвахъ, проливая свою кровь за Русь родную, за вѣру православную, за Царя Батюшку. Это онѣ — жены и матери нашихъ воиновъ, просили отслужить въ утѣшеніе имъ такой молебенъ. Можно ли было не откликнуться на это святое желаніе вѣрующихъ простыхъ сердецъ? И о. намѣстникъ сказалъ имъ теплое слово утѣшенія и добраго назиданія, и нѣтъ сомнѣнія: послѣ такого моленія имъ легче будетъ нести свой тяжелый крестъ.

Да, война, какъ великое испытаніе Божіе, сдѣлала великое дѣло: проснулась народная душа, заговo-

рила совѣсть хрістіанская, и русскіе люди вспомнили завѣты отцевъ своихъ, совсѣмъ было забытые подъ гипнозомъ пьянства и другихъ пороковъ, и обратились на пути стародавней старины... Дай Богъ, чтобъ это пробужденіе не было временнымъ, чтобъ оно охватило не только народныя массы, но и верхніе слои народа, которые, надо сознаться, еще не глубоко проникались этимъ покаяннымъ чувствомъ. А безъ этой благодатной закваски невозможно обновленіе духа, ненадежны всѣ тѣ законодательныя мѣры, о коихъ много толкуютъ въ печати и обществѣ. Начни каждый самъ съ себя, съ своего внутренняго человѣка, и Богъ дастъ— будетъ положено прочное начало твоему духовному возрожденію. Внѣшнее дѣланіе, говорятъ святые отцы, безъ внутренняго цѣны не имѣетъ и плода не приноситъ. Оно имѣетъ свою цѣну только при внутреннемъ подвигѣ, какъ содѣйствующее сему послѣднему средство и какъ его плодъ. Посему первѣе всего должно заботиться о перевоспитаніи человѣка въ духѣ смиренной вѣры и послушанія Церкви, а все прочее—само собою приложится уже въ силу требованій совѣсти, руководимой страхомъ Божіимъ. Посѣйте сѣмя и оно само найдетъ себѣ формы своего произрастанія при Божіемъ благословеніи. Останется только оберегать эти формы отъ искаженія ихъ неблагопріятными вліяніями...

281.

О великомъ „отступленіи“.

Да не обольститъ васъ никто никакъ, ибо день тотъ не придетъ, доколѣ не придетъ прежде отступленіе... 2 Сол. 2, 3.

Чѣмъ дольше идетъ война, тѣмъ больше съ ужасомъ думаешь: да уже не пришло ли время исполниться пророчеству Апостола Павла объ „отступленіи“?... (2 Сол. 2, 3).

„Отступленіе“ было всегда, во всѣ времена хрістіанства: всегда были отдѣльныя личности въ родѣ Іуліана отступника, всегда находились хульники и безбожники, отвергавшіе бытіе Божіе, и Божество Господа нашего Іисуса Хріста, но никогда, сколько запомнитъ исторія, не было такого массоваго, всенароднаго отступничества отъ Хріста, какое являетъ теперь міру нѣмецкое племя.

Каждый день мы читаемъ объ ихъ безсмысленныхъ, именно — безсмысленныхъ жестокостяхъ, совершаемыхъ надъ нашими плѣнными, но этого мало: теперь мы читаемъ уже показаніе одного плѣннаго офицера о томъ, что высшее военное начальство въ Германіи нарочито обучаетъ солдатъ жестокостямъ,—да: обучаютъ жестокостямъ... „Только озвѣрѣлые солдаты хорошо сражаются, говорятъ германскіе офицеры, но для этого наши солдаты должны упражнять свою жестокость на русскихъ плѣнныхъ, которые, какъ измѣнники своей родины и добровольно сдавшіеся въ плѣнъ, ничего, кромѣ пытки, не заслуживаютъ“. Видите: тутъ уже не простое варварство, тутъ издѣвательство надъ несчастнымъ плѣнникомъ, надъ его

чувствомъ любви къ отечеству, пытка надъ его душой... И вотъ, для „упражненія солдатъ въ жестокостяхъ", нашихъ братьевъ имѣвшихъ несчастье попасть въ плѣнъ этимъ сверхъ звѣрямъ, жгутъ, заживо хоронятъ, рѣжутъ на части, топятъ въ рѣкахъ и болотахъ, прикалываютъ и пристрѣливаютъ какъ бѣшеныхъ животныхъ. Съ ужасомъ читаешь: 3,600 плѣнныхъ заживо погребено, 5,000 разстрѣляно и пр... И это дѣлаютъ — такъ называемые „христіане"... Нѣтъ, это уже не христіане, это даже не звѣри, это выходцы изъ ада, это слуги сатаны, это не только не христіанство, даже не человѣчество, — это — „дьяволъство", какъ выразился недавно въ своей новой книгѣ почтенный А. А. Тихомировъ. Да, ради этихъ отступниковъ отъ Христовыхъ завѣтовъ приходится изобрѣтать новыя слова, ибо въ христіанскомъ словарѣ ихъ не находится. Они порѣшили, что весь шаръ земной долженъ имъ и только имъ принадлежать, а потому они имѣютъ право истреблять всѣхъ людей, всѣ народы земные, чтобъ очищать себѣ мѣсто на землѣ. По ихъ понятіямъ кромѣ нѣмцевъ и людей на свѣтѣ нѣтъ: есть человѣкоподобныя животныя, которыхъ позволительно истреблять какъ таракановъ или клоповъ. Тутъ уже не можетъ быть и рѣчи о христіанствѣ, о любви къ ближнимъ, о справедливости, человѣчности: тутъ жидовскій талмудъ вступаетъ во всѣ свои права. Вѣдь и жиды никого, кромѣ своего племени, за людей не считаютъ: ихъ талмудъ учитъ, что Богъ далъ „гоямъ", то-есть не-жидамъ, человѣческій обликъ только для того, чтобъ имъ, жидамъ, было непротивно пользоваться услугами этихъ „гоевъ", какъ животныхъ. Вотъ такъ же смотрятъ на людей и нѣмцы и не стыдятся говорить это открыто... Скажите, добрые люди: не есть ли это въ полномъ смыслѣ „отступленіе", отреченіе отъ христіанства, отъ завѣтовъ Господа нашего Іисуса Христа? А если такъ, то не близокъ ли часъ пришествія того, кто „откроется какъ человѣкъ грѣха, сынъ погибели, противящійся и превозносящійся выше всего называемаго Богомъ или святынею, такъ что въ храмѣ Божіемъ сядетъ онъ, какъ Богъ, выдавая себя за Бога" (2 Сол. 2, 4)?

Времена и лѣта Богъ положилъ въ Своей власти; намъ не дано знать ихъ; но указаны признаки совершенія временъ и одинъ изъ такихъ признаковъ—„отступленіе" отъ вѣры, отъ Христа. На протяженіи всей исторіи Церкви Христовой были отступники—отдѣльныя лица или нѣкоторыя сообщества лицъ; это—еретики и лжеучители.

Первое великое „отступленіе" отъ Церкви было—отпаденіе папы съ подчиненными ему западными церквами, великій расколъ, посѣявшій сѣмя самочинія въ нѣдрахъ Церкви, послѣдствіемъ чего было второе отступленіе или отпаденіе уже отъ западной церкви того же папы,—это протестантство во главѣ съ еретикомъ Лютеромъ. На нашихъ глазахъ совершается новое великое отступленіе уже отъ христіанства въ средѣ народовъ, увлеченныхъ Лютеромъ въ гордыню самочинія, самосмышленія, отреченія отъ всякаго авторитета Церкви. Это уже отреченіе и отъ всякаго сознанія братства сыновъ Адамовыхъ, отреченіе отъ всякаго человѣчества и—страшно сказать—духовный союзъ, сочетаніе, сродство съ исконнымъ врагомъ Бога и людей—сатаною... Одно нѣкое малое утѣшеніе: это породнѣніе, побратаніе съ сатаною пока происходитъ со стороны только нѣмецкаго племени, духовнаго потомства злостнаго врага Церкви

отступника Лютера и его единомышленниковъ, подписавшихъ нѣкогда рѣшенія тайнаго съѣзда масоновъ въ 1536 году. Еще тогда несчастный народъ нѣмецкій сталъ уже на невозвратный путь отступничества сначала отъ Церкви, а потомъ и отъ Христа. Тайна беззаконія, этого страшнаго отступленія совершалась на протяженіи почти четырехъ столѣтій, незамѣтно для самихъ нѣмцевъ подъ неослабнымъ руководствомъ масоновъ, этихъ давнихъ союзниковъ сатаны.

Промысломъ Божіимъ для всего христіанскаго міра обнаружилась эта тайна богоотступничества, прикрываемая слишкомъ прозрачнымъ, лицемѣрнымъ покровомъ яко бы „христіанства“: пусть на всѣхъ оружіяхъ, на аммуниціи, на каскахъ и поясахъ у нѣмцевъ стоитъ святое слово „съ нами Богъ“,—не Богъ съ ними, а врагъ Божій—сатана, научающій ихъ всѣмъ ужасамъ истребленія безоружнаго населенія сосѣднихъ съ ними странъ, потопленія въ морѣ плавающихъ мирныхъ путешественниковъ, безсмысленнаго, отвратительнаго издѣвательства надъ святынями, дорогими христіанскому сердцу. Великій урокъ даетъ всѣмъ народамъ христіанскимъ эта великая война: вотъ до какого осатанѣнія доводитъ отступничество отъ завѣтовъ Церкви, самочиніе въ вѣрѣ, гордое отверженіе всякаго авторитета въ области духа. За осатанѣніемъ неизбѣжно послѣдуетъ одичаніе, вырожденіе и гибель народа—самоубійцы. Сохрани Богъ весь родъ человѣческій отъ такого пути: онъ неизбѣжно поведетъ къ взаимному истребленію, къ великому рабству, сначала духовному, а потомъ и политическому—рабству грядущему врагу Божію — антихристу.

Я сказалъ, что отношеніе нѣмцевъ къ плѣннымъ и вообще къ населенію воюющихъ съ ними странъ напоминаетъ духъ талмуда. Достойно вниманія, что іудеи, послѣдователи талмуда, усвоили себѣ въ качествѣ роднаго языка—нѣмецкій языкъ, хотя въ самомъ искаженномъ видѣ, а нѣмцы, какъ мы видимъ, восприняли духъ ихъ талмуда. Не напрасно же наши военачальники выселяютъ іудеевъ изъ предѣловъ военнаго района: іудеи слишкомъ рѣзко подчеркнули свое духовное родство съ нѣмцами фактами измѣны, предательства, встрѣчами нѣмцевъ съ хлѣбомъ-солью и под. Стоитъ прочитать знаменитые „Протоколы семи мудрецовъ“, чтобъ видѣть, что нѣмцы неуклонно слѣдуютъ завѣтамъ этихъ мудрецовъ. Очевидно, они усвоили ихъ принципы, предвосхитили ихъ идею о всемірномъ владычествѣ и не отказываются отъ ихъ сотрудничества въ этомъ преступномъ дѣлѣ. На долго ли этотъ союзъ—кто кого обманетъ, превратитъ въ раба—время покажетъ. А всѣмъ народамъ земли дается предостереженіе Промысломъ Божіимъ: смотрите, куда ведетъ отступленіе отъ завѣтовъ Христа, во что обратится все человѣчество, если пойдетъ по пути сего отступленія. Земля тогда обратится въ адъ кромѣшный, люди станутъ безъ смысла истреблять другъ друга, это будетъ какой-то всемірный домъ сумасшедшихъ, дышащихъ другъ противъ друга адской ненавистью и злобой... Напрасно нѣмцы думаютъ, будто, разжигая ненависть и жестокость противъ русскихъ, французовъ и англичанъ, они станутъ любить другъ друга—нѣмцы нѣмцевъ: сердце, зараженное ненавистью, обученное жестокости, неспособно къ любви къ кому бы то ни было. Ненависть становится стихіей его жизни, адъ, весь адъ со всѣми его обитателями приходитъ въ такое сердце

и вселяется тутъ... И настанетъ день, когда, если не покаются, эти люди станутъ пожирать другъ друга, какъ бѣшеные звѣри...

Вотъ куда пошли несчастные нѣмцы. Человѣчество должно благодарить Бога, что имѣетъ возможность еще цѣлымъ сердцемъ ухватиться за завѣты Христа и отшатнуться отъ народа-измѣнника Христу, оберечься отъ зараженія его гордынею, злобою и ненавистью. А чрезъ это—отдалить и появленіе среди себя того „человѣка беззаконія и сына погибели", о коемъ говоритъ Апостолъ Христовъ. Чтый да разумѣетъ!...

282—283.

Думы и заботы.

„Газеты" привѣтствуютъ семинаристовъ съ разрѣшеніемъ поступать во всѣ университеты по окончаніи четырехъ классовъ семинаріи. Сорокъ лѣтъ мечтали объ этомъ питомцы духовныхъ семинарій; давнымъ давно и опытъ, и простой здравый смыслъ свидѣтельствовали, что курсъ духовной семинаріи, кончая четвертымъ классомъ, нисколько не ниже классическихъ гимназій, а по философскому развитію семинаристы всегда стояли выше гимназистовъ. Стало быть, простая справедливость съ этой точки зрѣнія требовала уравненія семинаристовъ въ правахъ съ гимназистами...

Но это рѣшеніе стараго вопроса заставляетъ невольно задуматься надъ многимъ... Конечно, „невольникъ—не богомольникъ", какъ говоритъ пословица, и не полезно для самой Церкви насильно держать въ духовномъ званіи тѣхъ молодыхъ людей, которые бѣгутъ изъ него, какъ бы безмолвно отрекаясь отъ служенія родной Церкви. Это, въ нѣкоторомъ смыслѣ, „разгрузитъ" наши духовно-учебныя заведенія отъ излишняго, безполезнаго для самой Церкви, балласта въ высшихъ классахъ, гдѣ преподаются уже спеціально-пастырскія дисциплины. Богъ съ ними, съ этими „бѣженцами" изъ рядовъ кандидатовъ пастырства: Господь никого не привлекалъ къ служенію апостольскому насильно: пусть идутъ „погребать своихъ мертвецовъ"—мѣняя небесное на земное, церковное на мірское... Но вотъ вопросъ: есть ли тутъ чему радоваться, съ чѣмъ поздравлять? Радоваться ли тому, что юношамъ, какъ-ни-какъ воспитывающимся на средства Церкви, предоставлена возможность уйти отъ Церкви, отъ служенія ей — матери заботливой, ничего не щадившей на ихъ воспитаніе? Я не говорю о нуждѣ задерживать это бѣгство: мнѣ хотѣлось бы отмѣтить это отсутствіе чистаго идеализма въ самихъ бѣженцахъ, эту ихъ холодность къ матери—Церкви, скажу больше—неблагодарность къ ней, хотя бы только въ отношеніи тѣхъ матеріальныхъ средствъ, какія на нихъ издержаны Церковію: въ самомъ дѣлѣ, придетъ ли въ голову этимъ юношамъ возвратить хотя бы то, что она издержала на нихъ? Увы, было бы безполезно напоминать имъ.—а такъ бы хотѣлось напомнить, — что самое рожденіе подъ крылышкомъ Церкви многихъ изъ нихъ, самое воспитаніе подъ покровомъ храма Божія, одно это уже должно бы нравственно обязывать ихъ пойти путемъ отцовъ

своихъ, стать смиренно у подножія престола Божія на ту божественную стражу, съ коей уходятъ въ иной міръ ихъ старики отцы... Подумали бы: кто ихъ замѣнитъ? Кто послужитъ Церкви Божіей съ такимъ знаніемъ церковной жизни, народнаго духа, народныхъ воззрѣній, какъ это могли бы дѣлать дѣти духовенства, воспитанные среди народа, по селамъ и деревнямъ, учившіеся большею частію съ дѣтьми народа первоначальной грамотѣ, въ церковно - приходскихъ школахъ, жившіе одною жизнію съ деревней, а потому и понимающіе нрсотецовъ лучше всякаго интеллигента? Увы, кажется, нынѣшнимъ семинаристамъ лучше не напоминать обо всемъ этомъ... Не оглядываясь, они, эти юноши, мечтающіе объ университетахъ, бѣгутъ отъ званія отцовъ своихъ, прогоняя отъ себя всякую мысль о Церкви, о томъ, какъ она теперь нуждается въ приливѣ бодрыхъ, свѣжихъ силъ въ составъ своихъ служителей,—бѣгутъ, обманывая себя, будто они тоже хотятъ „служить народу“ на другихъ поприщахъ, забывая, стараясь забыть, что нашъ народъ „богоносецъ“ прежде всего ищетъ царствія Божія и правды Его, а ему теперь предлагаютъ разные непрошенные просвѣтители—то отраву сектантства, то ядъ безбожія и соціализма... Хотѣлось бы громко взывать къ этимъ юношамъ: остановитесь, одумайтесь, вернитесь!.. Но, повторяю: это безполезно... Въ ихъ мечтахъ, кажется, выше всего свобода отъ рясы, какъ-ни-какъ связывающей и обязывающей, просторъ въ выборѣ службы, жалованье, крупное жалованье, въ нѣсколько разъ превосходящее тѣ крохи, какія получаютъ ихъ отцы въ видѣ 300-рублеваго казеннаго оклада и тѣхъ копѣекъ, какія собираются съ прихожанъ...

О томъ, что часто изъ сотенъ мечтателей достигаютъ въ нѣкоторой степени удовлетворенія своей мечты только единицы, а большая часть къ концу жизни начинаютъ завидовать своимъ сверстникамъ, скромно трудящимся въ званіи пастырей Церкви на мѣстѣ своихъ отцовъ, никому и въ голову не приходитъ... Знаю я такихъ счастливцевъ, которые получаютъ тысячи, но во-первыхъ: много ли ихъ? Именно единицы. А во-вторыхъ, и это главное: дѣйствительно ли счастливы они? Вѣдь чѣмъ выше положеніе, тѣмъ больше отвѣтственность; чѣмъ больше обезпеченіе, тѣмъ больше искушеній; чѣмъ больше удовлетворяются наши, никогда, по свойству нашей души, ненасытимыя желанія и мечты, тѣмъ больше разгораются страсти къ еще большимъ стяжаніямъ, еще болѣе высшимъ положеніямъ... Это ужъ законъ грѣшнаго сердца нашего, если только человѣкъ не предастъ себя всецѣло водительству благодати, смиряющей и спасающей отъ такого рабства закону грѣха... Духовнымъ-то юношамъ, казалось бы, надо знать все это... Но вотъ, я пишу эти строки и боюсь, что иной юноша, читая мои строки, уже готовъ съ жаромъ молодости возразить мнѣ: „все это мы не хуже васъ знаемъ, но ужели вы не знаете той нужды, въ какой живутъ отцы наши? ужели вы хотите, чтобы и мы, видя эту нужду, добровольно и сознательно пошли на непосильный подвигъ, который подневольно несутъ наши отцы?“— Знаю я, добрые юноши, хорошо знаю нужду лютую нашихъ батюшекъ; видалъ даже больше, чѣмъ воображеніе ваше теперь можетъ нарисовать ее вамъ... Напримѣръ: батюшка идетъ служить заупокойную обѣдню за крошню мякины, чтобъ было чѣмъ покормить свою корову,

самъ возитъ навозъ на свое поле, потому что нечѣмъ заплатить крестьянину, да и не перечтешь всѣхъ тѣхъ случаевъ, въ коихъ проявляется, — прежде, по крайней мѣрѣ, появлялась нужда нашихъ сельскихъ пастырей. И вотъ за этотъ-то подвигъ смиренія, незримо и безмолвно назидающій паству и созидающій крѣпость народнаго духа— низкій поклонъ этому батюшкѣ отъ лица родной земли, за это смиреніе и ниспосылается ему Божіе благословеніе... Но поймутъ ли наши бѣженцы изъ духовной школы тайну этого смиренія, стяжавшаго Божіе благословеніе?.. Вѣдь для этого надобно крѣпко вѣровать въ Божій Промыслъ, а такой-то вѣры и не видно у нихъ... Меня поймутъ тѣ же батюшки, по полсотни лѣтъ прослужившіе въ одномъ и томъ же приходѣ, такъ сроднившіеся съ своимъ роднымъ приходомъ, что и на предложеніе своего архипастыря не согласившіеся перейти на лучшее мѣсто, на опытѣ видѣвшіе чудеса Божія, тѣлесными очами незримаго, но духомъ ощущаемаго промышленія. Вотъ такими-то старцами и крѣпка наша Русь православная, ими-то и стоитъ она, матушка, вотъ уже около тысячи лѣтъ, и народъ крѣпко любитъ такихъ батюшекъ, любитъ и бережетъ ихъ по-родному... Но все меньше и меньше ихъ становится на Руси... На ихъ мѣсто появляется совсѣмъ иной типъ, типъ сельскаго священника — второразрядника, мечтающаго даже и не объ академіи, а уже объ университетѣ.. Да простятъ мнѣ эти батюшки-мечтатели: такой типъ мнѣ кажется какимъ-то уродливымъ явленіемъ въ средѣ пастырства нашего... Обручился человѣкъ съ Церковію въ святѣйшемъ таинствѣ хиротоніи, далъ обѣты предъ алтаремъ Господнимъ служить „единому на потребу“ душъ христіанскихъ, получилъ въ таинствѣ благодатныя силы для сего служенія, и вдругъ—поворотъ: хочу въ университетъ, меня „сжигаетъ жажда высшаго знанія“, хочу „занять мѣсто среди корпораціи учителей наподборъ съ высшимъ образованіемъ“, не хочу „быть отсталымъ невѣждой предъ своей паствой“ и такъ далѣе, и такъ далѣе... И это пишетъ, печатаетъ сельскій батюшка... Семинаристы-бѣженцы изъ своего званія по крайней мѣрѣ хоть еще люди свободные, повторяю: если не хотятъ служить родной Церкви-матери—пусть себѣ съ Богомъ ищутъ счастья на сторонѣ, пусть будутъ врачами, адвокатами, даже ветеринарами. А вотъ сельскій батюшка не стыдится говорить въ газетѣ: „поневолѣ пойдешь въ ветеринарный институтъ, когда входъ въ академію старательно забаррикадированъ“. Онъ не хочетъ „пребывать на задворкахъ знанія“, какими очевидно считаетъ родную семинарію съ ея богословскими предметами: по его убѣжденію, если онъ не пройдетъ высшую школу, хотя бы то было даже не университетъ, а только ветеринарный институтъ, то—„кому будетъ интересно видѣть его отсталымъ невѣждой предъ своею паствой“?.. Не стоитъ, конечно, много говорить о такомъ іереѣ: грустно думать, что есть у насъ вотъ такіе іереи и нѣтъ сомнѣній: они-то и внушаютъ своимъ дѣтямъ-семинаристамъ то презрительное отношеніе къ своему званію, которое заставляетъ ихъ бѣжать въ свѣтскія высшія учебныя заведенія. Больно сознавать, что такъ гаснетъ идеалъ добраго пастыря для нашего добраго простого народа въ сознаніи кандидатовъ пастырства и самихъ пастырей. Утѣшаешься мыслію, что такихъ любителей „высшихъ знаній“ не такъ ужъ много, чтобъ по нимъ

судить о всемъ сельскомъ духовенствѣ. Да, идеалъ гаснетъ, свѣтильники угасаютъ, какъ я писалъ объ этомъ печальномъ явленіи еще пять шесть лѣтъ тому назадъ. Семинаристъ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія еще мечталъ о пастырскомъ служеніи какъ о предстоящемъ ему *подвигѣ*, готовился къ нему по мѣрѣ силъ и умѣнья, а нынѣшній кандидатъ священства какъ будто сталъ неспособенъ даже и представить себѣ подвигъ такого служенія: дайте ему прежде всего хорошее жалованье, почетное положеніе въ обществѣ, ну тогда онъ можетъ быть и пойдетъ во священники,—не забывайте: вѣдь онъ кончилъ курсъ въ первомъ разрядѣ, а теперь такое блаженное время, что и второразрядники свободно могутъ поступать въ высшія учебныя заведенія, а тамъ онъ получитъ ярлыкъ—простите: дипломъ, открывающій ему двери для всякой государственной и общественной службы... Горько писать эти строки, скорбно сознавать, что такъ понизились идеалы въ средѣ нашего юношества духовнаго, но, повидимому—это фактъ... И нельзя не задуматься надъ нимъ: вѣдь это—признакъ недобрый...

Другая забота: наши семинаріи, доселѣ имѣвшія своею главною задачею готовить пастырей для народа, самымъ положеніемъ дѣла теперь какъ бы устраняются отъ этого дѣла, превращаясь въ общеобразовательныя заведенія и лишь по имени еще оставаясь „духовными“. Я говорю объ общеобразовательномъ курсѣ ихъ. Власти церковной предстоитъ рѣшать вопросъ: откуда брать священниковъ для деревни? Надежда на то, что въ спеціальные классы богословскіе пойдутъ юноши изъ другихъ сословій, что они-то и дадутъ достаточный запасъ вполнѣ правоспособныхъ кандидатовъ священства, едва ли въ полной мѣрѣ оправдается. Нѣтъ сомнѣній, что явятся юноши добрые, способные, какъ нынѣ принято выражаться, „внести свѣжую струю“ въ служеніе пастырское, но такихъ будетъ немного; среди даже такихъ немало будетъ людей, недостаточно обвѣянныхъ тою церковностью, которая столѣтіями внѣдрилась въ наше духовное сословіе, и которая въ церковномъ строеніи нужна какъ связующій цементъ, какъ незримая, часто неуловимая стихія народно-церковной жизни. „Свѣжая струя“ отнюдь не должна уносить изъ народно-церковной жизни эту стихію, напротивъ: должна очищать и укрѣплять ее; но когда священникъ недостаточно крѣпко впиталъ ее въ себя, въ свою личную жизнь и свое міровоззрѣніе, то есть опасность, что онъ безсознательно, по невѣдѣнію, можетъ внести въ нее нѣчто вредное... Будутъ, безъ сомнѣнія, и такіе, которые пойдутъ въ семинаріи вовсе не ради Іисуса, а ради того же хлѣба-куска, ради коего шли и дѣти духовенства,—ради обезпеченія въ жизни, какъ мало пригодные на другихъ поприщахъ жизни. Гдѣ пройдутъ эти кандидаты на семинарію свой общеобразовательный курсъ—это тоже небезразлично. Напримѣръ: проходить богословскіе предметы, особенно Священное Писаніе, безъ знанія древнихъ, особенно греческаго языка, дѣло непрочное. Не для деревни нужно знаніе этихъ языковъ, а просто для основательнаго усвоенія такого предмета, какъ Священное Писаніе. А этотъ предметъ долженъ стоять въ наше время всякихъ сектъ и лжеученій особенно прочно, какъ фундаментъ всего богословскаго образованія. Наше время требуетъ, чтобы семинарія, какъ спеціально пастырская школа, не понижала, а

напротивъ—повышала общій уровень богословскаго образованія въ сравненіи съ дореформенными семинаріями. Батюшка, „сжигаемый жаждою высшаго знанія“, о коемъ я говорилъ выше, жаждетъ какого-то мірскаго „знанія“, ищетъ его въ университетахъ, институтахъ, а пастырю Церкви, особенно сельскому-то, едва ли оно и нужно. Ему необходимо вотъ это—дѣйствительно высшее знаніе, основательное изученіе Священнаго Писанія и курса богословскихъ наукъ, а оно должно даваться пастырскою школою, а не какими то особыми еще „законоучительскими институтами“... Ужъ если говорить объ институтахъ, то прежде всего и нужнѣе всего нуженъ институтъ для спеціальной подготовки къ борьбѣ съ сектантской пропагандой, и мы не сомнѣваемся, что такой будетъ открытъ при первой возможности: его уставъ уже готовъ, мѣсто назначено, даже половина средствъ найдена.

Для Церкви большая опасность въ наше время—это стремленіе духовнаго юношества куда то все вверхъ и вверхъ; не удалось кончить курсъ въ первомъ разрядѣ, чтобъ поступить въ академію, поступилъ въ священники—позволь ему держать экзаменъ на студента (былъ случай: прошеніе объ этомъ подавалъ даже одинъ почтенный батюшка—членъ Государственной Думы), не дозволяютъ—еще проще: откройте двери въ академію для всѣхъ семинаристовъ безъ различія разрядовъ... Что это, какъ не карьеризмъ какой-то? Вѣдь если въ академію не принимаютъ второразрядныхъ, то это совершенно понятно: не всякій и въ первомъ разрядѣ кончившій курсъ бываетъ способенъ проходить курсъ высшихъ наукъ по своему развитію, умножать число „кончившихъ“ академію съ претензіями, но безъ достаточной зрѣлости въ умственномъ отношеніи неполезно для Церкви. И безъ того у насъ интересъ лица такъ часто беретъ верхъ надъ интересомъ дѣла, что дѣло всюду почти страдаетъ отъ этого неестественнаго порядка вещей. А внизу, въ деревнѣ, нѣтъ людей сколько-нибудь пригодныхъ для дѣла: во священники приходится посвящать не кончившихъ уже не только семинарію, но и духовное училище. Присоедините къ этому безконечныя ходатайства со стороны прихожанъ и не-прихожанъ о недостойныхъ кандидатахъ, и вы поймете, какъ тяжело архіерею право править слово истины и оберегать свою, почти всегда слишкомъ многолюдную, паству отъ вторженія въ нее разныхъ волковъ хищныхъ во образѣ сектантовъ и раскольниковъ.

Жалобы на необезпеченность духовенства стали общимъ мѣстомъ, когда говорятъ о бѣгствѣ семинаристовъ изъ духовнаго званія. И жалобы эти, при упадкѣ нравовъ въ народѣ, конечно, заслуживаютъ полнаго вниманія со стороны тѣхъ, у кого въ рукахъ рѣшеніе этого вопроса. Но вотъ горе: вѣдь нельзя же отрицать и того, что есть не мало священниковъ-счастливцевъ въ этомъ отношеніи: они и обезпечены жалованьемъ, и получаютъ значительные доходы какъ отъ прихожанъ, такъ и отъ земли, отъ садоводства и вообще отъ сельскаго хозяйства. А между тѣмъ... среди такихъ обезпеченныхъ не особенно много истинныхъ пастырей-тружениковъ нивы Господней, ревнителей вѣры и благочестія. И люди внимательные замѣчаютъ, что именно болѣе обезпеченные-то батюшки и являются болѣе равнодушными къ исполненію своего пастырскаго долга. Казалось бы: слава Богу, жить можно, только трудись во славу Божію,—

такъ нѣтъ: человѣкъ обращается просто въ чиновника-требоисправителя. Съ тревогой вопрошаютъ наблюдающіе это явленіе: что если мечта духовенства осуществится, жалованье будетъ дано, духовенство будетъ обезпечено, а пастыри будутъ обращаться въ чиновниковъ, пожалуй и тщательно исполняющихъ свои внѣшнія обязанности, но душою далече отстоящихъ отъ своей паствы? Не къ тому я говорю, чтобы отдалить исполненіе желанной мечты духовенства, а хочу указать на опасность отъ вторженія въ среду духовенства иносословнаго элемента, чуждаго хорошихъ церковныхъ традицій, какъ бы то ни было еще и теперь воспитывающихъ духъ терпѣнія въ скорбныхъ обстоятельствахъ жизни и врожденную привязанность къ своему родному званію. Замѣчено, что священнослужители изъ иносословныхъ, какъ въ средѣ бѣлаго, такъ и монашествующаго духовенства, легкомысленнѣе слагаютъ съ себя священный санъ, чѣмъ лица, вышедшія изъ духовнаго же сословія по рожденію. Надо помнить, что и народъ строго смотритъ на „разстригъ“, какъ на измѣнниковъ алтарю Господню. Все это побуждаетъ заботливо помышлять о будущемъ пастырствѣ. Особенно жалѣть „бѣженцевъ“ изъ семинарій нѣтъ нужды, но надо болѣе осмотрительно взамѣнъ сихъ бѣженцевъ наполнять семинаріи иносословными. Особенно желательно закрыть двери пастырской школы для нѣкоторыхъ инородцевъ: чтый да разумѣетъ...

284.

Лукавыя сѣти.

Поучительно заглядывать въ исторію вѣковъ минувшихъ, хотя бы то было нѣсколько тысячъ лѣтъ назадъ. Вся исторія человѣчества представляетъ вѣковѣчную картину борьбы добра со зломъ и зла съ добромъ. И зло нерѣдко облекается въ такія приличныя формы, что многіе считаютъ его добромъ. Все это, казалось бы, столь азбучныя истины, что не стоило бы повторять ихъ, но къ сожалѣнію, люди плохо разбираются въ этихъ истинахъ, въ понятіяхъ добра и зла, и проповѣдникамъ истины есть нужда постоянно обращаться къ такого рода вопросамъ.

Священный бытописатель первыхъ временъ исторіи народа Божія въ книгѣ Чиселъ разсказываетъ такую исторію. Моавитскій царь, устрашась приближенія Израильтянъ къ его предѣламъ, просилъ пророка Валаама, жившаго на Евфратѣ, проклясть Израильтянъ. Вмѣсто проклятія Валаамъ, подъ воздѣйствіемъ Духа Божія, три раза произнесъ благословеніе. Несмотря на это, царь моавитскій просилъ Валаама дать ему совѣтъ: какъ повредить Израилю. Валаамъ, соблазнившись щедрыми дарами, посовѣтовалъ ему соблазнить Израильтянъ къ идолопоклонству чрезъ женщинъ (Числ. 31, 16), чтобы чрезъ то они прогнѣвали Господа. Совѣтъ оказался дѣйствительнымъ: Израильтяне увлеклись женщинами, а тѣ увлекли многихъ изъ нихъ къ идолопоклонству. Такое отступничество навлекло на народъ гнѣвъ Божій и пало отъ язвы до двадцати четырехъ тысячъ.

Въ книгахъ Священнаго Писанія измѣна вѣрѣ нерѣдко называется прелюбодѣяніемъ или блудомъ. На-

роду Еврейскому ввѣрено было храненіе истинной вѣры для всего человѣчества и измѣна сей вѣрѣ являлась въ то же время измѣною своему назначенію, онъ самъ себя лишалъ великой чести быть избраннымъ народомъ, любимцемъ Божіимъ среди народовъ земныхъ, самое существованіе его теряло смыслъ въ исторіи человѣчества. Только искреннее раскаяніе предъ Богомъ возвращало ему Божіе благоволеніе. Вся исторія Еврейскаго народа является непрерывнымъ тому доказательствомъ.

Всѣхъ людей, все человѣчество Богъ ведетъ къ одной великой цѣли—къ вѣчному спасенію: Онъ всѣмъ хощетъ спастися и въ разумъ истины пріити; но каждому народу даетъ свое дѣло въ общемъ домостроительствѣ спасенія. И какъ народу Еврейскому ввѣрена была святыня истинной вѣры, такъ въ наше время святыня вѣры православной ввѣрена милостью Божіей нашему Русскому народу. Мы должны хранить это сокровище для всего человѣчества вмѣстѣ съ другими народами православными; мы должны ревниво оберегать эту святыню въ своихъ сердцахъ, осуществлять завѣты православія въ нашей жизни, распространять его всюду, гдѣ Богъ укажетъ намъ Своимъ Промысломъ и отнюдь не допускать никакихъ покушеній на него, твердо помня и зная, что какъ велико и свято въ этомъ наше призваніе, столь же велика и страшна отвѣтственность за чистоту святой истины Божіей, намъ ввѣренной, предъ судомъ Божіимъ. Знаетъ это и врагъ Божій, исконный человѣкоубійца, и прилагаетъ все стараніе, чтобы похитить это сокровище изъ души народа Русскаго, и чрезъ то лишить его Божія благословенія. Онъ сѣетъ свои плевелы среди народа въ видѣ разныхъ сектъ и расколовъ; онъ находитъ себѣ и сотрудниковъ въ этомъ пагубномъ сѣяніи въ лицѣ враговъ нашихъ какъ въ средѣ отщепенцевъ отъ роднаго народа—нашихъ полуинтеллигентовъ, такъ и въ средѣ внѣшнихъ нашихъ враговъ, каковыми являются, къ несчастью, сосѣди наши нѣмцы. Первые всюду проповѣдуютъ какую-то „свободу совѣсти“: не слѣдуетъ-де стѣснять сектанта-лжеучителя, когда онъ считаетъ дѣломъ совѣсти совращать православныхъ простецовъ въ свою ересь и отрывать ихъ отъ Православной Церкви, не слѣдуетъ удерживать и православныхъ, когда они хотятъ перейти въ другую вѣру. Такимъ ученіемъ о „свободѣ совѣсти“ хотятъ, какъ говорится, отвести глаза власть имущимъ, чтобъ дать просторъ отступничеству отъ православной Церкви и распространенію всякихъ ересей среди народа. А это какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ тайнымъ цѣлямъ нашихъ внѣшнихъ враговъ, особенно нѣмцевъ: съ радостью они идутъ на помощь нашимъ внутреннимъ врагамъ—проповѣдникамъ мнимой свободы, на самомъ же дѣлѣ—порабощенія народной совѣсти разнымъ ложнымъ мудрованіямъ и не щадятъ милліоновъ, чтобы вытравить святые завѣты православія изъ русской души. Такъ враги внѣшніе и внутренніе,—послѣдніе впрочемъ большею частію безсознательно, въ силу внушенной масонами безсмысленной моды на все либеральное,—вступаютъ въ союзъ между собою для похищенія сокровищъ православной души, для увлеченія ея въ тяжкій грѣхъ измѣны своему святому призванію въ дѣлѣ домостроительства Божія. И вотъ, уже почти полвѣка мы, пастыри Церкви, открыто говоримъ, предупреждая кого слѣдуетъ, что—всѣ

эти нѣмецкія выдумки: штунда, баптизмъ, адвентизмъ и прочія ереси суть хитрыя сѣти, раскинутыя для уловленія русской души, чтобъ вытравлять въ ней сначала—духъ православія, какъ духовную основу русскаго человѣка, а затѣмъ—чтобъ превращать русскаго человѣка въ орудіе онѣмеченія всей Русской земли, порабощенія Руси сначала духовнаго, а затѣмъ и политическаго—нѣмцамъ. У нѣмцевъ нѣтъ и тѣни заботы о спасеніи русскихъ душъ: подъ видомъ такихъ заботъ они стараются—да будетъ позволено сказать это—только одурачить русскаго человѣка: благо онъ такъ неравнодушенъ къ дѣлу своего спасенія. Они дѣйствуютъ тѣмъ же способомъ, какимъ во дни оны древніе дѣйствовали моавитяне: только тамъ—пущены были въ дѣло женщины и идолы, а здѣсь, въ наши дни, штунда и баптизмъ, а послѣдствія и тутъ и тамъ одни и тѣ же: измѣна вѣрѣ истинной и лишеніе за то Божія благословенія. И уже не двадцать четыре тысячи, а милліоны русскихъ людей, гибнутъ, одни тѣлесно, полагая свои души на брани—и это еще счастливцы—а другіе—и духовно, отторгаясь отъ Церкви, безъ которой нѣтъ спасенія. Мы можемъ назвать и того ахитофела - совѣтника, который создалъ такой планъ духовнаго развращенія Русскаго народа нѣмецкими ересями—это пресловутый Бисмаркъ, первый внесшій въ свой парламентъ законопроектъ объ ассигнованіи большихъ суммъ на поддержаніе нѣмецкой штундо-баптистской пропаганды въ Россіи. Можетъ быть слишкомъ много чести назвать его „Валаамомъ“, который за деньги подсказалъ царю моавитскому соблазнять Евреевъ женщинами: довольно съ него титула „ахитофела“, руководившаго своими совѣтами измѣнника сына Давидова. Но что онъ ясно понялъ значеніе православія для русской души и составилъ хитрый планъ для ея развращенія ересями нѣмецкими—это фактъ неоспоримый, и исторія нашей Церкви занесетъ имя этого врага своего на свои страницы, какъ вѣрнаго союзника исконнаго врага Церкви—древняго человѣкоубійцы.

Я сказалъ, что зло нерѣдко облекается въ одежду добра: такъ оно подкралось и къ нашимъ простецамъ въ видѣ заботъ объ ихъ спасеніи. Надо было въ свое время сразу прогнать всѣхъ этихъ Боннекампфовъ, всѣхъ колонистовъ, касающихся святыни духа народнаго; надо было твердо помнить завѣты святаго просвѣтителя нашего князя Владиміра: не смѣть касаться вѣры православной! Но увы, сорокъ лѣтъ тому назадъ разныя либеральныя бредни уже на столько въѣлись въ мозги нашихъ передовыхъ людей, что они устыдились съ русской прямолинейностью исполнить эти завѣты, и вотъ мы пожинаемъ плоды посѣянныхъ тогда плевелъ: раціоналистическія секты свободно распространяются среди простого народа, сокровища народной души расхищаются, она отравляется ненавистью къ родной Церкви и постепенно перевоспитывается въ нѣмецкую душу... Слава Богу и за то, что война открываетъ очи тѣмъ, кому вѣдать о семъ надлежитъ, но кто не слушалъ насъ, пастырей Церкви, о вредѣ нѣмецкой пропаганды. Слава Богу, что если ужъ не ради духовной охраны русскихъ душъ, то хотя бы ради охраны Русскаго государства принимаются нѣкоторыя мѣры противъ этой пропаганды. Первый годъ войны показалъ, какъ велико сокровище народнаго духа, которому удивляются всѣ народы, не ослѣпленные нѣмецкою ненавистью къ

намъ и нашей родной Церкви. Надо только глубже напечатлѣть и укрѣпить въ сознаніи честныхъ руководителей нашей государственной и общественной жизни, какимъ сокровищемъ обладаетъ нашъ народъ въ родномъ православіи и какъ поэтому надо зорко слѣдить за всякимъ покушеніемъ на его расхищеніе...

Но съ грустью, съ тревогою въ душѣ приходится отмѣтить, что великая, на протяженіи девяти вѣковъ продолжающаяся заслуга Церкви предъ государствомъ Русскимъ, въ дѣлѣ воспитанія народнаго духа, не была даже намекомъ отмѣчена въ рѣчахъ ораторовъ, говорившихъ съ трибунъ нашихъ законосовѣщательныхъ собраній въ знаменательный день, когда раздался „голосъ всей земли Русской“ на защиту отечества отъ вторженія тевтоновъ въ его предѣлы.

Ни въ Г. Думѣ, ни въ Г. Совѣтѣ не слышали мы о томъ, чѣмъ жила народная душа въ эти многоскорбные мѣсяцы, гдѣ искала она себѣ подкрѣпленія, ободренія, въ чемъ черпала тѣ силы духа, которыя столь поразительно проявлялись на поляхъ битвъ и въ мирныхъ хатахъ, въ семьяхъ нашихъ воиновъ. Если члены нашихъ палатъ суть дѣйствительно избранники народа, то, казалось бы, какъ имъ не вспомнить обо всемъ этомъ съ чувствомъ благодарности къ матери Церкви, благодатной воспитательницы народнаго духа? Правда, народъ нашъ въ глубинахъ своего смиренія не нуждается, чтобы его преданность Церкви провозглашалась съ трибунъ Г. Думы или Г. Совѣта; можетъ быть и тѣ пастыри Церкви, которые сами состоятъ избранниками въ сихъ высокихъ учрежденіяхъ, постѣснились говорить на эти темы, но все же какъ-то тяжело на душѣ при мысли, что такой величайшей важности фактъ, какъ вліяніе Церкви на общее настроеніе народныхъ массъ, было замолчано: вѣдь это похоже на то, если мы будемъ говорить о цвѣтахъ, забывая о тѣхъ корняхъ, коими цвѣты питаются. И тотъ, кто живетъ дѣйствительно одною жизнью съ народомъ, тотъ не можетъ забыть, какими соками питается народная душа, не можетъ умолчать объ этомъ...

285—286.

Опасность нѣмецкаго метода мышленія.

Еще ветхозавѣтный мудрецъ сказалъ: *егоже любитъ Господь, наказуетъ; біетъ же всякаго сына, егоже пріемлетъ* (Притч. 3, 12). А святый апостолъ Павелъ повторяетъ это слово съ особенною силою: *Аще наказаніе терпите, якоже сыновомъ обрѣтается вамъ Богъ. Аще же безъ наказанія есте, емуже причастницы быша вси: убо прелюбодѣйчищи есте, а не сынове. Всякое бо наказаніе въ настоящее время не мнится радости быти, но печали: послѣди же плодъ миренъ наученнымъ тѣмъ воздаетъ правды. Тѣмже ослабленныя руки и ослабленныя колѣна исправите*, ободряетъ великій апостолъ всемірнаго Крестоносца Господа Іисуса (Евр. 12, 6—8, 11—12).

Этотъ великій урокъ терпѣнія скорбей и благоговѣйнаго вниманія къ Промыслу Божію, въ самомъ наказаніи милующему насъ, въ наши многоскорбные дни особенно благо-

потребенъ намъ, вѣрнымъ чадамъ Церкви Православной. Нашествіе нѣмцевъ, въ сущности, и есть такое милующее, вразумляющее наказаніе десницы Божіей. Нашъ долгъ понять, усвоить и примѣнить къ жизни тотъ урокъ, какой даетъ намъ эта война. Мы должны поглубже всмотрѣться въ самихъ себя, въ ту область духа, куда тѣ же нѣмцы ворвались уже давно, на протяженіи цѣлыхъ двухъ столѣтій, и, большею частію, незамѣтно для насъ, съ нашего впрочемъ соизволенія, хозяйничаютъ у насъ, а мы воображаемъ, будто мы живемъ своимъ умомъ, вовсе независимо отъ нѣмецкой головы... Много было и говорено, и писано, и печатано о нѣмецкомъ засильѣ во областяхъ русской жизни; мнѣ хотѣлось бы отмѣтить нѣмецкое вліяніе, а пожалуй и засилье тамъ, гдѣ уже никакъ не ожидаютъ его тѣ, кого это касается. Я говорю о засильѣ раціонализма въ нашей интеллигенціи, раціонализма и нѣмецкаго метода мышленія въ лучшихъ представителяхъ мыслящей части нашего общества. Да и не въ интеллигенціи только, но и въ средѣ среднихъ классовъ, въ средѣ простого народа. Я уже не говорю о распространеніи раціоналистическихъ сектъ подъ вліяніемъ нѣмецкой пропаганды штундобаптизма: это само собою понятно. Тутъ — зараза нѣмецкая говоритъ сама за себя, обличаетъ сама себя, дѣйствуетъ открыто и дерзко. Къ великому изумленію, можетъ быть и негодованію нѣкоторыхъ нашихъ патріотовъ-антисемитовъ, я скажу прямо, что и они сами того не замѣчая, нерѣдко мыслятъ нѣмецкимъ методомъ... Какъ ни прискорбно мнѣ говорить это, но въ вопросѣ о ветхозавѣтномъ Священномъ Писаніи для меня это очевидно. Вотъ тому доказательство.

Въ своемъ „Словѣ правды нашимъ патріотамъ-антисемитамъ“, я предостерегалъ ихъ отъ слишкомъ дерзновеннаго, самочиннаго отношенія къ Библіи: „ради Бога не касайтесь Библіи, писалъ я, не трогайте нашего Священнаго Писанія, въ которомъ мы, вѣрующіе, видимъ и знаемъ слово Божіе“. Я раскрылъ, что Ветхій Завѣтъ есть лишь тѣнь Новаго, что ветхозавѣтные праведники — младенцы въ духовномъ отношеніи въ сравненіи съ новозавѣтными, а потому Господь, вѣдущій естества нашего немощи, въ Ветхомъ Завѣтѣ снисходилъ многому, чего не разрѣшаетъ въ Новомъ. Нѣкоторые патріоты, прочитавъ мое „слово правды“, повидимому соблазнились, подвергли его обсужденію въ одномъ (а можетъ быть и не въ одномъ) изъ своихъ „совѣтовъ“ и вопрошаютъ меня: „какимъ образомъ Господь Богъ, Духъ вѣчный, всеблагій и *неизмѣняемый* (это слово подчеркнуто), давшій намъ великій завѣтъ любви не только къ ближнему, но и къ врагамъ нашимъ, какимъ образомъ могъ Онъ снисходить ветхозавѣтной жестокости не тѣмъ только, чтобы прощать, но и установлять для людей законъ мести, хотя бы въ ограничительномъ смыслѣ, какъ угодно было вамъ, владыка, пояснить въ статьѣ вашей?“—Какъ видите: мое положеніе, что Ветхій Завѣтъ есть состояніе младенчества, къ каковому Господь снисходилъ именно въ силу благости Своей, не пріемлется моими читателями-патріотами; они упираютъ на слово „неизмѣняемый“, проходя мимо слова „всеблагій“, хотя и ставятъ эти слова рядомъ, какъ бы не желая понять, что вотъ потому-то „Неизмѣняемый“ и снисходилъ къ людямъ измѣняемымъ, что Онъ всеблагій и премудрый. Прочтите нагорную бесѣду Господа Іисуса Христа, гдѣ Онъ сопоста-

вляетъ ветхозавѣтныя заповѣди съ новозавѣтными, выясняя самый духъ Своего вѣчнаго закона; прочтите эти: *речено бысть, речено бысть, Азъ же глаголю вамъ*, и вы увидите, что Онъ одинъ и тотъ же Законодатель, какъ въ Ветхомъ, такъ и въ Новомъ Завѣтѣ, но отъ новозавѣтныхъ чадъ Церкви требуетъ большаго совершенства, чѣмъ отъ ветхозавѣтныхъ, ибо въ новой благодати уже преизобильно даруетъ и Свою благодать въ помощь естественнымъ силамъ человѣка для исполненія Его святого закона. Прочтите Божественное слово Его въ отвѣтъ фарисеямъ относительно развода: тамъ прямо Онъ говоритъ, что снисхожденіе въ этомъ вопросѣ сдѣлано *по жестокосердію* человѣческому, *изъ начала же*, по первоначальному закону, *не бысть тако*, разводъ не допускался. То же самое въ отношеніи „закона мести“: закона, повелѣвающаго мстить, не было, былъ законъ, наказывающій преступленія и вотъ къ нему-то и относится то ограниченіе, о коемъ я говорилъ: позволяется тебѣ отомстить око за око, зубъ за зубъ— не больше. Установленъ былъ законъ, ограничивающій мстительность, а не обязывающій мстить. Подобное сему мы видимъ нѣчто въ нашихъ военныхъ законахъ относительно такъ называемыхъ дуэлей или поединковъ: „по жестокосердію“ человѣческому: по жестокости, сказалъ бы я, человѣческаго самолюбія дуэли допущены, для нихъ есть правила, но по существу онѣ, съ точки зрѣнія строго христіанской, не допустимы. Богъ неизмѣняемъ въ Своей правдѣ и святости, но Онъ же и благъ, Онъ же и всевѣдущъ, вѣдаетъ немощи наши, вѣдалъ младенческое состояніе ветхозавѣтныхъ людей и снисходилъ имъ, какъ показываетъ это и вся ветхозавѣтная исторія. Сюда относятся всѣ тѣ факты, коими соблазняются современные „младенцы“ вѣры, которые хотятъ читать ветхозавѣтную Библію, примѣняя въ ней новозавѣтныя идеалы нравственнаго ученія Христова, во всей ихъ чистотѣ. Святая Библія не идеализируетъ людей: она изображаетъ ихъ такими, какими они были на самомъ дѣлѣ, грѣшниками, не скрывая ихъ человѣческихъ немощей, ихъ грѣховности. Прочтите первую главу Евангелія отъ Матѳея: въ ней Евангелистъ нарочито подчеркиваетъ, говоря по нынѣшнему, въ родословіи Христовомъ имена грѣшницъ: Ѳамари, Рахавы, Вирсавіи, напоминая послѣднимъ именемъ грѣхъ самого великаго предка Христова царя Давида: вѣдь Господь для того и пришелъ, чтобы грѣшниковъ спасти. Такъ толкуетъ св. Златоустъ. „Основная идея“ Ветхаго Завѣта вовсе не есть, какъ пишутъ мнѣ союзники, „око за око и зубъ за зубъ“, а все та же Божественная любовь, не насилующая свободы человѣческой, а снисходящая немощамъ, сдерживающая, воспитывающая людей. Одно изъ средствъ воспитанія у любящаго отца — строгость, разумно примѣняемая сообразно съ возрастомъ воспитанника и обстоятельствами его жизни: такимъ проявленіемъ строгости и служилъ законъ „око за око и зубъ за зубъ“. Св. Златоустъ говоритъ: „Законодатель предписалъ око за око—не для того, чтобы мы другъ у друга вырывали глаза, но дабы обидящій боялся подвергнуться тому же, чему подвергаетъ онъ обижаемаго“. Также толкуютъ подобныя мѣста Священнаго Писанія и другіе святые отцы. Меня спрашиваютъ: какъ примирить ветхозавѣтный законъ „око за око“ съ другимъ ветхозавѣтнымъ же закономъ, поло-

женнымъ св. Апостоломъ Павломъ въ основаніе своихъ апостольскихъ предостереженій вѣрующимъ: „не мстите за себя, возлюбленные, но дайте мѣсто гнѣву Божію, ибо написано: Мнѣ отмщеніе, Я воздамъ, говоритъ Господь“ (Рим. 12, 19). Отвѣчаю: да такъ же, какъ вы примиряете въ наше время заповѣдь о прощеніи личнымъ врагамъ съ гражданскимъ закономъ, карающимъ за обиды. Вѣдь, вы не скажете же, что законъ гражданскій противорѣчитъ закону Евангельскому; не скажете, что онъ обязываетъ васъ преслѣдовать вашего обидчика и требовать ему наказанія. Вѣдь, и Апостолъ говоритъ: „не мстите за себя“, только *за себя:* если же вы поставлены судьею, то не имѣете права не исполнить требованія закона по жалобѣ обиженнаго—наложить наказаніе за обиду. Для ветхозавѣтныхъ людей, законы Моисея были нормами жизни подобно нашимъ гражданскимъ законамъ; по этимъ нормамъ тогда и жили. Но никому не запрещалъ законъ простить обидчика и предоставить дѣло Богу. Вспомните хотя Давида, прощающаго злобнаго обидчика Семея въ печальный для Давида день изгнанія его изъ Іерусалима сыномъ-измѣнникомъ. И конечно; такая любовь ко врагу являлась подвигомъ, достойнымъ великой похвалы и удивленія.

Мнѣ пишутъ: „Вздымаемый волнами недоумѣній, порою сильно накреняется корабль вѣры нашей въ священное достоинство и богодухновенность *иныхъ* ветхозавѣтныхъ писаній, явно противорѣчащихъ понятію о самомъ простомъ благочестіи (напримѣръ способъ полученія праотцемъ Іаковомъ отъ престарѣлаго и слѣпого отца благословенія, предназначавшагося не ему, а брату его). Буря этихъ недоумѣній нынѣ стала неизбѣжною. Опытные кормчіе не идутъ къ намъ на помощь, хотя мы и взываемъ къ нимъ. До тѣхъ поръ, пока Русь была сильна вѣрою отцевъ своихъ и, сіяя въ свѣтѣ Христова ученія, не нуждалась ни въ какихъ „свободахъ“; до тѣхъ поръ проживавшіе у насъ жиды униженно пресмыкались, какъ ничтожества, и благочестивые предки наши спокойно могли читать Библію, не останавливаясь надъ недоумѣнными вопросами, а если такіе вопросы порою и возникали при этомъ чтеніи, то предавались забвенію или волѣ Божіей, какъ дѣло „жестоковыйнаго народа“, какъ дѣло далекаго прошлаго, меркнущаго въ свѣтѣ лучезарной дѣйствительности, въ свѣтѣ Божественнаго ученія Христа Бога нашего о любви и спасеніи. Не то теперь, когда вопросъ объ изученіи іудейства и всего, къ чему оно когда-либо имѣло близкое соприкосновеніе, выдвинутъ „патріотами-антисемитами“ на первое мѣсто, и, по глубокому нашему убѣжденію, не имѣетъ себѣ равнаго по важности. Вѣдь, рѣчь идетъ объ изученіи того народа, который такъ долго и искусно скрывалъ свои губительные замыслы, внося ядъ духовной и нравственной отравы во всѣ цивилизаціи, съ которыми имѣлъ соприкосновеніе, народа, прославившагося жестокосердіемъ, коварствомъ, вѣроломствомъ, хищничествомъ и подлогами“...

Итакъ, „корабль вѣры въ священное достоинство и богодухновенность *иныхъ* (это слово подчеркнуто: значитъ: не всѣхъ) ветхозавѣтныхъ писаній“, будто бы „явно противорѣчащихъ понятію о самомъ простомъ благочестіи, сильно накреняется, вздымаемый волнами недоумѣній“... Слышится жалоба неопытныхъ ловцовъ, пустившихся безъ

кормчаго въ „море писаній“, какъ выражается св. Златоустъ. Они жалуются, что опытные кормчіе не идутъ къ нимъ на помощь...

Слава Богу, что еще сознаютъ опасность и чувствуютъ нужду въ окормленіи. Вѣдь, если они безъ такого окормленія пустятся въ дальнѣйшее плаваніе, то и совсѣмъ потеряютъ вѣру въ священное достоинство не только „иныхъ“, но и всѣхъ, не только ветхозавѣтныхъ, но и новозавѣтныхъ книгъ Священнаго Писанія. Это — тотъ самый путь, или, говоря языкомъ мореходцевъ — курсъ, на какой всталъ когда-то великій отступникъ отъ церкви — нѣмецъ Лютеръ — путь самочиннаго толкованія Писаній; путь довѣрія своему смышленію въ такомъ важномъ дѣлѣ, путь раціонализма. Онъ сталъ мѣрять книги Священнаго Писанія на свой аршинъ, оцѣнивать ихъ „священное достоинство“ своимъ умомъ-разумомъ и сначала отвергъ всѣ книги неканоническія, а потомъ выбросилъ и нѣкоторыя каноническія, какъ напримѣръ, посланіе апостола Іакова брата Господня, подвергъ сомнѣнію многія мѣста Священнаго Писанія, а его послѣдователи, мало-по-малу искрошили въ лоскутки самое Евангеліе, признавая то тѣ, то другія мѣста въ немъ подложными, перессорились между собою изъ-за такихъ мѣстъ, и получился полный разгромъ всей Библіи, начиная съ книги Бытія и кончая Откровеніемъ. Вотъ— путь, на который становятся всѣ, кто самочинно, безъ руководства Церкви, пускаются въ „море Писаній“. Примѣръ такого отношенія къ слову Божію у меня подъ руками: это книжка русскаго профессора медицины, который признавая „несомнѣннымъ“ свое происхожденіе отъ обезьяны, прочиталъ всю Библію съ цѣлію издѣвательства надъ нею и дошелъ до возмутительнаго богохульства, которое здѣсь повторять я не хочу, чтобы не оскорблять имени Божія и чувства вѣрующихъ людей.—И все это издѣвательство, кощунство, богохульство, якобы основано у него на Библіи, и все это напечатано, и — увы—въ три года (1905 — 1908) этой книжки разошлось уже девять изданій: такъ лакома наша интеллигенція до всего, что даетъ поводъ къ оправданію грѣха!.. Профессоръ-кощунъ многія библейскія сказанія прямо называетъ сказками, а наши антисемиты близки къ мысли, что всѣ ветхозавѣтныя книги, по меньшей мѣрѣ, испорчены жидами, если не прямо сочинены ими въ цѣляхъ достиженія своихъ національныхъ идеаловъ—всемірнаго господства. А это само собою ведетъ къ заключенію, что Библіи не слѣдуетъ довѣрять, что она — не богодухновенная книга, а человѣческое, еврейское произведеніе... Но ея авторитетъ держится на авторитетѣ Самого Іисуса Христа и Его апостоловъ, которые свидѣтельствуютъ, что все Писаніе *богодухновенно и полезно* (2 Тим. 3, 6). Какъ же быть? Какъ выйти изъ этого затрудненія? Антисемиты сами чувствуютъ эту опасность: они ищутъ опоры для своей вѣры, они зовутъ кормчихъ.

Такимъ кормчимъ является для православнаго христіанина святая матерь его—Церковь въ лицѣ своихъ толковниковъ-писателей, святыхъ отцовъ и учителей Церкви, и прежде всего слѣдуетъ усвоить правильное понятіе о богодухновенности книгъ Священнаго Писанія, о томъ, что въ нихъ есть духъ, что—буква, что — печать личныхъ свойствъ писателя, что — простая правдивая исторія, имъ передаваемая совершенно объективно, какъ говорятъ, то-есть, безпристрастно,

безъ проявленія личнаго отношенія писателя къ тому или другому явленію или дѣянію того или другого лица. Духъ Божій дѣйствовалъ на святыхъ мужей не принудительно, не насилуя ихъ естественныхъ способностей, такъ, что они являлись провозвѣстниками Божественнаго откровенія при полной сохранности своихъ силъ и проявленіи своихъ способностей, напримѣръ, въ образѣ пониманія и представленія вещей, въ планѣ своихъ произведеній, въ выборѣ словъ и выраженій для мысли и проч. Затѣмъ, слѣдуетъ помнить, что книги Священнаго Писанія — не житія святыхъ: онѣ описываютъ дѣянія и грѣшниковъ, наравнѣ съ дѣяніями праведниковъ, да и самихъ праведниковъ изображаютъ такими, какими они были, то-есть, людьми, коимъ не чужды были не только недостатки, но иногда и прямо тяжкіе грѣхи: примѣръ царя Давида и другихъ. Возьму тотъ случай, на который указываютъ мои совопросники: способъ полученія праотцемъ Іаковомъ отъ престарѣлаго отца благословенія, предназначеннаго отцемъ для Исава. Въ чемъ тутъ дѣло? Что блазнитъ? Конечно,—обманъ старца со стороны сына при содѣйствіи матери. Бытописатель о самомъ способѣ не говоритъ ничего: хорошъ онъ, или непохваленъ. Онъ передаетъ только фактъ, какъ дѣло было. Мать знала по откровенію, что большій, то-есть старшій, поработаетъ меньшему (Быт. 25, 23). Она слышала, какъ и для чего отецъ посылалъ Исава на охоту. Вмѣсто того, чтобы предоставить волѣ Божіей устроить все дѣло, согласно обѣтованію Божію, чтобы досталось благословеніе первородства Іакову, она, говоря по-нашему, рѣшилась вмѣшаться въ это дѣло, принять свои мѣры къ исполненію воли Божіей, не разбираясь въ средствахъ, по своему младенческому разумѣнію. Нельзя же было требовать отъ ветхозавѣтной женщины во всей строгости чистоты нравственныхъ поступковъ. И Богъ не осудилъ ее за такое вмѣшательство. Да и самъ праотецъ Исаакъ не видно, чтобы порицалъ жену за такое вмѣшательство: напротивъ, какъ говоритъ блаженный Θеодоритъ, „приведенный въ ужасъ случившимся, не огорчился, какъ обманутый сыномъ, но позналъ Божіе намѣреніе и подтвердилъ данное имъ благословеніе“. (Твор. блаж. Θеодорита, ч. I, стр. 66).

Законъ жизни въ Церкви требуетъ отъ каждаго члена Церкви мыслить и вѣровать такъ, какъ мыслитъ и вѣруетъ Церковь. А ея голосъ слышенъ намъ въ писаніяхъ Божественныхъ, въ опредѣленіяхъ соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ, въ писаніяхъ отцевъ и учителей Церкви, отъ вѣка въ вѣкъ хранившихъ и, такъ сказать, накоплявшихъ сокровищницу церковнаго преданія. Въ этомъ преданіи какъ и въ писаніи—жизнь духа Церкви, вѣетъ Духъ Божій, охраняющій Церковь отъ заблужденій. И творится это для нашего разумѣнія неуловимо, непостижимо, и лишь вѣрѣ вѣрующихъ въ Церковь это открывается и бываетъ ясно до очевидности. Отъ времени до времени Духъ Божій, присно живущій въ Церкви, воздвизаетъ мужей, исполненныхъ духа разума, духа премудрости и благочестія, которые выражаютъ, облекаютъ въ слово въ своихъ писаніяхъ, мысль Церкви, назрѣвшую, такъ сказать, въ общецерковномъ сознаніи, и являются для чадъ Церкви временъ грядущихъ устами Церкви вѣковъ минувшихъ. И духъ любви, коимъ дышетъ вся Церковь, побуждаетъ съ смиреніемъ и любо-

вію, съ послушаніемъ къ матери-Церкви—усвоять сіи глаголы живого преданія, и они, сіи глаголы, часто безъ всякаго оффиціальнаго признанія ихъ, безъ регистрованія въ канонахъ и правилахъ, входятъ въ сознаніе, въ жизнь Церкви прежде, чѣмъ тотъ или другой соборъ упрочитъ ихъ въ письмени, въ канонахъ и опредѣленіяхъ своихъ. И корень многихъ такихъ преданій лежитъ еще въ преданіяхъ апостольскихъ, сохраненныхъ намъ учениками и преемниками апостоловъ частію въ ихъ писаніяхъ, частію же въ устномъ преданіи дотолѣ, пока позднѣйшіе ученики, пастыри и учители Церкви, водимые Духомъ Божіимъ, не занесутъ и сіи устныя преданія въ свои писанія. И то, что общецерковное сознаніе признало своимъ, роднымъ, то стало общимъ достояніемъ Церкви на всѣ времена и хранится въ сокровищницахъ церковнаго преданія. А иное осталось какъ частное мнѣніе того или другого отца, впрочемъ, непротиворѣчащее общецерковному пониманію. Если же мнѣніе не отвѣчало таковому, то оно отпадало само собою, а иногда даже тотъ, кто его высказывалъ, самъ отрекался отъ него, подчиняясь во имя любви и смиренія общему голосу Церкви. Такъ истина Божія свято хранилась въ нѣдрахъ Церкви, которая являлась непогрѣшимою носительницею сей истины, столпомъ и утвержденіемъ ея. И вѣрующіе, пріобщаясь къ жизни Церкви любовію, имѣя общеніе въ таинствахъ, наипаче же въ святѣйшемъ причащеніи Тѣла и Крови Господней, являлись живыми членами тѣла церковнаго, чадами благодати Христовой.

Вотъ тотъ голосъ Церкви, къ коему я призывалъ прислушиваться нашихъ „патріотовъ - антисемитовъ“.—„О—да, да“, отвѣчаютъ они въ своемъ письмѣ ко мнѣ. Но, какъ пастырь Церкви, не могъ же я не предупредить ихъ отъ великой опасности самочинія въ такомъ великомъ дѣлѣ, какъ истолкованіе Священнаго Писанія. „Иначе,—сказалъ я твердо, и сейчасъ долженъ повторить:—иначе она, Церковь, не нуждается въ ихъ защитѣ и не можетъ дать имъ своего благословенія на ихъ дѣятельность“. Но вотъ, въ отвѣтъ на это они пишутъ, что „сердце ихъ уже поникло, и въ скорбной душѣ звучатъ слова поэта:

„Не терпитъ Богъ людской гордыни,
Не съ тѣми Онъ, кто говоритъ:
Мы—соль земли, мы—столпъ святыни,
Мы—Божій мечъ, мы—Божій щитъ“.

Выходитъ, какъ будто подъ голосомъ Церкви они разумѣютъ отдѣльные голоса насъ, архіереевъ, какъ будто мы именно и считаемъ себя „солью земли, столпомъ святыни, Божьимъ мечомъ и Божьимъ щитомъ“... Какъ будто мы заражены тою „гордыней“, которую такъ бичуетъ поэтъ. Тяжело читать эти строки. Хотя мы и должны бы быть „солію земли“, по слову Христа Спасителя, но мы—только служители Церкви, и горе намъ, аще не будемъ говорить правды Божіей, возвѣщать ученіе Церкви, предостерегать вѣрующихъ отъ разногласія съ Церковію! Поэтъ предостерегалъ Русь отъ гордаго превозношенія предъ другими народами, а дерзновенное, хотя бы даже и обличительное слово пастыря есть его долгъ, это—не плодъ „гордыни“, а тяжелый крестъ, что и должны понимать вѣрныя чада Церкви и не упрекать за слово предостереженія, а благодарить бы подобало... Но тутъ, конечно, одно недоразумѣніе.

Я отвѣтилъ дорогимъ братьямъ союзникамъ-антисемитамъ, кажется,

такъ, какъ они желали: sine ira et studio. Мы живемъ въ вѣкъ всякихъ „засилій"; опасно засилье жидовское, но его мы достаточно опознали, съ нимъ давно считаемся. А вотъ засилье нѣмецкое не такъ видно, прикрывается „культурой", „наукой", „цивилизаціей" и другими красивыми словами, при звукахъ которыхъ мы стыдливо привыкли сдаваться на капитуляціи. Оно входитъ въ союзъ съ засильемъ жидовскимъ, беретъ у него тонкій ядъ, подслащаетъ его разными „культурными" словами, преподноситъ намъ и въ наукѣ, и въ періодической печати, и старается отравить самую душу русскую православную,—раціонализмомъ, невѣріемъ, всѣмъ, чѣмъ только можно. Не всегда разберешь даже: что жидовское, что нѣмецкое. Даже фамиліи „культуртрегеровъ" той и другой націи одинаковы. Но нѣмецкій ядъ тоньше жидовскаго, а потому и опаснѣе. Недавно одинъ почтенный профессоръ духовной академіи написалъ цѣлый рядъ статей о „нѣмецкомъ засильѣ" въ богословской наукѣ. А засилье это такъ глубоко проникаетъ въ нашу науку, что безъ нѣмца—ни шагу наши богословы, даже, можетъ быть, и нѣкоторые изъ тѣхъ, которые пишутъ о такомъ засильѣ, которые борются теперь съ нимъ. Оно проникло въ нашу духовную атмосферу настолько, что мы дышемъ этими удушливыми газами не замѣчая ихъ. Если хотите, нѣмцы помогутъ вамъ и въ борьбѣ, якобы съ жидовскимъ засильемъ, на самомъ же дѣлѣ — съ авторитетомъ Библіи, какъ книги еврейской, если только вы станете на ихъ точку зрѣнія на Библію, какъ простое человѣческое произведеніе. Къ сожалѣнію, на эту удочку и идутъ нѣкоторые наши антисемиты, не замѣчая того, что начинаютъ подъ руководствомъ нѣмцевъ бороться уже не съ жидами, а съ священными книгами, чтимыми Церковію. Вотъ почему мы не перестанемъ предупреждать братьевъ-антисемитовъ, чтобъ ближе держались матери Церкви въ вопросахъ, касающихся Библіи. Какъ безъ Церкви нѣтъ хрістіанства, такъ безъ Церкви нѣтъ и Священнаго Писанія.

Предвижу вопросъ: гдѣ же, въ какихъ изданіяхъ, найти голосъ Церкви, изъясняющій неудобовразумительныя мѣста Св. Писанія?— Кратко отвѣчу и на сей вопросъ. На Новый Завѣтъ есть книги, въ коихъ святоотеческія толкованія собраны и изложены болѣе или менѣе подробно; таковы „Толковое Евангеліе" епископа Михаила, мое „Троицкое Толковое Евангеліе отъ Матѳея", Толкованіе епископа Ѳеофана Затворника на всѣ посланія (кромѣ посланія къ Евреямъ) апостола Павла, не говорю о твореніяхъ св. Іоанна Златоуста, блаженнаго Ѳеофилакта и другихъ отцовъ Церкви. Изъ книгъ Ветхаго Завѣта должно указать на „Записки на книгу Бытія" святителя Филарета Московскаго, на Толковую Библію изданія журнала „Странникъ", нѣсколько томовъ „Священной Лѣтописи" Георгія Властова. Нашъ Издательскій Совѣтъ при Святѣйшемъ Сунодѣ предполагаетъ выпустить толкованіе на всѣ книги Священнаго Писанія въ общедоступномъ изложеніи. Есть много и частныхъ изданій, на отдѣльныя книги Библіи, напримѣръ на Псалтирь Сарапульскаго епископа Палладія, профессора Якимова, Орды, особенно назидательно, хотя и чрезмѣрно обширно толкованіе на Псалтирь Евѳимія Зигабена (изданіе Кіево-Печерской лавры).

287.

Нѣчто объ „унынiи".

Господи и Владыко живота моего, духъ уныніе не даждь ми.

Газеты твердятъ, что надо поддерживать бодрое настроеніе въ народныхъ массахъ, а одна позволила себѣ даже высказать осужденіе посланію Святѣйшаго Сунода о постѣ и молитвѣ на 26—29 августа. Это посланіе, по мнѣнію газеты, вызываетъ, будто бы, чувство унынія въ то время, когда „всѣ отъ мала до велика бодро смотрятъ впередъ и одухотворены одной идеей: побѣдить врага во что бы то ни стало". Авторъ забываетъ, что даже и въ обычныхъ житейскихъ дѣлахъ, по слову Божію, *аще не Господь созиждетъ домъ, всуе трудишася зиждущіи, аще не Господь сохранитъ градъ, всуе бдѣ стрегій* (Пс. 126, 1): тѣмъ паче спасеніе государства не столько въ нашихъ рукахъ, сколько въ Божіемъ милосердіи. А это милосердіе надо привлечь покаяніемъ во грѣхахъ и дѣлами добрыми. Къ сему и призываетъ Святѣйшій Сунодъ. Унынiе, какъ я сказалъ въ прошлой своей статьѣ, есть порожденіе гордыни, а нашъ народъ сердцемъ смиренъ, и приметъ съ любовію призывъ власти церковной и найдетъ въ покаянной молитвѣ и постѣ новыя силы въ борьбѣ съ врагомъ. Авторъ упрекаетъ, что Святѣйшій Сунодъ „не нашелъ въ русской исторіи ни одного примѣра для своего посланія, кромѣ нашествія Тамерлана, закончившагося разгромомъ тогдашней разъединенной Россіи". Удивляюсь его невѣжеству въ исторіи: не смѣшалъ ли онъ нашествіе Тамерлана съ нашествіемъ Батыя? Тогда да будетъ ему стыдно! Никакого „разгрома" отъ Тамерлана Россія не испытала, — напротивъ: вотъ, что говоритъ исторія.

Несмѣтныя, необоримыя полчища страшнаго Тамерлана, точно мрачныя тучи, покрывали окрестности города Ельца въ ночь на 26-е августа. Самъ грозный „владыка міра" покоился въ великолѣпной ставкѣ своей. Безсмѣнно, не сморгнувъ глазомъ, князья и ханы Азіи окружали ставку, охраняя сонъ грознаго повелителя. Но ему нѣтъ сна отъ страшныхъ видѣній... Видится ему высокая гора, и на ней дивные старцы съ жезлами въ рукахъ, грозящіе ему. Необъятный сводъ небесный надъ горой... Свѣтъ ярче солнечныхъ лучей... И въ свѣтѣ томъ Дивная Царица, въ багряныхъ ризахъ, сіяющая паче солнца молніезрачными лучами... А въ лучезарной выси небесной — безчисленныя воинства, готовыя устремиться по первому мановенію Царицы. Но Царица спокойно молится, простирая руки горѣ. Вдругъ, грозно взглянувъ на Тамерлана, Царица повелѣваетъ тьмочисленнымъ воинствамъ обрушиться на него... Отчаянный крикъ раздается въ царской ставкѣ. Вбѣжавшіе вельможи находятъ своего владыку въ такомъ видѣ, въ какомъ никогда не видали. Безтрепетный въ виду смерти въ бояхъ, онъ теперь дрожалъ и стоналъ въ полномъ изнеможеніи... На утро свирѣпый завоеватель повелѣваетъ неожиданно всѣмъ сниматься и быстро отступать...

Такъ говорятъ наши лѣтописныя сказанія. Далѣе они разсказываютъ,

что Тамерланъ излилъ свою злобу на улусахъ кипчакской орды, на татарскихъ городахъ, на Астрахани, на Азовѣ, — онъ испепелилъ ихъ. Такимъ образомъ, то, что грозило нашей Руси страшной гибелью нашествіе Тамерлана, то принесло ей величайшую пользу: страшный врагъ хрістіанства нанесъ смертельный ударъ ея вѣковому врагу—Золотой Ордѣ. А благодарная Русь построила въ Москвѣ, на мѣстѣ срѣтенія иконы Богоматери Владимірской „Срѣтенскій монастырь“, *да не забудутъ людіе дѣлъ Божіихъ*, какъ замѣчаетъ благочестивый лѣтописецъ. Въ то же время установленъ и тотъ праздникъ 26-го августа въ честь Владимірской иконы Владычицы, который Святѣйшій Сѵнодъ избралъ началомъ трехдневнаго поста во умилостивленіе прогнѣваннаго Господа нашими грѣхами. И мы вѣруемъ, что Господь, видящій сердца наши и „цѣлующій“, по выраженію святаго Златоуста, даже „намѣреніе“ доброе, призритъ на молитву народа вѣрующаго и пошлетъ побѣду и одолѣніе на лютаго врага, напоминающаго своими жестокостями язычника Тамерлана.

Скорбно писать эти строки... Газета, издаваемая русскими людьми, даетъ мѣсто невѣжественной статьѣ какого то... интеллигента-невѣра *), чтобы бросить упрекъ церковной власти въ „насажденіи унынія“. Ну, и времена мы переживаемъ! Хоть бы исторію то не искажали, а то вѣдь каждый мужичекъ-грамотей, читавшій Минеи. Четьи, можетъ пристыдить такого „писателя“, обличивъ его въ незнаніи того, что было на Руси... Но, Богъ съ ними, съ этими писателями, обвиняющими церковную власть въ томъ, будто она „поселяетъ унынiе“ въ народѣ своимъ посланіемъ, будто она „забываетъ свой долгъ передъ родиной и недобросовѣстно исполняетъ свои обязанности, играя тѣмъ въ руку врагамъ“. Не о народѣ у нихъ забота; не стоило бы и говорить о нихъ, если бы въ ихъ газетныхъ „выступленіяхъ“ не замѣчалось планомѣрнаго дискредитированія церковной власти въ глазахъ многотысячныхъ читателей газеты, если бы они тутъ же не высказывали своего яснаго желанія внушить массѣ читателей, что „голосъ Сѵнода не есть“, какъ говоритъ авторъ упомянутой замѣтки, „голосъ всей Церкви“, что это—„просто слова шести іерарховъ, питомцевъ побѣдоносцевской школы, давно уже стоящихъ вдали отъ вѣрующаго населенія“. Они не видятъ, не хотятъ видѣть эти писатели того, что отмѣчаютъ умные люди даже за границей, о чемъ говорятъ телеграммы даже въ ихъ же газетахъ. Въ англійской газетѣ „Observer“ по поводу сѵнодальнаго посланія говорится, что въ Россіи необходимо считаться съ двумя совершенно своеобразными фактами: во первыхъ—религіозностью народа, и во вторыхъ—весьма важнымъ постановленіемъ Святѣйшаго Сѵнода, установившаго особыя молебствія о дарованіи побѣды. Поста и молитвы просилъ самъ народъ: объ этомъ немало было получено заявленій изъ среды вѣрующихъ людей какъ членами Сѵнода, такъ и г. оберъ-прокуроромъ. Именно просили назначить постъ и подвигъ покаянный, и теперь уже получаются благодарные отклики на посланіе Сѵнода. Слава Богу: въ народѣ живетъ еще глубокое сознаніе своей грѣховности предъ Богомъ и въ этомъ, именно въ этомъ, а не въ сознаніи своей силы и мо-

*) Подпись стоитъ *Паозерскій*. Это бывшій священникъ, поправшій, слѣдовательно, благодать священства. Тѣмъ стыднѣе ему не знать родной исторіи...

щи—залогъ нашей вѣрной побѣды. Чѣмъ чище будетъ православная совѣсть народная, тѣмъ выше поднимается духъ народа, тѣмъ ближе будетъ къ намъ небесная помощь. Посланіе Святѣйшаго Сунода показываетъ примѣръ, какъ покаянный вопль русскихъ людей при нашествіи Тамерлана подвигъ Царицу небесную на молитвенное заступленіе предъ Богомъ и прогнаніе лютаго врага изъ предѣловъ нашей святой Руси. Да такихъ примѣровъ можно привести не мало. Читайте исторію смутнаго времени по лѣтописямъ и вообще по первоисточникамъ (въ изложеніяхъ историковъ-прагматиковъ все чудесное обычно опускается): преподобный Сергій трижды является во снѣ Минину, призывая его на спасеніе отечества; онъ же является святителю Арсенію, томившемуся въ тяжкомъ плѣну во время польскаго владычества въ Москвѣ, и возвѣщаетъ ему, что „предстательствомъ Богоматери судъ Божій объ отечествѣ преложенъ на милость и Москва на завтра же будетъ освобождена“, что и исполнилось; а сколько ободряющихъ, укрѣпляющихъ видѣній было во дни шестнадцатимѣсячной осады Троицкой лавры! То видятъ достойные видѣнія, какъ преподобный Сергій ходитъ по оградѣ и монастырю и все окропляетъ святою водою; то онъ устрашаетъ враговъ, то предупреждаетъ и ободряетъ находящихся въ опасности осажденныхъ, то грозно вразумляетъ нерадящихъ о своемъ спасеніи: „и подъ стѣнами обители моей всѣхъ пришедшихъ враговъ истреблю, и во обители моей нечисто и двоемысленно живущихъ погублю же, и со осквернившимися управлюсь“. Горько плачетъ въ тихой кельѣ о бѣдствіяхъ отечества ключарь Московскаго Успенскаго собора Иванъ Насѣдка, страдая сердцемъ за православіе, но лишь только забылся въ изнеможеніи отъ плача, какъ слышитъ въ окно голосъ: „кто ты, который такъ думаешь, будто не быть на Руси православію и хочешь испытать судьбы Божія? А того не знаешь, что за васъ молитъ Бога Василій Великій, Дмитрій Солунскій, да и вашъ преподобный Сергій чудодѣйствующій? И будетъ православіе на Руси по-прежнему!“ И лишь бы русскіе люди не измѣняли родной Церкви, не измѣняли православной вѣрѣ, лишь бы довѣрялись больше заступленію Царицы небесной и святымъ ходатаямъ своимъ—угодникамъ Божіимъ, чѣмъ своимъ собственнымъ силамъ, да каялись въ грѣхахъ своихъ,—Русь побѣдитъ, Русь останется крѣпкимъ оплотомъ правды Божьей на землѣ для всѣхъ, угнетаемыхъ неправдою народовъ, противъ всѣхъ рабовъ неправды, слугъ отца лжи, сатаны, будутъ ли то нѣмцы, турки или еще какіе народы богоотступники!..

Въ томъ то и бѣда наша, въ томъ-то и опасность, что наша такъ называемая интеллигенція, лучше сказать,—полуинтеллигенція, въ большинствѣ своемъ, на протяженіи двухъ вѣковъ господства нѣмецкихъ вліяній оторвалась въ своемъ міросозерцаніи отъ народа и перестала понимать его. Для нея всѣ эти сказанія лѣтописей и житій святыхъ только благочестивыя легенды, вымыслы фантазіи народной, а для народа это—непререкаемые факты его родной исторіи, исторіи его религіознаго самосознанія, его непрерываемаго общенія съ своими предками, къ Богу отшедшими, и съ небожителями и съ Самимъ Господомъ. Вѣдь, вся исторія Руси тѣсно, неразрывно сплетается съ исторіей родной Церкви православной, а ради Церкви православной Господь и

міръ хранитъ, и земля стоитъ, и судъ Божій всемірный, хрістіанами ожидаемый, отлагается. И нашъ народъ твердо помнитъ это, и ни къ какой обидѣ такъ не чутокъ, какъ къ оскорбленію его святынь, чрезъ которыя онъ соприкасается съ благодатію спасающей. Какъ жаль, что наши отщепенцы этого не понимаютъ! Не знаютъ этой тайны общенія народа съ небомъ, живутъ въ сущности жизнію язычниковъ и судятъ о народѣ нерѣдко хуже иностранцевъ, какъ это видно, напримѣръ, изъ отзыва англійской газеты о посланіи нашего Святѣйшаго Сунода. Газеты пишутъ что архіепископъ Лондонскій недавно, въ день моленія за короля, за страну, за армію и флотъ, сражающіеся со врагомъ, произнесъ замѣчательную проповѣдь, въ которой сказалъ о нашемъ отечествѣ, что „Россія никогда не будетъ побѣждена, и это не столько благодаря обширной своей территоріи, сколько благодаря душѣ своего народа, которая все будетъ горѣть и страдать, страдать и горѣть. Русскіе могутъ потерять весь міръ, но они сохранятъ свою душу". Настоятель англиканской церкви въ Петроградѣ, въ письмѣ на имя члена Святѣйшаго Сунода архіепископа Сергія, отъ лица своей церкви выражаетъ желаніе избранные нашимъ Святѣйшимъ Сунодомъ дни покаянія отмѣтить „говѣніемъ, принесеніемъ великихъ таинъ и всеобщимъ моленіемъ". Очевидно, и добрые союзники наши согласны съ нами въ томъ, что молитва и покаяніе особенно благопотребны въ наши дни. Только нашимъ полуинтеллигентамъ не по душѣ призывъ къ покаянію. Повторяю: и Богъ съ ними! А народъ нашъ въ вѣрѣ и упованіи на милость Божію переноситъ самыя тяжкія испытанія: какъ наказаніе милующей десницы Божіей принимаетъ онъ войну, вѣруя, что егоже любитъ Господь, того и наказуетъ и, наказуя, милуетъ и отъ бѣдъ избавляетъ. Въ этой вѣрѣ народъ и черпаетъ силы для перенесенія всякихъ бѣдъ и напастей; въ ней же онъ обрѣтаетъ и ту бодрость духа, которая нужна для побѣды надъ врагомъ. Въ бѣдахъ онъ не отчаевается, въ побѣдахъ не превозносится надъ врагомъ, относится къ нему великодушно и самую побѣду приписываетъ Богу: *не намъ, не намъ, Господи, а имени Твоему!* Прекрасно эта вѣра выражена знаменитымъ русскимъ Златоустомъ, архіепископомъ Иннокентіемъ въ составленномъ имъ акаѳистѣ Живоначальной Троицѣ: *Святъ еси, Господи Боже нашъ, наводяй и отъемляй брани, вѣнчаяй побѣдою правое оружіе, неправое же, посредъ самыхъ побѣдъ, предъопредѣляяй къ сокрушенію!*

И мы вѣримъ, вѣруемъ, что временные успѣхи нашего врага уже предопредѣлены Господомъ къ сокрушенію его же самого, лишь бы мы покаяніемъ, постомъ и молитвою, наипаче же дѣлами любви и милосердія, потщались, по мѣрѣ силъ нашихъ, быть достойными милостей Божіихъ...

Свѣтлый лучъ среди тучъ.

Кто былъ 25 августа у всенощной, тотъ не могъ не утѣшиться духовнымъ утѣшеніемъ, какое дала ему Церковь въ пѣснопѣніяхъ службы въ честь чудотворной иконы Матери Божіей, нашей небесной Заступницы. Вотъ, что поется въ стихирѣ на „Господи воззвахъ": *Твоимъ рождествомъ адова крѣпость разорися, нынѣ же Твоими молитвами враговъ нашихъ шатаніе низложи, и крѣпость ихъ со-*

круши, и людемъ Твоимъ побѣды на враги даруй, да посрамятся вси, являющіи рабомъ Твоимъ злая.—Богородице Владычице, державная Помощнице, укрѣпи славящаго Тя Императора на враги, да яже древле спасла еси царскій градъ (Москву) *отъ нахожденія поганыхъ, тако и нынѣ спаси страну Россійскую отъ нахожденія вражія... Подаждь утѣшеніе рабомъ Твоимъ, Чистая, напастьми одержимымъ... варварская шатанія низложи, и насъ рабовъ Твоихъ, Безневѣстная, хвалящихъ Тя, спаси!.. О чудо веліе и преславное и пребольши ума! Како пришествіемъ честнаго Ея образа супротивніи побѣждаются и скипетръ Царя нашего утверждается...*

Въ тропарѣ Церковь взываетъ: *О пречудная, Владычице Богородице! молися изъ Тебе воплощенному Христу Богу нашему, да избавитъ вся грады и страны христіанскія невредимы отъ всѣхъ навѣтовъ вражіихъ!..*

И такъ далѣе; мысль о заступленіи, о защитѣ отъ нашествія иноплеменныхъ проходитъ чрезъ всю службу, чрезъ канонъ, стихиры до конца. Какъ будто нарочито и служба эта написана для тѣхъ дней покаянія и усиленной мольбы къ Заступницѣ нашей Матери Божіей, когда власть церковная заповѣдала постъ и молитву по случаю нашествія иноплеменныхъ...

А между тѣмъ Св. Сунодъ, внимая благочестивымъ просьбамъ вѣрующихъ душъ, имѣлъ въ мысли день строгаго поста на Усѣкновеніе Предтечи Господня; затѣмъ пришелъ къ мысли предварить сей день покаянной молитвы трехдневнымъ постомъ, и вотъ, начало этого поста совпадаетъ съ воспоминаніемъ спасенія Россіи отъ нашествія Тамерлана и съ умилительными мольбами къ Матери Божіей о заступленіи и помощи отъ нашествія супостатъ...

Случайно ли это? Не есть ли это знаменіе нѣкое, нѣкое небесное утѣшеніе скорбящимъ русскимъ душамъ, съ вѣрою и любовію притекающимъ къ покрову Дѣвы Матери въ дни горькой обиды отъ тѣхъ, которые не чтутъ ни образа Ея, ни Ея самой?..

Не есть ли это — свѣтлый лучъ надежды на всесильную помощь, Самою Помощницею нашей намъ посылаемый?

Укрѣпимся въ вѣрѣ и упованіи, православные русскіе люди, что есть у насъ стѣна необоримая, упованіе непостыдное, покровъ и заступленіе, никогда еще нашу Русскую землю въ бѣдахъ неоставлявшая— Пречистая Дѣва Матерь Христа Бога нашего! Будемъ только взывать къ Ней словами нынѣшняго канона: *Ирінми Твоихъ рабъ мольбы, Пречистая Дѣво Богородице, и совѣты противныхъ враговъ разжени, нападающихъ на стадо Твое, Всенепорочная Владычице!*

288.

Удушливые газы.

Германцы изобрѣли противъ людей, какъ противъ какихъ-нибудь насѣкомыхъ, удушливые газы: но есть люди, которые давно предупредили ихъ: они изобрѣли другой способъ отравлять и душить людей—ложью, клеветою, инсинуаціями—въ печати. Извѣстно, что простой русскій че-

ловѣкъ каждую напечатанную строку считаетъ за чистую истину; онъ все еще не можетъ себѣ представить: какъ это можно дозволять печатать ложь и клевету, какъ не стыдно печатающимъ, какъ не грѣшно разрѣшающимъ печатать?.. Онъ не понимаетъ, для чего дана такая свобода—печатай что хочешь, лишь бы какого министра не задѣть... Недалеко, правду сказать, ушли отъ простого мужичка и наши глаголемые интеллигенты: попробуй разубѣдить иного въ чемъ-нибудь похожемъ на сплетню: онъ ткнетъ перстомъ въ газету — вотъ, читай, такъ напечатано! Напечатано—значитъ—правда. А при воспитанной нѣмцами на протяженіи почти двухъ столѣтій склонности нашего интеллигента къ протесту, къ критикѣ всего, что стоитъ выше его, безполезно было бы и доказывать ему противное.

Вотъ всѣмъ этимъ и пользуется собирательный іудей, чтобы достигать своихъ цѣлей. Онъ захватилъ въ свои цѣпкія руки печать въ подавляющемъ ея большинствѣ; онъ зорко слѣдитъ за всякимъ благотворнымъ для Церкви, но опаснымъ для его темныхъ цѣлей, явленіемъ въ церковной жизни: онъ тщательно замалчиваетъ это явленіе въ своей печати, а когда не удается это, онъ старается его дискредитировать въ глазахъ читателей, представить въ извращенномъ видѣ, набросить на него тѣнь, очернить тѣхъ, кто является виновникомъ такого нежелательнаго для него явленія. Вспомните, какъ наша, такъ называемая либеральная печать относилась къ великому событію въ жизни Церкви — открытію святыхъ мощей Саровскаго чудотворца Серафима двѣнадцать лѣтъ тому назадъ. Большинство іудействующихъ газетъ притворилось, какъ будто ничего особеннаго на Руси не случилось, и только Царское путешествіе въ Саровъ вынудило ихъ заговорить о томъ, что тамъ творится. Но и тутъ—ни слова о чудесахъ, которыя преизобильно источались у раки новаго чудотворца, у его источника, даже у его уединенныхъ келліекъ пустынныхъ. Чувствовалось какое-то презрительное отношеніе іудействующаго полуинтеллигента ко всему этому. И это не случайное явленіе. Помню великое торжество въ Троицкой лаврѣ въ 1892 году: обитель преподобнаго Сергія, а съ нею и вся Русь православная праздновала 500-лѣтній юбилей блаженной кончины великаго печальника Русской земли; изъ Москвы шелъ величественный крестный ходъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ богомольцевъ; подъемъ народнаго духа былъ столь высокъ, что всѣ мы, свидѣтели этого великаго торжества, переживали часы, не повторяемые въ жизни каждаго. Лѣсные звѣри, медвѣди, когда-то облагодѣтельствованные великимъ старцемъ-подвижникомъ, какъ бы выслали отъ себя своего рода депутацію: приходила къ скиту большая медвѣдица съ двумя медвѣжатами, въ самый день юбилея, какъ это истолковали простые богомольцы, и умилились сердцемъ, принявъ и это въ нѣкоторое знаменіе и поученіе себѣ. А наша печать? Интеллигенты? Исключая патріотическихъ газетъ, въ родѣ „Московскихъ Вѣдомостей“, остальныя едва обмолвились нѣсколькими замѣтками. Такъ было и при открытіи святыхъ мощей новыхъ чудотворцевъ: Ѳеодосія, Іоасафа, Питирима, такъ бываетъ всегда, когда въ народной жизни проявляется вѣра народная, когда Церковь русская свѣтло красуется своими великими переживаніями...

Іудеи и ихъ приспѣшники такъ искусно перевоспитываютъ міросозерцаніе своихъ читателей, такъ отравляютъ ихъ духомъ скептицизма, что послѣдніе, даже изъ числа тѣхъ, которые считаютъ себя еще вѣрующими, мало-по-малу начинаютъ „стыдиться Христа“: имъ становится какъ-то не по себѣ, когда духовное лицо начинаетъ разговоръ о чудесахъ, о Страшномъ судѣ Христовомъ, даже о злыхъ духахъ, о всемъ сверхчувственномъ. Они боятся шутокъ, если не прямо насмѣшекъ со стороны уже невѣрующихъ. Ихъ начинаетъ стѣснять даже присутствіе духовнаго лица. Этотъ ложный стыдъ переносится даже на обстановку: вы не скоро найдете глазами святую икону въ богатомъ залѣ, она ютится гдѣ-нибудь въ уголкѣ, за драпировками, и мнѣ случалось у очень почтенныхъ людей иногда спрашивать хозяина: гдѣ икона, чтобы помолиться предъ обѣдомъ? Стыдятся Христа! И стыдятся, и не хотятъ сознаться въ томъ. „Не принято теперь имѣть большія иконы въ домахъ“.—Кѣмъ не принято? кто является законоположникомъ такого деспотическаго гоненія на святыню нашей вѣры?—Вамъ не отвѣтятъ. „Такъ принято, такъ не принято“—вотъ и весь отвѣтъ... И напрасно вы будете доказывать, что такъ относиться къ священному обычаю, лучше сказать, преданію родной матери-Церкви—завѣту нашихъ предковъ — имѣть святыню на виду—грѣшно: это значило бы лишать себя и свой домъ завѣдомо Божія благословенія. Новый, модный, враждебный завѣтамъ Церкви обычай окажется сильнѣе вашихъ доказательствъ, выше вашего авторитета, будь вы не только простой священникъ, но даже самъ митрополитъ. Увернутся, можетъ быть, извинятся ради приличія, чтобъ не обидѣть васъ, а иконъ повиднѣе не поставятъ: это значило бы прослыть въ обществѣ „ханжами“, лицемѣрами, людьми отсталыми... И сказать правду: святымъ иконамъ, пожалуй, и не мѣсто въ залѣ, украшенномъ картинами иногда не особенно скромнаго содержанія. Вотъ такія картины имѣть—не зазорно: — это— „дань уваженія искусству“. Еще немного, и иконы совсѣмъ будутъ вынесены изъ раззолоченныхъ покоевъ нашихъ интеллигентовъ, какъ уже изгоняется изъ ихъ души церковное міросозерцаніе.

Я взялъ примѣръ изъ обыденной жизни, изъ современной домашней обстановки нашего времени. На этомъ примѣрѣ яснѣе видно, какъ „удушливые газы“ въ области духа дѣлаютъ свое дѣло. А дѣлаютъ они главнымъ образомъ теперь чрезъ печать, чрезъ эти газетные листы, эти еженедѣльники и мѣсячники, безъ которыхъ не могутъ жить наши современные интеллигенты. Любимая газета нашего интеллигента— его постоянный, неразлучный другъ и собесѣдникъ: онъ читаетъ ее еще въ постели, лишь только откроетъ глаза, онъ хватается за нее въ вечерній часъ: теперь, благодаря войнѣ, завелись газеты, выходящія даже дважды послѣ обѣда. Какое могучее средство для перевоспитанія русскаго міросозерцанія, но—увы— не къ добру, а для отравленія русской души ядовитыми идеями іудейской лжи, клеветы, всякихъ инсинуацій! Какъ легко распространять всѣ гибельныя теоріи матеріализма, дарвинизма, соціализма! Тутъ не надо даже самыхъ элементарныхъ доводовъ, соображеній: довольно выставлять „послѣднее слово“ каждой такой теоріи, какъ неоспоримо доказанную истину, и цѣль достигнута: кто посмѣетъ критиковать автора, если онъ сошлется на „великіе“

авторитеты науки съ нѣмецкими при томъ фамиліями? Вѣдь, именно такъ и дѣлаютъ всѣ невѣры — газетные сотрудники: для нихъ, напримѣръ, въ вопросахъ о Библіи величайшій авторитетъ какой-нибудь Гарнакъ, Деличъ, но на дѣлѣ развѣ только въ рѣдкихъ случаяхъ эти господа видѣли самыя книги этихъ многоученыхъ, но, большею частью пренадменныхъ и потому крайне пристрастныхъ нѣмцевъ. Съ вѣтру хватаютъ ихъ догадки, гипотезы, выдаютъ за истины непреложныя и тѣмъ гипнозитируютъ массы полуграмотныхъ, полуинтеллигентныхъ читателей, особенно пылкой молодежи, неспособной глубоко вдумываться въ суть дѣла, горячо схватывающей всякую новинку и потому легко отравляющейся этими нѣмецкими „удушливыми газами“ ихъ безбожной полунауки. Объ этомъ я уже не разъ говорилъ, это — страшное зло, съ которымъ необходимо бороться всѣми мѣрами.

Но зло идетъ дальше. Та же система отравленія ложными идеями примѣняется къ распространенію клеветы на Правительство, на тѣхъ, кто имѣлъ несчастье попасть въ немилость „руководителей общественнаго мнѣнія“, проще говоря—газетныхъ заправилъ. Дѣло ведется обычно такъ: пускается слухъ или сообщается искаженный до неузнаваемости фактъ, касающійся добраго имени намѣченнаго къ истязанію посредствомъ печатной травли лица; этотъ слухъ, это сообщеніе дружно подхватывается всею іудействующею печатью не только въ столицахъ, но и въ губерніяхъ... Напрасно вы будете обращаться къ властямъ: вамъ скажутъ: „суды суть и аеопаты суть... туда и обратитесь“. А пойдете въ судъ — натерпитесь горя прежде, чѣмъ получите удовлетвореніе. Пока судъ да дѣло — васъ многажды еще обольютъ помоями въ тѣхъ же газетахъ, и вамъ пришлось бы вести подобные процессы въ судахъ безъ конца. А между тѣмъ ваше имя въ этихъ, враждебныхъ вамъ газетахъ, станетъ нарицательнымъ, имъ станутъ называть всѣхъ подобныхъ вамъ борцовъ, напримѣръ, противъ іудейскаго или нѣмецкаго засилья. Мы знаемъ немало такихъ именъ, противъ которыхъ въ обществѣ, подъ вліяніемъ травли на нихъ со стороны газетъ сложилось предубѣжденіе. Въ самомъ дѣлѣ: вѣдь, извѣстно, что и „капля долбитъ камень не силою, а частымъ паденіемъ“, такъ и эта дружная травля въ концѣ концовъ дѣлаетъ свое грязное дѣло. Самый мужественный борецъ безсильно опуститъ руки, сознавая безполезность борьбы. Вотъ чего теперь и добиваются наши всѣхъ видовъ „либералы“, когда требуютъ полной свободы печати. Надо помнить, что у клеветниковъ, у всѣхъ противниковъ власти есть спеціальный языкъ, на которомъ они пишутъ, подобно тому, какъ у промышляющихъ добычею чужого добра есть такъ называемый „воровской языкъ“. Никакой судъ ихъ не изловитъ, не уличитъ: всегда найдутъ изворотъ и избѣгнутъ наказанія: не окажется „состава преступленія“.

Невольно вспоминаются печальной памяти годы „освободительнаго движенія“. Все это практиковалось тогда въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Особенно травили насъ, служителей Церкви, травили безпощадно, до того, что мы, многіе изъ насъ, не мало получали и смертныхъ приговоровъ, очевидно, не отъ самихъ революціонеровъ,—имъ не было интереса предупреждать, а отъ отравленныхъ ими читателей-мечтателей, доводимыхъ клеветою

злобными инсинуаціями до фанатизма. И были тогда случаи, когда эти натравленные газетами фанатики являлись, даже не спросясь своихъ невѣдомыхъ имъ руководителей, добровольцами-исполнителями такихъ приговоровъ, изъ усердія къ служенію „идеѣ“, проповѣдуемой газетами... Настоящіе Смердяковы!

Опытъ 1905 года открылъ тактику нашихъ домашнихъ враговъ; мы уже знаемъ, что если начался обстрѣлъ, то значитъ — готовится и атака. Не со вчерашняго дня идетъ травля противъ Церкви, а въ послѣднее время она усилилась и приняла характеръ систематическаго обстрѣла: едва не каждый день читаешь то въ той, то въ другой газетѣ извѣстнаго лагеря выступленія противъ монашества, монастырей, архіереевъ и добрыхъ пастырей изъ бѣлаго духовенства. Говорю: добрыхъ, потому что, къ несчастію, есть и среди батюшекъ сторонники лѣвыхъ взглядовъ, вторящіе выступленіямъ лѣвыхъ газетъ, особенно если рѣчь идетъ объ архіереяхъ или монахахъ. За самое послѣднее время можно указать на нѣсколько выпадовъ со стороны лѣвыхъ: снова, какъ въ 1905 году, заговорили о какихъ-то не существующихъ монастырскихъ милліардахъ, о неотзывчивости, будто бы, монастырей къ нуждамъ войны, о доходахъ лавръ, объ ихъ богатыхъ ризницахъ, о необходимости якобы какихъ-то ревизій монастырскихъ сокровищъ, другими словами—обыска (какъ будто монахи что то скрываютъ, какъ будто у нихъ нѣтъ ни описей ризничнаго имущества, ни другихъ документовъ, какъ будто нельзя довѣряться ихъ показаніямъ на основаніи такихъ документовъ, если бы въ томъ настояла крайняя нужда). Заговорили о доходахъ архіереевъ; забыты уже тѣ данныя, какія лѣтъ пять-семь назадъ были представлены въ Государственную Думу бывшими оберъ-прокурорами. Подстрекаютъ бѣлое духовенство къ всероссійскому съѣзду безъ участія архіереевъ, какъ будто это духовенство въ Церкви можетъ имѣть самостоятельное значеніе, какъ будто архіереямъ не слѣдуетъ довѣрять, какъ будто такое разъединеніе кому-нибудь полезно. Критикуютъ посланіе С. Синода о постѣ и молитвѣ, почему-де оно не говоритъ о взяточничествѣ, не перечисляетъ грѣховъ противъ десяти заповѣдей, почему не запретилъ Синодъ священникамъ брать за молебны въ эти дни, и въ то же время сѣтуютъ, что актеры остались безъ заработка на четыре дня. Нападаютъ на отдѣльныхъ святителей, какъ напримѣръ на Варшавскаго, оставившаго Варшаву въ такое время, не желая вовсе знать, что сей мужественный святитель готовъ былъ и въ плѣнъ пойти, но не могъ же онъ не исполнить воли, выше его стоящей... Ловятъ, искажаютъ каждое слово архіерея, сказанное съ каѳедры, какъ это недавно было съ Тверскимъ архіепископомъ, чтобы всячески подорвать авторитетъ архипастыря. Развѣ вы не видите, что начался обстрѣлъ всѣхъ позицій Церкви? Развѣ не чувствуете, что близится моментъ атаки на нее всѣхъ силъ преисподней? Да она уже и началась: уже „прогрессивный блокъ“ постановилъ требовать, — легко сказать: требовать! — полной свободы исповѣданій, а это значитъ на языкѣ нашихъ всякаго рода либераловъ—свободы пропаганды, совращенія, развращенія малыхъ сихъ, православныхъ вѣрующихъ душъ разными сектантами и раскольниками, разными хлыстами, не говорю уже о нѣмец-

кихъ агентахъ—баптистахъ, штундистахъ и прочая, и прочая... Это значитъ—открытый походъ противъ Церкви, война противъ нея съ цѣлію смести ее съ лица земли. Что-жъ? Церковь на землѣ сущая и называется воинствующею; ей не привыкать — стать воевать съ врагомъ рода человѣческаго, сатаною и всѣми его приспѣшниками. Что-жъ? Она не боится этой войны: она непозыблемо вѣруетъ божественному обѣтованію своего Божественнаго Основателя, *и врата адова не одолѣютъ ей!* Кто пойдетъ противъ Церкви, тотъ да вѣдаетъ, что идетъ онъ противъ Христа, Бога истиннаго, тотъ—въ союзѣ со врагомъ Христа. Не впервые церкви, невѣстѣ Христовой, быть—*яко кринъ въ терніи*,—пребывать въ великихъ скорбяхъ, бѣдахъ и гоненіи. Но она не разрушится, она пребудетъ до скончанія вѣка, ибо съ нею и въ ней обѣтовалъ пребывать Самъ ея Глава и Основатель—Христосъ. *Се*, глаголетъ Онъ, *Азъ съ вами есмь до скончанія вѣка—аминь!* Да, *аминь*, истинно такъ! Лишь бы мы были вѣрны Ему, а Онъ насъ не оставитъ. Сице вѣруемъ, сице уповаемъ! И никакіе „удушливые газы“ іудейской печати не заставятъ насъ молчать—*не умру*, глаголетъ пророкъ, *но живъ буду и повѣмъ дѣла Господня!* А съ пророкомъ дерзаемъ говорить и мы, служители Церкви Христовой, аще и недостойные, дерзаемъ даже и еще сказать нѣчто большее: помни, Русь наша матушка родная, что Господь обѣтовалъ вѣчно, до скончанія міра, пребывать *въ Церкви*, а не въ государствѣ, что дотолѣ Онъ не оставитъ и тебя, пока ты сама пребудешь вѣрна Его Церкви, а если измѣнишь, то возьмется отъ тебя свѣтильникъ истины, отымется *царствіе Божіе, и дастся языку, творящему плоды его*,—какому—Ему единому извѣстно, но такъ говоритъ исторія Церкви, исторія народовъ, коимъ были ввѣрены словеса Божіи,—раскрой страницы сей исторіи и поглубже вдумайся въ ихъ смыслъ... Пока не поздно, пока враги не расхитили твоего вѣчнаго сокровища—святыни православія, пока не отнята отъ тебя милующая десница Божія и покровъ Заступницы усердной рода христіанскаго—Матери Божіей! *Будн вѣренъ до смерти*, глаголетъ Господь, *и дамъ ти вѣнецъ живота*.

289.

Берегитесь смуты!

Доброе слово православному русскому народу.

Разразилась гроза Божія надъ народами и царствами земли. Не громы гремятъ, не молніи сверкаютъ, слышатся страшные раскаты пушечныхъ выстрѣловъ и оглушительныхъ взрывовъ, отъ которыхъ гибнутъ люди, гибнутъ города и селенія. Не градъ сыплется съ высотъ небесныхъ, а ужасные, шестидесятипудовые снаряды нѣмецкихъ орудій, осколки шрапнелей, разрывные пули, убійственныя металлическія стрѣлы съ воздушныхъ самолетовъ... Идетъ небывалая въ мірѣ война. Воюютъ и на землѣ, и надъ землей—въ воздухѣ, воюютъ на морѣ

и подъ водою. Бьются не на жизнь, а на смерть уже не просто войска, а цѣлые народы, милліоны людей. Не одна часть свѣта, Европа, гдѣ мы живемъ, изнемогаетъ отъ войны: во всѣхъ частяхъ свѣта, гдѣ только есть нѣмцы, воюютъ они противъ другихъ народовъ, всюду внося пагубу, смерть, разоренье... И не слезы только, но и кровь, даже невинная кровь младенцевъ льется рѣкою; оскверняются святыни храмовъ Божіихъ, ниспровергаются престолы Господни, всюду, гдѣ только ступитъ нога нѣмца, является мерзость запустѣнія, всюду смерть, позоръ человѣчества, гибель всего, что такъ дорого человѣку на землѣ... И эта грозная туча Божьимъ попущеніемъ пока идетъ все дальше и дальше, все шире и шире, захватывая мирныя области, разгоняя мирныхъ жителей, въ ужасѣ бѣгущихъ въ мѣста, куда еще не достигла губительная волна обезумѣвшихъ звѣрей, именуемыхъ тевтонами. Обильно льется на землю грозный фіалъ гнѣва Божія и невольно вырывается скорбный гласъ изъ груди страдальцевъ нашего времени: о, воистину, блажени мертвіи, умирающіи о Господѣ! Они избѣжали этихъ скорбей всемірныхъ, они мирно почіютъ въ могилахъ своихъ, паче же рещи—въ лонѣ Авраамовомъ отъ трудовъ своихъ праведныхъ!

Да, страшно стало жить на свѣтѣ. Кажется, всѣ силы ада поднялись, чтобы стереть человѣчество съ лица земли. Нѣмецкій народъ забылъ Бога, забылъ Его заповѣди, превратился въ лютаго звѣря,—сталъ хуже лютаго звѣря, обратился въ жителя ада, усерднѣйшаго слугу сатаны. А отъ сатаны—одно спасеніе — сила Божія непобѣдимая, благость Божія безконечная. Да, тяжело, невыносимо стало жить на грѣшной землѣ. Но—есть Богъ на небесахъ, Богъ вѣчный, владѣющій всѣми царствами земными, Богъ милосердый, но въ то же время всеправедный, Богъ—Судія помышленій человѣческихъ, тѣмъ паче дѣлъ злыхъ. Онъ все видитъ, все знаетъ: Онъ вѣдаетъ, что творитъ народъ беззаконный, возмнившій поработить себѣ всѣ царства земныя. Мы вѣруемъ, что Господь готовитъ судъ Свой на сей народъ. Онъ зритъ окомъ милосердія Своего на всѣхъ страждущихъ отъ сего народа, на всѣхъ плачущихъ, болѣзнующихъ, безпомощно страждущихъ въ плѣну; слышитъ плачъ сиротъ, пріемлетъ какъ жемчужину каждую слезинку вдовицы, потерявшей мужа, отца малютокъ, стоны старицъ-матерей, лишенныхъ опоры милыхъ сыновей... Все видитъ, все знаетъ Господь и мы крѣпко вѣруемъ, что въ концѣ концовъ не оставитъ насъ, молитвами Матери Своей, Которую не чтутъ враги наши, иконы и храмы Которой подвергаютъ безчестію. Мы вѣруемъ, что Онъ пощадитъ Русь нашу, утѣшитъ, пошлетъ побѣду и одолѣніе на лютаго врага.

Но вотъ горе, вотъ наша бѣда: среди насъ, мирныхъ жителей Россіи, появились тайные враги, тайные союзники нѣмцевъ, которые намѣренно распускаютъ тревожные слухи, возбуждаютъ рабочій людъ къ забастовкамъ и стремятся подорвать довѣріе къ властямъ, отъ Царя поставленнымъ. И простые люди нерѣдко вѣрятъ такимъ проходимцамъ, смущаются, падаютъ духомъ, впадаютъ въ уныніе... Къ чему ведутъ эти тайные союзники нашихъ враговъ? А читали вы, добрые русскіе люди, слышали, какъ эти изверги рода человѣческаго обращаются съ нашими плѣнными? Они впрягаютъ ихъ вмѣсто лошадей, возятъ на нихъ тяжести, пашутъ,

кормятъ невозможною пищей; всячески издѣваются, а при малѣйшемъ сопротивленіи, даже просто при выраженіи недовольства, ихъ казнятъ какъ преступниковъ,—бывали случаи, что закапывали живыми въ землю... И не перечесть всѣхъ издѣвательствъ, какія творятъ надъ плѣнными! Представьте же, что они покорятъ себѣ всю Русь православную! Да тогда будетъ хуже, чѣмъ было когда-то во времена ига татарскаго! Ужели же можно допустить это? Ужели у насъ нѣтъ войска, чтобы отразить враговъ? Слава Богу: наше воинство растетъ и вооружается; Самъ Царь батюшка возсталъ отъ престола Своего на великій подвигъ ратный и сталъ во главѣ своихъ воиновъ-героевъ; есть у Него и опытные военачальники. Правда, мы не готовились къ такой войнѣ, мы считали нѣмцевъ народомъ честнымъ, миролюбивымъ, неспособнымъ къ грабежу и разбою; поэтому имъ удалось захватить нѣкоторыя наши области. Но эти области не составляютъ и сотой доли всей Русской земли; наша Русь теперь поняла всю свою опасность и стала во весь свой могучій ростъ: и войска собираются, и снаряды спѣшно изготовляются, и воинство наше снова начинаетъ одерживать побѣды, и Богъ дастъ—погонимъ мы врага туда, откуда онъ пришелъ. И чуютъ нѣмцы, что имъ плохо будетъ, и ничего не жалѣютъ, чтобы какъ можно скорѣе одолѣть насъ. Но борются они не однимъ воинскимъ оружіемъ: за деньги, за золото, они находятъ себѣ всюду тайныхъ слугъ, лжецовъ и смутьяновъ, чтобъ сѣять смуту и уныніе въ народѣ. Вспомните, когда открылась война, мы съ ужасомъ, съ негодованіемъ, съ чувствомъ омерзенія узнали, что у нѣмецкаго посла въ петроградскихъ палатахъ найдены кучи прокламацій къ нашимъ рабочимъ самаго возмутительнаго содержанія и этотъ нѣмецкій вельможа не стыдился распространять ихъ на Руси. Тогда открылись глаза у рабочихъ и они прокляли нѣмецкаго кайзера и стали усердно работать на заводахъ, чтобъ показать свою любовь къ родному Царю и родной Россіи. Но нѣмцы не дремлютъ и теперь. Чрезъ своихъ тайныхъ слугъ они стараются устраивать забастовки, обвинять власть имущихъ, всюду поселять уныніе въ народѣ. Берегитесь ихъ, православные! Не щадите ихъ, не укрывайте ихъ отъ властей: такихъ должно обличать, на нихъ надобно указывать, кому слѣдуетъ, какъ на смутьяновъ, такихъ надо гнать отъ себя прочь, чтобы всѣ знали, что мы, люди русскіе, не попустимъ никакихъ безпорядковъ; что всѣхъ такихъ смутьяновъ считаемъ измѣнниками и союзниками нашихъ враговъ. Мы спокойны за Русь—матушку; мы знаемъ, что Царь нашъ съ хрістолюбивымъ нашимъ воинствомъ лучше видитъ, когда и какъ прогнать нѣмцевъ съ родной земли, не проливая напрасно ни единой капли русской крови. Будемъ крѣпко вѣрить Помазаннику Божію, будемъ помогать Ему, кто чѣмъ можетъ и спокойно ждать, что скажетъ намъ Богъ, владѣющій сердцемъ Его. Есть у насъ всемощная Заступница—Матерь Божія: будемъ слезно умолять Ее, и мы вѣруемъ, мы непоколебимо уповаемъ, что за Ея Матернія молитвы Господь пошлетъ Царю нашему радость и утѣшеніе, намъ—на враговъ побѣду и одолѣніе, и землѣ нашей—миръ и Божіе благословеніе. Съ нами Богъ—и расточатся враги Его и наши!

290.

Порокъ языка.

Есть пороки, которые до того внѣдрились въ массы народныя, что мы, пастыри Церкви, кажется, устали бороться съ ними и опускаемъ руки, благо не видимъ отъ нихъ такихъ вопіющихъ послѣдствій, какія, напримѣръ, видимъ отъ пьянства. А между тѣмъ они не меньше пьянства растлѣваютъ душу народную, заражаютъ духовную атмосферу на Руси и иногда становятся прямо—нетерпимыми. Таковъ порокъ сквернословія и „чернаго слова". Не говорю уже о деревнѣ, гдѣ пьяные отцы еще такъ недавно нарочито давали уроки пятилѣтнимъ малюткамъ этой мерзости,—даже въ городахъ, даже въ нашихъ столицахъ, на улицахъ совершенно безнаказанно звучитъ скверно-матерное слово. Даже пословицы есть: „ругается, какъ ломовой, какъ извощикъ, какъ сапожникъ". Какъ ни мерзостно слышать эту ругань, а поневолѣ ее терпишь: вѣдь, пока ѣдешь по улицѣ, то, если бы привлекать къ отвѣтственности ругателей, пришлось бы раза два-три остановиться, чтобъ „составить протоколъ". Да еще свидѣтелей потребуютъ. Пробовалъ я, говорилъ мнѣ одинъ почтенный батюшка, дѣлать такъ: если мой извощикъ произносилъ матерное слово, я останавливалъ его, заявлялъ ему, что больше не хочу ѣхать съ нимъ, потому что глубоко оскорбляетъ и меня, и прохожихъ, своею руганью, но ничего не выходило: опять приходилось прибѣгать къ полиціи, чтобы отвязаться отъ него—онъ требовалъ вознагражденія за проѣздъ—стоитъ ли заводить съ нимъ дѣло, когда онъ же будетъ торжествовать надъ тобою побѣду, ибо кому охота быть свидѣтелями его безобразія, не говоря уже о потерѣ времени и непріятностяхъ при этомъ"?

Но этого мало. Порокъ этотъ—какъ ни странно это сказать—довольно распространенъ и среди нашихъ интеллигентовъ. Если не скверно-матерное, то „черное" слово получаетъ даже право гражданства въ самой печати. Не говорю о мелкой „уличной прессѣ", — даже въ такой солидной газетѣ, какъ „Новое Время"—пусть проститъ меня почтенная редакція — встрѣчаются имена духа тьмы, въ ихъ народномъ произношеніи. Читаю корреспонденцію съ театра войны: солдаты и ихъ командиры, нисколько не стѣсняясь, перекидываются „чернымъ" словечкомъ, то — въ милую шутку, то — въ видѣ привычнаго краснаго словца, то—какъ крѣпкое бранное слово. А что гг. корреспонденты не выдумываютъ эти словечки, а пишутъ съ „натуры", это можетъ подтвердить каждый священнослужитель, находящійся теперь среди войскъ въ самомъ близкомъ общеніи съ нашими героями-воинами. Правда, есть еще чистыя души, свободныя отъ этой заразы, и ихъ, конечно, немало, которыя сторонятся и чернаго, и матернаго слова: онѣ берегутъ себя, но не смѣютъ громко протестовать противъ проявленія этого порока среди товарищей, чтобъ не получить кличку „святоши", „красной дѣвицы" и под. Онѣ смущаются, иногда приписываютъ неудачи военныя именно сквернословію товарищей, но тѣмъ и кончается дѣло. Скорбятъ душою, а что могли бы онѣ сдѣлать?

Вотъ что пишетъ мнѣ одинъ доб-

рый пастырь изъ глуши Саратовской губерніи.

„Недавно мнѣ пришлось услышать отъ своей прихожанки, жены мученика-воина, убитаго на войнѣ, о такомъ сѣтованіи. Мужъ ея, послѣ изліченія отъ полученной на войнѣ раны въ одномъ изъ лазаретовъ, былъ отпущенъ на нѣкоторое время домой на поправку. И вотъ онъ, человѣкъ, по общему признанію, очень богобоязненный, кроткій и смиренный, жаловался ей, женѣ своей, что на войнѣ, среди нашего войска, страшно развито сквернословіе, въ которомъ виноваты всѣ— и нижніе чины, и самые высшіе начальники. „Какая это война", говорилъ этотъ воинъ, теперь покойникъ, убитый послѣ вторичной отправки на войну: „на каждомъ словѣ ругань, куда ни повернись — сквернословіе"... И дѣйствительно, стараясь провѣрить справедливость этой жалобы, я убѣдился, что сквернословіе, присущее очень многимъ, особенно развито среди военныхъ. Многіе изъ прихожанъ заявляли мнѣ, что многіе нижніе чины, учителя новобранцевъ и ополченцевъ, унтеръ-офицеры и фельдфебели, на всякомъ словѣ сквернословятъ, какъ будто не могутъ обойтись безъ крѣпкихъ словъ. Я часто возмущался этимъ, но въ то же время утѣшалъ себя мыслію, что на войнѣ-то, на самомъ полѣ битвы, едва ли дозволяютъ себѣ этотъ грѣхъ. Оказывается, что все равно—и предъ глазами смерти не могутъ разстаться съ пагубною привычкою. Разсуждая далѣе и становясь на точку зрѣнія упомянутаго солдатика, я сталъ думать: ужъ не за то ли насъ Господь наказываетъ на войнѣ и не даетъ успѣха, что весь воздухъ зараженъ сквернословіемъ, какъ бы удушливымъ газомъ, и помощь Божія и благословеніе отгоняется такимъ, почти общимъ, грѣхомъ нашихъ воиновъ? Прочитавъ же вашу статью „Хитрыя сѣти", я и вовсе подумалъ: не есть ли сквернословіе такая же измѣна русскихъ людей православной вѣрѣ и ученію христіанскому, какъ наше сектантство и идолопоклонство евреевъ?"

Въ заключеніе авторъ проситъ „поднять свой голосъ на борьбу съ грѣхомъ сквернословія и обратиться съ воззваніемъ ко всѣмъ русскимъ людямъ, и въ частности къ воинамъ— оставить пагубную привычку, оскорбляющую Господа и отвращающую милость Его отъ насъ и отъ нашихъ воиновъ на полѣ брани".

Порокъ сквернословія — старорусскій порокъ; едва ли онъ не составляетъ наслѣдіе еще татарскаго ига. Противъ него всегда боролись пастыри Церкви, писатели-иноки, гражданскіе законы... И писать особое „воззваніе" послѣ немалой литературы есть ли надобность? Изъ наиболѣе сильныхъ, готовыхъ поученій противъ сего порока укажу, хотя бы, на свой „Троицкій Листокъ", подъ заглавіемъ „Бесѣда о сквернословіи и о матерномъ словѣ", или на поученіе извѣстнаго проповѣдника протоіерея Полисадова: „Кто учитъ людей срамословію?". Указываю на эти листки потому, что они уже имѣются именно въ формѣ листковъ, какъ наиболѣе удобной для массоваго распространенія. (Тр. Листки №№ 88 и 719). Надо такіе и подобные листки распространять тысячами среди войскъ. Надо, чтобы военные священники неустанно твердили при всякомъ удобномъ случаѣ, что порокъ этотъ сквернитъ и душу, и тѣло, отгоняетъ ангела-хранителя отъ человѣка, отнимаетъ покровъ Матери Божіей, и прочее.

Наши воины—души воспріимчивыя ко всему, что идетъ отъ Церкви, отъ отца духовнаго. Правда, привычка дѣлается второю природою, особенно привычка языка: невольно, незамѣтно для самого себя сквернословъ станетъ повторять гнусныя слова, но уже и то хорошо, если человѣкъ будетъ почаще упрекать себя за привычный порокъ: сознаніе во грѣхѣ уже начало его исправленія. Совѣсть вѣрующаго воина, въ виду постоянной опасности смерти, бываетъ особенно чутка: духовники говорятъ, что воины въ окопахъ съ радостію откликаются на предложеніе исповѣдаться и причаститься Св. Таинъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Вотъ время, зѣло благопріятное для напоминанія имъ о необходимости борьбы съ привычнымъ порокомъ. И мы знаемъ, что добрые пастыри не упускаютъ при этомъ случая вразумить сквернослова, но обычно слышатъ: „что дѣлать, батюшка? Привычка ужъ такая, не утерпишь". Даютъ обѣщаніе сдерживаться, но снова и снова впадаютъ въ тотъ же грѣхъ.

Офицеры должны бы притти на помощь пастырямъ въ борьбѣ съ этимъ порокомъ. Къ сожалѣнію, и сами они, многіе изъ нихъ, сквернословія за грѣхъ не считаютъ. Хорошо бы, если бы высшіе военные начальники обратили вниманіе офицерства на этотъ порокъ. Надо помнить религіозную природу русской души: она не можетъ жить безъ мистики, она черпаетъ силы въ мистическихъ, религіозныхъ настроеніяхъ, въ молитвѣ, въ покаяніи, въ чистой совѣсти. Она, слава Богу, какъ я выше сказалъ, чутка къ требованіямъ совѣсти. Она вѣруетъ, что Богъ помогаетъ тѣмъ, кто помнитъ заповѣди Божіи, лишаетъ благодатной помощи тѣхъ, кто оскорбляетъ Его грѣхомъ. Она смиренна по духу нашей матери Церкви, воспитывающей насъ въ духѣ смиренія. Такова въ общемъ природа русской православной души. Надо стараться, чтобы русскій православный воинъ былъ всегда готовъ вступить въ бой съ врагомъ его вѣры, царя и отечества съ чистой совѣстью. Это даетъ ему дерзновеніе уповать на помощь Божію. Извѣстно, что нечистая совѣсть бездерзновенна. Сквернословіе каждый воинъ считаетъ грѣхомъ. Ругается по скверной привычкѣ языка, но въ душѣ, вспомнивъ Бога, говоритъ: „прости, Господи". Вотъ и надо глубже запечатлѣть въ его чуткой душѣ сознаніе, что сквернословіе есть тяжкій грѣхъ, лишающій его Божія благословенія и помощи, что поэтому надо бороться съ нимъ всемѣрно, дабы побѣдить врага Божіей помощію. Нашъ врагъ забылъ Бога, не только не сдерживаетъ, но и поощряетъ въ своихъ солдатахъ всякаго рода жестокость: онъ полагаетъ, что чѣмъ болѣе солдатъ ожесточенъ противъ врага, чѣмъ отчаяннѣе будетъ натискъ, тѣмъ скорѣе будетъ одержана побѣда. Извѣстно, что предъ приступомъ, предъ атакой, германцы поятъ своихъ солдатъ коньякомъ и другими одуряющими напитками. Слава Богу, что наши хрістолюбивые воины въ этомъ не нуждаются. Съ крестнымъ знаменіемъ, съ твердою надеждою на Бога, они идутъ въ бой. Чѣмъ смиреннѣе предъ Богомъ, чѣмъ покаяннѣе настроена душа воина, тѣмъ ближе къ нему помощь Божія. Призывъ къ покаянію, къ сознанію своей грѣховности не можетъ внушать унынія: уныніе, по ученію св. отцевъ, есть порожденіе гордыни, а покаяніе—приближеніе къ Богу и обновленіе духовныхъ силъ. Мы, русскіе православные люди, вмѣстѣ съ царемъ

Давидомъ твердо помнимъ, что Господь—*не ни силу коня смотритъ не къ быстроте ногъ человѣческихъ благоволитъ; благоволитъ. Господь къ боящимся Его, къ уповающимъ на милость Его* (Пс. 146, 10. 11). А потому и Церковь наша не престанетъ призывать къ покаянію, къ исправленію жизни какъ всѣхъ сыновъ родной земли, такъ и воиновъ хрістолюбивыхъ.

291.

Ангельская радость пастырскаго сердца.

Кто не знаетъ, кто не умилялся сердцемъ при чтеніи трогательныхъ притчъ Господа нашего о потерянной драхмѣ и о заблудшей овцѣ, въ заключеніе коихъ Божественный Учитель говоритъ: тако радость бываетъ предъ *ангелами Божіими о единомъ грѣшницѣ кающемся.* Небо—царство свѣта и радости; небожители—ангелы Божіи выну видятъ лице Отца Небеснаго и присно радуются радостію райской; но ихъ печалятъ грѣхи наши, потому что мы сами грѣхами оскорбляемъ величіе Божіе и губимъ самихъ себя, Скорбь ангельская есть плодъ любви ихъ къ намъ, грѣшнымъ, отсюда же и радость ихъ при обращеніи хотя бы единаго грѣшника въ покаянномъ чувствѣ къ Богу.

Мы живемъ въ юдоли плачевной, въ землѣ изгнанія изъ рая; радость — рѣдкая гостья на землѣ. Правда, апостолъ говоритъ: *всегда радуйтеся,* но, вѣдь, это—та радость, о коей и Господь сказалъ: *радости вашея никтоже возметъ отъ васъ*—радость общенія съ Богомъ въ нѣдрахъ Церкви святой, въ мирной совѣсти, въ благодатномъ пріосѣненіи Духа Божія. Господь сказалъ: *царствіе Божіе внутрь васъ есть,* а Его апостолъ объяснилъ еще, что оно есть *правда, миръ и радость о Дусѣ Святѣ.* Блаженъ, кто радуется сею радостію о Господѣ! Но чтобы стяжать ее, нужно очищеніе сердца отъ страстей, ибо сказано: *нѣсть радоватися нечестивому...*

Но Господь такъ милостивъ, что не лишаетъ насъ иногда порадоваться и чужою радостью, по заповѣди апостола: *радоватися съ радующимися и плакати съ плачущими* (Рим. 13, 15). И какъ же бываетъ отрадно, когда Богъ пошлетъ такой случай порадоваться!

Вотъ такой случай, къ сожалѣнію—рѣдкій. Кто-то изъ г. Казани прислалъ мнѣ вырѣзку изъ тамошней газеты „Казанскій Телеграфъ". Въ газетѣ пишетъ почтенный батюшка, настоятель Троицкой тюремной церкви г. Казани, священникъ о. Димитрій Шишокинъ и сообщаетъ вотъ такіе факты:

„Весной прошедшаго 1914 года я замѣтилъ рѣзкую перемѣну въ настроеніи одного арестанта К—го: онъ сталъ постоянно ходить къ богослуженію и подавать на проскомидіи записки со множествомъ именъ о здравіи. Эти записки разнообразились именами, но оканчивались, какъ помню, такъ: „помяни, Господи, всѣхъ, кого я погубилъ".

Вскорѣ пришлось и еще болѣе удивиться. Въ одно изъ моихъ посѣщеній тюрьмы (носилъ кому-то изъ арестантовъ книги) въ коридорѣ тюрьмы меня встрѣтилъ означенный К—ій и съ глубокою благодарностью подалъ мнѣ мою книгу,

выписанную изъ склада Троицкой Сергіевской лавры: „Близъ грядущій антихрістъ и царство діавола на землѣ". Я былъ весьма удивленъ, такъ какъ книгу эту давалъ другому арестанту, и не думалъ раньше, что заинтересую ею К—го. Это замѣтилъ К—скій и сказалъ: „простите, батюшка, что взялъ вашу книгу безъ спроса; до земли готовъ поклониться за нее и прошу извинить, что на книгѣ сдѣлалъ надпись: не утерпѣлъ, извините! Еще разъ чувствительно благодарю".— Въ надписи, между прочимъ, сказано: „побольше бы такихъ книгъ, да побольше бы сближенія священниковъ съ народомъ, побольше бы такихъ открытыхъ проповѣдей,— куда дѣло государственной жизни лучше обстояло бы".—Этотъ арестантъ былъ заключенъ въ тюрьму *за распространеніе порнографіи среди учащейся молодежи*. Такъ вотъ и ясно теперь, что это за имена на запискахъ о здравіи, понятна стала и перемѣна въ душѣ К—го: это сдѣлала книга „Близъ грядущій антихрістъ", случайно ему попавшаяся.

Теперь другой случай. Сидитъ у насъ арестантъ П—нъ, помнится, за принадлежность къ революціонной партіи въ 1905 году и за грабежъ по побужденіямъ революціоннаго характера. Этотъ прочиталъ, между прочимъ, и вышеуказанную, и другую—„Сатанисты XX вѣка", изданіе редакціи „Колоколъ". Онъ просилъ меня принять отъ него на память стаканъ съ его собственной гравировкой и убѣдительно просилъ продать ему книгу „Сатанисты"...— „Не удивляйтесь, батюшка, сказалъ онъ: эта книга меня перевоспитала. Желаю пріобрѣсти на память, а у меня есть въ конторѣ деньги. Купите мнѣ книгу, *да крестъ на шею. Крестъ-то купите получше, подороже*".

Пусть не подумаетъ кто, что я задался цѣлью рекламировать изданія. Нѣтъ, я только сообщаю факты добраго вліянія хорошей книги на натуры искреннія, хотя и угодившія въ разрядъ преступниковъ.

И вспомнились мнѣ наши раненые солдаты. Припомнились письма солдата о. игумену Спасскаго монастыря о пожертвованіи книгъ въ армію. Думается, любая книжечка, въ родѣ изданій Троицкой лавры, даже цѣною въ 2—3 копѣйки, принесетъ не меньше пользы и доставитъ удовольствія, чѣмъ табакъ и папиросы, собираемые для солдатъ. По крайней мѣрѣ, въ госпитали можетъ быть кто и пожертвуетъ вмѣсто папиросъ такую книжечку. Ужъ если арестантовъ (я давалъ читать подобное многимъ) указанныя книги болѣе, чѣмъ заинтересовали, то страстотерпцу, раненому воину, такія книги, конечно, дадутъ только хорошее".

Вотъ что пишетъ батюшка и что меня зѣло порадовало.

Почтенная редакція „Каз. Телеграфа" отъ себя предупредительно сообщила читателямъ и адресъ „Троицкихъ Листковъ".

Скажу и я: не для рекламы редактируемыхъ мною изданій, а ради славы Божіей, ради пользы душевной православныхъ русскихъ людей перепечатываю эту вырѣзку изъ „Казанскаго Телеграфа" и пишу эти строки. Проснулась наша народная душа, Церковь Божія глубоко заложила въ нее духъ мытарева смиренія и лишь только лучъ благодати коснется этого святого сѣмени, какъ оно пускаетъ ростки и даетъ плодъ во благовременіи... Грѣшно намъ, пастырямъ Церкви, не замѣчать этого голода духовнаго: вѣдь, если мы не дадимъ русской душѣ чистаго хлѣба насущнаго, то къ ней подкрадутся враги

Церкви Хрістовой и подъ видомъ хлѣба подвесутъ ей даже не камень, а отраву духовную. Мы живемъ во дни великихъ браней: не нѣмцы только подняли знамя антихрістово и воздвигли великую брань противъ всего, что носитъ печать Хрістовыхъ завѣтовъ: всѣ темныя силы ада ополчились на Церковь Божію, объединяясь безъ различія національностей и руководимыя масонами и ихъ послушнымъ орудіемъ—іудеями... Теперь ли предаваться дремотѣ безпечности? Теперь ли унывать?..

Мы, пастыри, страшно отвѣтимъ предъ Господомъ-Пастыреначальникомъ нашимъ, если не позаботимся утолить голодъ и жажду народной души. Этотъ голодъ, эту жажду подмѣтили наши враги и уже спѣшатъ сѣять смуту въ умахъ простеповъ, увлекая ихъ изъ Церкви и поднося имъ „ножъ, медомъ помазанный". Я уже говорилъ объ одномъ изъ средствъ отравленія народной души сектантскими мудрованіями подъ видомъ толкованій на слово Божіе. Но это—только капля въ морѣ, въ сравненіи съ остальной литературой, распространяемой въ средѣ простецовъ, въ видѣ книжекъ, брошюръ, листковъ и картинъ разнаго содержанія. Отъ сектантовъ не отстаютъ и безбожники, усиленно распространяя популярно написанныя книжки и брошюры отрицательнаго направленія: тутъ найдете матеріалистическія теоріи исторіи земли, происхожденія человѣка отъ обезьяны и подобныя нелѣпости, найдете и Ренана за 20 коп. и разныя бредни соціалистовъ, мечтающихъ перестроить міръ по своимъ бреднямъ. Все это искусно прикрывается благими цѣлями „просвѣщенія народа", многое можно читать только между строкъ, но и простецъ сумѣетъ прочитать эти междустрочныя мысли, и ядъ дѣлаетъ свое дѣло. И вотъ что требуетъ особеннаго вниманія: изъ дѣйствующей арміи, изъ окоповъ, получаются отъ нашихъ русскихъ воиновъ тревожныя въ духовномъ отношеніи письма. Простыя души смущаются, иныя уже смущены еретическими мудрованіями баптистовъ, прикрывающихъ себя названіемъ „евангельскихъ хрістіанъ". Одинъ пишетъ, напримѣръ: „пришлите изъясненіе на всѣ мѣста Святаго Писанія, гдѣ говорится о почитаніи Заступницы рода хрістіанскаго Пресвятой Дѣвы Маріи, о почитаніи св. иконъ, св. креста Господня, св. мощей, съ указаніемъ въ Евангеліи главъ и стиховъ, гдѣ это написано. У насъ есть которые протестуютъ всѣмъ этимъ текстамъ даже во многихъ полкахъ". Это пишетъ еще вѣрный сынъ Церкви, но, видимо, колеблющійся, находящійся уже подъ вліяніемъ вѣтровъ лжеученія баптистскаго. Другой, уже, конечно, безъ подписи и безъ адреса, ругаетъ монаховъ и священниковъ; тутъ уже строки, недопустимыя никакою цензурою по адресу Божія Помазанника и всякой власти предержащей, есть угрозы за нарушеніе мира и требованіе проповѣди мира отъ служителей Церкви подъ страхомъ гибели въ „морѣ Черномъ, то есть, въ народѣ", какъ поясняетъ авторъ письма. Это пишетъ явный баптистъ, сознательный или безсознательный агентъ нѣмцевъ, развращающій народъ и простецовъ-воиновъ. Намъ грѣшно молчать, грѣшно не замѣчать всего этого. Нашъ долгъ стоять на стражѣ народной души, на которую дѣлаютъ облаву волки хищные. Нашъ долгъ исполнять завѣтъ Хрістовъ: *дадите имъ вы ясти* (Матѳ. XIV, 16). Мы обязаны не только предостерегать своихъ пасомыхъ, но и давать имъ

въ руки оружіе противъ волковъ, питать ихъ здравыми словесы добраго ученія матери-Церкви...

Основной порокъ всякой секты—гордыня. Основная добродѣтель нашего православія — смиреніе. Оно воспитывается исполненіемъ заповѣдей Хрістовыхъ и повиновеніемъ Церкви. Православнаго предостерегаетъ отъ заблужденій сознаніе немощи своего *личнаго* разумѣнія. Въ Церкви—опытъ вѣковъ, опытъ великихъ мужей, проводившихъ жизнь свою подъ руководствомъ Духа Божія, цѣлая сокровищница сего опыта какъ въ хрістіанской дѣятельности, такъ и въ дѣлѣ разумѣнія воли Божіей, ученія богооткровеннаго. Надо, чтобы всякій хрістіанинъ постоянно помнилъ, что не личный разумъ, не каждый вѣрующій, *въ одиночку*, а вся Церковь, разумъ всецерковный есть лучшій истолкователь слова Божія. У сектантовъ наоборотъ: въ гордынѣ своей они предоставляютъ каждому невѣждѣ толковать Священное Писаніе по своему разумѣнію, да еще имѣютъ дерзость говорить, будто имъ внушаетъ истину Самъ Духъ Божій. Вотъ основная руководящая мысль въ дѣлѣ борьбы съ сектантствомъ при истолкованіи Св. Писанія. Надо всячески внѣдрять эту мысль чадамъ Церкви, чтобы предостерегать ихъ отъ заблужденій. Надо, чтобы каждый послушный сынъ Церкви, встрѣтивъ искусителя-сектанта съ его мудрованіями, могъ, по крайней мѣрѣ, сказать, что онъ считаетъ за грѣхъ мудрствовать по своему смышленію въ такомъ важномъ дѣлѣ, и, если не знаетъ ученія Церкви о томъ или другомъ предметѣ, пререкаемомъ сектантами, то непремѣнно искалъ бы разрѣшенія своего недоумѣнія въ ученіи Церкви, у своего пастыря, въ книгахъ, заключающихъ въ себѣ православное ученіе, а не поддаваться мудрованію сектанта.

Возвращаюсь къ тому, съ чего началъ нынѣшнюю мою бесѣду. О. Шишкинъ приводитъ два случая изъ жизни насельниковъ тюрьмы, когда заключенные, благодатію Божіей, обратились на путь покаянія и исправленія жизни подъ впечатлѣніемъ чтенія книгъ—замѣтьте это—даже не изъ духовной литературы, не изъ житій святыхъ или поученій, а изъ тѣхъ, которыя обличаютъ жидомасонскій заговоръ на погибель рода хрістіанскаго. Поистинѣ, *Духъ Божій идѣже хощетъ дышетъ*, по слову Спасителя! Было бы въ душѣ искреннее расположеніе не защищать своего грѣхолюбія, готовность сознать свои проступки ради спасенія души, а благодать Божія всегда готова помочь ему въ дѣлѣ исправленія жизни. Было бы смиреніе—будетъ и спасеніе. А пастыри Церкви должны помнить, что если хорошая, даже мірская, книга можетъ послужить человѣку какъ одно изъ средствъ воздѣйствія Промысла Божія на его жизнедѣятельность, то тѣмъ паче книга, листокъ, брошюрка, имѣющія уже прямою своею задачею послужить ближнему во спасеніе. И если Ангелы Божіи радуются обращенію единаго грѣшника на небесахъ, то какъ же не радоваться намъ, пастырямъ Церкви, когда мы видимъ такое обращеніе около насъ, въ средѣ ближнихъ нашихъ? А кто мѣшаетъ намъ, взамѣнъ той скорби, какою болѣетъ наше пастырское сердце, при видѣ зла и порока, царящихъ вокругъ насъ, сѣять больше добра вотъ, хотя бы, распространеніемъ въ народѣ духовнонравственныхъ изданій по мѣрѣ возможности, и тѣмъ самымъ доставлять и себѣ, и всякому вѣрному сыну Церкви случаи

къ той ангельской радости, которой уже никто не можетъ отнять у насъ при видѣ грѣшника, обращающагося на путь покаянія? При томъ же сказано вѣдь: *обративый грѣшника отъ заблужденія пути его, спасетъ душу отъ смерти и покрыетъ множество грѣховъ* (Іак. 5, 20). Ужели и это обѣтованіе не подвигнетъ насъ на исполненіе своего долга?..

292.

Наша родная культура.

Нѣмцы объявили войну Россіи; Россія проснулась, осмотрѣлась и увидѣла, что нѣмцы уже давно вели мирное завоеваніе Россіи, забирали ея землю, ея промышленность, ея науку и добрались, наконецъ, до ея души... Да, нѣмцы хотятъ исказить, перевоспитать народную русскую душу. Русскіе люди всѣхъ званій, всѣхъ политическихъ партій задумались: какъ быть? какъ избыть этой бѣды? Богъ дастъ—на войнѣ мы одолѣемъ нѣмца, но что дѣлать съ „мирными нѣмцами", которые плотно засѣли у насъ и на фабрикахъ, и въ канцеляріяхъ, и въ имѣніяхъ, и въ разныхъ редакціяхъ? Рѣшено ликвидировать нѣмецкія землевладѣнія, но по какому признаку отличить нѣмца отъ русскаго? Вѣдь, если брать фамиліи, то окажется величайшая несправедливость: мало ли совершенно обрусѣвшихъ, преданныхъ Россіи людей, носящихъ фамиліи нѣмецкія? Какой же взять признакъ, чтобы безошибочно отличить русскаго съ нѣмецкой фамиліей отъ нѣмца по душѣ?

Говорятъ, этотъ вопросъ былъ поставленъ въ думской комиссіи о нѣмецкомъ засильѣ, и одинъ изъ правыхъ членовъ ея отвѣтилъ: русскимъ можно считать того, кто усвоилъ себѣ русскую культуру. Всѣ согласились съ нимъ, но сейчасъ же спросили: а какой основной признакъ русской культуры?

Русскій человѣкъ, знающій настоящую цѣну своей русской культурѣ, отвѣтилъ: „православіе!".

Не стану говорить, что тутъ произошло въ комиссіи: она сразу раздѣлилась на двѣ рѣзкія партіи: одни испугались слова „православіе" и шарахнулись отъ него, какъ отъ нѣмецкаго удушливаго газа, другіе приняли его какъ нѣчто родное, дорогое сердцу.

Въ самомъ дѣлѣ: не есть ли православіе основной признакъ нашей родной культуры? Да въ чемъ сущность культуры-то? До сего времени понимали ее въ смыслѣ развитія науки, искусства, примѣненія научныхъ открытій къ улучшенію земной жизни, къ облегченію тяготы житейской; говорилось, конечно, и о смягченіи нравовъ, но на дѣлѣ мало о томъ послѣднемъ заботились: были бы соблюдены тонкости приличій, изобрѣтенныхъ „свѣтомъ", а въ глубь духа такая культура едва ли шла. Самые культурные, по европейскому пониманію, люди были по-свѣтски образованы, изысканно вѣжливы, услужливы, предупредительны во взаимныхъ отношеніяхъ, а что было у нихъ на душѣ, до того имъ самимъ, кажется, было мало дѣла. Были, конечно, и исключенія, но именно лишь какъ исключенія. Вся забота была обращена на удобства земныя, а въ теоретическомъ смыслѣ—на есте-

ствознаніе и его приложеніе къ жизни. Больше всѣхъ народовъ гордились своею культурою нѣмцы, мечтая стать во главѣ всѣхъ народовъ земныхъ, побѣдивъ всѣхъ ихъ своею культурою въ ея матеріальномъ „приложеніи“. И они такъ загипнотизировали насъ, русскихъ, что мы дѣйствительно—что грѣха таить?—во многомъ отдавали имъ предпочтеніе предъ другими народами. Вѣдь, „честность“ и „аккуратность“ нѣмцевъ у насъ почти вошли въ пословицу. Можетъ быть, благодаря такому гипнозу нѣмцы и захватили всю нашу промышленность: made in Germany стало для насъ, для многихъ изъ насъ, лучшей рекомендаціей въ области такъ называемой индустріи. Такъ было у большей части нашей интеллигенціи, оторвавшейся отъ народа и мнившей о себѣ, что она идетъ „впередъ“, якобы догоняя нѣмцевъ.

А народъ нашъ, въ массѣ своей, шолъ своею дорогою. Онъ не зналъ самаго слова „культура“, но едва ли на землѣ былъ народъ, въ душѣ своей носившій наилучшій идеалъ культуры, какой создалъ себѣ нашъ народъ. Это—идеалъ духовный, не земной, а небесный, это—великое слово Христово: *будете совершени, яко Отецъ вашъ небесный совершенъ есть.* Народъ душою своею, чувствомъ сердца, постигъ тайну истиннаго пути къ сему идеалу—это жизнь въ Церкви, подъ ея благодатнымъ водительствомъ, опытомъ подвига познавать свою душу и идти къ Богу, Отцу небесному, путемъ крестнымъ въ подражаніи великому Голгоѳскому Крестоносцу—Христу. И въ помощь ему Богъ посылалъ какъ великихъ носителей сего идеала, въ лицѣ подвижниковъ, всю жизнь свою самоотверженно стремившихся къ сему идеалу и ведшихъ за собою и личнымъ примѣромъ и словомъ опытнаго назиданія народъ, такъ и самыя обстоятельства народной исторіи: многія скорби народныя, отвлекавшія народъ отъ земныхъ мечтаній о благахъ міра сего, обращавшія его взоръ къ Богу, къ небу, къ тому свѣтлому идеалу, какой онъ воспринялъ въ свою душу со времени приснославнаго князя Владиміра. Исторія нашего народа есть исторія русской Церкви. Исторія Руси и исторія русской Церкви такъ неразрывно сплелись между собою, что одной безъ другой и быть не можетъ. Это въ своемъ родѣ исторія духовной теократіи, богоправленія, и народъ всегда смотрѣлъ на всѣ событія своей исторіи, какъ печальныя, такъ и радостныя, какъ на дѣянія Промысла Божія. Да такъ оно и было, и мы вѣруемъ и уповаемъ, что такъ будетъ и въ будущемъ. Вотъ почему и культура наша совсѣмъ иного рода, чѣмъ культура западныхъ народовъ. Наша русская, православная культура есть культура духа, та культура, которая воспитывала народную душу на протяженіи почти тысячи лѣтъ, которая давала намъ во всѣхъ нашихъ войнахъ тѣхъ героевъ, что составляютъ украшеніе міра, коими любуются наши союзники и не безъ зависти—это можно думать—слышатъ о нихъ наши враги. Предъ нами и теперь, какъ въ старину, встаютъ Ильи Муромцы, Алеши Поповичи и Микулы Селяниновичи, полные великодушія къ побѣжденному врагу, беззавѣтной преданности родинѣ, геройскаго мужества, и вмѣстѣ смиреннаго христіанскаго чувства, которое не видитъ своихъ великихъ дѣлъ, смотритъ на нихъ, какъ на нѣчто самое обыкновенное, что и должно быть, и иначе быть не можетъ: *еже должни бѣхомъ сотворити—сотворихомъ!* Хвалиться тутъ нечѣмъ.

Русскій православный человѣкъ дѣлаетъ добро и въ то же время какъ бы прячетъ его, прячетъ даже отъ себя самого, по крайней мѣрѣ, не выставляетъ на показъ; по его убѣжденію, добро, выставленное на показъ, теряетъ свою цѣну не только въ очахъ Божіихъ, но и въ его собственныхъ глазахъ. Съ крестнымъ знаменіемъ онъ подаетъ и милостыню нищему, „прими Хріста ради“, или: „не обезсудь, родимый!“ Съ чисто русскимъ добродушіемъ отдаетъ онъ плѣнному нѣмцу, турку или кому-то ни было свой послѣдній кусокъ хлѣба, съ родственной любовью беретъ въ свою семью сиротокъ послѣ воина, несмотря на то, что своихъ дѣтей куча: не позволяетъ себѣ попрекнуть иновѣрца-плѣнника его „не-русской“ вѣрой; широтѣ его доброй души соотвѣтствуетъ и его прямолинейность: онъ не пойдетъ въ сдѣлку съ своей совѣстью, не остановится на полдорогѣ къ доброй цѣли. Всѣ условные обычаи, перенесенные къ намъ съ нѣметчины, изъ западной Европы, ему кажутся странными и не прививаются къ истинно-русской душѣ. Онъ никогда не пойметъ, напримѣръ, какъ это можно веселиться въ пользу несчастныхъ, устраивать спектакли, вечера съ благотворительной цѣлью: съ любовью онъ пожертвуетъ посильную лепту на доброе дѣло, но итти въ театръ, на зрѣлище, чтобъ цѣною благотворенія купить себѣ какое-нибудь удовольствіе, настоящій русскій человѣкъ почтетъ какъ бы кощунствомъ. Въ этомъ духѣ воспитала его Церковь: она и теперь, вѣдь, не разрѣшаетъ дѣлать сборовъ въ храмахъ Божіихъ на тѣ учрежденія, хотя бы и очень благотворительныя, которыя въ своихъ уставахъ допускаютъ зрѣлища. Такими сборами было бы оскорблено религіозное чувство народа. Чуткость совѣсти русскаго благочестиваго крестьянина доходитъ иногда до умилительныхъ проявленій; такъ случалось мнѣ наблюдать, когда я въ Троицкой лаврѣ, будучи еще послушникомъ или монахомъ, раздавалъ свои листки, то иной простецъ стѣснялся садиться за общій столъ на страннопріимной, говоря: „я—не дальній, я прошелъ только 50 верстъ: мнѣ совѣстно обѣдать съ дальними странниками“, и довольствуется такой богомолецъ, пѣшкомъ прошедшій полсотни верстъ, ломтемъ благословеннаго хлѣба, который онъ несетъ домой на благословеніе своей семьѣ. Онъ постится, но скрываетъ свой постъ отъ другихъ; онъ творитъ милостыню, но такъ, да не увѣсть шуйца, что творитъ десница его. Его вѣротерпимость, при всей его ревности о своемъ родномъ православіи, поразительна. Въ лѣтнее время на пароходахъ волжскихъ нерѣдко можно наблюдать, какъ въ извѣстный часъ выползаютъ на верхнюю палубу татары и совершаютъ тамъ свою урочную молитву: русскій простецъ смотритъ и себя же упрекаетъ: „вотъ—татары, а свою вѣру не забываютъ, а мы, грѣшные“... Сравните этихъ простецовъ, обращающихъ себѣ въ поученіе татарскую молитву, съ тѣми же нѣмцами или ихъ выучениками, нашими несчастными, отъ народа отколовшимися штундистами и баптистами: они готовы издѣваться надъ нами, если мы, въ ихъ присутствіи совершимъ крестное знаменіе. Кто же оказывается „культурнѣе“: нѣмцы съ баптистами или нашъ простой мужичекъ, или даже хотя бы тотъ же татаринъ? Кто духовно культурнѣе? Вѣротерпимость нашего народа прямо поражаетъ иностранцевъ; мнѣ приходилось слышать отъ

сихъ послѣднихъ удивленіе: какъ нашъ народъ радушно и гостепріимно встрѣчаетъ иновѣрцевъ, коимъ приходится искать ночлега въ деревнѣ. Не только пріютъ дадутъ, но и позаботятся: сытъ ли гость дорогой, да и что онъ кушаетъ? „Знаю, говорилъ мнѣ одинъ англичанинъ, что у васъ постъ, да еще великій; не только мяса, но и молока не ѣдятъ, а мнѣ все же предлагаютъ: ты скажи, что кушаешь? Не хочешь ли, курочку для тебя приготовимъ? Правда, у насъ постъ, ну, а по твоей вѣрѣ, видно, не грѣшно, кушай на здоровье! И это говорятъ тѣ, которые и въ мясоѣдъ-то курочекъ не ѣдятъ никогда“.—Станутъ ли эти рабы Божіи издѣваться надъ латинскимъ Распятіемъ, надъ кирхой или костеломъ? А въ наши дни культурнѣйшіе нѣмцы все это безпощадно продѣлываютъ надъ святынями какъ православными, такъ и латинскими. Для нихъ нѣтъ ничего святого, они издѣваются надъ религіознымъ чувствомъ вѣрующихъ, какъ дикари, какъ фанатики безбожники, какъ выходцы изъ ада. У насъ духовные разныхъ исповѣданій свободно ходятъ въ своихъ одеждахъ, какія усвоены ихъ званію, и никто не позволитъ себѣ ни малѣйшей шутки надъ ними, а тамъ, заграницей, не вездѣ удобно показаться нашимъ духовнымъ лицамъ въ своей одеждѣ; нѣмцы смотрятъ на насъ съ какою-то духовной брезгливостью, какъ на людей нисшей расы, какъ на еретиковъ, какъ на полныхъ невѣждъ, а мы, православные, смотрѣли на нихъ, да и теперь хотѣли бы смотрѣть съ снисходительной любовью, какъ на заблуждающихся: „не вѣдятъ, что творятъ“,—если бы въ послѣднее время они не пробудили въ насъ чувства негодованія и справедливаго гнѣва за ихъ звѣрства, поруганіе нашихъ святынь, безсовѣстное отношеніе къ общепринятымъ во всемъ образованномъ мірѣ обычаямъ войны. Такъ—кто же оказывается культурнѣе? Чья культура выше? Кто глубже воспринялъ духъ Христова ученія? Нужно ли говорить, какою непримиримою, слѣпою гордынею пропитано отношеніе нѣмцевъ къ нашей святой вѣрѣ православной? Да и насъ-то они ненавидятъ, если вдуматься поглубже, именно за то, что мы православные: тѣ изъ нашихъ братьевъ-славянъ, которые измѣнили православію, принимаются скорѣе въ семью западныхъ народовъ, чѣмъ мы, русскіе: стоитъ въ самое послѣднее время указать на несчастныхъ болгаръ, удалившихся отъ православія, находящихся въ схизмѣ съ греками: они уже вошли въ область вліянія нѣмецкаго, ими уже правитъ нѣмецъ, на нихъ уже накидываютъ сѣти іезуиты, имъ уже грозитъ поглощеніе нѣмцами... Нѣмцы боятся нашего православія, они не знаютъ, не могутъ понять, что въ православіи лежитъ основа новой, имъ невѣдомой культуры, заключаются начала новаго, или, лучше сказать, древняго христіанскаго міропониманія и міросозерцанія, въ области духовнаго прогресса. У нихъ вся культура пропитана въ самыхъ основахъ своихъ гордынею и самопѣномъ, а у насъ все зиждется и расцѣнивается началомъ смиренія и духомъ любви христіанской. Но и для враговъ нашихъ очевидно, что православіе есть могучая сила, коею жива и крѣпка наша Русь, что пока Русь православна, дотолѣ она непобѣдима, дотолѣ къ ней будутъ безсознательно льнуть разные народы, еще не вкусившіе западной культуры, еще не зараженные національной гордыней, способные воспринять простою ду-

шою начала нашей культуры или, по крайней мѣрѣ, оцѣнить ея плоды и свободно полюбить нашъ народъ и слиться съ нимъ въ одно государство. И вотъ, всѣ усилія нѣмцевъ въ послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ устремлены на расшатываніе православія, на совращеніе нашихъ простецовъ въ нѣмецкую вѣру, на перевоспитаніе народной русской души въ нѣмецкую посредствомъ разъединенія ея съ Русью православной и зараженія той гордыней, коею проникнута душа нѣмецкая. Къ несчастью, наши братья, особенно на югѣ, не всѣ выдержали искушеніе, и поддались ему. Къ несчастью, наша интеллигенція, въ большей части своей, не поняла этого, не сумѣла какъ должно, оцѣнить своего сокровища—православія—потому что не жила имъ,—и пошла въ слѣдъ за нѣмцами, всюду умѣвшими найти себѣ поддержку, и стала не только не препятствовать, но нерѣдко и содѣйствовать нѣмцамъ въ этомъ злomъ умыслѣ... Богъ вразумляетъ насъ теперь, наказуетъ тѣмъ, чѣмъ согрѣшили; Богъ открываетъ намъ очи, чтобы видѣть грозящую намъ бѣду, чтобы осмотрѣться и понять, куда насъ ведутъ наши враги, живущіе среди насъ же... Они хотятъ похитить наше сокровище, народную русскую душу, чтобъ замѣнить ее своею холодною, надменною душою нѣмецкой. Они хотятъ заставить нашихъ братьевъ, подпавшихъ подъ ихъ вліяніе, забыть основы родной нашей культуры духовной и подмѣнить ее культурой земной, плоды которой мы видимъ въ нихъ же: это—варварство, озвѣрѣніе, осатанѣніе... Отъ такой культуры всѣ бѣгутъ съ ужасомъ, всѣ православные открещиваются, какъ отъ бѣсовщины...

Но не такую ли культуру, въ концѣ концовъ, считаютъ своимъ идеаломъ наши отщепенцы—интеллигенты, мечтающіе о новыхъ, не русскихъ порядкахъ въ нашей государственной жизни? Ихъ недоброе отношеніе къ православію невольно заставляетъ думать это...

293.

Нѣчто объ авторскомъ самолюбіи и о мытарствахъ.

По поводу статьи прот. С. Остроумова въ „Отдыхѣ Хрістіанина".

Достовѣрныя суть язвы друга, нежели вольная лобзанія врага. Притч. 27, 6.

Что дѣлать намъ, писателямъ, съ нашимъ авторскимъ самолюбіемъ? Какъ ни берегись, оно нѣтъ-нѣтъ да и подстережетъ тебя, и уколетъ, иногда очень чувствительно. Не чужды этого микроба „папской непогрѣшимости" и мы, духовные писатели, не исключая и насъ грѣшныхъ, архіереевъ. Вотъ почему всегда слѣдуетъ помнить слова одного великаго подвижника: „Ангеламъ свойственно не падать и даже, какъ нѣкоторые говорятъ, совсѣмъ невозможно пасть; людямъ же свойственно падать и скоро восставать отъ паденія, сколько бы разъ это ни случилось; а только бѣсамъ свойственно, падши, никогда не возставать". (Лѣств. сл. 4, 31). Нѣтъ нужды доказывать, что если бы всѣ ученые считали себя непогрѣшимыми, то наука застыла бы на мѣстѣ;

если бы каждый ошибающійся писатель стоялъ крѣпко на своемъ мнѣніи, несмотря на всѣ возраженія, то среди читателей образовалось бы столько сектъ, сколько такихъ писателей. Слава Богу, что мы не потеряли возможности сознавать свои ошибки и познавать истину при помощи обличеній, хотя бы иногда очень непріятныхъ для нашего авторскаго самолюбія. Не потому ли и сказано древнимъ мудрецомъ: *обличай премудра, и возлюбитъ тя* (Притч. 9, 8).

Эти мысли невольно приходятъ въ голову, когда приходится писать или говорить о тѣхъ или другихъ недостаткахъ современныхъ писателей, особенно богослововъ: вѣдь, ошибка въ вопросахъ богословскихъ куда опаснѣе, чѣмъ въ какихъ-либо иныхъ. Тутъ авторское самолюбіе можетъ повести даже къ ереси. Но, вѣдь, нельзя же, щадя это самолюбіе и избѣгая непріятности, и молчать, когда совѣсть говоритъ, что надо „обличить". И Апостолъ ставитъ одною изъ обязанностей пастырскаго долга—„обличать", разумѣется спокойно и съ разсужденіемъ (2 Тим. 4, 2). Извѣстно, что малѣйшее уклоненіе одной изъ параллельныхъ линій образуетъ уголъ; такъ и въ ученіи вѣры: малѣйшее уклоненіе отъ ученія Церкви, отъ ея духа, отъ ея преданій, общепринятыхъ богословскихъ „мнѣній" можетъ повести къ уклоненію отъ самой Церкви. Любовь Церкви и ея служителей и должна стоять на стражѣ всего этого сокровища, и та же любовь должна принимать слово обличенія съ терпѣніемъ и безъ упрековъ. Не въ духѣ это нашего времени, нѣкоторые даже изъ пастырей Церкви заражены инымъ духомъ; не любо имъ слышать обличеніе и отвѣчаютъ они иногда рѣзкостями, колкостями по адресу обличителя, а тѣ замѣчанія, какія приходится ему дѣлать—не говорю уже о печатной критикѣ, а иногда даже просто въ частныхъ письмахъ, считаютъ за „обвинительные акты". За одно изъ моихъ возраженій, въ защиту слова „бракъ", я получилъ латинское прозвище „князя Церкви", за другое, не печатное, а только въ письмѣ на имя редакціи высказанное, — „сановника духовнаго", каковымъ угодно было моему почтенному оппоненту наименовать меня уже печатно. Положимъ, и „князь", и „сановникъ"— не ругательныя прозвища; послѣднее даже можно производить отъ слова „санъ", а званіе архіерея, конечно, есть санъ, но все же въ обычномъ словоупотребленіи „сановникъ" есть слово не духовное, а гражданское. Авторъ употребилъ его съ цѣлію—не совсѣмъ доброю. А, между тѣмъ, можно ли было замолчать, хотя бы въ письмѣ къ редактору, не предназначавшемся къ печати, то смущеніе, какое было вызвано въ православной душѣ неосторожною статьею, которая называла „повѣрьемъ" преслѣдованіе бѣсами грѣшной души послѣ смерти? Вотъ „сановникъ" и написалъ редактору: „пусть-ка самъ авторъ объяснитъ намъ ученіе о мытарствахъ, сохраняемое церковнымъ преданіемъ и утверждаемое авторитетомъ Святителя Димитрія Ростовскаго".—Можетъ быть, въ частномъ письмѣ я не точно выразился въ научномъ отношеніи: употребилъ слово „ученіе" вмѣсто „вѣрованіе", слово „мытарство" вмѣсто слова „частный судъ"; но суть дѣла остается: есть или нѣтъ частный судъ по смерти? Проявляетъ или не проявляетъ сатана надъ человѣкомъ присущую ему силу и злобу, требуя себѣ грѣшную душу и опираясь, какъ на право, на грѣхи,

совершенные душою въ теченіе жизни? Авторъ увѣряетъ, что „такое повѣрье слишкомъ мало данныхъ имѣетъ въ Писаніи, что сатана слишкомъ обезсиленъ Христомъ, чтобъ имѣть власть надъ душами въ загробномъ мірѣ, оспаривать ихъ у Ангеловъ. Жало смерти—грѣхъ, говоритъ авторъ, но грѣхъ прощенъ, искупленъ, и смерть мужу—покой. Борьбу переносить въ загробный міръ нѣтъ основаній. Борьба здѣсь кончается“.—Вотъ, что говоритъ не простой міряннинъ-любитель, а ученый богословъ, протоіерей. Какъ же было не смутиться простому человѣку этими мыслями? Правда, онѣ высказаны не совсѣмъ ясно, точно, опредѣленно, но изъ нихъ вытекаетъ само собою сомнѣніе, если не прямое отрицаніе частнаго суда Божія надъ умершимъ человѣкомъ, и та мысль, что бояться такъ называемыхъ мытарствъ не слѣдуетъ: это — только „повѣрье“, а не вѣрованіе, обоснованное на церковномъ преданіи наравнѣ съ ученіемъ о молитвѣ за усопшихъ, о ходатайствѣ святыхъ, о всемъ томъ, чему буквальныхъ, прямыхъ основаній въ Писаніи нѣтъ, а что только выводится логически изъ Писанія. Въ отвѣтъ на мой вопросъ о томъ, какъ думаетъ самъ авторъ-богословъ о частномъ судѣ и мытарствахъ, онъ отвѣчаетъ довольно уклончиво: онъ не отвергаетъ „мнѣнія“ о семъ предметѣ, а считаетъ его только „богословскимъ мнѣніемъ“, которое „соткано разсудкомъ и чувствомъ человѣка-христіанина и не представляетъ собою обязательнаго для вѣры догмата святой соборной апостольской Церкви“. Признаюсь: такое заключеніе способно еще болѣе смутить въ простотѣ вѣрующую душу. Авторъ приводитъ изъ догматическаго богословія епископа Сильвестра слѣдующія строки: „загробнымъ состояніемъ душъ, какъ оно изображено въ Писаніи и церковноотеческомъ ученіи, не только не отклоняется, но скорѣе вызывается или необходимо предполагается частный для каждаго по смерти человѣка судъ. Вѣрованіе въ частный судъ подтвердилъ и Самъ Іисусъ Христосъ, *съ полной ясностью* (здѣсь авторъ ставитъ знакъ вопроса, подчеркивая послѣднія два слова), уча въ Своей притчѣ о богатомъ и Лазарѣ объ ожидающемъ каждаго человѣка мздовоздаяніи послѣ смерти, необходимо предполагающемъ собою и частный судъ... Отсюда вытекаетъ тотъ прямой и естественный выводъ, что, по ученію Христову, надъ душою каждаго человѣка тотчасъ послѣ его смерти совершается судъ Божій“. Кажется ясно, что такое ученіе, подтвержденное святоотеческимъ ученіемъ, должно быть непремѣнно обязательно пріемлемо для вѣрующаго православнаго христіанина, тѣмъ болѣе, что на немъ обосновывается и молитва объ усопшихъ, а съ другой стороны и ученіе о ходатайствѣ святыхъ. Но оказывается, по мнѣнію автора, что это—латинская логика, а не православная. „Здѣсь, говоритъ онъ, сильныя доказательства, необходимыя предположенія, естественный выводъ, но это — тотъ логическій путь, который привелъ латинство къ Filioque, чистилищу, индульгенціямъ, непорочному зачатію и непогрѣшимости папъ. Откровеніе оставило загробную жизнь за плотной завѣсой, и вотъ наши догматисты разрѣзаютъ эту завѣсу острымъ ножомъ діалектики, строятъ предположенія, выдвигаютъ выводы, силлогизмы“. Такъ критикуетъ авторъ положенія, высказанныя епископомъ Сильвестромъ о частномъ судѣ. Что касается латинской логики, то, вѣдь,

„сильныя доказательства, необходимыя предположенія, естественные выводы“ изъ Священнаго Писанія не отвергаемъ и мы, православные; на нихъ построено многое и въ нашемъ ученіи, особенно въ тѣхъ пунктахъ его, гдѣ идетъ рѣчь объ отличіи его отъ протестантства (объ иконахъ, преданіи, почитаніи святыхъ, почитаніи креста, молитвѣ за усопшихъ, призываніи святыхъ и др.). Слабая сторона латинства въ томъ, что его выводы изъ посылокъ дѣлаются шире того, что даютъ посылки, что тамъ пускается въ ходъ софистика, допускаются передержки, чего православіе отнюдь не можетъ допускать. А въ данномъ случаѣ епископъ Сильвестръ дѣлаетъ строго логическіе выводы, и никакой спеціально латинской логикѣ не слѣдуетъ. Правда, далѣе авторъ пытается опровергнуть мысль епископа, что Іисусъ Хрістосъ говоритъ въ притчѣ о частномъ судѣ и мздовоздаяніи, и доказать, что „ученіе о двухъ судахъ есть ученіе человѣческое, очень логичное, очень почтенное, удовлетворяющее человѣческой любознательности и чувству религіозному, но и только“. Какъ же относится къ сему ученію самъ почтенный авторъ? Принимаетъ ли онъ его, или считаетъ для себя „необязательнымъ?“—это, по меньшей мѣрѣ, остается нерѣшеннымъ вопросомъ. Повидимому, онъ болѣе склоняется къ мнѣнію древнѣйшихъ учителей Церкви блаженныхъ Иринея и Ипполита (котораго пятью строками ниже почему-то называетъ Іеронимомъ): ихъ мнѣніе, по его словамъ, стоитъ „ближе къ Священному Писанію“. Бл. Ипполитъ полагаетъ, что и праведныя души и нынѣ содержатся во адѣ, только не въ томъ мѣстѣ, гдѣ грѣшныя; а Ириней думаетъ, что души учениковъ (вѣрующихъ) пойдутъ въ невидимое мѣсто, гдѣ будутъ ожидать воскресенія и только тогда предстанутъ предъ лице Божіе. Но это мнѣніе противорѣчитъ выше приведенному, такъ сказать, всеобдержному мнѣнію, внесенному позднѣйшими богословами даже въ системы догматическаго богословія, тѣмъ болѣе, что это мнѣніе, по словамъ самого же автора, имѣетъ основаніе для себя въ Священномъ Писаніи, тогда какъ мнѣніе Иринея и Ипполита стоитъ одиноко и другими отцами не повторяется, почему и догматистъ епископъ Сильвестръ не счелъ нужнымъ вносить его въ свое богословіе.

Авторъ говоритъ, что мнѣнія, какъ бы ни были авторитетны, не могутъ быть обязательны: это—не догматы. Надо различать „мнѣнія“: есть изъ нихъ, такъ сказать, безразличныя, не имѣющія прямого значенія въ дѣлѣ нашего спасенія, а есть и такія, которыя стали нашими вѣрованіями, закрѣплены Церковію въ богослужебныхъ чинопослѣдованіяхъ, стали церковнымъ преданіемъ. Само собою понятно, что земные образы, въ какіе облекаются сіи мнѣнія, не есть самая дѣйствительность; но они суть, по выраженію святителя Ѳеофана затворника, образное представленіе дѣйствительности. „Духовный міръ есть нѣчто таинственное, говоритъ этотъ великій подвижникъ богословъ,—таинственное, чего представить намъ въ подлинной его дѣйствительности нѣтъ возможности. Когда приходилось кому домыслиться до положенія тамошнихъ дѣлъ, или Господу угодно было дать откровеніе о томъ,—то и другое дѣлалось подъ образами нашей земной жизни. Эти образы представляютъ дѣйствительность, но не суть самая дѣйствительность. Она духовна, мысленна, неимѣющая въ себѣ ничего плотскаго. Словъ

нѣтъ у насъ на выраженіе того. Наши слова чувственны, грубы, образны". Это вполнѣ согласно съ тѣмъ, что говорилъ ангелъ Божій св. Макарію Александрійскому: „земныя вещи принимай здѣсь за самое слабое изображеніе небесныхъ". Но, тѣмъ не менѣе, небесныя вещи существуютъ; тѣмъ не менѣе, частный судъ Божій есть, въ него вѣруетъ вся Церковь, о немъ говоритъ она вѣрующимъ въ своихъ богослужебныхъ пѣснопѣніяхъ, въ отеческихъ писаніяхъ, говоритъ какъ о реальномъ явленіи, а не какъ объ одномъ изъ способовъ „проповѣдническаго воздѣйствія на нравственность хрістіанъ", какъ выражается нашъ авторъ. И видѣнія Григорія о мытарствахъ св. Ѳеодоры нѣчто большее, чѣмъ произведенія Данта, Мильтона и Клопштока, какъ говоритъ о. протоіерей. Какъ бы то ни было, для православнаго слуха такое приравненіе житійныхъ сказаній оскорбительно. Надо выяснять суть дѣла, подчеркивать образность сказаній, но не касаться этой сути, не говорить, что эта суть, какъ „частное мнѣніе", необязательна. Слѣдуетъ вдуматься въ глубокую мысль Московскаго святителя Филарета о мытарствахъ. „Если принять въ разсужденіе, говоритъ онъ, что апостолъ говоритъ о *духахъ злобы поднебесныхъ*, и что духамъ злобы свойственно быть въ адѣ, то не придется ли заключить, что нашъ бѣдный міръ, съ одной стороны, по дару творенія и по благодати искупленія, проницаемый благодатною свѣтлою атмосферою неба, съ другой, по бѣдственному грѣховному поврежденію, не совсѣмъ запертъ для распиравшейся въ немъ темной атмосферы ада. Души, облагодатствованныя и совершившіяся, исходя изъ тѣла, отражаютъ сію атмосферу вселившимся въ нихъ благодатнымъ свѣтомъ, и, не ощущая ихъ, идутъ на небо; къ душамъ, менѣе очищеннымъ, менѣе сильнымъ въ свѣтѣ, она прилежается. — и вотъ *мытарства*" (Письма къ архимандриту Антонію, II, 273—4). Какъ видно изъ сего, мысль, что душѣ, оставляющей міръ, Богомъ дается помощь и содѣйствіе въ дѣлѣ нравственнаго самосознанія и самоосужденія при посредствѣ духовныхъ силъ свѣта и тьмы, какъ орудій Его правосудія, безъ сомнѣнія, предъ окомъ всевидящаго Судіи, заслуживаетъ глубокаго вниманія и останавливала на себѣ вниманіе великаго богослова митрополита Филарета, который съ свойственной ему краткостью обосновалъ ее, такъ сказать, не только богословски, но и философски.

Авторъ приводитъ мнѣніе св. Григорія Богослова о томъ, что по вопросамъ о воскресеніи, судѣ, воздаяніи — „и промахъ сдѣлать безвредно". Признаюсь, не помню, гдѣ высказываетъ святитель такую мысль. Если о. протоіерей хочетъ сказать, что онъ сдѣлалъ „промахъ" въ своемъ сужденіи относительно частнаго суда, то такое сознаніе похвально; но если онъ хочетъ оправдать свой промахъ, признать его „безвреднымъ", то этого нельзя похвалить: въ наше время надо быть крайне осторожнымъ въ вопросахъ вѣры и церковныхъ преданій, церковныхъ обычаевъ, церковныхъ воззрѣній, коими живутъ православные люди. Печально, что въ наше именно время въ нашу духовную, особенно общедоступную, литературу много проникаетъ мнѣній далеко неправославныхъ, мнѣній изъ западныхъ исповѣданій, какъ латинскихъ, такъ и лютеранскихъ, протестантскихъ, и проникаетъ нерѣдко даже какъ-то неза-

висимо отъ авторовъ, по недосмотру, по увлеченію западными писателями, которые переводятся иногда безъ особеннаго просмотра со стороны православной мысли, православнаго міросозерцанія. Въ общедоступныхъ изданіяхъ этого слѣдуетъ особенно остерегаться. И безъ того у насъ въ народѣ немало разсыпается брошюръ и листковъ, явно сектантскихъ; что же будетъ, если въ духовныхъ изданіяхъ станутъ появляться статьи съ уклоненіемъ въ сторону раціонализма, протестантства или латинства? Пусть каждый авторъ, особенно духовный писатель, строже провѣряетъ себя: какъ бы не смутить душу православную, въ простотѣ сердца вѣрующую...

294.

Объ условномъ языкѣ.

Живемъ мы въ вѣкъ гласности: казалось бы, при условіи гласности, свободы печатнаго слова, не должно быть неясности, недоговоренности, туманности, если только люди говорящіе и пишущіе сами ясно сознаютъ, что говорятъ и пишутъ. Вѣдь, если мысль не ясно сложилась въ головѣ, то не слѣдуетъ ее и высказывать: къ чему туманъ пускать по вѣтру? Однако же, на дѣлѣ выходитъ такъ, что куда ни посмотри—всюду встрѣтишь эти туманныя пятна, недомолвки, тонкіе намеки на что-то неопредѣленное, слова, въ которыя можно по желанію влагать всякій смыслъ. Приходится догадываться, что туманными фразами тебѣ хотятъ сказать что-то такое, чего, по цензурнымъ условіямъ, нельзя сказать прямо. Отсюда выработался особый языкъ условныхъ выраженій, намековъ, языкъ, называемый прямолинейно мыслящими людьми „эзоповскимъ“. Въ этомъ языкѣ имѣются термины, которые означаютъ многое такое, о чемъ нельзя, неудобно говорить вслухъ. Десять лѣтъ назадъ пущено было, напримѣръ, словечко: „освободительное движеніе“, и свободно гуляло по газетнымъ столбцамъ взамѣнъ слова хотя и иностраннаго, но всѣмъ понятнаго—„революція“. Таковы же новыя слова: „новый режимъ“, „новая эра“, кто пишетъ, тотъ знаетъ, что надо понимать подъ этимъ словомъ въ отношеніи, напримѣръ, государственнаго устройства: это—„конституція“; но въ послѣднее время понемногу взамѣнъ „новаго режима“ нѣтъ-нѣтъ и проскользнетъ словечко „наша конституція“,—непремѣнно „наша“, чтобъ отвести глаза цензурнымъ аргусамъ: у насъ-де совсѣмъ не то, что разумѣютъ подъ конституціей въ другихъ странахъ, у насъ — „самобытная“ конституція, по идеѣ древне-русской Царской Думы. Тутъ ужъ и цензоръ опуститъ перо съ красными чернилами на кончикѣ: нельзя придраться. Подождите еще года два-три: слово „наша“ исчезнетъ и останется только слово „конституція“. Можно бы написать цѣлый томъ-словарь „эзоповскаго языка“, и наши патріоты оказали бы немалую услугу русскому обществу, особенно простымъ русскимъ людямъ, если бы взяли на себя трудъ составленія такого словаря, и отъ времени до времени пополняли бы его. Этимъ они значительно разсѣяли бы туманъ, пускаемый газетами по адресу рядоваго читателя, неумѣю-

щаго переводить съ эзоповскаго языка.

Такъ называемыя „либеральныя“ идеи имѣютъ свойство распространяться подобно эпидемической заразѣ: сначала онѣ заражаютъ легкомысленную зеленую молодежь, потомъ, особенно съ вступленіемъ этой молодежи въ жизнь, заражаютъ интеллигентное общество, далѣе спускаются въ полуинтеллигенцію, въ среду деревенскихъ грамотеевъ, и наконецъ въ народъ. То же наблюдается и въ отношеніи тѣхъ сторонъ жизни, къ коимъ соприкасаются эти идеи: сначала онѣ носятся около внутренней политики, разныхъ реформъ управленія, потомъ касаются народнаго образованія и воспитанія, и наконецъ проникаютъ уже въ область церковной жизни, касаясь даже каноновъ и догматовъ Церкви. Если Лютеръ когда-то смѣло пошелъ противъ латинской церкви, сразу поставивъ вопросъ о реформаціи, то наши маленькіе лютеры дѣйствуютъ осторожнѣе, изподтишка, понемногу, по каплямъ вливая свои идеи въ сознаніе вѣрующихъ и прикрываясь мнимою ревностью о благѣ самой Церкви. Они избираютъ и такіе моменты въ государственной жизни, когда все вниманіе вѣрующихъ устремлено на тревожныя событія: такъ было въ недоброй памяти 1905 году, такъ есть и теперь. Тогда заговорили о необходимости церковныхъ реформъ, теперь—то же самое. Тогда пошли въ моду „обновленческія идеи“, теперь — о „субботничествѣ каноновъ“, о „раскрѣпощеніи церковной жизни отъ мертвящихъ ее бюрократическихъ путъ“, при чемъ предупредительно объясняется, что тутъ разумѣется не свѣтская только власть, но „духовная бюрократія“, въ которую де превратилась церковная іерархія. Далѣе идутъ обычныя либеральныя фразы, что—Церкви „нужна свобода, нужна, какъ воздухъ для легкихъ; безъ нея жизнь церковная гаснетъ и замираетъ“, что „церковную жизнь мертвитъ произволъ и неправда чиновниковъ въ рясахъ и клобукахъ“, что наше духовенство есть „крѣпостное сословіе, лишенное всякой защиты закона“, что „безправіе заставляетъ всѣхъ, кто имѣетъ возможность избѣжать положенія архіерейской челяди (выходитъ: всѣ іереи, все духовенство, по автору, не больше, какъ архіерейская челядь—до того безправны!), бѣжать отъ рясы въ акцизники, въ ветеринары, куда угодно, только подъ защиту закона. Безправіе и произволъ (конечно, архіереевъ), отъ котораго нѣтъ защиты, породили въ Церкви, долженствующей быть союзомъ любви, такое озлобленіе и ненависть нисшихъ противъ высшихъ, примѣровъ которымъ трудно еще гдѣ-либо найти“. Величая архіереевъ „духовными бюрократами, чиновниками въ рясахъ“, авторъ говоритъ, что они „играютъ въ каноны, какъ въ шашки“, что въ настоящее время „пастырей, избранныхъ голосомъ самой Церкви, единомышленныхъ съ нею въ ученіи, — обошедшихъ каждую семью своей церкви, такихъ, единственно каноничныхъ и законныхъ пастырей церкви, или вовсе нѣтъ, или слишкомъ мало“. Какъ видите, предъявляется цѣлый обвинительный актъ противъ нашей іерархіи, актъ, полный самыхъ тяжкихъ обвиненій и если бы, помилуй Богъ, эти обвиненія были справедливы, то оказалось бы неизбѣжною реформація во всѣхъ частяхъ церковнаго управленія. И все это печатается въ самой распространенной газетѣ, съ очевидною цѣлію — посѣять недовѣріе къ іерархіи, возбудить неудовольствіе въ средѣ ду-

ховенства противъ іерархіи, противъ существующихъ порядковъ въ Церкви, внести туманъ въ понятія православныхъ, словомъ: обвинить іерархію въ томъ, въ чемъ сами пишущіе кругомъ виноваты: „въ сознательномъ замалчиваніи правды въ расчетѣ на некомпетентность (малую освѣдомленность или вовсе неосвѣдомленность) общества въ сложныхъ церковныхъ проблемахъ (вопросахъ), въ полной собственной неосвѣдомленности относительно духа и порядковъ жизни въ древней Церкви". Я нарочито беру эти фразы у г. Царевскаго, чтобы читатель видѣлъ, какъ онъ пытается обвинить „чиновниковъ въ рясахъ", именно въ томъ, въ чемъ самъ кругомъ виноватъ. Въ самомъ дѣлѣ, что значитъ, хотя бы, вотъ эта фраза: „нынѣ нѣтъ или очень мало пастырей, избранныхъ голосомъ самой Церкви, единомышленныхъ съ нею въ ученіи, обошедшихъ каждую семью своей Церкви"? Нѣтъ, говоритъ г. Царевскій, такихъ пастырей „единственно каноничныхъ или законныхъ?". Стало быть, весь епископатъ Русской Церкви „неканоиченъ и незаконенъ"? Вѣдь, сама „церковь", подъ коею авторъ разумѣетъ паству, не имѣетъ даже возможности „избирать" себѣ епископа, не говоря уже о томъ, какъ понимать это „избраніе". Какъ, напримѣръ, стала бы вологодская паства, раскинутая на милліонѣ квадратныхъ верстъ, состоящая, по статистическимъ даннымъ, изъ полутора милліона душъ, избирать себѣ архипастыря? Какъ могли бы эти полтора милліона душъ провѣрить правоспособность того или другого кандидата во епископа къ нимъ? Какъ понимать это „единомысліе въ ученіи съ паствою", о коемъ говоритъ г. Царевскій? Да развѣ нужно единомысліе въ ученіи только съ своею будущею паствою, а не со всею вселенскою Церковію? И какъ стали бы избиратели опредѣлять степень православности своего избранника? Кто сталъ бы его экзаменовать? Его же будущіе пасомые? И куда дѣвать словеса Господа: *не вы Мене избрасте, но Азъ избрахъ васъ*, обращенныя къ Апостоламъ, первымъ Епископамъ Его Церкви? Или авторъ хочетъ свести все къ протестантскому способу избранія пасторовъ? Вѣдь, вотъ до чего можно договориться—намѣренно или ненамѣренно—Богъ тому Судья,—задавшись цѣлію „раскрѣпостить Церковь" отъ засилья „духовныхъ бюрократовъ"—епископовъ. Я не имѣю въ виду подробно разбирать статью г. Б. Царевскаго, я хочу только показать примѣръ, какъ подъ самыми красивыми фразами сѣется полною рукою смута въ умахъ читателей свѣтской газеты, далеко не всегда способныхъ разобраться въ этомъ туманѣ напыщенныхъ фразъ.

Теперь въ модѣ слово „приходъ". О приходѣ говорятъ и въ Г. Думѣ, и въ печати, и въ обществѣ. Но никто не задумывается надъ вопросомъ: а кого можно и должно считать „прихожаниномъ"? Между тѣмъ, съ этого вопроса надо начинать сужденіе о благоустройствѣ прихода. Такое благоустройство—дѣло необходимое, но оно должно быть выполнено крайне осторожно. Кому же не извѣстно, что въ средѣ именующихъ себя православными нынѣ немало язычниковъ, не только по жизни—единъ Богъ безъ грѣха—но, что опаснѣе, по міросозерцанію, по взглядамъ,—не скажу—убѣжденіямъ, ибо нынѣ и этимъ великимъ словомъ злоупотребляютъ, называя „убѣжденіемъ" то, что вычитано изъ первой попавшейся подъ руки іудейской газеты? Какъ отдѣлить вотъ такихъ полуязычниковъ отъ

истинно православныхъ, въ простотѣ вѣрующихъ прихожанъ? А, вѣдь, лишь только будутъ даны формальныя права приходу, какъ вотъ эти-то полуязычники и выступятъ руководителями „общественнаго мнѣнія“ въ приходѣ: для нихъ, вѣдь, ни каноновъ, ни правилъ, ни указовъ правящей церковной власти не существуетъ, имъ нужны только „права“, чтобы вмѣшиваться во всякое дѣло, составлять оппозицію (тоже терминъ изъ эзоповскаго языка) священнику, мутить простецовъ и распоряжаться въ приходѣ по-хозяйски. Достойно вниманія, что гг. пишущіе о приходѣ совсѣмъ замалчиваютъ вопросъ о признакахъ правоспособности прихожанина: повидимому, они думаютъ, что достаточно быть въ спискѣ прихожанъ той или другой церкви, и это уже даетъ право и на всѣ права прихожанина. Но, избави Богъ отъ такихъ прихожанъ въ будущемъ преобразованномъ приходѣ! Это было бы не „обновленіе“, а полное разрушеніе церковной жизни, внесеніе въ нее растлѣвающихъ началъ, зараженіе ея тѣми микробами, коими болѣетъ вся наша земская, общественная жизнедѣятельность, всѣ тѣ учрежденія, гдѣ самоуправленіе является основнымъ принципомъ жизни. Но попытайтесь поставить вопросъ о признакахъ православнаго прихожанина въ желательномъ для Церкви смыслѣ, и вы увидите, какъ обрушатся на васъ всѣ эти радѣтели „обновленія приходской жизни“. Заслуживаетъ осторожнаго вниманія и то обстоятельство, что больше всего говорятъ и пишутъ о приходѣ газеты, коимъ, по составу ихъ редакцій, казалось бы, нѣтъ никакого дѣла до церковной жизни нашей православной Россіи. Простое чувство порядочности, деликатности, должно бы подсказать всѣмъ этимъ Кугелямъ, Нотовичамъ, Гессенамъ, что имъ не слѣдуетъ говорить о такихъ вопросахъ, въ коихъ они ничего не понимаютъ: довольно съ нихъ той свободы, съ какою они толкуютъ о равноправіи іудейскаго племени... Но развѣ можно этого требовать отъ нихъ? На то и изобрѣтенъ ими эзоповскій языкъ, чтобы мутить воду на Руси. Печально то, что они сумѣли загипнотизировать нашу интеллигенцію до такой степени, что только и слышишь у разносчиковъ газетъ: подай „Рѣчь“, подай „День“, „Биржевыя“, и это считается какъ бы признакомъ хорошаго тона, какъ будто это—самыя надежныя газеты во всѣхъ отношеніяхъ.

295—296.

Православнымъ нуженъ не „народный“, а „приходскій домъ“.

I.

Въ правительственныхъ кругахъ, какъ слышно, обсуждается вопросъ о такъ называемыхъ „народныхъ домахъ“. Казалось бы, едва ли настоитъ ужъ такая неотложная нужда въ этихъ домахъ, чтобы обсуждать дѣло подъ громъ страшныхъ битвъ, когда все вниманіе и властей, и самого народа устремлено на великое дѣло борьбы съ страшнымъ врагомъ; да и едва ли было бы, даже по окончаніи войны, возможно затрачивать во всякомъ случаѣ крупныя средства на это дѣло. Но пусть такъ: пусть заранѣе, хотя бы въ счетъ будущей контрибуціи съ

нѣмцевъ, приготовятъ проектъ о народныхъ домахъ: не чрезъ годъ—чрезъ пять-десять лѣтъ пригодится. Только вотъ что тревожитъ нашу православную русскую совѣсть: а что если въ новомъ проектѣ воскреснутъ старые „народные дома“, въ родѣ тѣхъ, которые самъ же народъ сжегъ въ 1905 году?.. Помните, кто хозяйничалъ въ нѣкоторыхъ народныхъ домахъ въ то злосчастное время, какія тамъ читались лекціи народу, какія рѣчи произносились, какія изданія тамъ распространялись? О, конечно, скажутъ намъ: то было да прошло и былью поросло; теперь вотъ и обсуждается проектъ такихъ домовъ, которые соединяли бы „полезное съ пріятнымъ“, служили бы центрами народнаго просвѣщенія, народнаго развлеченія въ праздники и т. п. Но, вѣдь, прежніе дома, по мысли недоброй памяти покойнаго реформатора Россіи, графа съ иностранной фамиліей, предназначались служить именно вотъ этимъ же цѣлямъ, а стали, во дни смуты, очагами этой смуты... Конечно, опытъ прошлаго будетъ принятъ во вниманіе, а все же не худо прислушаться къ голосу тѣхъ людей, которые стоятъ ближе къ народу, непосредственно соприкасаются съ нимъ, живутъ одними съ нимъ идеалами. А идеалы нашего народа не допускаютъ никакихъ компромиссовъ, никакихъ сдѣлокъ съ совѣстью или уступокъ въ основныхъ понятіяхъ о предметахъ, имѣющихъ то или иное отношеніе къ нравственному, духовному міру. Въ этомъ отношеніи народъ мыслитъ совершенно прямолинейно: развлеченіе и есть только развлеченіе, забава, и ни единаго гроша казенныхъ денегъ на эту забаву не должно тратить; если ужъ кому охота позабавиться, то къ его услугамъ—частныя предпріятія, за которыми, однако же, надо установить строжайшій надзоръ, чтобы не допускали ничего развращающаго, ничего безнравственнаго.

Совсѣмъ другое дѣло—„полезное“, но тогда спросите: чего „полезнаго“ желаетъ самъ народъ? Онъ любитъ полезныя чтенія на религіозныя и патріотическія темы, любитъ духовныя бесѣды, любитъ акаѳисты, церковное пѣніе, не откажется послушать и полезныя бесѣды по сельскому хозяйству, хотя тутъ — ужъ извините—не обойдется безъ критики лектора со стороны слушателей: „хорошо барамъ толковать, когда у нихъ есть и машины, и земля, и наемныя руки, а вотъ посидѣли бы они на нашемъ положеніи“ и т. д. Я имѣю въ виду деревню, только деревню: въ городахъ и простой народъ заражается уже отъ полуинтеллигенціи вкусами не-русскаго духа. Рабочій людъ, прикащики, оторвавшіеся отъ родной деревни, уже не прочь и въ кинематографѣ побывать, и на сцены посмотрѣть, и отдать свободные часы развлеченіямъ, которыя въ деревнѣ сочли бы грѣховными.

И вотъ является вопросъ: позволительно ли строить народные дома одного и того же типа въ городѣ и деревнѣ? Нуженъ ли въ деревнѣ вообще народный домъ въ томъ смыслѣ, какъ мы его понимаемъ по опыту минувшихъ лѣтъ?

Недавно г. І. Никаноровъ въ „Новомъ Времени“, говоря о необходимости скорѣйшаго разрѣшенія вопроса о приходѣ, высказалъ хорошую мысль. „Пусть, пишетъ онъ, рядомъ съ храмомъ выростетъ приходскій домъ съ богатымъ запасомъ книгъ, съ возможностью собраться тамъ и для чтенія, и для бесѣды, для взаимнаго поученія, (жаль, что не сказалъ яснѣе: о какомъ это „взаимномъ поученіи“ у него идетъ рѣчь?), для постоянной поддержки

въ томъ непрерывномъ и огромномъ трудѣ, который нуженъ Россіи, если она, дѣйствительно, „хочетъ быть свободной“ (надѣемся, рѣчь идетъ о свободѣ отъ нѣмцевъ и жидовъ, отъ иностранной культуры въ матеріальномъ и духовномъ смыслѣ)... Такъ вотъ рѣшеніе вопроса о „народныхъ домахъ“. Для народа нуженъ „приходскій домъ“, гдѣ, подъ непосредственнымъ руководствомъ пастыря, приходскаго священника, вѣрующіе люди могли бы собираться дружною семьей, чтобы тамъ отдыхать душой, набираться духовными силами, запасаться добрыми знаніями какъ въ области религіозной, такъ и въ другихъ отношеніяхъ. Я думаю, что если бы тѣ сотни тысячъ, а можетъ быть и милліоны, которыя будутъ ассигнованы изъ казны, изъ народнаго трудового фонда, на „народные дома“, направить вотъ въ это русло, въ русло народно-церковной жизни, и по селамъ „рядомъ съ приходскими храмами“ строить приходскіе дома, то это принесло бы народу именно то, въ чемъ онъ такъ нуждается, чего жаждетъ: удовлетвореніе его духовной потребности въ праздничномъ отдыхѣ—такъ, какъ по совѣсти понимаетъ его самъ народъ. А если дѣло будетъ направлено по старой колеѣ, если распорядителями этихъ „домовъ“ окажутся люди, чуждые духу народному, равнодушные къ Церкви, то ждать отъ нихъ добра не приходится... Знаю, что меня назовутъ за это отсталымъ клерикаломъ, обскурантомъ, но я такъ увѣренъ въ правотѣ своихъ мнѣній, что никакихъ кличекъ не боюсь. Что грѣха таить? Насъ, пастырей Церкви, боятся слишкомъ близко подпустить къ душѣ народной, отсюда вражда къ нашимъ церковно-приходскимъ школамъ, отсюда стремленіе поставить насъ подальше отъ земской дѣятельности въ области народнаго просвѣщенія, отсюда предубѣжденіе вообще противъ духовенства, какъ носителей „мракобѣсія“, суевѣрій, какъ отъ людей крайне ограниченныхъ, какъ враговъ истиннаго прогресса и цивилизаціи. Иногда чувствуешь, что мнящіе себя быть сливками общества, представителями культуры, только терпятъ насъ, духовенство, какъ бы снисходятъ намъ, сознавая все свое превосходство. Если въ столицахъ это сглаживается, маскируется тонкимъ обращеніемъ — изысканной вѣжливостью, то въ провинціи иногда дѣло доходитъ до того, что какой-нибудь присяжный повѣренный позволяетъ себѣ въ запальчивости даже архіерею говорить на „ты“. А взгляни поближе въ его религіозное міросозерцаніе—какая пустота, жалкіе обрывки изъ уроковъ по Закону Божію, сохранившіеся еще отъ гимназическаго курса, за то—знакомство съ „послѣдними словами“ нѣмецкой лженауки, отрицательной критики, мнимой философіи—всего понемножку. Не думайте, впрочемъ, что и эти обрывки лженауки онъ почерпнулъ изъ первоисточника: просто вычиталъ изъ іудейскихъ газетныхъ фельетоновъ... Тутъ главное—не знаніе, а просто мода на либеральныя бредни, желаніе хвастнуть своею мнимою прогрессивностью, показать, что вотъ-де мы какіе просвѣщенные люди, не то, что попы да монахи... Жаль такихъ недоучекъ, а, между тѣмъ, не рѣдко въ ихъ рукахъ и судьбы школьнаго дѣла, и „народныхъ домовъ“, и даже печати, особенно внѣ столицъ. Немало такихъ господъ засѣдаетъ въ земскихъ и городскихъ самоуправленіяхъ; немало руководятъ учебнымъ дѣломъ, распоряжается земскими суммами, народными библіотеками и т. п. Что имъ за дѣ-

ло до того, что Церковь, въ лицѣ своихъ служителей, 900 лѣтъ воспитывала тотъ великій народный духъ, который теперь такъ поразительно проявляетъ себя и на поляхъ битвъ, и въ лазаретахъ, и въ крестьянскихъ хатахъ? Весь міръ хрістіанскій удивляется красотѣ этого духа, а нашимъ интеллигентамъ откуда нибудь изъ Уфы или Саратова до того никакой заботы... Вотъ и есть опасность, страшная опасность, если, вопреки всему настроенію православнаго нашего народа, дѣло народныхъ домовъ попадетъ въ руки такихъ господъ. Вотъ почему надо громко взывать: если есть средства, если считаете нужнымъ строить народные дома, то повѣрьте это дѣло—не земствамъ, не городскимъ самоуправленіямъ, а матери-Церкви. Установите какой-угодно контроль, наблюденіе, но повѣрьте, что народъ съ радостью встрѣтитъ такое довѣріе къ церковной власти, и приходскіе дома будутъ, дѣйствительно, центрами народной жизни, не отдыха только, но и общественной жизни, въ чемъ со временемъ окажется особенная нужда въ виду разселенія крестьянъ на хутора. Надо, чтобы, посѣщая въ праздникъ храмъ Божій, хуторянинъ нашелъ мѣсто и просто для физическаго отдыха. Зимою пришлые изъ деревень богомольцы ютятся въ церковныхъ сторожкахъ, въ школахъ и въ домахъ причта, въ ожиданіи обѣдни или между обѣднею и утреней. А въ приходскомъ домѣ они нашли бы и что почитать въ приходской библіотекѣ. И ужъ, конечно, въ приходскій домъ не могли бы проникнуть такія изданія, какія иногда попадаются въ земскихъ народныхъ библіотекахъ, и какихъ цѣлые склады оказывались тамъ въ недоброй памяти „освободительныхъ“ годахъ.

Думается мнѣ, что предубѣжденіе противъ духовенства въ нашей, такъ называемой, интеллигенціи зиждется на двухъ основахъ: во-первыхъ, на усиленномъ распространеніи въ послѣдніе полсотни лѣтъ, начиная съ знаменитыхъ шестидесятыхъ годовъ, матеріалистическихъ теорій и въ книжномъ и въ журнальномъ мірѣ, а во-вторыхъ, на простомъ недоразумѣніи: на насъ, служителей Церкви, смотрятъ въ очки западной интеллигенціи, гдѣ, благодаря дѣятельности слугъ Лойолы и папскаго настойчиваго вмѣшательства не только въ дѣла вѣры и совѣсти, но и въ политическія отношенія, въ мыслящихъ классахъ такъ естественно утратилось довѣріе къ представителямъ Церкви, и поселилось предубѣжденіе противъ нихъ. Но, вѣдь, ничего подобнаго въ нашей родной исторіи не было, наша Церковь православная всегда шла рука объ руку съ государствомъ въ государственномъ строительствѣ, воспитывая народъ въ послушаніи власти и вовсе не вмѣшиваясь въ дѣла мірскія. Только незнаніе исторіи можетъ допускать у насъ какой-то клерикализмъ, если не считать такимъ укрѣпленіе православной вѣры въ народѣ и духовное окормленіе народа Церковію. Само собою понятно, что Церковь не можетъ допускать безъ протеста отравленіе народа безбожными ученіями и еретическими мудрованіями: это было бы отреченіемъ ея отъ себя самой. Не можетъ она также допускать уклоненія отъ духа каноновъ церковныхъ. Говорю: духа, ибо буква каноновъ и самою Церковію измѣняется соотвѣтственно обстоятельствамъ времени: такъ, въ древности налагались епитиміи за нѣкоторые тяжкіе грѣхи по десяти—двадцати лѣтъ, а позднѣе стали ихъ сокращать, нынѣ же приходится, по не-

мощамъ человѣческимъ, и еще болѣе сокращать ихъ. Но многіе ли изъ интеллигентовъ нашихъ знаютъ духъ каноновъ церковныхъ? Да знаютъ ли еще и вообще: что такое каноны? знаютъ ли степень ихъ обязательности для власти церковной? Судя по тому, какія реформы желали бы они видѣть въ родной православной Церкви, можно думать, что они никогда и не заглядывали въ каноны, и свои сужденія строятъ на началахъ, чуждыхъ православію, заимствованныхъ, вычитанныхъ изъ тѣхъ же нѣмецкихъ, съ точки зрѣнія нашей Церкви—еретическихъ, книгъ, которыя читаютъ предпочтительнѣе святоотеческой и вообще церковной литературы. А въ этомъ — новый источникъ недоразумѣній въ отношеніяхъ нашей интеллигенціи къ церковной власти и духовенству. Мы стоимъ, по мѣрѣ возможности, на почвѣ каноновъ, стараясь сохранить ихъ духъ въ церковной жизни, а наши критики думаютъ, что мы оберегаемъ свои сословные и иные интересы и ставятъ исполненіе нами долга намъ въ вину... Хорошо ли это?

II.

Я закончилъ свою статью, когда мнѣ подали „Приходскій Листокъ“ № 149 и „Кіевское Руководство для сельскихъ пастырей“ № 23. Въ обоихъ изданіяхъ идетъ рѣчь о „народныхъ домахъ“. Въ первомъ голосъ изъ народа: пишетъ крестьянинъ Ѳедоръ Чириковъ изъ Талызина, Симбирской губерніи. Оказывается, что идея приходскаго дома тамъ уже осуществлена, благодаря неутомимому усердію мѣстнаго священника о. Іоанна, и „домъ“ примѣрно обслуживаетъ нужды прихода уже десять лѣтъ. Прежде всего, между заутреней и обѣдней тамъ читаются для народа житія святыхъ, подходящія статьи изъ книгъ и духовныхъ журналовъ, по указанію священника. По вечерамъ ведутся чтенія по обширной программѣ съ общенароднымъ пѣніемъ и тѣневыми картинами. Кромѣ духовныхъ статей читаются статьи по сельскому хозяйству, полезные разсказы изъ народнаго быта, раздаются книги на домъ изъ приходской библіотеки. Здѣсь же помѣщается кредитное товарищество, руководимое священникомъ, собирается приходское попечительство; здѣсь же теперь работаютъ крестьянскія дѣвушки, изготовляя бѣлье для воиновъ подъ руководствомъ матушекъ, женъ священниковъ. Тутъ есть и газеты, изъ которыхъ крестьяне узнаютъ всѣ новости съ войны... „Мы, пишетъ авторъ-крестьянинъ, очень желали бы, чтобы въ каждомъ приходѣ было устроено подобное зданіе и чтобы имъ руководили священники“.

Вотъ подлинный голосъ изъ деревни, голосъ народа въ лицѣ одного изъ лучшихъ его представителей. Теперь послушаемъ, что пишетъ въ „Руководствѣ для сельскихъ пастырей“ нѣкто Ник. Бережанскій.

„Мы хотѣли бы, говоритъ авторъ, своевременно указать на одно чрезвычайно важное обстоятельство, которое окажетъ огромное вліяніе на будущую исторію развитія и успѣха народныхъ домовъ. Конечно, въ народномъ домѣ должна быть библіотека-читальня, театральный залъ“... Оставляя въ сторонѣ вопросъ о народныхъ домахъ въ городахъ, гдѣ населеніе уже отравлено и „театромъ“, спрашиваемъ: да ужели и въ деревнѣ нуженъ домъ непремѣнно „съ театральнымъ заломъ?“ А знаетъ ли г. Ник. Бережанскій, какъ народъ смотритъ на театръ вообще? Да и гдѣ онъ

найдетъ хорошихъ актеровъ для деревенскаго „народнаго дома?“ А съ плохими, коими хоть прудъ пруди, по пословицѣ, вѣдь, будетъ уже не театръ, даже если и допустить идею театра для сельскихъ народныхъ домовъ, а простой балаганъ, одно народное развращеніе! Мнѣ кажется, самая идея театра на казенный счетъ будетъ развращать народъ, который еще не утратилъ взгляда на театръ какъ на забаву для баръ, на которую грѣшно тратить казенную копѣйку; эта идея должна уже вовсе устранить отъ народнаго дома главное лицо, которое можетъ и должно по сану своему руководить дѣломъ воспитанія народа въ духѣ родныхъ завѣтовъ Руси святой—разумѣю священника. Не пойдетъ же онъ въ народный домъ тогда, когда тамъ будутъ исполняться на сценѣ хотя бы даже самые патріотическія пьесы. Это было бы соблазномъ для народа: „какъ? батюшка ходитъ въ театръ?.. Да какой же онъ послѣ этого священникъ?!“—Да, г. Бережанскій, нашъ простой деревенскій народъ пока еще держится именно такихъ воззрѣній, нравится ли это нашимъ интеллигентамъ или нѣтъ. А мы скажемъ: и слава Богу. Пока не требуетъ онъ, православный народъ, „хлѣба и зрѣлищъ“: хлѣбушко у него свой есть, а зрѣлища онъ пока еще считаетъ не больше, какъ забавой...

Но г. Бережанскому, какъ онъ самъ говоритъ: „и этого мало“. „Необходимо, говоритъ онъ, чтобы народнымъ домамъ былъ еще приданъ обликъ деревенскаго клуба, т. е. должны быть открыты при немъ чайныя, буфеты безъ крѣпкихъ напитковъ, музыка, танцы и проч.!“. Даже „и проч.!“... Это въ деревнѣ-то? Это для крестьянъ-то „клубы съ танцами и музыкой“ на казенный счетъ?! Да сохрани насъ, Господи, отъ такой напасти! Тогда ужъ батюшка не показывайся въ народный домъ.

„Клубъ“... Народъ такого слова и не слыхивалъ. Помню, лѣтъ 20 назадъ, когда я былъ казначеемъ въ Троицкой Сергіевой лаврѣ, приходитъ ко мнѣ нѣмецъ-аптекарь и проситъ, по порученію посадскихъ интеллигентовъ, разрѣшенія снять помѣщеніе въ лаврской гостиницѣ „подъ клубъ“. Спрашиваю его: а что такое клубъ? Отвѣчаетъ: „это мѣсто, гдѣ можно пріятно провести время, въ обществѣ членовъ клуба, отдохнуть, почитать газеты, развлечься въ свободный часъ“... „Другими словами“, докончилъ я его мысль: „убѣжать отъ семьи, отъ дѣтей, отъ жены, поиграть съ пріятелями въ винтъ и т. д?“—Онъ отвѣтилъ: „да, хотя бы и такъ“.—Тогда я сказалъ ему: „обитель преподобнаго Сергія никогда не дастъ помѣщенія для такихъ празднолюбцевъ“. И отказалъ.—А теперь вотъ г. Бережанскій хочетъ мужичка пріучить бѣгать отъ семьи въ народный домъ, чтобы тамъ слушать музыку, а можетъ быть и участіе въ танцахъ принимать? Почему бы не такъ? Танцы онъ считаетъ, вѣдь, занятіемъ „совмѣстимымъ съ дѣломъ народнаго просвѣщенія“. Онъ, видимо, чувствуетъ, что сказалъ нѣчто лишнее, неудобь пріемлемое для „сельскихъ пастырей“, для которыхъ издается журналъ, гдѣ онъ помѣщаетъ эту статью, но и этимъ онъ не стѣсняется и спѣшитъ какъ бы предупредить возможное ему возраженіе: „Надо, говоритъ, на вещи смотрѣть просто и прямо. Пора перестать смотрѣть на народъ, какъ на дѣтей, которыхъ надо опекать“... Вотъ такъ мы и смотримъ на нашъ православный народъ: онъ духовно стоитъ много выше автора назван-

ной статьи, и если бы въ народный домъ пошелъ священникъ, то прямо сказалъ бы ему: „тутъ, батюшка, тебѣ не мѣсто, тутъ, видишь — забавляются танцами и театромъ“. Такимъ образомъ уже пастырь, по вѣрному народному взгляду, оказался бы подъ опекой своихъ пасомыхъ, если послѣдовать совѣту г. Бережанскаго. „Надо свыкнуться съ мыслію, говоритъ онъ, что народъ имѣетъ право такъ же веселиться и развлекаться, какъ и мы, образованные жители большихъ городовъ“. Такъ самъ себя выдаетъ г. Бережанскій въ качествѣ обыдённаго интеллигента, коему чужды идеалы народнаго духа. „Жизнь—не монастырь, продолжаетъ онъ, и не старообрядческая молельня, гдѣ искушаютъ другъ друга въ писаніи“. Ну, а какъ же быть, когда лучшіе русскіе люди изъ простого народа, какихъ, вѣдь, и надо имѣть въ виду при сужденіи о духовныхъ потребностяхъ народа,—когда эти люди прямо чуждаются идеи театра, танцевъ и музыки, разумѣется при танцахъ, и соблазняться будутъ, когда все это будетъ заводиться на казенный счетъ?.. „У каждаго человѣка, пишетъ г. Бережанскій, есть потребность общенія съ себѣ подобными, и есть потребность поговорить, потолкаться, и нельзя человѣку весь его свободный досугъ заполнять душеспасительными чтеніями да умственной работой“. Тяжело читать эти строки въ духовномъ журналѣ, назначающемъ себя въ „руководство для сельскихъ пастырей“. Какая-то, простите, пренебрежительная нотка слышится въ этихъ строкахъ по отношенію къ „душеспасительному“ чтенію. „Пойти въ такой клубъ, говоритъ г. Бережанскій, потолкаться тамъ вечерокъ въ компаніи съ товарищами за чашкой чаю, почитать газету, а то послушать музыку, а потомъ хоръ, танцы, спектакль,—что можетъ быть здѣсь вреднаго?“— Да прежде всего уже одно то будетъ вредно, что народъ привыкнетъ смотрѣть на народный домъ, какъ на мѣсто забавы, куда батюшкѣ показаться стыдно, и забава эта будетъ на казенныя деньги: уже это одно вредно! Не полезно и то, если мужичекъ будетъ бѣжать изъ семьи для того, чтобы „потолкаться съ товарищами“: какіе еще будутъ „товарищи“, какой хоръ? какіе танцы? Если хотите, чтобы добрый мужичекъ пошелъ въ народный домъ съ пользою для себя, чтобъ его русская православная совѣсть не осуждала его, то поставьте дѣло такъ, чтобъ онъ могъ привести въ народный домъ и семью свою, чтобы, по возвращеніи оттуда, нашелъ, что сказать въ назиданіе своимъ дѣтямъ, не заражая ихъ юной души страстью къ празднымъ зрѣлищамъ, смѣхотворнымъ шуткамъ и болтовнѣ ..

Надо знать и помнить, что нашъ народъ гораздо вдумчивѣе, гораздо серьезнѣе смотритъ на развлеченія, чѣмъ наша интеллигенція. Что худого въ томъ, что его взглядъ иногда болѣе строгъ, чѣмъ интеллигентный? Повѣрьте, что аскетизмъ въ народномъ міровоззрѣніи, въ его нравственной оцѣнкѣ тѣхъ или иныхъ явленій жизни не только не мѣшаетъ духовному прогрессу въ его развитіи, но и создаетъ благопріятную почву для сего развитія. Народъ не забылъ своихъ аскетовъ-подвижниковъ, и сотнями тысячъ ходитъ въ ихъ святыя обители учиться у ихъ гробовъ истинно-православному пониманію смысла жизни. Вотъ почему надо бережно относиться даже и къ тому, что кажется нашимъ интеллигентамъ слишкомъ сурово-аскетическимъ. Надо изучать сохранившіяся отъ вѣковъ древнихъ въ душѣ народной

начала православнаго міровоззрѣнія, благо они еще не совсѣмъ вытравлены разными новшествами, и на нихъ строить законы, руководящіе всѣми явленіями народной жизни, а не на мечтахъ нашихъ интеллигентовъ, насквозь пропитанныхъ западными, главнымъ образомъ нѣмецкими, идеалами. Довольно опытовъ надъ народной душой! Пора прислушаться къ этой душѣ и спросить ее: чего она проситъ? какъ она думаетъ о томъ, что ей нужно? Два вѣка пытались передѣлать нашъ простой народъ по образу и подобію европейцевъ; настоящая война показала тѣ сокровища народной души, какія заложила въ нее наша мать Церковь православная, вскрылся тотъ драгоцѣнный кладъ, который не успѣли расхитить разные непрошенные просвѣтители и радѣтели народа на протяженіи двухъ вѣковъ: нашъ долгъ оцѣнить этотъ кладъ, долгъ интеллигенціи изучить его въ духѣ хрістіанскаго смиренія, какъ изучали его наши незабвенные славянофилы, какъ знаютъ и цѣнятъ его лучшіе пастыри Церкви, и это тѣмъ болѣе, что даже чужіе народы теперь отдаютъ должное сокровищу нашего народнаго духа...

Нужно ли говорить, что помѣщеніе небольшой замѣтки г. Бережанскаго въ „Руководствѣ для сельскихъ пастырей“ я считаю просто недосмотромъ почтенной редакціи духовнаго журнала?..

297.

Свобода миссіи и желѣзныя дороги.

Никогда, вѣроятно, не говорилось такъ много о свободѣ совѣсти, свободѣ слова, о всякихъ свободахъ, какъ въ наше свободолюбивое время, и однако же, — появись среди насъ обличитель нравовъ, подобный грозному пророку Иліи или Іоанну Предтечѣ, навѣрное, такой ревнитель поплатился бы своею свободою за исполненіе своего долга. И тотъ пастырь Церкви, который возгорѣлся бы ревностію исполнить заповѣдь Апостола: „проповѣдуй слово, настой благовременнѣ и безвременнѣ, обличи, запрети, умоли“... самъ потерпѣлъ бы въ своемъ родѣ „запрещеніе“ или за то, что „возстановляетъ одну часть населенія на другую“, и позволяетъ себѣ рѣзко выражаться по адресу власть имущихъ, или за то, что онъ— „безпокойный человѣкъ“, вноситъ смуту, входитъ не въ свое дѣло и под. И не мудрено, и удивляться нечему: вѣдь, общій законъ жизни хрістіанской таковъ: *вси, хотящіи благочестно жити о Христѣ, гоними будутъ*. Такъ или иначе будетъ совершаться, осуществляться этотъ законъ въ жизни, но онъ не отмѣненъ, его никто изъ „благочестно хотящихъ жити“, желающихъ исполнять свой долгъ неуклонно— не избѣжитъ. Мало того: исторія свидѣтельствуетъ, что и сама Церковь Божія, въ своей совокупности, какъ на землѣ постоянно воинствующая, пребываетъ присно въ скорбяхъ всякаго рода, такъ что святитель Димитрій, въ одномъ изъ своихъ прекрасныхъ словъ, къ ней примѣняетъ слова Пѣсни Пѣсней: *яко кринъ въ терніи, тако ближняя Моя* (П. П. 2, 2). И несетъ крестъ скорбей своихъ невѣста Хрістова,—то отъ внѣ, какъ во времена гоненій, то въ своихъ нѣдрахъ—отъ сектъ и расколовъ, отъ

пороковъ людскихъ, и такъ суждено ей пребывать подъ крестомъ даже до пришествія Жениха небеснаго, егда пріидетъ судити живымъ и мертвымъ, въ послѣдній день міра. Въ семъ великое утѣшеніе всѣмъ скорбящимъ и крестами обремененнымъ, если матерь наша Церковь присно страждетъ, то намъ ли, грѣшнымъ, присно прегрѣшающимъ, не подобаетъ быть причастниками страданій ея въ томъ или иномъ видѣ? Примиримся же съ скорбями, будемъ ждать ихъ какъ друзей, которые напоминаютъ намъ Бога, зовутъ къ Нему, и Богъ будетъ намъ прибѣжище и сила въ скорбѣхъ, обрѣтшихъ насъ зѣло.

На эти мысли о скорбяхъ Церкви навелъ меня своей хорошей статейкой г. А. Горскій въ „Приходскомъ Листкѣ" (№ 296). Говоритъ онъ о миссіи, о борьбѣ съ баптизмомъ, о средствахъ этой борьбы и указываетъ, между прочимъ, на то, какъ бы хорошо использовать желѣзнодорожные вокзалы для противодѣйствія всякой еретической пропагандѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы было хорошо, если бы въ каждомъ вокзалѣ была икона, совершалось по праздникамъ богослуженіе, а къ богослуженію пріурочить бы и бесѣды съ народомъ, съ служащими при станціи и путешествующими, ожидающими поѣздовъ, продавать бы тутъ листки, книжки, полезныя изданія... Гдѣ есть икона, тамъ всегда сердце радуется: предъ иконою горятъ свѣчечки, которыя ставятся путниками, испрашивающими милости Божіей и благополучнаго пути; вотъ бы хорошо тутъ старичку-монаху или какому-нибудь заштатному батюшкѣ бесѣдовать съ случайными посѣтителями, порекомендовать имъ на дорогу запастись хорошею книжкой вмѣсто романовъ и грязныхъ произведеній, коими переполнены кіоски и прилавки на желѣзнодорожныхъ станціяхъ...

Но хорошо, видно, только помечтать обо всемъ этомъ, а на дѣлѣ выходитъ не то. Помните ли вы, лѣтъ 12 — 13 назадъ, гоненіе на святыя иконы, устраиваемыя при вокзалахъ? Да, былъ такой циркуляръ при покойномъ министрѣ Хилковѣ, чтобы всѣ иконы съ вокзаловъ убрать, потому-де, что въ вокзалахъ люди ходятъ въ шапкахъ, курятъ, говорятъ непристойныя рѣчи: иконамъ быть тутъ неприлично... Точь-въ-точь разсужденіе иконоборцевъ во дни оны древніе: иконы-де надо поставить въ церквахъ повыше, чтобы ихъ не касались грѣшными устами, а потомъ и совсѣмъ вынести. Помню, мнѣ, какъ казначею Сергіевы Лавры, пришлось защищать икону Чудотворца, поставленную на вокзалѣ православными служащими при вокзалѣ: Духовный Соборъ Лавры поручалъ мнѣ вести по сему дѣлу сношеніе съ желѣзнодорожными властями. Требовали— убрать икону съ вокзала. Я отвѣчалъ, что она поставлена не Лаврой, притомъ мы, монахи, такое удаленіе иконы считаемъ профанаціей святыни, лишеніемъ православныхъ возможности помолиться предъ нею. Тогда потребовали, чтобъ былъ устроенъ кіотъ, въ которомъ бы можно было закрывать икону на то время, когда предъ нею нѣтъ богослуженія: приведены были тѣ же доводы, какіе я упомянулъ выше. Мы отвѣчали, что за оскорбленіе святыни законъ караетъ виновныхъ, и не святыню надо удалять съ вокзала, а тѣхъ, кто ее оскорбляетъ. Говорятъ, то же было и повсюду, гдѣ были иконы. Писалъ я тогда ревнителю благочестія, незабвенному К. П. Побѣдоносцеву, и, вѣроятно, по его настоянію, циркуляръ

былъ отмѣненъ. Такъ вотъ какія исторіи бывали съ св. иконами на вокзалахъ.

Теперь разскажу случай и относительно миссіи на тѣхъ же жел. дорогахъ. Да, пропагандисты-еретика всякаго рода свободно гуляютъ по вагонамъ и ведутъ свои бесѣды съ простецами противъ св. Церкви. Но пастырямъ Церкви не всегда это удается. Извѣстный въ свое время въ Москвѣ миссіонеръ-протоіерей І. Г. Виноградовъ, служившій сначала при церкви мученицы Параскевы въ Охотномъ ряду, а потомъ у пр. Сергія въ Рогожской, имѣлъ обыкновеніе всегда въ дорогѣ при случаѣ вести бесѣды съ спутниками и раздавать имъ мои „Троицкіе Листки“ или подобныя брошюрки. Разъ ему пришлось на перекрестной станціи ожидать поѣзда часа два, и онъ занялся въ залѣ 2 класса разборомъ этихъ листковъ. Въ залѣ никого не было, кромѣ одного интеллигентнаго господина, лежавшаго на диванѣ. О. Іоаннъ молча дѣлалъ свое дѣло, когда сей господинъ спросилъ его:—„Что это вы дѣлаете, батюшка?“

О. Іоаннъ подалъ ему подходящій для интеллигента листокъ и сказалъ: не угодно ли, подарю?

Господинъ молча поднялся и вышелъ. Черезъ пять минутъ является обратно, уже съ жандармомъ...

Жандармъ спрашиваетъ о. Іоанна: кто онъ? Тотъ называетъ себя.

—Вы занимаетесь пропагандой? — спрашиваетъ представитель полиціи.

Удивленный о. протоіерей въ свою очередь спрашиваетъ, въ чемъ дѣло.

Жандармъ показываетъ ему листокъ, данный господину о. протоіереемъ, какъ доказательство „пропаганды“.

О. протоіерей объясняетъ, что онъ, какъ священнослужитель, долгомъ почитаетъ распространять такіе листки, что листки издаются Троицкой Лаврой и имѣютъ цензора-ректора семинаріи. Но строгій блюститель порядковъ, подстрекаемый интеллигентомъ, заявляетъ, что онъ составитъ протоколъ, требуетъ, чтобы отецъ протоіерей, „по крайней мѣрѣ“, удалился изъ зала второго класса и ушелъ въ третій съ своими листками. И только твердое заявленіе о. протоіерея, что онъ немедля пошлетъ телеграмму Великому Князю Сергію Александровичу съ жалобой на такое оскорбленіе, заставляетъ жандарма уйти...

Такъ вотъ что возможно было на Руси, въ Рязанской губерніи, на желѣзнодорожной станціи, лѣтъ 25 назадъ. Тогда о свободахъ не такъ много разсуждали, а, все же, свободу сектантскимъ пропагандистамъ давали, а почтенныхъ оо. протоіереевъ не прочь были заарестовать за „пропаганду“. Невѣроятно, но—фактъ. Покойный И. Д. Митрополовъ, нѣсколько разъ сопровождавшій на Сахалинъ арестантовъ съ запасомъ духовно-нравственныхъ изданій и много разъ проѣзжавшій по Сибири съ тою же цѣлію, имѣя при себѣ открытый листъ покойнаго К. П. Побѣдоносцева, не разъ былъ арестованъ и сидѣлъ въ кутузкѣ, пока полиція выясняла его личность, несмотря на упомянутый листъ: предполагалось, что листъ поддѣльный! И онъ же свидѣтельствовалъ, что разные книгоноши шныряютъ свободно по вагонамъ съ своими навязчивыми бесѣдами о спасеніи вѣрою, и никто не считаетъ нужнымъ обращать на это вниманіе.

Много кричатъ о свободѣ, которую установилъ бы законъ. Но законъ—одно, а жизнь—другое. Пока пишутся законы, наши интеллигенты проводятъ свободу въ жизнь,

какъ говорится, захватнымъ порядкомъ. Они закрываютъ глаза на то, что творится вопреки закону, и подстерегаютъ случаи, чтобы использовать его въ цѣляхъ желанной имъ свободы для запрещеннаго закономъ, и для стѣсненія того, чему законъ хотѣлъ бы содѣйствовать. Нѣтъ нужды доказывать, что любителей такой свободы на свѣтѣ больше, чѣмъ исполнителей закона. Либерализмомъ заражены нынѣ всѣ, отъ стрѣлочника до начальника дистанціи и выше. А наша полуинтеллигенція сверху до низу пропитана какимъ-то пренебрежительнымъ отношеніемъ ко всему, что касается Церкви. И не мудрено: вѣдь, она каждый день поглощаетъ изрядную порцію этого фальшиваго либерализма въ любимыхъ ею іудейскихъ листкахъ, которые положительно заполнили нашу періодическую печать. Можно ли ожидать содѣйствія отъ большинства всякаго рода „служащихъ“, на желѣзныхъ дорогахъ въ дѣлѣ борьбы съ сектантствомъ, бесѣдъ съ народомъ, хотя бы это даже и было имъ предписано свыше?... Не слѣдуетъ намъ, служителямъ Церкви, скрывать отъ себя, что немного у насъ друзей среди такого рода полуинтеллигентовъ, и разсчитывать на нихъ не приходится...

298.

Война и монашество.

Мы, люди церковные, не можемъ не обратить вниманія на то, что іудействующая печать съ какимъ-то особеннымъ усердіемъ слѣдитъ за всѣмъ, что касается Церкви православной, ея идеаловъ и ея жизни. Казалось бы: какое дѣло господамъ Нотовичамъ, Кугелямъ и прочимъ представителямъ іудейскаго племени до православія, до Церкви и ея служителей? Однако же, не проходитъ, кажется, номера изъ печатныхъ листовъ, въ коемъ не касались бы они этихъ, для насъ столь дорогихъ вопросовъ. Само собою понятно, что все это дѣлается ихъ газетами подъ благовиднымъ предлогомъ заботъ о самой же Церкви, о благѣ русскаго народа, пользахъ отечества. Но будемъ откровенны: кто же повѣритъ, чтобъ іудеи, хотя даже когда то и крещенные, заботились о сихъ благахъ усерднѣе самихъ насъ, православныхъ? Мы отлично должны знать и помнить, что когда они заговариваютъ о Церкви, то не благо Церкви и отечества у нихъ на умѣ. И мы хорошо знаемъ, что цѣль у нихъ совсѣмъ другая: ихъ озабочиваетъ возможность противодѣйствія Церкви ихъ замысламъ—по меньшей мѣрѣ обезсилить Церковь въ борьбѣ съ ихъ разрушительными намѣреніями, ввести смуту въ ясныя понятія церковныхъ людей, подорвать довѣріе сыновъ Церкви къ ихъ матери, и такимъ образомъ лишить народъ православный той крѣпкой опоры, которою онъ держался почти тысячу лѣтъ и въ которой доселѣ черпаетъ свои нравственныя силы въ борьбѣ съ темными силами сатаны, гдѣ и въ чемъ бы они ни проявлялись.

Недавно одинъ изъ архимандритовъ (вѣроятно, простецъ) съ нѣсколькими иноками подавалъ прошеніе въ Святѣйшій Сунодъ о томъ, чтобъ ему было разрѣшено всту-

пить въ ряды войскъ въ качествѣ простого рядового солдата. Симъ ревнителямъ защиты родины было объяснено, что не воспрещается послужить войску въ качествѣ санитаровъ и духовныхъ утѣшителей раненыхъ воиновъ, но что проливать кровь, даже животныхъ, не только людей, правила церковныя воспрещаютъ священнослужителямъ. Простые иноки еще могли бы, при крайней нуждѣ, это сдѣлать, но такъ какъ, милостью Божіей, у насъ нѣтъ такой великой нужды въ рядовыхъ воинахъ, чтобъ иноки—капля въ народномъ морѣ—становились въ ряды бойцовъ, то довольно иноку послужить воинамъ раненымъ, вынося ихъ изъ пыла битвъ и обвязывая ихъ раны. Богъ видитъ и этотъ подвигъ любви; и при этомъ не исключена возможность принять вѣнецъ мученическій для монаха и для священнослужителя, а между тѣмъ не будетъ нарушено церковное правило.

Вотъ, по этому-то случаю и пришлось читать въ іудейской печати нотацію монастырямъ, что они не посылаютъ своихъ монаховъ на войну. А то забыто, что вся молодежь, послушники, почти поголовно, за исключеніемъ развѣ неспособныхъ, уже ушла туда и сражается въ рядахъ доблестнаго воинства, проливая свою кровь за вѣру, Царя и отечество. Монастыри на половину опустѣли. Въ большихъ обителяхъ, гдѣ совершается по десяти литургій, иногда на клиросѣ чувствуется недостатокъ въ пѣвцахъ. О другихъ послушаніяхъ говорить нечего: приходится искать добрыхъ мірянъ для обычныхъ послушаній въ поварнѣ, хлѣбной, просфорной, на конномъ дворѣ и пр. Извѣстно, вѣдь, что ранѣе 30-лѣтняго возраста постригать нельзя, а потому всѣ послушники до этого возраста подлежатъ воинской повинности. Но въ извѣстныхъ газетахъ объ этомъ тщательно умалчивается; напротивъ, усиленно говорятъ: почему монахи не идутъ по примѣру Пересвѣта и Ослябя при Димитріѣ Іоанновичѣ Донскомъ? Но исторія свидѣтельствуетъ, что и сіи два инока не своею волею пошли на поле бранное, а за послушаніе своему святому игумену, что ихъ просилъ у преподобнаго Сергія великій князь Димитрій, какъ опытныхъ воеводъ въ дѣлѣ ратномъ: вѣдь, они были воеводами—одинъ въ Брянскѣ, другой—въ Любецкѣ. Это были не простые воины, рядовые, а люди очень нужные великому князю. Ихъ мужество, храбрость и воинское искусство были еще у всѣхъ въ свѣжей памяти; всецѣло посвятивъ себя Богу, они могли служить примѣромъ для воиновъ. И преподобный Сергій тотчасъ же приказалъ Пересвѣту и Ослябѣ готовиться въ путь. Взамѣнъ латъ и шлемовъ игуменъ повелѣлъ имъ возложить на себя схимы, украшенныя изображеніемъ креста Господня: „вотъ вамъ, дѣти мои, оружіе нетлѣнное“, говорилъ при семъ преподобный: „да будетъ оно вамъ вмѣсто шлемовъ и щитовъ бранныхъ!“ И обращаясь къ великому князю, святой игуменъ сказалъ ему: „вотъ тебѣ мои оруженосцы и послушники, а твои избранники!“

И святое послушаніе было исполнено въ точности. Когда изъ полковъ вражескихъ выступилъ великанъ Челибей-Темиръ-Мурза, вызывая на единоборство русскаго воина, то сразиться съ нимъ вызвался славный Александръ Пересвѣтъ. Доблестный инокъ-воинъ окропилъ себя святою водою, заочно простился съ отцомъ своимъ духовнымъ, преподобнымъ Сергіемъ, простился съ собратомъ своимъ — Андреемъ

Ослябою, съ великимъ княземъ и воинствомъ православнымъ, и, въ одномъ иноческомъ одѣяніи, безъ лать и шлема, вооруженный тяжеловѣснымъ копьемъ, подобно молніи устремился на своемъ быстромъ конѣ противъ страшнаго татарина... Раздались, говоритъ сказаніе, восклицанія съ той и другой стороны, противники сошлись, крѣпко ударили другъ друга копьями и—оба пали мертвыми.

А инокъ Андрей—Ослябя остался живъ, и, спустя 18 лѣтъ, путешествовалъ, по порученію князя Василія Дмитріевича, въ Царьградъ; но и для него была особенно памятна и дорога память о Куликовской битвѣ и о собратѣ Пересвѣтѣ: онъ погребенъ рядомъ съ симъ послѣднимъ въ церкви Рождества на Симоновѣ.

Такъ вотъ какъ совершилъ свой великій подвигъ, великое послушаніе святому игумену Сергію славный инокъ Александръ Пересвѣтъ. Онъ не вызывался на этотъ подвигъ, но и не отказался отъ него; святой игуменъ не навязалъ его великому князю, а послалъ тогда, когда сталъ просить того самъ князь. Въ монашествѣ нѣтъ ничего показнаго, самозваннаго, самочиннаго: пошлютъ—добрый инокъ идетъ, не посылаютъ—дѣлаетъ въ обители свое дѣло со тщаніемъ. Но посылаютъ на дѣло ратное иноковъ только въ крайней нуждѣ, когда, по нуждѣ, и закону премѣненіе бываетъ.

Вотъ еще историческій примѣръ того, какъ наши предки—иноки смотрѣли на дѣло ратное. Всѣмъ извѣстно, какъ защищала себя обитель преподобнаго Сергія въ достопамятные дни 16-мѣсячной осады отъ литовцевъ и поляковъ въ 1608—1610 гг. Спустя девять лѣтъ послѣ осады прибылъ въ Москву Іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ. Онъ посѣтилъ лавру Сергіеву. Святитель пожелалъ видѣть старцевъ, защитниковъ лавры. Одобривъ и благословивъ подвигъ всей братіи, въ особенности онъ пожелалъ бесѣдовать съ тѣми иноками, которые во время бѣды ратной дерзнули возложить на себя броню и съ оружіемъ въ рукахъ сражались противъ враговъ. Преподобный Діонисій, тогдашній настоятель лавры, принялъ было это желаніе съ недоумѣніемъ; но подвижники брани добровольно вызвались: „яви насъ, отче, владыкѣ нашему; буди все по волѣ его". Ясно, что и тогда вопросъ о томъ, можетъ ли инокъ съ оружіемъ въ рукахъ защищать отечество, тревожилъ совѣсть строгихъ иноковъ. И были представлены патріарху болѣе двадцати иноковъ, среди коихъ первымъ былъ Аѳанасій Ощеринъ, „зѣло старъ сый и весь уже пожелтѣлъ въ сѣдинахъ".

Патріархъ спросилъ его: „ты ли ходилъ на войну и начальствовалъ надъ вои мученическими?"—Аѳанасій отвѣтствовалъ: „ей, владыко святый, понужденъ былъ слезами кровными". Патріархъ спросилъ еще: „что ти свойственнѣе, иночество ли въ молитвахъ особо, или подвигъ предъ всѣми людьми?" Аѳанасій, поклонясь, отвѣтствовалъ: „всякая вещь и дѣло, владыко святый, во свое время познается: у васъ, святыхъ отецъ, отъ Господа Бога власть въ руку прощати и вязати, а не у всѣхъ; что творю и сотворихъ—въ повелѣніи послушавія". И обнаживъ сѣдую главу свою, наклонился къ патріарху и показывая ее сказалъ: „извѣстно ти буди, владыко мой, се подпись латынянъ на главѣ моей отъ оружія; еще же и въ лядвіяхъ моихъ шесть памятей свинцовыхъ обрѣтаются; а въ келліи сидя, въ молитвахъ, какъ мож-

но найти было изъ воли такихъ будильниковъ къ воздыханію и стенанію? А все се бысть не нашимъ изволеніемъ, но пославшихъ насъ на службу Божію". Патріархъ, безъ сомнѣнія удовлетворенный дознаніемъ, что надъ воинственнымъ одушевленіемъ тѣмъ не менѣе господствуетъ духъ иноческаго благочестія, смиренія и простоты, благословилъ старца, цѣловалъ его „любезнѣ" и прочихъ его сподвижниковъ отпустилъ съ „похвальными словесы". (См. Житіе преп. Діонисія Радонежскаго чудотворца, написанное Симономъ Азарьинымъ).

Итакъ, въ то время, когда мірскіе люди вольною волею могутъ итти въ ряды войскъ на защиту отечества, и это справедливо признается великимъ подвигомъ, награждаемымъ и здѣсь, на землѣ, отъ царя земного, и тамъ, отъ Царя небеснаго, — воспріявшіе монашеское постриженіе могутъ итти на свой подвигъ только за святое послушаніе, вѣдь монахъ уже отрѣзалъ свою волю вмѣстѣ съ своими волосами, вѣдь у него нѣтъ своей воли такъ же, какъ у его мантіи нѣтъ рукавовъ, какъ же онъ можетъ распоряжаться собою? А въ духовной жизни даже и добровольный вызовъ на подвигъ, хотя бы и съ благословенія игумена, не всегда бываетъ безопасенъ для монаха: „не вернешься, братъ, въ келью такимъ, какимъ вышелъ изъ нея", говоритъ мудрость монашеская. Тѣмъ паче слѣдуетъ это сказать объ обители.

Кто бы что ни говорилъ, что бы ни писалъ по этому вопросу, у монаховъ есть свое воззрѣніе на это дѣло, отъ котораго они не могутъ отказаться, если хотятъ оставаться истинными монахами. Вся разница въ томъ, что „міръ видитъ въ нихъ людей безполезныхъ для гражданскихъ обществъ, полагая, что онъ-то съ своею волею, съ своимъ умомъ, онъ-то съ своими шумными уставами и есть единственный благотворитель обществъ. Но міръ не понимаетъ значенія нравственныхъ силъ для общества, не знаетъ ни силы молитвы, ни обширности зрѣнія духовнаго". Такъ говоритъ святитель Черниговскій Филаретъ.— „Въ благочестивыхъ пустынножителяхъ, отрекавшихся отъ міра", говоритъ другой святитель, великій митрополитъ Московскій Филаретъ, „міръ не думаетъ видѣть дѣятельныхъ сыновъ отечества и мужей государственныхъ". Онъ даже презираетъ, ненавидитъ ихъ, добавивъ отъ себя.—„Но справедливъ ли міръ, когда онъ ненавидитъ людей, которые, оставляя его на всю жизнь, въ то же время на всю жизнь обрекаютъ себя желать ему истиннаго добра въ непрестанныхъ молитвахъ, и не только желать, но самымъ дѣломъ доставлять то, чего желаютъ? Святые подвижники подвигами благочестія и чистыми молитвами отводятъ отъ него громы раздраженнаго неба и низводятъ на него могущественныя и дѣйственныя благословенія, а міръ отвергаетъ сихъ благодѣтелей! Если бы міръ судилъ о нихъ хотя бы только по однимъ временнымъ выгодамъ, и тогда онъ отвергалъ бы въ нихъ свою собственную пользу, ибо если онъ считаетъ ихъ ни къ чему неполезными, то ясно, что онъ не знаетъ собственныхъ выгодъ". Не знаетъ своихъ пользъ, не вѣритъ въ силу молитвъ, не хочетъ вѣрить даже въ то, что монахи молятся за грѣшный міръ, и требуетъ осязательныхъ, такъ сказать, грубо матеріальныхъ доказательствъ того, что монахи хотятъ служить и служатъ ближнему. Іудействующія газеты готовы сказать: оставь монастырь, возьми оружіе и становись въ ряды

воиновъ. „Послушники", не постриженные еще въ монашество, въ большинствѣ это и сдѣлали изъ послушанія къ закону. Но міру мало этого: онъ хотѣлъ бы и настоящихъ монаховъ послать туда же. Хорошо, что законъ не требуетъ этого. Довольно монаху послужить санитаромъ, а если онъ имѣетъ священный санъ, то и духовнымъ отцомъ для воиновъ. Но нельзя же монастыри доводить до того, что бы въ нихъ прекращалась служба Божія. Нельзя допускать, чтобъ остались въ монастыряхъ одни старики, чтобъ народъ лишился утѣшенія чрезъ сокращеніе службъ, а главное, чтобы, оставивъ подвигъ духовный, отложивъ въ сторону свои прямые обѣты, монахъ самозванно пошелъ на подвигъ бранный... Не напоминаютъ ли эти требованія извѣстные крики: сиди со креста! Міръ не вѣритъ, что монахи молятся о немъ; но суть подвига истиннаго инока въ томъ и состоитъ, чтобы никто не видѣлъ и не зналъ его подвига. Для этого древніе иноки бѣжали въ пустыни и тамъ умирали, безвѣстные міру. Но и среди монастырскихъ иноковъ всегда есть истинные рабы Божіи, даже своимъ собратіямъ—инокамъ мало вѣдомые, которые однако же дѣлаютъ великое дѣло. Немного ихъ, но вспомните, что Господь еще въ Ветхомъ Завѣтѣ обѣщалъ Аврааму пощадить Содомъ и Гоморру ради десяти, хотя бы только десяти, праведниковъ. Жилъ я тридцать лѣтъ въ обители и теперь не лишенъ общенія какъ съ родной лаврой, такъ и съ другими обителями, и скажу по совѣсти, что въ каждой обители найдется хоть одинъ, хоть два-три истинныхъ инока, ради которыхъ Господь щадитъ и насъ, грѣшныхъ. И народъ знаетъ это, и если бы сказали простецу—крестьянину, что надо послать всѣхъ монаховъ на войну, то онъ отвѣтилъ бы: „помилуй Богъ, какъ это можно? А кто же будетъ молиться-то за насъ, грѣшныхъ? Кто будетъ служить у святыхъ мощей угодника Божія? Кто будетъ совершать службу Божію?"

Въ страшное время мы живемъ. Темныя силы ада пользуются всѣми способами, чтобы затемнить въ сознаніи вѣрующихъ, даже въ сознаніи самихъ монаховъ, истинный смыслъ духовной жизни, вытравить изъ души суть идеаловъ православія, принизить ихъ, подмѣнить ихъ утилитаризмомъ; благо къ тому есть поводы, и такіе приличные! Вы, которые пошли работать Богу въ званіи иноческомъ: какъ зеницу ока берегите эти святые идеалы! Къ нимъ подкрадывается уже давно собирательный іудей, который въ концѣ временъ подмѣнитъ и Христа своимъ антихристомъ. Дѣлайте то, что велитъ вамъ святое послушаніе. Вотъ, нынѣ обители ваши призваны великою нуждою народною упокоить страдальцевъ-воиновъ, дать пріютъ несчастнымъ бѣженцамъ: это и дѣлайте съ тою святою любовію, съ тѣмъ самоотверженіемъ, съ отреченіемъ отъ своихъ удобствъ и даже потребностей. Но помните: это—только *второе* дѣло. Это дѣло—Марѳы, а прямое, первое ваше дѣло—дѣло Маріи. Васъ зоветъ Господь нынѣ и на то, и на другое дѣло: блажени будете, если сумѣете сохранить святой порядокъ сего дѣланія. Не вызывайтесь на подвигъ, коего отъ васъ не требуютъ. Не забывайте того подвига, на какой васъ Господь призвалъ, который вы вольною волею себѣ избрали: ведите прежде всего и паче всего войну съ своими страстями, боритесь съ врагомъ незримымъ въ самихъ себѣ. Если это поставите

правиломъ своей жизни, то и внѣшнее дѣланіе, внѣшній подвигъ служенія ближнему, страдальцамъ-воинамъ и бѣженцамъ, будетъ содѣйствовать вамъ въ внутреннемъ вашемъ подвигѣ. Если забудете это правило, то и внѣшній подвигъ можетъ послужить вамъ къ соблазну, къ духовной гибели. Ваши отцы духовные знаютъ, о чемъ я говорю. Припомните, что сказалъ преподобный Сергій во время знаменитой осады лавры одному имъ исцѣленному старцу, въ явѣ явившись ему: „скажи всѣмъ въ обители: не такъ гнусенъ мнѣ смрадъ мірянъ, согрѣшающихъ блудомъ, какъ иноковъ, нерадящихъ о своемъ обѣщаніи. И подъ стѣнами обители моей всѣхъ пришедшихъ враговъ истреблю, и во обители моей нечисто и двоемысленно живущихъ погублю же, и со осквернившимися управлюсь“... И видно, благопотребно было это вразумленіе, когда преподобный повторилъ его воинамъ, встрѣтивъ идущихъ на вылазку противъ поляковъ: „что вы трепещете? Если и никто изъ васъ не останется въ живыхъ, Господь не предастъ святаго мѣста сего. Не будетъ услышано во вразѣхъ, яко плѣнихомъ обитель Пресвятыя Троицы! Скажите въ обители, что нечисто живущіе въ святомъ мѣстѣ семъ погибнутъ. Господь не нечестивыми спасетъ мѣсто сіе, но имени ради Своего безъ оружія избавитъ“.

И особенно благовременно напомнить инокамъ и инокинямъ сіи завѣты и предостереженія угодника Божія, великаго печальника родной Русской земли, теперь, когда во многихъ обителяхъ поселились міряне—бѣженцы, когда многіе изъ иноковъ и инокинь призваны послужить въ лазаретахъ болящимъ воинамъ, когда, какъ я сказалъ выше, повременная печать, въ большинствѣ своемъ захваченная врагами Церкви, усиленно старается подорвать довѣріе къ самымъ идеаламъ монашества въ его сущности: блюдите, како опасно ходите!... Теперь-то и стойте съ особеннымъ, удвоеннымъ вниманіемъ на стражѣ своего сердца. А для сего приложите къ подвигу внѣшнему и подвигъ внутренній: пусть каждый изъ васъ, кромѣ молитвы въ церкви, при богослуженіи, положитъ себѣ и въ кельи особое правило: полагать нѣсколько поклоновъ предъ лицемъ Божіимъ за избавленіе земли родной отъ нашествія лютыхъ супостатовъ. Вотъ это и будетъ то оружіе, коимъ вы будете помогать сражающимся на брани воинамъ—незримо для нихъ, но ощутительно. Вспомните молитву Моисея во время битвы израильтянъ съ амалекитянами. Вспомните, какъ Ааронъ и Оръ поддерживали старческія руки пророка Божія къ молитвѣ. И когда Моисей держалъ руки воздѣтыми горѣ, то побѣждали израильтяне, а когда онъ, по немощи, опускалъ ихъ, то одолѣвали амалекитяне. Воздѣвайте же свои преподобныя руки въ тайной молитвѣ, въ келліяхъ тихихъ, и въ общецерковной молитвѣ, въ храмѣ Божіемъ; возводите свои мысленныя очи къ Богу, Господу воинствъ небесныхъ, просите Его всемогущей помощи нашему воинству, и воины наши почувствуютъ сердцемъ въ окопахъ своихъ, что съ ними и за нихъ молится вся Русь православная, всѣ русскіе люди, ихъ отцы и братія, наипаче же тѣ, кто себя Богу на молитву и подвигъ посвятилъ. И возчувствуютъ они, приливъ бодрости духа, приливъ мужества и храбрости, приливъ тѣхъ силъ, коими нѣкогда побѣждали царства мужи древніе, славные герои священной исторіи, о коихъ пишетъ апостолъ Павелъ

съ великою похвалою вѣрѣ ихъ. Нѣтъ силы сильнѣе хрістіанскаго смиренія и возносимой имъ къ Богу молитвы! И сію-то силу должны проявить прежде всего и паче всего —вы, иноки Русской земли, ибо и вся жизнь ваша должна быть единою молитвою, смиренною бесѣдою съ Богомъ, какъ сказалъ нѣгдѣ нѣкто изъ святыхъ подвижниковъ, что монахъ есть дѣлатель непрестанной молитвы, онъ есть „бездна смиренія, въ которой онъ потопилъ всякаго злаго духа“ (Лѣств. ст. 23, гл. 24, 27)...

299.

Правые и лѣвые.

Когда, въ минуту досуга, наединѣ съ самимъ собою, начинаешь вдумываться въ то, что творится вокругъ насъ, чѣмъ живетъ наше, такъ называемое, интеллигентное общество, что его волнуетъ, чего оно ищетъ; когда начинаешь прилагать ко всему этому мѣрку нашего роднаго православнаго міросозерцанія, то невольно возникаетъ вопросъ: да куда же мы, наконецъ, идемъ? Куда ведутъ насъ, такъ называемые „руководители общественнаго мнѣнія?“ Слышатся слова, въ которыя можно влагать смыслъ—какой кому нравится, слова будто благозвучныя, заманчивыя, но—увы, часто — пустыя, такія, что если вы будете ихъ употреблять, то собесѣдникъ иного міросозерцанія будетъ понимать ихъ по своему—не такъ, какъ вы понимаете, а какъ ему хочется ихъ понимать... Возьмемъ хотя бы слово: „прогрессъ“. Слово не русское; въ переводѣ значитъ просто—„движеніе впередъ“. А куда, въ какомъ направленіи—впередъ? Толкуютъ—къ лучшему будущему. Но въ чемъ и какъ понимается это лучшее будущее? Въ чемъ признаки лучшаго? Тутъ ужъ каждый понимай, какъ знаешь. Тоже—слова: „свобода“, „просвѣщеніе“, и много другихъ.

Но есть два слова, которыя въ наши дни то и дѣло слышишь направо и налѣво и оба обозначаютъ исканіе лучшаго будущаго; это—слова: „правый“ и „лѣвый“. Правыя партіи, теченія, газеты; лѣвыя партіи, лѣвыя газеты, направленія и пр. Признаюсь: когда я слышу эти слова, то невольно приходятъ на мысль тѣ страшныя слова, которыя въ послѣдній день міра *речетъ Царь сущимъ одесную Его, речетъ и сущимъ ошуюю Его...* (Матѳ. 25, 34 и 41). Боюсь упрека въ кощунственной параллели между Судіею міра и тѣмъ, отъ кого направо и налѣво сидятъ думцы и другіе члены общественныхъ и государственныхъ учрежденій: не о предсѣдателяхъ у меня рѣчь,—и сами они могутъ быть правыми или лѣвыми,—а только о дѣленіи на правыхъ и лѣвыхъ: ужъ очень оно характерно по самымъ принципамъ ихъ раздѣленія и по той свободѣ, съ какою сами они пошли на ту или другую сторону, свободно сами избрали себѣ названіе правыхъ и лѣвыхъ. Мнѣ хотѣлось бы спросить: вспомнилъ ли хоть одинъ изъ правыхъ, къ чему онъ обязываетъ себя, называя себя „правымъ“? О „лѣвыхъ“ не говорю: они гордятся своею принадлежностью къ лѣвымъ партіямъ, и ужъ конечно, не вѣруютъ въ грядущій судъ страшный, хотя многіе изъ нихъ и называютъ еще себя „хрістіанами“.

Мнѣ скажутъ, что названіе „пр а

выхъ“ и „лѣвыхъ“ никакого отношенія къ Евангелію не имѣетъ. Я и не утверждаю этого. Ни та, ни другая сторона, по крайней мѣрѣ, объ этомъ не думали. Но вотъ, подите же, какое совпаденіе. Почему защитники Церкви, сторонники родныхъ преданій, названы „правыми“, а противники ихъ—„лѣвыми“? Почему тѣ и другіе и въ государственныхъ учрежденіяхъ садятся именно направо и налѣво отъ г. предсѣдателя? Почему тѣ и другіе, особенно лѣвые, нисколько не обижаются, когда имъ усвояютъ именно такія названія? Такъ привыкли, такъ вошло въ обычай. И хорошо. Мы такъ и будемъ знать. Чѣмъ дальше отъ Церкви, тѣмъ лѣвѣе. Чѣмъ ближе къ Церкви, тѣмъ правѣе. Церковь и ея идеалы такимъ образомъ являются какъ бы мѣриломъ правизны и лѣвизны. Хорошо въ томъ отношеніи, что мы знаемъ идеалы Церкви, не только ея небесные идеалы, но и земные по руководству небесныхъ. Церковь хочетъ видѣть и на землѣ нѣкое отображеніе неба. Лѣвые не хотятъ знать неба и мечтаютъ устроить свое небо на землѣ. Церковь стремится и земное какъ бы приподнять къ небу; міръ, коимъ являются лѣвые, хочетъ и небо оземленить и все идеальное притянуть къ землѣ, заставить служить земному. Церковь всегда имѣетъ въ мысли вѣчность: міръ забылъ о ней, не вѣруетъ въ нее, считаетъ ее сказкой. Поэтому и на умѣ у него только временное. Когда лѣвые говорятъ о Церкви, то—или говорятъ о ней пренебрежительно, какъ объ учрежденіи уже отжившемъ, какъ о пережиткѣ давнихъ вѣковъ,—это крайніе лѣвые; или же стараются перестроить ее въ своихъ видахъ, чтобы сдѣлать ее послушнымъ орудіемъ своихъ мечтаній,—это лѣвые полусознательные, готовые служить и Богу, и мамонѣ, равно—и небу, и землѣ. Не отрицаю, что къ лѣвымъ примыкаютъ иногда и вѣрующіе, безсознательно увлекаемые, главнымъ образомъ, лѣвою печатью и ея хитрымъ гипнозомъ. Въ наше время забывается, что въ основу русскаго народнаго міросозерцанія, какъ общественнаго, такъ и политическаго, глубоко залегло воззрѣніе именно церковное. Русскій народъ, воспринявъ православное христіанство, отдался ему всецѣло, не допуская никакихъ сдѣлокъ съ совѣстью, всецѣло вѣруя, что идеалы Церкви суть чистая, богопреданная истина, недопускающая никакихъ человѣческихъ поправокъ въ своей сущности, и лишь въ своихъ словесныхъ выраженіяхъ допускающая нѣкоторыя измѣненія, не касающіяся сущности. Вотъ наши „правые“ и тщатся, въ мѣру своихъ силъ крѣпко держатся церковнаго воззрѣнія, при чемъ, какъ люди, иногда слишкомъ держаться буквы, иногда же, отыскивая духъ, сбиваются съ прямого пути и нѣсколько уклоняются въ сторону. „Лѣвые“, наоборотъ, не хотятъ держаться родного русскаго, а слѣдовательно и общецерковнаго міровоззрѣнія и берутъ себѣ образецъ въ западныхъ воззрѣніяхъ, гдѣ человѣческое смѣшано съ божественнымъ, иногда берегъ верхи надъ нимъ, языческое перемѣшано съ христіанскимъ, а потому и вноситъ дисгармонію въ общее міровоззрѣніе человѣка. Отсюда у „правыхъ“ — воззрѣнія сродны душѣ народной, у „лѣвыхъ“—чужды ей и внушаютъ правымъ опасеніе: какъ бы не потерять дорогое родное, если ихъ усвоить въ жизни.

Въ послѣдній день міра будетъ рѣшительное и совершенное отдѣленіе „правыхъ“ отъ „лѣвыхъ“; теперь этого еще нѣтъ: какъ на нивѣ

пшеница нерѣдко перемѣшана съ плевелами, такъ на грѣшной землѣ люди „правые“ мѣшаются съ „лѣвыми“, да и въ самихъ людяхъ нерѣдко воззрѣнія, правыя смѣшиваются съ довольно лѣвыми. Оттого происходитъ, такъ сказать, пестрота: иной считаетъ себя вполнѣ „правымъ“, но въ немъ таится такое лѣвое воззрѣніе, что правый остерегается входить съ нимъ въ близкое общеніе. Примѣръ: нѣкоторые патріоты позволяютъ себѣ неуважительно отзываться о праведникахъ ветхаго завѣта, примѣняя къ ихъ дѣяніямъ высокіе идеалы новаго завѣта и такимъ образомъ входя въ коренное противорѣчіе съ ученіемъ Церкви и святыми отцами. Истинно-правый человѣкъ сего никогда себѣ не допуститъ: онъ вѣрный сынъ Церкви и ея ученіе для него выше всѣхъ личныхъ соображеній, хотя бы, казалось, и „научныхъ“.

Въ наши дни всего острѣе раздѣляютъ правыхъ и лѣвыхъ основные вопросы государственной жизни которые ставятся „правыми“ на ихъ знамени: Православіе, Самодержавіе и Народность. Казалось бы: еще православіе—вопросъ прямо церковный, а Самодержавіе и народность какое отношеніе имѣютъ къ Церкви?

Отвѣтъ на эти вопросы даетъ сама жизнь. Теперь, благодаря войнѣ съ нѣмцами, стало для всѣхъ очевидно, къ чему ведетъ нашъ простой народъ вѣра нѣмецкая, штунда и баптизмъ, не говоря о другихъ сектахъ. Несчастные совращенные перестаютъ быть не только православными, но и русскими, становятся врагами родной Церкви, теряютъ обликъ своей народности; Православный Самодержавный Царь становится чужимъ для ихъ души, они начинаютъ предпочитать нѣмецкаго кайзера родному Царю. Все ихъ міросозерцаніе становится чужимъ, не русскимъ. Есть свидѣтельства, что даже и внѣшній ихъ обликъ становится нерусскимъ. Ясно, что такіе люди потеряны для Россіи какъ дѣти, какъ вѣрные сыны. Люди „правые“ видятъ это, скорбятъ и ревностно отстаиваютъ вѣру православную даже во имя самой Россіи, не говоря уже о духовной сторонѣ дѣла, о спасеніи душъ своихъ братій. А для лѣвыхъ — всѣ вѣры хороши, они готовы дать полную свободу всякой пропагандѣ, будь то нѣмецкая или еще иная какая. Для нихъ истина безразлична и спасеніе души—пустое слово. Для нихъ и превращеніе русскихъ въ нѣмцевъ не имѣетъ большого значенія,—лишь бы ихъ идолъ—принципъ свободы исповѣданій былъ сохраненъ. Равнымъ образомъ для правыхъ самодержавный образъ правленія въ родной Россіи — неприкосновенная святыня, за которую они готовы душу свою положить; тогда какъ для „лѣвыхъ“—это устарѣлый режимъ, который надо упразднить. Правые видятъ въ лицѣ своего Царя—родного отца, съ которымъ входить въ какіе-то договоры, въ конституцію — есть святотатство, грѣхъ предъ Богомъ, отступленіе отъ заповѣди Божіей: *чти отца твоего и матерь твою*, потому что царь есть Богомъ данный отецъ народа, беззавѣтно любимый, облеченный отъ Самого Бога, *Божіею милостію*, всѣми правами отца, законодателя, какъ бы во образъ Бога Вседержителя: „Богъ, говоритъ митрополитъ Филаретъ московскій, по образу Своего Вседержительства далъ намъ Царя Самодержавнаго“, котораго и помазалъ въ великомъ таинствѣ муропомазанія, даровавъ ему и силы, и мудрость для управленія народомъ.—Лѣвые ни-

чего этого не признаютъ: для нихъ царь—такой же человѣкъ, какъ и всѣ „президенты", съ которымъ можно входить въ договоры, условія, а слѣдовательно, котораго въ извѣстныхъ имъ случаяхъ, можно и не слушаться: это само собою вытекаетъ изъ ученія объ ограниченной царской власти. Отсюда—мечты о конституціи, о постепенномъ, если ужъ нельзя сразу, захватѣ власти, о превращеніи Царя въ какой-то безвольный фетишъ, который только „царствуетъ, но не управляетъ".—Церковь учитъ и правые вѣруютъ, что сердце царево въ рукѣ Божіей; лѣвые никогда этого не скажутъ: они совершенно чужды этого мистическаго элемента въ народной душѣ. И пока Россія православна, дотолѣ она будетъ и самодержавна: это отлично понимаютъ вожди лѣвыхъ, стараются всемѣрно ослабить православіе, предоставляя всякія льготы для инославныхъ, для раскольниковъ и еретиковъ. Въ глубокой основѣ православія лежитъ святая хрістоподражательная черта—смиреніе, всецѣлое, въ простотѣ сердца, довѣріе и вѣрность Богу и Его Церкви; а отсюда и Богомъ поставленному Царю; православный думаетъ, что не его дѣло разсуждать о какихъ-либо его гражданскихъ, политическихъ правахъ, пока эти права не станутъ его *долгомъ*, особенно въ отношеніи къ государству. Исполнить долгъ — онъ долженъ, даже до мученичества, и тѣмъ легче онъ исполнитъ его, если это его право.—Лѣвые думаютъ обратно: они всюду ищутъ своихъ правъ, нерѣдко забывая даже о долгѣ. И другимъ они всячески внушаютъ искать разныхъ „правъ" во всѣхъ областяхъ жизни. Ихъ мышленіе идетъ въ обратномъ порядкѣ: правый говоритъ: забудь о своихъ правахъ, исполняй прежде всего свой долгъ, а право осуществляй только тогда, когда оно станетъ твоимъ долгомъ. Лѣвый говоритъ: ты долженъ прежде всего добыть свои права, а потомъ уже будешь исполнять свой долгъ. По мысли праваго, прежде долгъ, потомъ право, какъ плодъ долга, какъ бы награда за его исполненіе. Вотъ почему онъ и ждетъ спокойно этого права, зная о немъ, но не мечтая пріобрѣтать его иначе, какъ принимая его въ качествѣ долга. Лѣвый признаетъ „право" какъ бы прирожденнымъ человѣку: уже въ силу того, что онъ—человѣкъ, безъ отношенія къ тому, заслужилъ ли онъ свое право, онъ можетъ, а если можетъ, то, пожалуй, и долженъ получить его. А годенъ ли онъ, способенъ ли осуществлять свое право—объ этомъ лѣвый не думаетъ.—У правыхъ началомъ жизни служитъ нравственное начало, у лѣвыхъ—юридическое, да и то иногда сомнительное даже въ юридическомъ смыслѣ. Простительно мечтать о свободѣ пропаганды еретикамъ, раскольникамъ, всякаго рода инославнымъ, иномыслящимъ, но православный правый никогда не пойметъ: какъ это православная русская власть можетъ позволить, да еще на основаніи закона, проповѣдывать неправославное ученіе среди православныхъ людей? Если православіе есть истина, то—какъ правительство, какъ отецъ народа, какъ слуга великаго Отца—Царя, можетъ спокойно допускать, чтобъ его дѣтей развращали какіе-нибудь пропагандисты, еретики, не только загубляя его душу, но и отрывая отъ цѣлости народной людей, членовъ живаго народнаго тѣла, и дѣлая ихъ врагами народной вѣры, даже народнаго духа? Цѣлостность міровоззрѣнія, здравый смыслъ искренно — преданнаго сына Россіи этого допустить не могутъ. Мало ли

чего захотѣли бы, напримѣръ, нѣмцы, чтобъ дали свободу ихъ проповѣдникамъ гулять по родной Россіи, совращать простецовъ православныхъ въ ихъ баптизмъ, штунду и прочія ереси! Что жъ? Ужели имъ надо давать свободу? Можетъ ли правый, любящій родную ему Русь и святую вѣру православную, можетъ ли онъ спокойно допустить это? А вотъ наши лѣвые, именующіе себя еще „прогрессистами“, то есть, идущими „впередъ“, это не только допускаютъ, но готовы и требовать этого... Хорошъ прогрессъ—„движеніе впередъ“! Куда? Въ область тьмы, лжеученій, отъ свѣта истины православной? — Да, это движеніе, только не къ лучшему, а, несомнѣнно, къ разрушенію Россіи, къ гибели народной... Но таковы лѣвые. Таково ихъ отношеніе къ родной вѣрѣ, родной говорю, потому, что вѣдь если посчитать хотя бы членовъ Государственной Думы, именующихъ себя членами „прогрессивнаго блока“, то окажется, что русскихъ тамъ больше, чѣмъ иновѣрцевъ, инославныхъ—по паспорту, конечно!

Итакъ, у правыхъ и лѣвыхъ совсѣмъ противоположное міросозерцаніе. Даже самая основа этого міросозерцанія различна до противоположности: тамъ, у правыхъ, какъ я сказалъ выше, хрістоподражательное смиреніе здѣсь, у лѣвыхъ—самоцѣнъ. Тамъ хрістіанскій нравственный принципъ, здѣсь—языческій юридическій смыслъ. Тамъ прежде долгъ, потомъ право; здѣсь—прежде право, потомъ долгъ. Тамъ впереди общее, общегосударственное, обще-церковное благо, съ забвеніемъ личнаго блага; здѣсь—впереди личность, потомъ уже общее благо, притомъ не общецерковное, а только якобы общественное, не небесное, а только земное. Но и при этихъ условіяхъ правымъ еще можно было бы, если, не примиряться съ существованіемъ лѣвыхъ партій, то, по крайней мѣрѣ, вести съ ними честную борьбу на почвѣ принциповъ: вѣдь, истина одна, и кто честно ее ищетъ, тотъ найдетъ ее, только бы не лукавилъ въ своей совѣсти, только бы сознавалъ, что надо по совѣсти, честно относиться къ противнику. Но увы, такова уже совѣсть лѣвыхъ, а потому и такова ихъ логика, что во имя ихъ идей все можно забыть, и совѣсть, и долгъ, и святую истину уже не искать, а прятаться отъ нея, если бы даже она очевидна была, за разные софизмы... Тутъ уже и самые очевидные факты забываются,—тутъ все въ сторону, только бы торжествовалъ ихъ софизмъ! И это понятно: у многихъ лѣвыхъ блеснуло іудейское золото въ глазахъ, многимъ недалекимъ, увлекаемымъ модою лѣваго направленія, подставлены очки лѣвою печатью; многимъ стыдно не быть лѣвыми: вѣдь, это нынѣ въ модѣ, а многимъ и выгодно быть такими, выгодно и матеріально, ибо можно хорошее мѣстечко заполучить, и не матеріально, ибо и въ газетахъ похвалятъ, какъ людей передовыхъ, либеральныхъ, и въ обществѣ, которое—увы—не имѣетъ собственнаго мнѣнія, а довольствуется все тѣми же газетами, — можно быть въ почетѣ, считаться тоже „умнымъ“, неотсталымъ человѣкомъ. А общество, а печать наша — это извѣстно—въ чьихъ теперь рукахъ. Понятно, послѣ сего, что правымъ приходится очень тяжело: они не могутъ же пустить въ ходъ тѣхъ нечестныхъ средствъ, коими такъ широко пользуются лѣвые при помощи, главнымъ образомъ, своихъ газетъ. Иногда просто не найдешь, гдѣ напечатать свое правдивое слово. Правда, есть двѣ—три правыхъ га-

зеты, но число ихъ подписчиковъ въ сравненіи съ читателями лѣвыхъ газетъ такъ скромно, что вашъ протестъ, ваша горячая статья останется почти незамѣченною. Борьба становится неравною. Идеи лѣвыхъ все растутъ, расширяются, овладѣваютъ массами читателей, а отпора имъ почти нѣтъ. Изъ лѣвыхъ образовалось не мало сообществъ, закономъ непризнанныхъ, но тѣмъ не менѣе дѣйствующихъ открыто и имѣющихъ въ государственныхъ учрежденіяхъ своихъ представителей, объединяющихся въ группы. Въ самое послѣднее время лѣвые забрали такую силу, что увлекли за собою и нѣкоторыя болѣе умѣренныя группы и объединили ихъ съ собою подъ именемъ „прогрессивнаго блока“. Нужно ли говорить о вредѣ для государства такихъ объединеній, такой свободы зла, ибо, какъ угодно, съ нашей православной точки зрѣнія, по нашему убѣжденію—единственно возможной, это значитъ вести нашу православную Русь, нашъ добрый, вѣрующій Русскій народъ, въ концѣ концовъ на шую страну Грядущаго судить живыхъ и мертвыхъ?.. И можно ли служителю Церкви молча смотрѣть на это гибельное явленіе, лишающее нашу Россію Божія благословенія?..

Пишу я эти строки, и въ то же время думаю: услышитъ ли кто эту скорбь души? Перестанутъ ли играть съ огнемъ? Пожалѣютъ ли многоскорбный народъ, а съ нимъ и дорогую Русь православную?..

Матерь Божія! Спаси землю Русскую!..

300.

На полѣ пастырей и на полѣ брани.

И пастыріе бѣху бдяще и стрегуще стражу нощную о стадѣ своемъ.

(Лук. 2, 8).

Святая Церковь сегодня ведетъ насъ въ Святую Землю, въ окрестности Виѳлеема, на тѣ благословенныя поля, гдѣ впервые раздались слова небеснаго благовѣстника: *не бойтеся, се бо благовѣствую вамъ радость велію, яже будетъ всѣмъ людемъ: яко родися вамъ днесь Спасъ, Иже есть Христосъ Господь.* Тамъ, на этихъ поляхъ, въ тишинѣ священной ночи Рождества Христова, бодрствовали смиренные пастыри на стражѣ стадъ своихъ; должно думать, что не празднословіемъ были они заняты: очень вѣроятно, что они бесѣдовали о томъ, что было такъ близко сердцу всякаго вѣрующаго израильтянина въ то время, о чемъ мечтали, да и доселѣ мечтаютъ въ заблужденіи своемъ, потомки колѣна Іудова: о желанномъ пришествіи Мессіи-Избавителя, обѣтованнаго ихъ праотцамъ, пришествіи, точно предуказанномъ въ пророчествѣ Даніила о седьминахъ. Евреи твердо помнили эти обѣтованія, эти пророчества, и даже малыя дѣти знали на память тѣ псалмы, въ коихъ Духъ Божій предвозвѣщалъ пришествіе Царя, Сына Давидова: конечно, знали ихъ и пастыри Виѳлеемскіе. И вотъ, какъ бы въ отвѣтъ на ихъ мечты, на ихъ сердечныя томленія, слава Господня осіяваетъ ихъ, а ангелъ Божій благовѣствуетъ имъ, что насталъ часъ исполненія этихъ завѣтныхъ мечтаній, что вотъ тутъ,

недалеко, во градѣ Давидовѣ уже родился обѣтованный Сынъ Давидовъ, Спасъ Хрістосъ Господь... Знаю, — какъ бы такъ говоритъ ангелъ Божій, знаю, что сердце ваше трепещетъ желаніемъ видѣть Его, поклониться Ему. Вы желаете узнать: какъ и гдѣ найти Его въ этомъ, столь переполненномъ по случаю переписи городѣ?—*Се вамъ знаменіе*: не ищите Его въ роскошныхъ палатахъ, — идите въ знакомый вамъ вертепъ, куда вы загоняете свои стада въ непогоду, тамъ—*обрящете Младенца повита, лежащаго въ яслехъ*... Нужно ли говорить, какою радостью вострепетали простыя сердца смиренныхъ пастырей при этомъ благовѣстіи? Но еще не успѣли они притти въ себя отъ изумленія и восторга, какъ вдругъ — *бысть со ангелами множество воій небесныхъ, хвалящихъ Бога*, и весь этотъ хоръ пѣвцовъ безплотныхъ воспѣвалъ чудную пѣснь Творцу; *слава въ Вышнихъ Богу и на земли міръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе!*

Прости намъ, возлюбленная мати наша, Церковь Хрістова: наше сердце и сегодня влечетъ насъ отъ мирныхъ полей вифлеемскихъ на поля браней жестокихъ, отъ благочестивыхъ пастырей, стерегущихъ стражу нощную о стадѣ безсловесныхъ овецъ, къ нашимъ воинамъ хрістолюбивымъ, бодрствующимъ въ окопахъ своихъ на стражѣ родной православной Русской земли!

О нихъ и сегодня, какъ и всегда, несется молитва къ Агнцу Божію, кротко почивающему въ яслехъ Вифлеемскихъ и присно побѣждающему льва и змія лукаваго, несется со всѣхъ концовъ родной земли молитва матери нашей Церкви и ея служителей, молитва ихъ присныхъ, ихъ матерей и отцовъ, ихъ женъ и дѣтей, молитва всего народа православнаго. Для насъ наступаетъ праздникъ мира и Божія благоволенія, а они, Богомъ призванные наши защитники, вотъ уже полтора года не имѣютъ покоя, своею богатырской грудью, какъ стальнымъ щитомъ, отражая лютаго врага отъ предѣловъ Руси родной. Что они переживаютъ? Чѣмъ поддерживаютъ свой геройскій духъ? Что укрѣпляетъ ихъ въ великомъ, сверхчеловѣческомъ подвигѣ? Что согрѣваетъ ихъ душу въ холодныхъ окопахъ?..

Молитва и покаяніе, возлюбленные братія! Это не мое слово, это отвѣтъ самихъ воиновъ нашихъ Хрістолюбивыхъ, отвѣтъ, который несется къ намъ изъ ихъ окоповъ, о чемъ свидѣтельствуютъ и ихъ раненые собратья, и пастыри ихъ, военные священники, и люди, приходившіе въ близкое съ ними соприкосновеніе тамъ, на поляхъ битвъ...

Вотъ что говорятъ и пишутъ воины наши: мы думаемъ о родной сторонѣ, ждемъ каждую минуту смерти, каемся и молимся. Родители намъ вспоминаются, чувствуемъ ихъ совѣты и благословенія. Вспоминается прожитая жизнь, дѣтство, все прошлое. Какъ и чему учили отецъ съ матерью, какъ жили добрые люди. Какъ иногда грѣшники чрезъ покаяніе дѣлались праведными и святыми. Ясно видишь свои житейскія грубости, ошибки, грѣхи, безпутную жизнь. Хочется избавиться отъ безпутства, очиститься отъ скверны, стать хорошимъ человѣкомъ. Летитъ снарядъ, прикроетъ, и на тотъ свѣтъ пойдешь. Стараешься, чтобы Богъ очистилъ, не лишилъ царства небеснаго. Богъ все на умѣ. Иные клянутся: не буду врать, того-то не буду дѣлать, не буду пьянствовать, не стану курить, иные сразу тутъ же и бросаютъ, больше не курятъ. Обѣщаются слушаться отца и матери, молиться чаще Богу,

сходить къ какому-нибудь угоднику пѣшкомъ, дать пожертвованіе на хорошее дѣло, оставить лѣнь, бранныя слова, бросить грѣшную жизнь... „Порою, разсказываетъ одинъ воинъ, въ забытьи, слышишь, какъ причитываетъ родимая матушка, плачетъ жена, родня, долго онѣ просили, молили: служить вѣрой, правдой Государю Царю Бѣлому, молиться Господу Богу да каяться въ тяжкихъ грѣхахъ, помнить родъ-племя родимое, да великіе завѣты отцовскіе". „Война къ покаянію подводитъ, говорилъ другой воинъ: „я помню теперь Бога и каждое утро благословляюсь и молюсь, чтобы миръ былъ хорошъ, чтобъ превысчло въ нашу сторону"...

Военные священники говорятъ, что стоитъ притти въ окопъ и предложить: не желаетъ ли кто исповѣдаться?—какъ желаніе заявляютъ всѣ православные воины. И каются, каются иногда въ такихъ грѣхахъ, какіе у интеллигентовъ нашихъ и за грѣхъ не считаются. Просятъ у Бога милости, чтобъ остаться въ живыхъ, дабы, вернувшись домой, начать новую, добрую жизнь; но въ то же время и всецѣло отдаютъ себя въ руки Божіи, готовятся къ непостыдной смерти. Въ своихъ письмахъ иногда задаютъ дѣтски-простые вопросы: что лучше: быть убитому въ окопахъ, или во время приступа, съ оружіемъ въ рукахъ? А есть и такіе рабы Божіи, которые спрашиваютъ о томъ, какъ исполнять заповѣдь апостольскую: непрестанно молитеся?

Богъ зоветъ насъ къ покаянію огнемъ искушеній. Въ послѣдніе годы, подъ воздѣйствіемъ безумныхъ толковъ о разныхъ свободахъ, народъ нашъ, особенно молодежь, духовно ослабѣлъ, распустился, отсталъ отъ матери—Церкви, сталъ забывать Бога. Пьянство, распутство, грабежи, насилія стали позорить русскую жизнь. Преступность страшно стала возрастать, и нашей, нѣкогда святой, а нынѣ много прегрѣшившей Руси грозила опасность гибели. Богъ попустилъ, какъ бурю и грозу, страшную войну и вотъ этотъ народъ, въ лицѣ своихъ воиновъ, этого цвѣта народнаго, на поляхъ битвъ видитъ себя грѣшникомъ предъ судомъ Божіимъ... Смерть похищаетъ одну жертву за другою и коситъ иногда людей, какъ косарь траву. Не спрячешься, не убѣжишь. И въ нашихъ воинахъ просыпается православная совѣсть, и отвращается его сердце отъ того смрада грѣховнаго, въ который втянули его разныя свободы, и кается онъ Богу за весь народъ, и несетъ Богу, какъ жертву чистую, покаяніемъ очищенную, душу свою на алтарь Отечества, умирая, или же готовый умереть за вѣру православную, за Царя Боговѣнчаннаго, за всю Русь-матушку родимую. Русскій человѣкъ знаетъ свои грѣхи, сознаетъ ихъ: грянули громы Божіи, и онъ кается, смиренно молитъ Бога о прощеніи... И впереди всего народа наши воины хрістолюбивые, они поняли грозу Божію, они обратили къ Богу свое покаянное сердце и намъ, братіе, непростительно будетъ, если не послѣдуемъ ихъ примѣру, если не пойдемъ къ нимъ на помощь — нашимъ покаяніемъ, нашимъ исправленіемъ жизни! Они тамъ, на поляхъ брани, умираютъ за насъ: а мы, по крайней мѣрѣ, очистимъ себя отъ скверны грѣховныхъ, чтобъ чистою совѣстью принести къ яслямъ Хрістовымъ свое кающееся сердце и просить Божественнаго Младенца: да ниспошлетъ Онъ побѣду и одолѣніе на супостаты, да водворитъ миръ на землѣ, да воззритъ на всѣхъ лютѣ страждущихъ и смиритъ враговъ Своей Церкви и нашего роднаго народа! Аминь.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

251.—Господь зоветъ насъ къ духовному обновленію. . . 3
252.—Почему же не навсегда?... 9
253.—Суевѣрныя письма и молитвы. 12
254.—Цѣнимъ ли мы свое сокровище? 13
255—256.—На стражѣ хрістіанскихъ понятій. 18
257.—Подвигомъ поста и покаянія поможемъ на брани подвизающимся! 26
258.—Слово—серебро, молчаніе—золото. 29
259—260.—О честолюбіи и властолюбіи. 34
261.—О толкованіи Библіи 41
262.—Тайна страданій. 45
263.—Хрістосъ Воскресе! 49
264.—День райской радости. 51
265.—Два письма гр. Л. Н. Толстого о древне-русскихъ житіяхъ святыхъ. 52
266.—Посланіе хрістолюбивымъ земледѣльцамъ. 55
267.—О духовной прелести и самоубійствѣ. Не въ Сумароковѣ дѣло. 57
268.—Православіе—могучій устой нашей государственности. Еще о наслѣдственности и прелести. 63
269.—Четвертая заповѣдь и сектантская пропаганда. Не пора ли прекратить умноженіе словесъ неудобь пріемлемыхъ? . . 68
270.—Смертный грѣхъ европейской исторіи. 75
271.—О музыкѣ и духовныхъ ораторіяхъ. 80
272.—Доброе слово русскихъ штундо-баптистамъ. . . . 84
273.—Митрополитъ Филаретъ о войнѣ и воинскомъ званіи. 88
274—276.—Равноапостольный нашъ просвѣтитель и его святыя дѣти мученики. 93
277.—Слово правды нашимъ патріотамъ-антисемитамъ. . 104
278.—Одинъ изъ способовъ отравленія ядомъ сектантства. 108
279.—Новый Сеннахиримъ и новые ассиріяне. 111
280.—Русь подъ крестомъ. 113
281.—О великомъ „отступленіи“. 115
282—283.—Думы и заботы. 118
284.—Лукавыя сѣти. 123
285—286.—Опасность нѣмецкаго метода мышленія. . . . 126
287.—Нѣчто объ „уныніи“. Свѣтлый лучъ среди тучъ. . 134
288.—Удушливые газы. 138
289.—Берегитесь смуты! 143
290.—Порокъ языка. 146
291.—Ангельская радость пастырскаго сердца. 149
292.—Наша родная культура. 153
293.—Нѣчто объ авторскомъ самолюбіи и о мытарствахъ . 157
294.—Объ условномъ языкѣ. 162
295—296.—Православнымъ нуженъ не „народный“, а „приходскій домъ“. 165
297.—Свобода миссіи и желѣзныя дороги. 172
298.—Война и монашество. 175
299.—Правые и лѣвые. 181
300.—На полѣ пастырей и на полѣ брани 186

36

Цѣна 60 коп., съ перес. 80 к.

20007042851